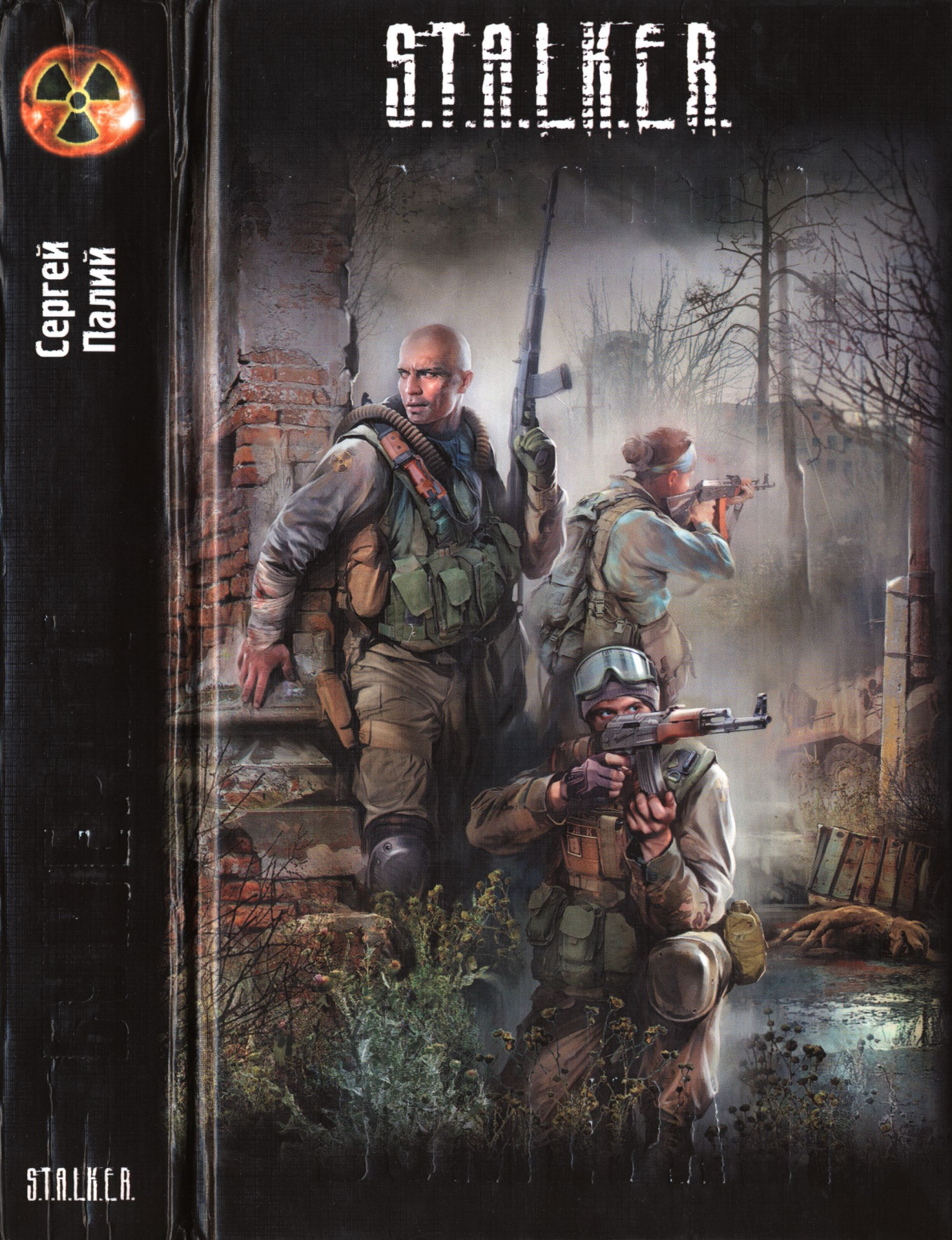
S.T.A.L.K.E.R.
Сергей Палий
S.T.A.L.K.E.R.

STALKER

S.T.A.L.K.E.R.

Сергей Палий

БУМЕРАНГ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Астрель
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
П14

Художник И. Хивренко

Компьютерный дизайн С. Шумилина

Подписано в печать 21.04.2011.
Формат 84×108 $^{1}/_{32}$. Бумага газетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 20,16. Тираж 5100 экз. Заказ 1663.

Палий, С.
П14 Бумеранг : [фантаст. роман] / Сергей Палий. — М.: АСТ: Астрель, 2011. — 380, [4] с.

ISBN 978-5-17-060719-8 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 978-5-271-27862-4 (ООО «Издательство Астрель»)

Зона снова подбросила своим обитателям любопытную загадку. В разных ее частях появляются уникальные артефакты — «бумеранги», с помощью которых можно не просто лечить раны или разгонять пули, но влиять на порядок происходящих вокруг событий.

За диковинами начинается охота.

Вольный сталкер Минор — долгожитель Зоны. Он, как никто другой, знает: чем выше ценность хабара, тем сложнее его добыть и остаться в живых. А еще он понимает, что шанс заполучить такое сокровище выпадает лишь однажды.

Вместе с проверенной командой Минор отправляется в опасное путешествие, чтобы разгадать тайну «бумеранга». Но смертельные ловушки и хищные мутанты — вовсе не главная угроза для бывалого сталкера...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-985-18-0036-6
(ООО «Харвест»)

© С. Палий, 2009
© Transavision Ltd., 2009
© ООО «Издательство Астрель», 2011

Глава первая. Загадочный артефакт

Я задел затылком свод и сбил целый пласт ржавчины. Острая рыжая крошка посыпалась за шиворот, неприятно холодя и покалывая шею. Я чертыхнулся, рефлекторно передернул плечами и быстро глянул сквозь прицельную планку автомата, контролируя круглое пятно света в конце широкой трубы.

Если бы у Беса оказалась при себе хоть одна граната — меня бы уже давно не было в живых. Но ни гранаты, ни подствольника у него, к счастью, не имелось. Поэтому этот гад великодушно выжидал, когда я вылезу из укрытия, а точнее сказать, ловушки, в которую сам себя умудрился загнать. Бес прекрасно понимал: отступать мне некуда, а переходить к атакующим действиям — глупо и равноценно самоубийству. К тому же я не мог послать в сетку просьбу о помощи, потому что наладонник отрубился, как только я оказался на территории заброшенного комбината. Видимо, на электронику неблаготворно подействовало общее аномальное поле, которое здесь явно присутствовало: датчик аж переклинило перед тем, как компьютер дал дуба.

Ситуация, братцы, сложилась патовая: я затаился в дальнем конце печи для закалки кирпича и выцеливал вход изнутри. Бес пас его снаружи.

Сунься поганец хоть пальцем в отверстие заброса — тут же получит порцию свинца. Покажи я кончик носа — тоже огребу щедрую очередь от бедра. Его тактическое превосходство — в свободе передвижения по территории

внутреннего двора для смены точки атаки; мое — в том, что нахожусь в темноте и с пяти сторон защищен ржавыми, но все еще толстыми стенками термопечи. Ржавчина за многие годы выела язвы и неровности в стали, посему вытравить меня рикошетящими пулями, пущенными под определенным углом, — тоже не вариант. Патроны имеют свойство кончаться, и тратить их попусту в Зоне — признак недалекого ума. Бес, конечно, порядочная сволочь, но не дебил.

Но выбираться из этой железной душегубки рано или поздно мне придется.

— Так и собираешься ныкаться, фонящее тело? — донеслось снаружи сквозь шум ливня. — Задницу не отсидел?

— Тебе там водичка, поди, темечко отбила, — огрызнулся я. — Скоро совсем дурачком станешь.

— Приступы клаустрофобии не мучают?

— Пока справляюсь. Долго еще мариновать будешь?

— На год вперед терпением запасся. Жаль, заслонку заело, а то бы закупорил тебя там на недельку и подождал, пока от жажды загнешься или утонешь в собственном дерьме.

— Мечтай, терпила. Пасись под кислотным дождичком.

Бес не ответил. Дождь продолжал сандалить, отстукивая дробный ритм по железному своду. В печи этот стук отдавался низким эхом, напрягал слух и неприятно давил на сознание. Он был похож на утробный шепот какого-то жуткого монстра.

— Слушай, фонящее тело... Брось хабар наружу, и я уйду, — в очередной раз предложил Бес. — Неужто жизнь дешевле, а?

— Болт тебе в гузно, а не хабар.

— Э-эх... Жду не дождусь, когда вышибу мозги из твоего лысого черепа.

Битое стекло хрустнуло под тяжелыми берцами. Он сменил позицию.

И ведь скорее всего действительно вышибет, вот что обидно. Дело табак. Ведь сколько ни сиди в этой конуре, а вылезать в конце концов придется, и вот тогда у поганца будет явное тактическое преимущество. Мне понадобится секунда или чуть больше, чтобы определить его местоположение и открыть прицельный огонь, — ему этого времени с ушами хватит для превращения моего бесценного тела в фарш.

Демоны Зоны! Где вы, когда нужны? Хоть бы кровососец какой мимо пробегал или отрядец тупоголовых зомби, на худой конец. Сожрали бы поганца и, сыто рыгнув, ушли почивать в ближайший подвал. А я бы потихоньку потопал в «№ 92» или в бункер к Сидоровичу, сбагрил уникальный хабар и выводил бы из организма радионуклиды ханкой дня три подряд без перерыва.

Обидно, что условного наклонения внутри Периметра, как правило, не случается.

И все же, несмотря на общую бедственность положения, я был доволен. Артефакт, который лежал в герметичном контейнере, прицепленном к портупее, стоил немалого риска...

Около полутора суток назад я выторговал у совладельца популярного закордонного бара «№ 92» наладонник или, как его еще называли, ПДА. На полумертвом винчестере был обрывок сообщения и точное место последней локации: между рухнувшим железнодорожным мостом и южной окраиной Агропрома. Наладонник раньше принадлежал ветерану со стажем, который, по слухам, сумел добраться до самих Хозяев Зоны, после чего пропал без вести.

Но слухи слухами, а информация информацией.

Главная странность заключалась в том, что сообщения о смерти с этого ПДА не поступало в течение нескольких лет. Сталкер исчез, и многие склонны были полагать, что он таки дошел до мифического Исполнителя Желаний и стал Призраком Зоны. А то и вовсе сгинул в недрах Саркофага. Но полмесяца назад сигнал вне-

запно прорезался. Старые приятели ветерана, среди которых были и очень именитые бродяги, собрали команду, хорошенько затарились у старпера Сидоровича боеприпасами и отправились на поиски к границам Агропрома. Вернулись они через двое суток. Удивленные, грязные и... растерянные. Дело в том, что бродяги вместо своего дружка там нашли только ПДА с наполовину разряженным аккумулятором: словно бы его владелец просто обронил или выкинул несчастный наладонник. Проглядев файлы и не найдя ничего интересного, ветераны пожали плечами, обменяли никчемный гаджет на несколько литров ханки и продолжили травить байки о временах минувших.

Ну а я, на всякий случай, сей гаджет выкупил. Ведь информация лишней, как известно, не бывает. К тому же накануне мне посчастливилось разжиться у везучего новичка редким артефактом, который называли «золотая рыбка», и перепродать его втридорога. В общем — на тот момент я был при деньгах и, как говорится, мог себе позволить.

На ПДА валялись довольно унылые личные заметки, низкокачественные фотки полуобнаженной девицы и битый контент. Негусто, прямо скажем. Да вот только среди прочих сорных файлов имелся один прелюбопытный экземпляр.

Как я уже упоминал, в нем содержался обрывок текста и координаты последнего места пребывания владельца. И вовсе не было бы ничего замечательного в сообщении, если б не один факт...

За неделю до этого мой приятель, уважаемый бродяга по прозвищу Дрой, вернулся из очередного рейда в Темную Долину. Без хабара, голодный, холодный, не на шутку озадаченный и с одержимостью заправского секстанта твердивший о неклассифицированной аномалии, которая, по его словам, заставляла людей бегать задом наперед. Рассказывал все это Дрой, приняв на грудь граммов шестьсот ханки, поэтому недальновидные сала-

ги его слова приняли за пьяные бредни, поржали и благополучно забыли. А я расспросил подробней. Ведь любые новые сведения о причудах Зоны могут в будущем спасти тебе жизнь, и мотать их стоит не только на ус, но и на все остальные шерстяные покровы.

Дрой, помнится, жахнул еще полстакана, шумно высморкался на пол и поведал: «Там было что-то новое, брат. Я сам видел, как один парень, из числа моих отмычек, вдруг замер, словно его «жадинка» к грунту приковала, пошатнулся и попятился назад. На моем датчике аномалии не обнаруживались. Я на всякий случай швырнул болт и сам бросился за угол сарая, куда его утащило. Но там никого не было. Сечёшь? А прошло-то всего несколько секунд... Следы на влажном дерне резко обрывались, никаких аномалий или остаточных возмущений не фиксировалось. Отмычка как сквозь землю провалился. А еще... — Дрой подвигал светлыми бровями, сомневаясь, стоит ли говорить дальше. Потом все-таки решился и продолжил: — Еще, брат, на полусгнившей притолоке калитки красовался знак в виде опрокинутой набок восьмерки. Краска была совсем свежая, даже капелька еще текла, но мой сканер не просекал живых тварей крупнее крысы в радиусе километра. Вот так, брат». После этого монолога Дрой потер ладонями свою веснушчатую физиономию, выжрал оставшуюся ханку и благополучно отрубился, уткнувшись лбом в стойку.

Когда я заполучил ПДА пропавшего ветерана, то, честно говоря, уже успел подзабыть о трагической истории. К тому же сам Дрой, протрезвев, больше не заводил речи о загадочном исчезновении своего паренька-отмычки и прочих странностях того рейда. Он вообще после этого стал замкнутым и раздражительным. А намедни даже подрался с закадычным другом Зеленым. Это удивило не только завсегдатаев бара «№ 92», но и самого Зеленого — одного из миролюбивейших вольных сталкеров.

Врубил я ПДА в пассивном режиме, пробежался наискосок по каталогам, и тут один из файлов привлек мое внимание, заставив вспомнить рассказ Дроя.

В заметке было, собственно, вот что:

*_Агропром/ЮВ/18-199/07:03_*

*_Календарь. Активировать сообщение 19.09_*

Решил обойти «гравикаракатицу» и оказался на заброшеном кирзаводе. Координаты здесь. На внутреннем дворе чуть не попал в аномалию и пошел назад...

Всё. Запись обрывалась на полуслове.

В любой другой раз я бы не придал ей никакого значения: подумаешь, решил человек напоминалку оставить о каком-то подозрительном месте, ну и что с того? Да таких можно сто штук в день прочесть в сталкерской сетке...

Но меня вдруг словно закоротило. Пошел назад! На этом, именно на этом месте сообщение обрывалось! В моем мозгу моментально склеились две части разорванного листка. Дрой тоже упоминал, что отмычка его, прежде чем сгинуть, попятился...

Уже через минуту я вышел из бара на свежий — хаха — воздух и начисто отмел мысль о связи двух происшествий, списав их на элементарное совпадение и обругав себя последними словами за импульсивность, свойственную разве что туповатому новичку. Нашел чему придавать значение: пьяным домыслам Дроя и обрубку фразы из чужого наладонника сомнительной ценности.

Да и вообще мало ли бывает в Зоне всякого-разного.

Я выкурил сигарету, хотя давно не дымил. Постоял в задумчивости, поковырял каблуком берца жухлый лист на обочине шоссе и с удивлением обнаружил: мысль о клоунском хождении задом наперед не уходит. Она намертво засела в башке и нагло выгнала оттуда все остальные. Вдобавок чертова интуиция кричала рационально организованной части сознания: эй, очнись, это не случайность! Интуиция долбила в затылочную часть черепа, словно дурацкая помесь дятла и метронома.

Я побродил по растрескавшемуся асфальту возле исковерканного скелета автобусной остановки еще битую четверть часа, заложив руки за спину и время от времени останавливаясь. Вождь пролетариата, блин, доморощенный.

Догадка не улетучивалась. Она с завидной скоростью кристаллизовалась, свежела, занимала все больше места в моем крепком лысом черепе и наконец сформировалась в окончательное предположение.

А что, если это не встречавшийся ранее вид аномалии?

А ведь почти каждая новая аномалия способствует появлению новых артефактов.

А любой новый артефакт — это целая куча бабла, черт бы тебя побрал, фонящее ты тело!

Я остановился. Тупо глянул по сторонам, словно кто-то мог подслушать мои мысли. Сплюнул.

В конце концов, что я теряю? Ну, прогуляюсь на границу Агропрома. Не найду никаких новых аномалий, так на обратном пути заскочу на Свалку и наберу всякой полезной мелочи, чтобы сплавить по возвращении. Хабар денег стоит, а деньги, как известно, лишними никогда никто из умных людей не называл...

Через час я миновал развилку на трассе и брел к первому заграждению, вооруженный верным автоматом. На портупее болтались ножны с широколезвийным «десантником», кобура с «Большим Бэном», гермоконтейнер и мешочек с болтами. В разгрузочном жилете имелась аптечка, ПДА со встроенным датчиком аномалий и счетчиком Гейгера, запасные «рожки» с патронами, стянутые попарно изолентой, «оптика» ПСО-1 для «калаша», пара ручных гранат и ящичек с инструментами. За плечами удобно пристроился рюкзак, в котором были уложены полиуретановая «пенка», сухпай на трое суток, водка, штормовые спички, таблетки сухого горючего, научная аптечка, пара дешевых, но полезных артефактов и прочие принадлежности зажиточного сталкера.

Ни второго номера, ни кого-то из старичков я с собой не взял, решив, что в случае удачи хабар достанется только мне, любимому, а в случае позорного провала хотя бы хихикать не станут. Да и объяснять посторонним свои сомнительные умозаключения особого желания не возникало. А в Зоне, по большому счету, все — посторонние. И брат, и сват.

Первый сюрприз ждал меня сразу за провисшими сегментами колючей проволоки возле заброшенного блокпоста, который военные оставили с полгода назад, переместившись севернее по шоссе, ближе к сталкерскому лагерю.

Из-за бетонных блоков, рыкая и разрывая мешки с влажным песком, на дорогу бросились полдюжины слепых псов...

В последнее время мутанты потеряли всякий стыд и страх. Они повадились выбираться к самой границе Периметра, где влияние Зоны ослабевало настолько, что твари в буквальном смысле слова разваливались на куски, утрачивая подпитку аномальной энергией, необходимую для активной деятельности видоизмененного организма. Мутанты остервенело штурмовали позиции военных, дохли под градом пуль, но все равно прорывались за Периметр, где слабели и разлагались в считанные часы. Их словно бы что-то гнало прочь из Зоны, на верную гибель. Даже псевдоразумные виды иногда совершали суицидальные вылазки. Такой массовый исход случался раз в несколько лет и, как правило, предвещал либо чудовищный по интенсивности выброс, либо иные серьезные метаморфозы в аномальных полях и в общей структуре гиблой земли. Словно весь огромный организм Зоны агонизировал перед зарождением нового органа. А мутанты наиболее чутко воспринимали грядущие перемены и окончательно теряли остатки рассудка. Они бежали прочь, словно бациллы от лейкоцита-переростка.

Но, судя по опыту прошлых лет, катаклизм происходил не раньше чем через неделю после начала массового

психоза у мутантов. Так что несколько дней у меня в запасе было...

Первым делом я решил, что слепые собаки хотят пообедать моим ненаглядным организмом, и молниеносно вскинул автомат, дабы категорически помешать запланированной трапезе. Но псы, покачивая уродливыми головами, взяли левее и припустили галопом вниз по насыпи, оскальзываясь на мокрых камнях, скуля и съезжая юзом по щебенке. Я даже не стал тратить патронов на шавок и вновь обратил свое внимание на будку блокпоста.

И не зря.

Двое матерых снорков степенно выползли на дорогу и уставились на меня впалыми глазищами через мутные стекла защитных масок. Первый практически сразу скакнул вперед, а второй принюхался, мотнул хоботом противогаза и стал бочком сдвигаться в сторону, чтобы обойти с фланга.

Это уже ни в какие рамки не лезло. Я видел зомби, фанатично бредущих через колючую проволоку, оставляя на острых зубьях ошметки собственной плоти, видел стаю кабанов, выскочившую за Периметр и несущуюся куда глаза глядят, видел даже обезумевших тушканов, зигзагообразно скачущих через полосу отчуждения... Но чтоб снорки! Да еще и в количестве двух штук враз! Совсем оборзели.

Неуклюжие, на первый взгляд, псевдоприматы были одними из самых опасных и быстрых порождений Зоны. Некогда они были военными или учеными, но радиация и выбросы аномальной энергии превратили людей в монстров, ведущих животный образ жизни, но при этом обладающих остатками разума, что давало им очевидные преимущества перед многими другими тварями.

Мне доводилось несколько раз встречать снорков. Но, во-первых, далеко за Периметром, а во-вторых — по одному. Эта же парочка, по всей видимости, потеряла всякий страх и намеревалась схарчить честного бродягу, по-братски разорвав напополам.

Правда, самого бродягу такая перспектива вовсе не устраивала.

В отличие от струсивших слепых собак спасаться бегством не входило в мои планы, потому что в таком случае мне бы пришлось ждать несколько часов, пока твари окончательно не обессилят, или делать крюк на километр с лишним и пересекать полосу отчуждения в гораздо менее удобном месте. Кстати, не факт, что снорки вообще дали бы мне убежать — эти бестии были на редкость проворны и выносливы...

Встретив одного снорка веерной очередью в воздухе и отбросив от себя на несколько метров, я сразу перекатился в сторону, чтобы его вонючий приятель не сбил меня с ног. Присел на колено и снова вскинул «калаш».

Первый мутант получил добрую порцию свинца в грудь и, хрипя, закувыркался по асфальту. Но жизненно важных органов, видимо, мне все-таки задеть не удалось, поэтому он довольно быстро пришел в себя и стал бойко подскакивать на месте: готовился к следующей атаке. Густая темная кровь брызгала в грязь, но твари было по барабану. Как известно, нервная система снорков устроена своеобразно: некоторые классы рецепторов атрофированы вследствие мутации, и синоптические связи сильно отличаются от обычных. Болевой порог у этих гадов смещен настолько, что шок, который испытало бы любое существо от нескольких огнестрельных ранений, для снорков — полная фигня. Что комары покусали.

Меж тем второй псевдоприматедва не зацепил меня в прыжке своими мощными конечностями. Не уйди я кувырком с линии атаки — сейчас валялся бы с разорванной шеей. Молниеносная реакция снорков вкупе с невероятной прыгучестью делали их очень опасными противниками.

Я повел стволом вправо, но гад среагировал мгновенно: сиганул так, что лишь гофрированная трубка мелькнула в сыром воздухе. Через долю секунды я нажал на спусковой крючок, но тут же отпустил, чтобы не тра-

тить зря патроны: снорк уже сидел на бетонной крыше блокпоста и, казалось, нагло щерился через маску противогаза. Пара пуль все же успела уйти в раскисшую пашню, подняв фонтанчики жижи.

Снорки прыжками рассредоточились и приготовились взять меня в «клещи». Тот, который был ранен, двигался заметно медленней, но по-прежнему оставался грозным противником. А его уродливый дружок продолжал стремительно скакать по дуге, будто безумный гамадрил в активной фазе припадка.

Оставаться на открытом пространстве и одновременно сдерживать натиск двух свирепых мутантов было нереально. Атаковать по одному вектору — значило подставить под удар спину. Но погибать смертью храбрых прямо у «ворот» Зоны я не собирался. Следовательно, выход оставался единственный: занять такую позицию, чтобы можно было контролировать обоих нападающих и при этом обеспечить надежную защиту тыла.

Блокпост.

Все эти тактические соображения пронеслись в голове за долю секунды, и тело автоматически среагировало на принятое решение. Я сместился левее, развернулся, продолжая держать на прицеле наиболее агрессивного снорка, и стал постепенно отступать назад, к разодранным мешкам с песком.

Твари догадались о моих намерениях моментально. Они заклекотали, словно хищные птицы, почуявшие павшую духом жертву, которая использует последний шанс: забиться в угол и окрыситься перед смертью. Казалось, снорки принялись откровенно насмехаться над медлительным и туповатым человечком, который вознамерился перехитрить их — быстрых, мощных и расчетливых пасынков Зоны.

Дав мне фору еще в несколько шагов, псевдоприматы уверенно бросились в атаку...

Все-таки не стоит недооценивать людей как вид. Эволюция делала из нас самых прогрессивных убийц на

протяжении сотен тысяч лет, сталкивая не только с диким миром и страшными зверьми, но и друг с другом. Эволюция веками учила людей выживать, применяя порой настолько негуманные методы, что сама природа вздрагивала от наших деяний. А Зона, с какой бы головокружительной скоростью ни протекали в ней процессы развития жизненных форм и прочие метаморфозы, существовала всего-то десяток-другой лет.

Поэтому как вид люди даже в столь жутких условиях оставались недосягаемы в плане изворотливости и жестокости...

Прицепленные к бетонной стене сегменты «ежа» я приметил еще минуту назад. Но способ использования этих страшных даже на вид труб с приваренными острыми арматурными штырями, предназначенных для принудительной остановки автотранспорта, изобрел лишь теперь. Как говорится, на излете мысли.

Ржавые «ежи» висели на двухметровой высоте, удерживаемые специальными металлическими кронштейнами, криво торчащими из стыков плит. Военные не потрудились забрать лишний балласт с собой, когда меняли дислокацию, и я мысленно возблагодарил неизвестного безалаберного офицера, оставившего здесь эти тяжелые железяки.

Снорки еще не смекнули, что я задумал, и продолжали нестись вперед гигантскими скачками. В их гноящихся глазах горело голодное безумство хищников, которые настигли глупую добычу. Патрубки противогазов мотались из стороны в сторону, грязь летела из-подо всех четырех конечностей, прерывистое сипение пробирало до мороза в хребте.

На короткий миг, братцы, мне стало по-настоящему страшно.

Но отнюдь не страх, а самоуверенность губительна в Зоне. И это относится решительно ко всем существам. Даже к взбесившимся от собственной значимости и крутизны мутантам.

Я уперся рюкзаком в стену. Снорки притормозили метрах в пяти, изготовились для финального прыжка. Когда они уже отталкивались от земли, я слегка повернул корпус и изо всех сил сиганул спиной вперед — вдоль бетонных блоков — с расчетом оказаться прямо под нагромождением «ежей». Твари взлетели в воздух, и тут в их умишках промелькнуло сначала крайнее удивление — мол, какого банана этот двуногий сам упал? — а через мгновение — понимание. Я даже успел заметить, как они дернулись в полете, чтобы хоть немного изменить траекторию, но точки опоры не было, а инерцию еще никто не отменял. По крайней мере вне аномалий.

Снорки со всей дури впечатались в стену, где секундой раньше стоял я, и, рыкнув, развернулись, чтобы прыгнуть еще раз.

Только поздновато вы спохватились, упыри недобитые.

Если бы не рюкзак, я мог сломать себе позвоночник, приложившись спиной об асфальт, но правильно уложенные вещи сыграли роль амортизатора, хотя боль от удара все равно стрельнула по всему телу. После падения я сделал поочередно две вещи: выстрелил в дальний кронштейн, поддерживающий «ежи», а затем, уперевшись каблуками берцев в щербатый кусок бордюра, изо всех сил оттолкнулся от него и проехал на сплющенном рюкзаке около метра.

Пуля дзенькнула по железному креплению и сковырнула его в сторону. Второй кронштейн, изрядно подточенный ржавчиной, не выдержал веса, и «ежи» обрушились на замешкавшихся снорков, как смертоносная лавина.

Хруст ломающихся костей и чавканье разрываемой плоти утонуло в чудовищном грохоте и скрежете, который наверняка был слышен даже в окрестностях бара «№ 92». Мутантов размазало по асфальту, словно кисель. Зловонная липкая жижа брызнула во все стороны. Смрадная клякса попала мне на разгрузку и в лицо.

Пришлось инстинктивно зажмуриться и выдохнуть, чтобы не видеть и не чуять противного месива — то ли из внутренностей псевдоприматов, то ли из их мозгов...

Когда последние «ежи» откатились в сторону от общей кучи, а шум стих, я открыл глаза и с отвращением вытер рукавом куртки вонючую дрянь с носа, щек и губ. «Надо было заранее маску надеть», — мелькнула мысль.

Я продолжал лежать в неудобной позе на смятом рюкзаке, в котором что-то раздавилось, нагрелось и неприятно хлюпало. Сердце все еще колотилось в бешеном темпе, адреналин циркулировал по кровеносной системе, пальцы продолжали судорожно сжимать автомат.

Постепенно приходило понимание: минуту назад смерть скользнула совсем рядом.

— Ну как? Прутики не давят? — сбрасывая напряжение, крикнул я в сторону груды «ежей», под которой были погребены мерзкие твари. — Могу еще накидать. Не поленюсь, притащу со Свалки радиоактивного груза.

Закончив сей дивный монолог для единственного слушателя в лице самого себя, я наконец съехал с многострадального рюкзака, встал на колено и, опираясь прикладом «калаша» об асфальт, поднялся на ноги. Нужно было двигаться дальше — и без того много времени потерял с этими чертовыми обезьянами.

Оглядевшись, не притаились ли поблизости еще какие-нибудь шальные мутанты, я встряхнул рюкзак и открыл верхний клапан. Вот, оказывается, что было мокрым и теплым... Двумя пальцами я извлек наружу раздавленный термопакет с натовской гороховой кашей и бросил его на братскую могилу снорков.

— Жратва-с, братцы кролики. Не подавитесь...

— Ты с кем общаешься, родной?

Моментально определив, откуда идет звук, я вскинул «калаш» и обернулся в сторону говорившего. Это нас обоих и спасло. Если б я пальнул вслепую — а это для опытного стрелка проще простого, — мы уже были бы трупами.

Гост и я.

Высокий черноволосый сталкер тоже рефлекторно взял меня на мушку, и теперь куцее дуло его «Потрошителя» таращилось на мой лоб бездонным зрачком из оконного проема блокпоста.

Гост пользовался уважением среди вольных бродяг за сдержанный нрав, твердый характер, в меру упитанное чувство юмора и тактичность — качество для Зоны вообще исключительное.

Я первый опустил оружие. Неуклюже пошутил:

— А мог бы и бритвой по горлу.

Гост улыбнулся, забрасывая лямку дробовика на плечо.

— Ильич вообще был славным малым... Ты и впрямь сам с собой базаришь?

— Хуже, — отмахнулся я, выскребая остатки «музыкальной» каши из рюкзака. — Общаюсь с парочкой дохлых снорков. Кажется, самец и... самец: педики, наверное. Вон, полюбуйся.

Обойдя будку, Гост остановился перед грудой «ежей», из-под которой до сих пор сочилась вонючая жижа. Маска его болталась на шее, давая разглядеть мужественное, но симпатичное для бывалого сталкера мурло. Дорогущая броня «Булат» как влитая сидела на спортивной фигуре, шлем он небрежно держал в левой руке. Смоляные волосы были аккуратно зачесаны назад, будто не из рейда вернулся, а с учебных стрельб в тире. И ведь не позирует, гад, — он и впрямь всегда такой... ухоженный.

— Пижон, — не выдержал я.

Гост не отреагировал. Он продолжал внимательно разглядывать остатки тварей.

— Это ты их нагрузил?

— Старался как мог.

— Я еще из низины услышал канонаду и лязг. Думаю, кто так раздухарился? А это ты воюешь. — Гост перевел взгляд своих темных глаз на меня. — Что ж ты так невнимательно? Мутантов ухайдокал, а на ПДА даже не

смотришь, родной. Вот подошли бы к тебе вместо меня военные или бандюганы...

— Заверни язык, — грубо ответил я. — Попробуй для начала сам двух снорков приговорить.

— Бывало, и трех приговаривал. Но не за кордоном, конечно. Совсем охамели.

Я отрегулировал лямки на клапане и надел рюкзак. Протянул руку Госту.

— Бывай, бродяга.

Он крепко пожал мою ладонь и мотнул головой в сторону Зоны.

— Солдафоны сдвинулись еще дальше вглубь, стоят практически возле моста. Организовали один общий блокпост. Злые, как разбуженный после плотной трапезы псевдогигант. Не пускают никого ни за бабло, ни за хабар. Лучше обходи левее, по насыпи. Справа целый букет аномалий, не протиснуться.

— Спасибо за инфу.

— Удачного рейда, бродяга.

Я кивнул и зашагал дальше на север, твердо печатая шаг по грязному потрескавшемуся асфальту. Возбуждение от стычки прошло. Остались холодная злость и осмотрительность — обычные чувства, когда входишь в Зону.

В другой раз, за чарочкой ханки, я бы обязательно подольше поболтал с Гостом. Он чертовски приятный и умный собеседник, который к тому же практический никогда не напивается и умеет разрулить любой конфликт. А бывалые сталкеры, как известно, не прочь подраться и разобрать интерьер путем вбивания в него головы соседа. В свободное время.

«В другой раз, брат...» — мысленно сказал я, не оборачиваясь.

Зона притаилась и ждала. Над плавно уходящей под уклон дорогой стлалась полупрозрачная пелена, стекающая по обе стороны невысокой насыпи, будто живой белесый кисель с плотными сгустками внутри. Туман ограничивал видимость метров до ста. Темные закорюч-

ки деревьев размытыми пятнами скользили вдоль асфальтированной ленты, утопая в мягком, колышущемся мареве.

Туман был приграничьем.

Фронтиром между Зоной и человеческим миром, большинство жителей которого даже не подозревало о существовании аномальной территории вокруг Чернобыльской АЭС.

Эта язвочка на теле планеты возникла в далеком 2006-м после второго взрыва, больше напоминавшего чудовищный выброс энергии неизвестной природы. Загадочная катастрофа сделала из пустынной земли закрытую территорию, оцепленную военными и привлекшую внимание ученых. Но внутри Периметра уже что-то изменилось. Здесь зародилась новая жизнь, диктующая свои законы, опасная и чуждая всему окружающему. Ужасные мутации изуродовали людей и животных, попавших в радиус поражения выброса, коварные аномалии стали появляться там и тут. Их свойства оказывались за гранью человеческого понимания, вылезали далеко за рамки современной науки. Смертельные ловушки ждали тех первых конкистадоров, которые решили под шумок разжиться жуткими сокровищами целины. Они преодолевали военные кордоны и полагали, что главная трудность позади. Наивные. Не вкусившие еще гипнотической убийственности Зоны... Этих смельчаков прозвали сталкерами. Проводниками. Одни гибли, но следующие шли по их стопам с упорством фанатиков. Так, раз за разом, эти одержимые уже не только богатством, но и вечной идеей покорения и познания люди преодолевали километр за километром в поисках артефактов, которые Зона выдавала взамен отнятых жизней и покалеченных судеб. Сотни первопроходцев сгинули, оставив после себя крупицы информации, прежде чем остальные научились худо-бедно классифицировать мутантов и различать аномалии. Большинство нынешних бродяг никогда не задумывались, насколько обязаны тем, кто первым

ступил на гиблую почву Зоны. Тем сильным корыстным романтикам, кто первым попал в путы этого чарующего тумана.

Я топал по левой обочине, поглядывая на экранчик ПДА чаще, чем нужно, — видимо, давила допущенная безалаберность, которая могла бы стоить мне не только здоровья, но и жизни. Сканер показывал пустоту. Датчик аномалий тоже. В принципе их здесь — за пределами основного Периметра — и быть не должно, но после встречи со снорками я уже ни в чем не был уверен.

Когда до старого железнодорожного моста оставалось километр-полтора, я свернул с трассы, спустился наискосок по насыпи и осторожно двинулся дальше, постепенно забирая в сторону.

Местность здесь была холмистая. Влажную почву покрывали островки травы охряного цвета. Тонкие стебельки на этих клочках угасающей жизни понуро опускали верхушки, словно кланялись перед величием незримого правителя. Там и тут встречались группки деревьев, больше похожие на изломанные скульптуры с протянутыми ветками-руками. Листьев на них уже не было: сентябрь на Зоне, из-за вечно пасмурного неба, схож с глубокой осенью в средней полосе.

Ветерок нес неприятный сырой воздух с востока. Изредка он пытался юркнуть за шиворот, но плотный воротник куртки не позволял прохладному хитрецу добраться до спины.

То и дело издалека доносилось хриплое воронье карканье, напоминающее короткие пулеметные очереди. Хотя... быть может, это они и были.

Минут через пять я миновал опоры первого заграждения старого Периметра. Перекошенные обрубки рельс, сваренные крестом, были вкопаны в грунт на расстоянии метров десяти друг от друга. Некоторых явно не хватало — видать, растащили на перепродажу, — другие покосились так сильно, что стали располагаться скорее параллельно земле, чем вертикально. Между опорами видне-

лись струны колючей проволоки, которые местами сильно провисли, а кое-где и вовсе были изрезаны на куски.

Чуть правее я заметил остатки одежды, болтающиеся на шипах, а еще немного в стороне — хозяина ошметков. Наполовину истлевший зомби валялся на спине и таращился слепым взором в серую мешанину облаков. Скорее всего именно так его и приложило оземь, швырнув взрывом от ограждения. Растительность на обезображенной голове отсутствовала. Да и вообще много чего нужного не хватало в анатомическом строении зомбака после знакомства с противопехотной миной.

Из оружия у мутанта оказался лишь старенький обрез — негусто, прямо скажем, — поэтому мародерствовать я не стал и спокойно продолжил свой путь.

Начинало смеркаться, а до темноты мне нужно было преодолеть Периметр и найти подходящее место для ночлега. Ночью по аномальной территории разгуливают либо мутанты, либо дебилы. Ну или полулегендарные Призраки Зоны, в существование которых лично я верил процентов на пять. Болотный Доктор не в счет — про него разговор отдельный.

Вскоре я протопал мимо заброшенного лагеря сталкеров и бывшего бункера Сидоровича. После того как военные придвинули блокпосты ближе к мосту, честным бродягам и старому торговцу пришлось убраться за железную дорогу, внутрь Периметра. Что ж, оно и понятно: проще было располагаться ближе к Зоне, чтобы каждый раз не бегать от пуль военных сталкеров по пути за хабаром. Лишь те, кто хотел передохнуть недельку-другую, уходили через заслоны и зависали в баре «№ 92». Интересно, кстати, а почему это заведение так называется? Что именно означает номер 92? Нужно будет у хозяина спросить на досуге...

Я отбросил праздные мысли, приблизившись к Периметру на расстояние прямой видимости.

Заграждения, подсвеченные прожекторами, ярко блестели, несмотря на туман. За ними неясным силуэтом

вырисовывалась железнодорожная насыпь с несколькими покореженными вагонами и одиноким столбиком семафора, который вот уже двадцать с гаком лет стоял на этом месте и будто бы сигнализировал: остерегайся, путник, дальше — смерть. И никто его не трогал — то ли по суеверным соображениям, то ли просто не обращали внимания на полусгнивший столб с разбитыми фонарями.

Смотри-ка, а вояки-то наши заслон прям вплотную к насыпи поставили. Странные они... Ведь тактически выгодней было бы поднапрячься, расчистить железку и протянуть заграждения по самому полотну, чтобы находиться на естественном возвышении. Или — невыгодно? Надо запомнить. Не исключено, что там аномалии гнездятся.

Я, пригнувшись, преодолел последние метры неосвещенной территории и залег, стараясь сильно не промочить и без того уже загаженную в схватке со снорками одежду. Прямо перед моей рожей торчала косенькая табличка: «Стой! Запретная территория! Ведется огонь на поражение!» А рядом красовалась еще одна: «Мины».

Ну это мы знаем, это мы видали.

Контрольно-следовая полоса была недавно вспахана и, как говорят сталкеры, еще «нетоптана». На совесть поработали солдафоны. Вот, оказывается, что так урчало сегодня утром: они ж военную технику гоняли туда-сюда с прицепленным плугом. Аж возле бара слышно было.

Я отрубил наладонник. Хоть наблюдательных вышек видно и не было, все равно следовало соблюдать осторожность. Тем более Гост предупредил, что миротворцы нынче злые.

Задача стояла одновременно простая и сложная. Мне нужно было преодолеть около тридцати метров освещенной пашни, рихтуя за собой следы миниатюрной саперной лопаткой. Затем убедиться, что на пути не стоит растяжка или мина-лягушка, перекусить несколько рядов колючки, проникнуть внутрь, заделать за собой брешь и проскакать еще столько же по свежевспаханной земле.

Да, чуть не забыл. При этом надо постараться не наступить на противопехотную мину, ибо сие зело вредно для хрупкого человечьего здоровья.

С одной стороны, не попадая в зону прямого наблюдения военных, все это можно было сделать не спеша и тщательно выверив каждый шаг, дабы не оставить следов и не спалить путь, по которому потом, возможно, будут ходить другие бродяги. Существовало негласное правило: открыв новую тропу, не палить ее и давать пользоваться остальным.

С другой стороны... Знаете, братцы, я не раз для себя отмечал, что самое поганое в профессии сталкера — пресловутая «другая сторона». Именно благодаря ей твое бесценное фонящее тело рискует превратиться в грошовый фонящий труп.

Так вот, с другой стороны, вся пустяковая в теории операция по преодолению Периметра могла обернуться нешуточными проблемами. Не исключены были, так сказать, нюансы.

К примеру, во время пересечения пашни тебя мог заметить военный патруль, совершающий внеплановый обход, и начать залихватски палить по филейным частям, как в тире.

Или, скажем, известные хохмачи гарнизонные инженеры могли для пущей важности пустить по колючке ток.

Это мы тоже, конечно, проходили...

Новичка шарахнет так, что тот отключится. Опытный же сталкер развернется и пойдет искать другой участок. Не потому вовсе, что нет у него болторезов с изолированной рукоятью, а потому что, пока он будет пролезать в брешь и латать ее, группа быстрого реагирования уже примет его под белы рученьки. А то и расстреляет без лишних сантиментов. Ведь ток опасен в первую очередь не сам по себе, а по причине возникновения замкнутого контура. Только ты клацнешь пассатижами, и сержантик какой-нибудь в дежурке уже видит на пуль-

те, что цепь разомкнута на таком-то отрезке, и моментально поднимает тревогу. А чтобы поставить дублирующий контур на период проникновения и вдобавок срастить основной — нужен серьезный инструмент. Но главное — немало времени. Посему опытный сталкер не станет лезть на рожон и уйдет по-тихому в поисках иной тропы...

И даже если ты миновал заграждения, не спеши расслабляться. На противоположной стороне тебя может встретить непроходимая череда аномалий или шальной мутант.

Я отстегнул саперку, портативный металлоискатель, сунул в удобный карман разгрузки кусачки и глянул на часы. О точном расписании патрулей я понятия не имел, но элементарно засечь время стоило. Что ж, поскакали. Короткими, так сказать, перескачками.

На середине следовой полосы я остановился и прислушался. Со стороны разрушенного железнодорожного моста, где, по словам Госта, находился основной блокпост, прилетел звук двух выстрелов и отголоски неразборчивой матерщины. Затем прострекотала длинная очередь. Кто-то потревожил покой военных. Или что-то. Для меня это не имело значения. Главное: теперь нужно было двигаться быстрее.

Пригибаясь и споро орудуя лопаткой, я через несколько минут достиг первого заграждения. Мин рядом не оказалось, что меня слегка обрадовало. А вот очередная автоматная очередь, которая прозвучала уже ближе, свела всю радость на нет.

Я принялся за работу с удвоенной энергией.

Кусачки острыми жвалами перекусили проволоку, словно травинку. И еще одну, и еще. Вот так... Осторожно выставив сегмент заграждения, я сначала пропихнул рюкзак, а затем пролез сам. Приставил вырезанный кусок и скрепил концы плоскогубцами. Есть.

Теперь наступал самый опасный момент. До второго заграждения было около трех метров. Прожекторы жа-

рили сверху, словно миниатюрные солнца. Мало того что я был сейчас как на ладони для любого наблюдателя, я еще и находился фактически взаперти: между двумя рядами колючки. Стреляй не хочу.

Когда я принялся резать второе заграждение, справа раздалось фырканье, а через мгновение утробный рык, пробравший до костей. Я замер, не смея ни убрать инструмент, ни дальше сжать ручки, чтобы перекусить очередную проволочную нить. Ветер неторопливо прогнал по пашне обрывок газеты. Гадко пахнуло навозом.

Я прищурился и попытался разглядеть, кто притаился в темно-сером мраке, который стлался за вспаханной полосой. Но это было невозможно сделать с ярко освещенной площадки.

Хлопнуло несколько выстрелов — уже совсем близко, — а после этого со стороны железнодорожной насыпи на меня метнулась какая-то бесформенная тень.

И через секунду на пашню вылетел огромный кабан-мутант.

Я, братцы, не из робкого десятка. Но первым побуждением было немедля развернуться, выстричь в колючке заделанную дыру и со всех ног бежать до самого бара «№ 92». Запереться в отдельной кабинке и палить из «калаша» во всякого туда входящего.

Если бы я так поступил — был бы уже как тот зомби: с очевидными нехватками в телесной комплектации. Но что-то в моем мозгу сработало в единственно правильном направлении — так часто бывает в экстремальных ситуациях: даже опытный человек либо совершает крайнюю глупость, либо принимает верное спасительное решение. Лишь два варианта поведенческой реакции. Третьего, как правило, не дано.

Мой мозг, видимо, угадал.

Я замер, как изваяние. Не дыша, не моргая, не пукая.

Кабан втянул воздух и, мотнув непомерно длинной бородой, вальяжно направился в мою сторону. Если бы он рванул с разбегу — мне бы хана настала сразу. Полу-

тораметровая в холке туша просто-напросто протаранила бы оба ряда колючей проволоки, походя подняв мой организм на клыки и не заметив особых помех...

Вепрь, капая слюной и бредя по глубоко вспаханной земле, как по бульвару, подошел практически вплотную и уставился своими оловянными глазками в упор. Вот это, скажу я вам, ребятки, и впрямь страшно. Снорки — отстой. Тогда я хотя бы мог защищаться, а теперь прекрасно осознавал: толстая колючая проволока для этого осеменителя-переростка — что твоя паутинка.

Пустяки вроде того, что он мог случайно наступить на мину и подорвать нас обоих, меня как-то и не волновали.

Кабан повел рылом, почавкал и степенно зевнул, словно и не дал только что спринтерский кросс по рельсам меж аномалий. Вонь разлагающейся плоти, смешанная с запахом псины, тухлятины и самого настоящего поросячьего дерьма, распространилась на несколько метров. Когда этот коктейль ударил мне в нос, я чуть было снова не рванул назад, в бар, но неимоверным усилием заставил себя не шевелиться — скорее всего инстинкт самосохранения сработал.

Дальше все произошло очень быстро. Кабан вдруг выгнул бугристую спину, словно испуганная кошка, и бочком попятился вдоль ограждения. Через миг он зарычал и внезапно бросился вперед, будто и не отступал только что. Рывок был настолько мощным, что грязью мне залепило всю физиономию. Хорошо хоть зажмуриться успел...

Несколько раз бабахнуло.

Когда я разлепил глаза, то увидел ужасную картину. Вепрь успел поддеть одного из патрульных миротворцев на клыки, которые скорее можно было назвать бивнями, и продолжал нестись, петляя по пашне. Второй военный истерично фигачил по мутанту из «Грозы», но тому эти потуги были до лампады. Через несколько метров кабан резко затормозил. Труп солдата слетел с его

клыков и плюхнулся в грязь. Гигантская скотина, не обращая внимания на кровоточащий бок, резко развернулась и без промедления поскакала на оставшегося в живых вояку.

В этот момент мне стало жалко солдатика, прижатого спиной к колючему ограждению на манер мишени. Но тот, по-видимому, справился с паникой и на излете мысли саданул в приближающуюся бестию из подствольника. Грамотно, на опережение. Тяжелый патрон-граната свистнул в воздухе и разорвался прямо у копыт кабана, так и не сбавившего скорость.

Хорошо, что я успел вовремя открыть рот и пригнуть голову. Хлебануло так, что уши свернулись в трубочки, а спину обдало жаром. Вепря разнесло в клочья, взмывшие живописным фонтаном метров на десять вместе с земляными комьями и кусками какого-то не до конца выкорчеванного пня. Бравого вояку ударной волной приложило о заграждение, и он, скорее всего, вскрикнул от боли. К тому же, когда я осмелился поднять перепачканное лицо, то сразу обратил внимание, что рука солдатика безвольно висит вдоль тела, а на камуфляже в районе плеча расползается большое темное пятно. Видно, осколком цепануло.

Миротворец был контужен. Стопудово. Сначала он бросился к растерзанному телу сослуживца, но тут же передумал и поковылял в сторону блокпоста за подмогой. Хотя, думаю, после такого бадабума оттуда и так уже спешило подкрепление.

Шанс выдался уникальный.

Труп военного, ушедший с поля боя напарник, и я — так никем и не замеченный... Хотя нет, один участник событий все же поиграл со мной в гляделки, но его туша теперь была равномерно распределена на площади в сотню квадратных метров. Рога, как говорится, и копыта. Вот такие дела, братец кабан.

Не обращая внимания на звон в ушах и бесноватые искорки в глазах, я принялся проворно резать колючку.

Уже через несколько минут мне удалось попасть на другую сторону и заделать брешь. Я сложил кусачки, сунул их в карман разгрузки и, наспех водя металлоискателем, бросился через пашню. Рихтовать за собой отпечатки подошв смысла не имело: ведь теперь нужно было постараться среди всего месива, устроенного вепрем и вояками, найти на следовой полосе мои скромные следы.

Выбежав из освещенной прожекторами области, я остановился и немного подождал, пока глаза привыкнут к сумраку. Уже совсем стемнело. Включив ПДА, я проверил близлежащую местность на наличие соратников кабана и аномалий. Мутантов не было и в помине, а из ловушек обнаружилась лишь одинокая «гравикаракатица» — или, как ее еще называли, «мясорубка» — возле ржавого грузового вагона, вмявшая часть стального полотна вместе с гнилыми шпалами. На полсотни метров левее обосновались «трамплины» — три или четыре штуки. Негусто, прямо скажем.

Все-таки странно военные организовали заслон. Аномалий не так уж много, могли бы по рельсам заграждения соорудить. Ну да им видней. Пусть теперь сами вот с такими заблудшими свинками разбираются.

Аккуратно взобравшись на верхушку насыпи и обойдя вагоны справа, я еще раз сверился с показаниями сканера и датчиков и нацепил на лоб ободок с ночным визором. Надвинул на глаз окуляр, достал мешочек с болтами и двинулся на запад.

Там, помнится, стояла старая кирпичная каптерка, в которой давным-давно обходчики хранили инвентарь и распивали ханку. Если местечко не занято — можно более-менее спокойно переночевать. Идти в лагерь сталкеров к манящему теплому костру и дилетантскому гитарному перебору не было желания. Интуиция тихонько клевала в затылок: «Не стоит сейчас лишний раз показываться на глаза даже своим. Хабар может оказаться слишком ценным. Пусть никто и не догадывается о маршруте».

Я взвесил все «за» и «против» еще возле бара «№ 92». И решил довериться птичке-интуиции.

Так или иначе, со снорками и кабаном без ее участия не обошлось. Как результат, я сейчас был живенький и здоровенький — хотя и грязный, как болотная тварь, — а не мертвенький и расчлененненький. Интуиция — она такая: любит ласку, любит, чтобы ей, заразе, потакали во всем и клювик чистили. Чтобы цацки всякие блестящие дарили. Только тогда и платит взаимностью.

Настоящая сорока...

Когда я разглядел в зеленоватых тонах визора силуэт каптерки, над Зоной уже висела глухая безлунная ночь.

Бетонная будка с единственной дверью и узким оконным проемом стояла неподалеку от насыпи, среди груды сваленных рельс и опрокинутой дрезины, от которой почти ничего не осталось, кроме днища и намертво приржавевших колес. На локаторе каптерка была отмечена прямоугольником с условным значком паровозика, поэтому желторотые новички часто путали ее с заброшенным депо.

Света в окне не было.

Скорее всего — свободно.

Я приблизился к будке, переступая через мусорные завалы. Когда до входа оставалось метров десять-двенадцать, датчик аномалий настойчиво завибрировал, и я остановился как вкопанный. Вот те на.

Изображение, которое давал надвинутый на глаз визор, подернулось рябью помех. Кислотно-зеленые и темно-желтые тона перемешались, и мне пришлось сдвинуть окуляр наверх, чтобы не мешал. Теперь от него было больше вреда, чем пользы.

Я покрутил в пальцах болт, примериваясь, куда его сперва бросить — в сторону останков дрезины или к темному провалу входа в будку... И тут внезапный порыв ветра толкнул меня в спину, заставив сделать шаг вперед. Руку с автоматом приподняло и мягко потянуло за рукав куртки. Мгновение спустя, когда я даже еще не сообра-

зил толком, что происходит, из-под ног с писком выскочила крыса и, еле заметная в ночном сумраке, рванулась вперед. Я инстинктивно отпрянул, и это меня спасло.

Крыса черным пятнышком прыгала с рельсы на рельсу, когда ее вдруг подбросило вверх и завертело. Тварюшка запищала так, что захотелось немедленно прикончить ее собственноручно. Ветер усилился. Только он дул отнюдь не в спину, как мне сначала показалось, а тащил меня спереди, будто сумел крепко ухватить за карманы разгрузочного жилета и лямки рюкзака.

Сработали рефлексы — спасители мои и хранители. Ноги сами, словно мощные пружины, распрямились, выталкивая тело прочь от центра миниатюрного циклона, в котором уже выворачивало наизнанку умолкшую наконец крысу.

Я вцепился в тяжеленную вагонную ось, наполовину вросшую в грунт, и еле успел схватить за ремень автомат, который сорвало с плеча и едва не унесло в набравший силу вихрь. Ободку с окуляром визора повезло меньше. Неудачно задев лбом о ржавое колесо, я обнаружил, что дорогостоящий прибор слетел и был незамедлительно пережеван стихией.

Окружающая местность слегка осветилась от мерцания, которое исходило от потревоженной аномалии.

Свирепый тайфун меж тем оказался не особенно разборчив в том, что молоть в труху: крысу, визор или прокатную сталь. Несколько обрубков рельс завязало узлом, сплющило и швырнуло в сторону с такой силой, что плотный ком с низким гулом унесся в сторону пролеска подобно снаряду. Попади он в меня — и... пиф-паф, братцы.

Спустя несколько секунд, так и не сумев полакомиться увесистой дрезиной, аномалия угомонилась, ветер стих, свечение потухло. На землю упал крошечный артефакт «кровь камня», за который можно было выручить разве что пару литров ханки у жадного новичка.

Я еще некоторое время продолжал лежать, инстинктивно прижавшись к толстой оси и намертво зафиксиро-

вав под мышкой «калаш». Кроме визора, с меня еще содрало полдюжины полезных вещей. К примеру, из карманов выволокло две ручные гранаты и оптический прицел ПСО-1, из мешочка повытаскивало почти все болты, а на портупее я не досчитался бухты прочной веревки. И как ее только сдернуло вместе с альпинистским карабином? Вот ведь зараза! Но по сравнению с моим бесценным телом это была сущая ерунда. Хотя отъюстированная «оптика»... А, ладно, фиг с ней, еще куплю.

Только теперь, постфактум, мозг полностью осознал факт: меня чуть было не втянуло в «карусель» — одну из самых коварных аномалий Зоны. В эпицентре «карусели» возникали неизвестные флуктуации вихревой природы, и, попав в зону активности, любое существо или предмет плавно втягивалось внутрь, где раскручивалось и деформировалось до неузнаваемости под давлением в несколько сотен атмосфер и в конце концов благополучно превращалось в отлично приготовленный фарш. Я не успел заранее обнаружить эту гадость на экранчике ПДА, потому что она была расположена слишком близко к каптерке, и их условные значки попросту слились.

Что ж, зато надежней стража на ночь не придумаешь.

Я поднялся на ноги и, по солидному радиусу обогнув эпицентр аномалии, зашел с восточной стороны каптерки, где находилось единственное окно. Немного пожужжав старым добрым электродинамическим фонариком «Жучок», я осветил внутреннее пространство будки и, оставшись довольным результатом, закинул туда рюкзак, а затем протиснулся сам. Теперь можно было почувствовать себя в относительной безопасности. Вряд ли какой-нибудь полудурок рискнет проникнуть сюда в темное время суток через узкое, отлично простреливаемое окошко. Ну а если вдруг нежданному гостю вздумается пожаловать с парадного входа — милости просим. До меня-то вихрь не достанет, а вот визитера мигом расслоит на карнавальные ленты.

— Карусель, карусель, кто успел, тот присел... — тихонько продекламировал я на мотив старой детской песенки. Скинул рюкзак, размял спину и закончил: — Прокатись на нашей карусе-е-ели.

Холодные консервы показались на редкость вкусными, а несколько глотков ханки приятно обожгли пищевод — маленькие радости всегда приобретают статус больших после злоключений. Мне похорошело. Особенно если учесть, что перед трапезой наконец удалось смыть с рожи грязь и продезинфицировать ссадины антисептиком.

Насытившись и поставив в оконный проем простенькую сигнализацию из натянутого на леске колокольчика, я позволил себе расстелить «пенку», скинуть надоевшую разгрузку и завалиться на спину, не забыв, конечно, положить рядышком автомат. Рюкзак я пристроил под голову вместо подушки.

Хотя дико клонило в сон, я некоторое время лежал и слушал ночь. Слушал Зону.

Тускло горел экран наладонника, работавшего в ждущем режиме. За входом едва заметно кружили на фоне серого пятна железной дороги листья — «карусель» тоже вздремнула, но была готова в любую минуту принять следующую жертву.

Я слушал ночь. Далекий металлический перестук с западной окраины Свалки, редкие вороньи крики, неясный шум со стороны Болота, похожий на протяжные, жалобные вздохи. И едва слышный, скорее осязаемый самим естеством ветерок. Он не завывал, он даже не постанывал. Этот ветерок нежно ласкал все вокруг: километры искореженной техники и тысячи брошенных жилищ, помертвелые растения и гнилые столбы, не спящих чудовищ и потустороннюю энергию аномалий. Ветерок был легким дыханием Зоны. Чужим, жутким дыханием единого организма.

Все эти звуки давно стали для меня привычными. Они вытеснили в самые отдаленные уголки памяти шепот листвы в летней ночи, дружелюбный лязг последнего трамвая

и важное гудение выходящей на поверхность ветки метро, приветливую трель домофона и бесконечно...

Проснулся я рывком. Машинально взял «калаш» за цевьё и с неудовольствием почувствовал, что правая рука затекла. Кисть противно покалывало, пальцы слушались плохо. Застань меня в таком положении гипотетический противник, и, как говорил один мой хороший знакомый, казус бы вышел неимоверный.

Снаружи что-то изменилось, и спросонья я даже не сразу догадался, что именно. Новый шипящий звук добавился в обычную утреннюю песнь Зоны.

Лишь несколько секунд спустя до меня дошло: пошел дождь.

— Не было печали, — проворчал я, разминая руку и надевая отсыревший жилет.

Сигнализация с колокольчиком, рассчитанная на полных профанов, вернулась во внутренний карман рюкзака. Некоторое время я стоял без движения, прислушиваясь. Вроде тихо. Лишь дождь. Сканер тоже молчал. Что ж, тогда — в путь.

Выбравшись из окна, я набросил капюшон и огляделся.

Лило не сильно, но монотонно. Видимо, ливень зарядил надолго, и пережидать его в укрытии не имело смысла. Нужно было двигаться. К тому же до обозначенной на купленном ПДА локации оставалось не так уж далеко: пару километров. Вот только два кэмэ по Зоне во время проливного дождя равноценно десятку в сухую погоду: пробуждались некоторые мутанты вроде болотных тварей, большинство аномалий проявляли нестандартные свойства. Да и вообще, кому охота лишние волосы терять после кислотных осадков? Впрочем, последний пункт меня волновал не шибко, ведь свою растительность я потерял еще три года назад, когда получил дозу рентген во время рейда по Милитари. Жаркая там случилась заваруха, помнится. Хорошо хоть министалкер все еще торчит между ног, когда требуется.

Глядя в оба, я двинулся вперед. Под берцами зачавкала земля, комья грязи и травы тут же налипли на подошвы, существенно затруднив передвижение. И хоть я старался выбирать пятачки и тропы с травой и гравием, все равно через четверть часа был в грязище по самые брови. На кой ляд, спрашивается, накануне тратил драгоценную воду и приводил себя в порядок?

«Зеленый кисель» я заметил издалека. Даже сквозь пелену дождя его изумрудное мерцание довольно четко очерчивало границы озерца, сунуться в которое было бы довольно глупым и болезненным способом суицида. Дело в том, что это аномальное вещество по свойствам напоминало концентрированную кислоту и оставляло на теле соответствующие химические ожоги. Ученых давно мучил вопрос: почему же тогда «кисель» не разъедает почву или иную местность, на которой образуется? Ну, на то она и аномалия, чтобы ботанам мозги канифолить. Наше дело простое: обойти и запомнить местоположение, чтобы на обратном пути не вляпаться.

Обогнув изумрудное озерцо, я сверился с картой на ПДА и направился дальше.

До полуразрушенных строений бывшего кирпичного завода я добрался через два с половиной часа. По дороге мне пришлось потратить несколько болтов, чтобы обозначить границы единственного прохода в сплошной стене «гравикаракатиц», на которую я напоролся аккурат между двумя пятиэтажками. Обходить дома не имело смысла — по обе стороны были размытые рвы с подозрительно синеватой водой, лезть в которую я бы, пожалуй, и под дулом пистолета не рискнул. Ну а россыпь «трамплинов» я благополучно обошел по широкой дуге, благо ничего не мешало.

Панорама завода со стороны выглядела не то чтобы как-то особенно удручающе — на Зоне все выглядело удручающе, — но уж больно жалко. От этих подернутых струями ливня силуэтов труб и замалеванных тусклыми узорами граффити стен веяло каким-то почти человече-

ским одиночеством и тоской. Я сначала даже засомневался: а не контролер ли здесь обитает? Но локатор не фиксировал не только присутствия опаснейшего псионика, но и вообще ничего на полкилометра окрест, поэтому я взял автомат поудобней и вошел в боковые транспортные ворота, с трудом отодвинув тяжелую створку.

Не успел я сделать нескольких шагов, как датчик словно взбесился. Он завибрировал, налился красным, показывая, что вокруг сплошные аномалии, конвульсивно замигала панелька тревоги первой степени... и ПДА вырубился. Я повертел его в руках и попробовал перезагрузить. Шиш. Он даже заставку БИОСа не показал. Он не моргнул ни единым диодом. Создавалось ощущение, что гаджет попал под сильный электромагнитный импульс, но мои кварцевые часы продолжали отсчитывать секунды и минуты, поэтому сия версия отпала сразу. Да и мало ли в Зоне аномалий, в радиусе действия которых электроника не работает. Вывод напрашивался один: осторожность надо возвести в квадрат.

Я из-под капюшона, с кромки которого капала вода, осмотрел внутренний двор заброшенного комбината по производству кирпича. Когда-то давно здесь, видимо, был навес, но теперь от него остались лишь несколько погнутых опор и море битого шифера под ногами. Печи для закалки покоились прямо под открытым небом. Три здоровенных железных цилиндра полутораметрового диаметра были установлены на бетонные блоки. Трубы для подачи воздуха или чего-то еще прогнили, и теперь об их изначальной конфигурации можно было лишь догадываться по уцелевшим фрагментам, висевшим на кронштейнах. Массивные заслонки двух печей были наглухо закрыты и, по всей видимости, окончательно диффундировали с каркасами много лет назад. А вот заслонку дальнего резервуара заклинило в полуоткрытом положении, от чего казалось, что огромная темно-коричневая пасть просит пожрать. Вокруг печей валялось множество ржавых частей от внутреннего оборудования

завода: куски конвейерных лент, обломки прессов, формовочные приспособления, испорченные до неузнаваемости детали. Финальным штрихом унылого пейзажа служил остов бульдозера без ковша, верхней части кабины и гусениц, возвышающийся скорбным памятником былой промышленной мощи.

Картина ясна, как говаривал один мой знакомый. Немудрено, что приятели ветерана, который, судя по записи на ПДА, пропал именно здесь, ничего не нашли. В этом кавардаке даже труп здоровенного кровососа затерялся бы, что уж говорить о крохотном артефакте. Да и был ли он, этот загадочный артефакт?

Я вздохнул и развязал мешочек с оставшимися болтами. Пять штук. Негусто, прямо скажем. Хорошо, если хватит на обратный путь с учетом того, что наладонник не фурычит и неизвестно, зафурычит ли теперь вообще.

Дождь продолжал лить с неба, которое при подключении толики фантазии походило на разобранный и перевернутый свинцовый аккумулятор.

Я вновь оглядел внутренний двор в надежде обнаружить хоть какую-нибудь необычную деталь, которая могла остаться, если любопытный ветеран действительно угодил здесь в незнакомую аномалию. Взгляд скользнул по влажным железякам, лизнул темные бока печей, отмерил расстояние от здания до забора, съехал вниз по гнутой опоре и уперся в крышку от канализационного люка, валяющуюся среди прочего мусора. Самую обыкновенную, с рифленой внешней стороной, — таких делали миллионы в советское время... В обычную круглую крышку, на которой чернела краска.

Восьмерка. Или символ бесконечности — это как посмотреть. Дождь уже почти смыл изображение, оставив на чугуне бесформенные темные разводы.

Птичка-интуиция незамедлительно долбанула в затылок своим острым клювиком.

Откуда здесь этот символ? Ведь вокруг ни души... Бессмыслица? Быть может. Но я давно усвоил одну ис-

тину: в каждой бессмыслице есть свое рациональное зерно, главное — посмотреть под нужным углом.

Помнится, Дрой говорил о похожем значке, обнаруженном на месте загадочного исчезновения одного из новеньких сталкеров своей группы. А еще он упоминал, что краска была свежая.

Совпадение? Не исключено. Только вот слишком много их рядышком всплывает — совпадений.

В общем, если и было что-то странное на богом забытом кирзаводе, то — эта пресловутая крышка с расплывшимся черным пятном.

Рассудок мой, правда, снова вякнул, что совершенно не обязательно символ опрокинутой набок восьмерки выведен свежей краской: вполне возможно, эта клякса уже много лет украшает круглую железяку, а моему воображению просто-напросто вздумалось дорисовать недостающие детали. Рассудок в который раз попытался возобладать над откровенной глупостью. Но интуиция быстро натюкала охальнику по маковке, и тот заткнулся.

Не к добру это, доложу я вам, братцы, когда разум тухнет под напором предчувствий. Ох, не к добру.

Я вытащил один из пяти болтов и, пока не прошел азарт, запустил его по пологой траектории в сторону крышки. Болт со звоном ударился в чугунный блин и отскочил к забору. Не делая резких движений, я стал пробираться к злополучной колодезной затычке. Про себя же решил: если там ничего нет, то сверну шею птичке-интуиции к чертовой матери и не стану впредь слушать ее увещеваний.

Добравшись до цели, я забросил «калаш» на плечо, взялся за скользкий край и с силой откинул крышку в сторону. Никакого люка под ней, как и следовало ожидать, не обнаружилось. Лишь куча всякого металлического и пластикового хлама. Только вот...

Опа.

Я нагнулся, чтобы повнимательнее рассмотреть предмет, выделяющийся на фоне общей бурой массы.

Он был похож на короткую ленту Мёбиуса.

А вот на что он не был похож, так это ни на один известный мне артефакт. А я, братцы, повидал этого добра на своем веку предостаточно.

Перекрученная штуковина из неизвестного материала приятного вишневого цвета лежала передо мной. Хочешь — бери, хочешь — беги.

Я мысленно погладил по вертлявой головке птичку-интуицию и снял с пояса герметичный контейнер. Обращаться с артефактами стоило крайне осторожно, ибо даже у самых распространенных из них не все свойства были досконально изучены. Что уж говорить об образце вне классификации. Интересно, эта хреновина сильно излучает? Эх, блин, как не вовремя ПДА со встроенным счетчиком Гейгера отказал-то...

Когда я закончил с помощью диэлектрического огнеупорного пинцета упаковывать находку и наконец выпрямился, то обнаружил чрезвычайно неприятный момент. Казус, как говорил мой хороший знакомый, неимоверный.

Возле дальней печи с приоткрытой заслонкой стоял коренастый мужик в кожанке и направлял на меня «Абакан» без подствольника. Я сразу узнал в нем Беса — главаря одного из местных бандитских кланов. Он в отличие от основной массы этого криминального отребья обладал выдающимися умственными способностями и не кичился тем, что живет по понятиям.

— Отдай хабар, Минор, — крикнул он. — И уйдешь отсюда живым.

— Скорее я под выбросом нагишом позагораю, — откликнулся я, прикидывая, в какую сторону лучше прыгнуть, чтобы не сломать хребет и успеть достать из-за плеча автомат.

Расклад, по предварительным расчетам, получался хреновый. Прыгать-то можно было и вправо, и влево, а вот с оружием заминочка выходила. Я не успевал добраться до автомата. Ну никак. Насколько я знал, Бес отлич-

ный стрелок, и ему не составит особого труда изрешетить меня, прежде чем я ладонь на цевьё положу. Паршивец не сделал этого до сих пор лишь по причине рудиментарного благородства: типа, в безоружных не стреляют.

Оставался либо пистолет, либо нож.

Мой отлично сбалансированный «десантник» на таком расстоянии малоэффективен, ибо я не смогу быстро выхватить его из ножен и точно попасть в Беса. Значит, старина «Бэн».

Я провокационно поинтересовался сквозь шум дождя:

— Пристрелишь?

— Брожу себе, никого не трогаю, — хмыкнул Бес, словно не услышал моего вопроса. — И тут ты заявляешься. Я схоронился в печке, значит. Думаю, пережду, чтобы не палить место... — Он вдруг замолчал и цыкнул зубом. — А ты везучий сукин сын, Минор. Как тебе удалось так быстро отыскать «бумеранг»?

«Бумеранг», стало быть, отметил я про себя. Так, значит, Бес знал, что искал. Вслух же съязвил:

— Мне министр обороны Украины нашептал, что он под колодезной крышкой лежит.

— Очень не хотелось дела...

Я пошатнулся вправо и резко сиганул влево, одновременно вытягивая пистолет из кобуры. В полете я успел выстрелить дважды, а Бес выпустил в мою сторону целую очередь. К счастью, мимо. Облачка пороховых газов некоторое время разбивались дождевыми каплями, скрывая мое дальнейшее перемещение.

Больно приземлившись на бок, я перекатился, ушел с возможной линии атаки и двумя скачками оказался за ближайшим железным резервуаром. Ни останавливаться, ни медлить было нельзя, потому что Бес уже обходил меня по широкой дуге, прыгая с детали на деталь и посыпая свинцовым градом. Я, рискуя переломать ноги, перебежал за тыльными сторонами печей к дальней, в которой прятался Бес, и на излете мысли заскочил внутрь, чуть не шарахнувшись башкой о край заслонки.

Бандит быстро сообразил, что его примитивно обошли с тыла, и тут же блокировал меня в печи. Он попробовал было сунуть ствол внутрь, чтобы открыть неприцельный огонь, но я уже успел вскинуть «калаш» и так зарядил по кончику «Абакана» одиночным, что гаду чуть кисть не вывернуло дернувшимся автоматом. Тут бы мне и атаковать, но я, как назло, замешкался. Бес подобрал выбитое из рук оружие, безрезультатно попробовал еще пару раз достать меня рикошетом и затаился.

Так возникла патовая ситуация, в которую мы сами себя загнали.

Дождь продолжал стучать по железному боку резервуара, и раскатистые удары капель сливались в неприятный угнетающий гул, похожий на шепот ужасного монстра.

Я сидел внутри. Бес — снаружи.

Внезапно я почувствовал движение на внутреннем дворе кирзавода, и в монотонный шепот ливня добавился какой-то новый звук.

Мне стало дюже не по себе.

— Опачки, — прокомментировал Бес. — Приехали. Крышка тебе, фонящее тело.

Мне сделалось еще неуютней. То ли пугает, то ли и впрямь что-то там происходит, что мне не видать отсюда, а загривком чую.

— Слышал о блуждающих «жарках»? — участливо осведомился Бес. И резюмировал самым елейным тоном, на который был способен: — Одна из таких штук сейчас уверенно дрейфует к тебе.

Я промолчал, продолжая сосредоточенно смотреть через прорезь в прицельной планке на светлое пятно возле заслонки. Если это блеф, то ни в коем случае нельзя идти на поводу у лукавого хмыря и вступать в диалог.

— Не веришь, — утвердительно крикнул Бес. — Интересно, что ты предпочтешь: выскочить под мою пулю или заживо сгореть в этой плавильне, когда «жарка» доберется до тебя?

И тут я почувствовал, будто стало теплее. Кончики пальцев заколoло, волоски на предплечьях зашевелились. Судя по внешним признакам, неподалеку действительно оказалась «жарка». Демоны Зоны! Ведь еще полчаса назад на территории комбината не было никаких аномалий! Это по меньшей мере нечестно.

— Метров пять осталось до контакта и разрядки, — цинично сообщил Бес.

Я крепился из последних сил, чтобы не нахамить ему и не выбежать из этой проклятой печки. К тому же меня долбанул приступ клаустрофобии. Пространства вокруг будто бы стало меньше, темный свод начал плавно опускаться...

Если «жарка» разрядится возле резервуара — я превращусь в горку пепла.

— Артефакт тоже сгорит, — крикнул я наконец. — Не жалко?

— Не сгорит, — уверенно ответил Бес. И от его тона мне стало окончательно погано, братцы.

Я уже слышал, как за стеной шипят капли дождя, попадающие в активную область «жарки». Правое плечо ломило, автомат плясал в руках, пальцы не слушались.

— Пока, бифштекс, — донеслось снаружи.

Спустя полминуты, когда от железного свода повеяло нестерпимым жаром, я рефлекторно отшатнулся в противоположную сторону, задел стволом «калаша» собственный ботинок, споткнулся и обидно растянулся на горячем полу. Контейнер с артефактом зацепился за край рюкзака и раскрылся.

Заветная спиралька выскочила и сверкнула прямо перед моим носом.

Неужели я неплотно закрыл герметичный короб?..

Вспыхнуло.

Волна озона метнулась в ноздри.

Пальцы рефлекторно заскребли по полу, загребая липкую труху...

В первый миг я решил, что сработала «жарка». Но потом обнаружил, что все еще жив и даже не покрыт зо-

лотистой корочкой с ржавой панировкой. Произошло нечто иное.

Лента Мёбиуса, которую Бес назвал «бумерангом», налилась вишневым светом, который исходил из ее центра, где плоскости изгибались и соприкасались самыми краешками. Артефакт завибрировал, издал протяжный свист на грани слышимости, еще раз вспыхнул и погас, будто перегоревшая лампочка.

А вот окружающий мир неуловимо изменился. Нечто чужеродное дотронулось до нервных окончаний, сняло слепки с мыслей, втекло, казалось, в самую душу.

Я обратил внимание, как снаружи, за приоткрытой заслонкой, вытянутые капли воды, летящие с неба, замедляют свое движение и взрываются, превращаясь в пар. «Жарка», по всей видимости, начала разрядку. Только... словно бы в замедленном темпе.

Дольше ждать я намерен не был.

На свой страх и риск я подобрал артефакт голыми руками и уставился на него, как на матерого тайпана. Секунда, две, три... Ничего не произошло. Тогда я, подхватив автомат и пистолет, бросился наружу. Будь что будет, а жить охота, как говаривал один мой знакомый.

То, что происходило дальше, я бы не взялся воспроизвести в деталях...

Вывалившись из печи, я резво крутанулся, сориентировался, взял Беса на мушку и приготовился открыть огонь на поражение, но указательный палец так и не сдвинул с места спусковой крючок. Я замер. С бандитом что-то было не так. Он выронил оружие и пятился назад, неуклюже спотыкаясь, ошалело глядя на меня дико расширившимися глазами и хватая ртом воздух. Руки его были заломлены неестественным образом, их словно свело судорогой. В пронзительном взгляде бесновался целый океан отчаяния и первобытного страха, зрачки превратились в огромные чернильные точки. Я решил было, что за моей спиной мутант или еще одна смертельная аномалия, но птичка-интуиция услужливо подсказала: там пусто.

На заброшенном кирпичном заводе были только я и Бес.

Капли дождя превращались в крошечные облачка пара в радиусе метров десяти, что делало картину окончательно фантасмагорической.

Беса продолжало неудержимо волочь в плавильню. Складывалось впечатление, что его тащит за шкирку кожанки чья-то сильная рука. Бейсболка слетела с головы бравого бандита и валялась в мутной жиже возле почившего бульдозера...

Бес так и не сумел выдавить из себя ни слова.

Ни крика.

Ни звука.

Когда измазанные глиной подошвы ботинок скрылись за тяжелой заклинившей заслонкой, «жарка» наконец сработала, мгновенно раскалив печь докрасна и вскипятив окружающие лужи. Из жерла полыхнул короткий язык пламени и сыпанул пепел.

— А вот теперь прощай, братец бифштекс, — сказал я, подбрасывая на ладони загадочный артефакт.

И капли перестали лопаться.

Глава вторая. Бар «№ 92»

Возле берлоги Сидоровича стоял железный ящик, наполненный пустой стеклотарой. Дверь, как и следовало ожидать, оказалась наглухо заперта изнутри. Это могло означать только одно: барыга впал в штатный трехдневный запой.

Демоны Зоны! Как не вовремя!

Злой, измотанный и грязный, я несколько минут долбил в железную переборку, надеясь, что старик еще не до конца вошел в штопор или, как он сам это называл, в состояние просветления ума и коллапса печенки. Как результат — я отбил кулак и оцарапал кожу на носке берца, но продолжал упорно колотить в дверь. В конце

концов из лагеря сталкеров пришел хмурый охранник Тимур и похлопал меня по плечу. Будь я чуть менее сдержанным человеком, сломал бы ему руку. Но я ж от природы миролюбивый тип, братцы. Не могу калечить людей по первой прихоти...

С разворота я зарядил Тимуру ладонью в лоб. Он ойкнул, но устоял на ногах. А я уже держал его на прицеле «калаша».

— Минор, ты чего, совсем нюх потерял? — Азиат удивленно глянул на меня исподлобья.

— Тимур, открой бункер и проводи меня к Сидоровичу.

— Шеф занят.

— Я в поганом расположении духа, Тимур. Впусти.

— Да не могу я! Ключ только у него. — Татарин сдвинул в сторону от своей груди ствол автомата и грубо оттеснил меня от двери. — Уже вторые сутки не выходит, пьет. Завтра приходи. И вот еще что... Если ты еще раз меня ударишь — я тебя пристрелю, как слепого пса. Не посмотрю, что уважаемый бродяга.

— Верю. За мной должок.

— Хабаром отдашь или чистой жратвой. Иди к ребятам, отогрейся, чайку попей. А то ты и правда какой-то напряженный.

— Нет. Я почапал в «№ 92». Передай Сидоровичу, что он — старый осел. И намекни: Минор хотел, мол, ему «бумеранг» предложить.

Тимур пожал широкими плечами и кивнул. Я забросил «калаш» на плечо и, не оглядываясь, пошел в сторону железной дороги.

Останки кабана уже убрали, труп солдата, которого милая животинка подняла на клыки, тоже. Пашня на месте схватки была тщательно взрыхлена. Мне пришлось заново прокладывать себе тропу при помощи миноискателя, чтобы не напороться на противопехотки, которых здесь наверняка наставили во избежание очередных попыток прорыва Периметра борзыми мутантами. На этот

раз преодоление полосы отчуждения прошло без эксцессов, если не считать чуть не сорванной растяжки и втоптанной в размытый дождем чернозем таблички «Мины». Последнее я сделал без определенной цели, просто чтобы сбросить нервное напряжение.

Возле брошенного блокпоста все еще лежала груда «ежей», под которой покоились останки снорков. Туман после ливня был не такой густой, поэтому видно было далеко, до самой дорожной развилки. Чуть правее угадывались очертания каркаса бывшей автобусной остановки, напротив которой возвышалось пристанище вольных бродяг.

К бару я подошел примерно в половине десятого, когда небо уже налилось свинцом, вороны затянули последнюю вечернюю песнь, а с КПП Внешнего Периметра, который находился километром южнее, ввысь взлетела красная ракета, предупреждающая: проход на периферию Зоны закрыт до 7:00 утра.

Здание, в котором располагался бар-мотель «№ 92» стояло на обочине трассы, по которой теперь ездили разве что военные джипы да редко громыхали грузовики, везущие в сопровождении пыхтящих бэтээров какие-то ящики со стороны Янтаря. Двухэтажная кирпичная постройка в форме буквы «П» с заколоченными окнами и бронированной дверью могла при желании служить самой настоящей крепостью для своих владельцев и завсегдатаев. По крайней мере легкую недельную осаду здесь можно было выдержать. А запасов воды и провизии в подвальных помещениях хватило бы на пару месяцев.

Мало кому приходило в голову, что раньше это здание принадлежало обыкновенной сельской школе.

Одинокая лампочка ватт на сорок с натугой освещала косо лежащую бетонную плиту с изогнутым железным прутом. Я взошел на импровизированное крыльцо и соскреб об арматуру пласты грязи с подошв. После чего принялся методично долбить прикладом в дверь.

Минуты через две клацнул засов, и в узком смотровом окошке появились заспанные глазки местного вышибалы. Кажется, его звали Ерофей.

— Шастають боровы клятие... — проворчал он с сильным украинским акцентом. Потом прокашлялся и, щурясь, осведомился: — Минор, ты, что ли?

— Нет, пес чернобыльский, — зло сказал я, откидывая капюшон.

— Ага, — фыркнул вышибала, — наблюдаю знакомую лысину и горбатый нос.

— Сам таким станешь, если не откроешь сейчас же, — пообещал я и для острастки еще разок долбанул прикладом рядом со смотровой щелью.

Из-за двери донеслись матюги, лязгнул основной запор — стальная балка в два пальца толщиной. Скрипнули петли, и на пороге показалась кряжистая фигура в старой гимнастерке и мешковатых шароварах. На ногах у вышибалы белели новенькие кроссовки — видать, с какого-то нерасторопного новичка снял.

Он машинально провел допотопным дозиметром вдоль моего торса, глянул на показатели и отступил в сторону.

— Только не засри мне тут все. Весь в дерьме и несет, как от компостной ямы.

Я сделал шаг и остановился. Медленно повернул голову и посмотрел прямо в глазки этому охламону. В свете слабенькой лампочки они напоминали крохотные оловянные бусинки покойного кабанчика, который обнюхивал меня на Периметре. Ерофей чуть склонил голову набок и расширил ноздри, окончательно укрепляя сходство с парнокопытным мутантом.

— Бр-р... — Я передернул плечами. — Ну ты и урод.

Вышибала, видимо, не ожидал такой характеристики от вымазанного, как чушка, москаля, пришедшего черт-те откуда, поэтому отвалил квадратную челюсть и впал в продолжительный культурный ступор.

Я, нарочно сильно топая, чтобы побольше грязи оставалось на ступеньках, спустился вниз и толкнул дверь

в основной зал. Щуплый бармен Чижик тут же крутанулся за стойкой, словно охотничий пес, почуявший дичь, и презрительно сморщил нос.

Я не стал мучить бедолагу своим присутствием.

— Чижик, мне нужна комната с душем.

Бармен снял со стенда номерок и бросил мне, не рискуя передавать из рук в руки. Я поймал на лету звякнувший ключ и, оставляя чудовищные следы на подметенном полу, вышел в боковой коридор. Ничего, еще раз уберутся. Они за это бабло получают, в конце концов.

В раздевалке двое желторотиков разбирались с кодовым замком своего шкафчика. При моем появлении новички застыли, как изваяния, и уставились на разгрузочный жилет, на котором все еще оставались бурые следы сноровьей крови. Я неторопливо протопал к сейфу с кривой надписью «Хабар Минора. Не влезай, убью», выведенной маркером прямо на дверце, и ловко покрутил ручку шифр-кольца. 22 деления влево, 4 вправо и снова влево. 20, а затем 7. Запоры щелкнули, и мой личный шкаф открылся. Я осторожно потянул дверцу на себя, просунул палец в образовавшуюся щель и скинул петельку растяжки с напаянного крючочка. И только после этого полностью открыл сейф. Граната с прицепленной к чеке проволочкой мягко откатилась внутрь. Желторотики сглотнули и, перешептываясь, вернулись к изучению своего замка.

Братцы, вы когда-нибудь забирались под душ по возвращении из многодневного похода? Хорошо было? Верю, что хорошо. А теперь возведите это ощущение в квадрат, приплюсуйте четырежды чудом спасенную от растерзания собственную шкуру, и вы сумеете приблизительно оценить степень кайфа, который я получил, постояв под струями едва теплой воды, которые прыскали из металлической лейки целых две минуты. Ровно столько было положено в мотеле «№ 92» каждому, кто заказывал комнату с душем.

Растерев тело относительно чистым вафельным полотенцем и сбрив «опаской» недельную щетину, я и во-

все почувствовал себя богом. Изгвазданные шмотки нужно было стирать, но в тот момент я не хотел даже думать о столь низменных проблемах. На скорую руку раскидав рюкзак и облачившись в запасной камуфляж, я запер оружие вместе с грязной одеждой в сейфе, оставив на портупее только «десантник» в ножнах и контейнер с артефактом. В кошельке еще шуршало достаточно денег, чтобы прилично пообедать в баре с ханкой и девками, поэтому договариваться с прижимистым хозяином «№ 92» Фолленом о продаже уникального хабара я решил после плотной жрачки и крепкого сна.

В главном зале было немноголюдно — да оно и понятно: час-то уже поздний. Из-за дальнего столика мне приветственно помахали Зеленый с Дроем, которые уже изрядно шлифанули мозги спиртным и теперь резались в «треньку», взяв третьим какого-то незнакомого мне бродягу с козлиной бородкой и татуировкой парашютиста на оголенном плече. В углу примостились четверо сталкеров из клана Лося во главе с лидером — Юркой Погуляем. Они рьяно курили и обсуждали детали предстоящей вылазки в Рыжий Лес. Возле входа приютилась незнакомая коротко стриженная деваха. Она копалась в своей сумочке, но, завидев меня, перестала перебирать бирюльки и надела очки.

Надо же, Фоллен взял на работу новую шлюху с закосом под интеллигентку. Оригинально, прямо скажем. Нужно будет заценить.

Я заказал Чижику триста ханки, кусок хорошо прожаренного бифштекса в честь почившего в печке Беса и двойную порцию картофельного пюре. Жрать хотелось просто зверски.

Музыка играла негромко, и я расположился за крайним правом столиком, возле древней 8-омной колонки «Томь», больше похожей на потертую тумбу. Присоединяться к Зеленому с Дроем не стал: пусть себе спокойно облапошивают самоуверенного бородатого десантника, который думает, что умеет виртуозно играть в «треньку».

Лидер клана Лося меж тем рассказывал о своем боевом опыте, который мог пригодиться во время рейда к Рыжему Лесу.

— В тяжелом противорадиационном костюме драться неудобно, сами понимаете, — вещал Юрка, закуривая очередную сигаретку. Пепельница в центре стола уже ломилась от бычков. — Пришлось мне однажды вляпаться в ситуацию, когда оказался я нос к носу с матерым кровососом. На мне — хламида, и защитой обвешан по самые уши. Этот гад врубает стелс-режим и начинает обходить с тыла. А местность болотистая, особо не попрыгаешь. Я разворачиваюсь и из подствольника как шарахну на звук! Мимо. Чувствую, кровосос уже с фланга подбирается и вот-вот прыгнет, а развернуться уже не успеваю — костюм тяжелый, сами понимаете...

— Да и тварь шустрая, хотя и габаритная, — понимающе кивнул Леха, молодой, но уже усатый парень.

— Вот-вот! Тут и крышка бы мне настала, если б этот паразит сам по дурости в топь не попал. Аж по пояс ушел, заверещал, замерцал и опять видимым стал. В общем, я его, как в тире, расстрелял — только ошметки в разные стороны полетели.

— Значит, когда в Лес будем заходить, нужно легкую защиту надевать, но действовать оперативно, — предложил Леха. — А то за одну ходку годовую норму по рентгенам выберем.

— Вот-вот. — Погуляй затушил окурок и облизнул сухие губы. — Именно это я и хотел сказать.

Забавные они, эти ребята из клана Лося. Звезд с неба не хватают, но держатся вместе, зря рисковать не любят. Взаимовыручка у них в почете. Наверное, поэтому и не перебили этих гавриков до сих пор. Что ж, каждый в Зоне выживает по-своему.

Чижик принес заказ. Я сразу расплатился и всецело отдался во власть чревоугодия и алкоголизма.

— Приятного аппетита.

Я скосил глаза вверх и оценил выпуклые формы под светло-коричневой камуфляжной футболкой. Негусто, прямо скажем. Но на разок-другой покувыркаться — сойдет.

— Я устал. Подойди часов через десять.

Коротко стриженная девушка непонимающе похлопала ресницами, поправила на переносице аккуратные очки и шаркнула каблуком ботинка. Ладно хоть не на шпильках приперлась.

— Вы меня не так поняли, — наконец выдавила она и в неубедительном гневе сверкнула карими глазами.

Точно — новенькая.

— Прошу прощения. Бешшпорно, — жуя мясо, ответил я. — На шамом деле ты не шлюха. Ты штарший научный шотрудник НИИ «Агропром».

Кажется, у девушки перехватило дыхание. Щеки пошли красными пятнами, а кулачки непроизвольно сжались. Вот ведь напасть! Кого Фоллен притащил в нашу дыру? Кисейную барышню из Барвихи, постоянную клиентку бутиков? Совсем уже одурел хозяин номера 92 — этаких впечатлительных сучек на работу брать...

За дальним столом гыгыкнул Зеленый, и это мне сразу не понравилось. Донельзя воспитанный сталкер без повода, как правило, не гыгыкал. Я перестал жевать и поднял голову, вопросительно глядя в сторону тасующих карты бродяг. Зеленый снова гыгыкнул. Я напрягся и хотел было поинтересоваться, в чем, собственно, дело, но ситуацию прояснил Дрой. Он обернулся и, предвосхищая мой вопрос, поведал с мерзкой ухмылкой:

— Она журналистка. Очень хотела поговорить с уважаемым сталкером Минором.

Опа...

Конечно, зачем же заранее предупреждать голодного измотанного бродягу о том, что по его душу пожаловала папарацци, если можно для начала насладиться халявным спектаклем.

— Сволочи, — прошипел я. — Передушу всех. А тебе, Дрой, брови твои сивые повыдергаю пассатижами.

Девушка продолжала обиженно сопеть над ухом. Я отложил вилку и выдвинул из-под стола табурет.

— Садись.

— Вы хам!

Я подождал несколько секунд, задвинул табурет обратно и невозмутимо продолжил трапезничать. Нашлась цаца. Журналистка, шлюха... да хоть заслуженная фрезеровщица всея Запорожья — какая разница, в конце концов? В Зоне все равны.

Девушка рывком достала несчастный табурет и уселась на него, автоматически положив ногу на ногу. В свободных армейских штанах, начисто скрывающих истинные формы ее ляжек, жест получился абсолютно неэффектным и даже нарочитым. Впрочем, мне-то что.

Она поправила очки и попросила:

— Закажите, пожалуйста, что-нибудь перекусить.

— Быстро спесь сошла, — не удержался я, подзывая бармена. — Чижик, принеси даме еды.

— А вам не интересно, что я хочу? — возмутилась журналистка.

— Не-а.

В этот раз девушка сопела не дольше минуты. Молодец, скоро привыкнет к местным обычаям, и тогда с ней можно будет по-человечески разговаривать.

— Меня зовут Лата, — представилась она. — Я из УФГ.

— Занятно. А у меня в одном из схронов возле Темной Долины есть РПГ.

— Что?

— РПГ. Ручной противотанковый гранатомет.

Девушка некоторое время непонимающе глядела на меня поверх очков, а потом наконец улыбнулась.

— Я поняла шутку. Конечно же, вы в этом диком мире можете не знать, что такое УФГ. Это Украинская федеральная газета.

— Неимоверно счастлив, — кивнул я. Взял с подноса у подошедшего Чижика тарелку с разогретой перловкой и поставил перед Латой. — Ешь.

— Это... каша? — с опаской подковыривая серую массу вилкой, уточнила она.

— Каша. С мясом.

— Я жирного стараюсь не есть...

Зеленый приглушенно гыгыкнул.

Я налил себе полстакана ханки, замахнул залпом и перегнулся через стол, чтобы оказаться к журналистке поближе.

— Тогда не ешь. Плати и убирайся подальше за Внешний Периметр, пока тебя не трахнули. Здесь, знаешь ли, мужики особыми комплексами на этот счет на страдают — возьмут за космы, в подвал затащат и всей компашкой отоварят. А так как ты официально не работаешь ни на одного из торговцев, то никто за твою разодранную промежность ломаного болта не даст.

Лата положила вилку и долго смотрела на меня в упор, поджав губы. Глаза ее сузились, на шее еле заметно пульсировала жилка. Крепкая, скажу я вам, братцы, баба — другая на ее месте уже рыдала бы в три ручья, заламывала в истерике ручонки и обзывала меня нехорошими словами с видом оскорбленной невинности.

Девушка буравила мой лоб взглядом еще добрую минуту. А потом она, так и не обронив ни слова, взяла ополовиненную бутылку и щедро приложилась прямо из горла. Закашлялась, прыснула водочными брызгами во все стороны, но проглотила и выпрямилась на табуретке, словно ей кол в причинное место затесали. Из глаз незамедлительно потекли слезы, оставляя темные разводы туши на щеках. Я мысленно накинул ей несколько пунктов уважения по личному оценочному рейтингу, но даже пальцем не пошевелил, чтобы подать салфетку или платок. Много чести.

— Это что, скипидар? — хрипло спросила Лата, покосившись на бутылку без этикетки.

— Обыкновенная водка. Запасы с военных складов. Великолепно выводит радионуклиды из организма.

— Да уж... Вместе с духом вышибает. Обычно я крепче вина ничего не пью.

— Красное сухое тоже от облучения помогает. Но, во-первых, его нужно выпить в три раза больше, а во-вторых, такую роскошь в Зоне раздобыть непросто.

Журналистка достала из недр сумочки платочек, сняла очки и, промокнув возле переносицы, глянула на меня разоруженным глазом.

— Я делаю репортаж о сталкерах, — сообщила она и вновь ковырнула вилкой перловку. — Дашь интервью?

Ушлая. «Тыкать» уже начала.

— Девочка, — мерзко ухмыльнувшись, сказал я. — Вали обратно в Киев, или откуда ты там взялась, и пиши о рок-звездах или о том, как вы российский газ воруете.

Лата склонила голову набок, и в ее взгляде мелькнуло что-то неприятное, холодное.

— Думаешь грубостью от меня отделаться? Напрасно. Тебя прозвали Минором еще в школе из-за непохожести на мажорных мальчиков, которые никогда не принимали таких оборванцев в свою тусовку. Вот ты и решил нарочно стать другим, выбрал противоположную сторону жизни.

Я насторожился. Интересно, откуда эта деваха могла узнать столь интимные подробности?

— Не напрягайся так, — улыбнулась она. — Никакого досье на тебя нет; по крайней мере я его точно не видела. Просто кое-какую инфу мне подкинул главред. Так, ерунда: общие сведения о чернобыльской Зоне, краткие характеристики нескольких известных сталкеров. Мне твоя кандидатура показалась любопытной, и я решила сделать тебя героем материала.

«Какой занятный главред, — отметил я про себя. — Раздобыл инфу о бродягах и послал молодую девчонку разбираться. Странный главред, прямо скажем».

Чижик собрал со стола грязную посуду, подхватил тарелку с перловкой, к которой Лата так и не притронулась, и, стрельнув глазками в неглубокое декольте девушки, ретировался за стойку.

После всех перипетий рейда, стакана ханки и плотного ужина меня начало клонить в сон, но тут, как назло, дал о себе знать непредсказуемый мини-сталкер. Вот ведь каналья! И чего ему спокойно в штанах не сидится. Нужно же сначала отдохнуть, а уж потом подвиги совершать.

Я выпил еще полста в надежде, что на него тоже подействует. В голове с устатку уже порядочно шумело.

— Почему это заведение называется «№ 92»? — спросила Лата.

— Представления не имею, — честно ответил я. Крикнул: — Чижик! Почему бар называется 92?

Бармен глянул на свет только что протертый граненый стакан и пожал плечами.

— Это порядковый номер урана в таблице Менделеева. Наверное, Фоллен хотел продвинуть концептуальную идею в массы.

О как, порядковый номер урана — основного топлива для ядерных реакторов... Колотить мой лысый череп! А что? Вполне себе оригинальный вариант. Нужно будет на досуге посоветовать Фоллену, чтоб запатентовал перспективный брэнд и продал какому-нибудь московскому ресторатору. И антуража подкинуть: грошового хабара, чучело тушкана, потрепанный комплект химзы и коренной зуб псевдогиганта в довесок. От посетителей отбоя не будет, а мы с Фолленом на процентах озолотимся.

Допив ханку, я почувствовал, что начинаю терять связность мысли, а это — тревожный звоночек. Сталкеру негоже шататься по бару в пьяном виде с уникальным артефактом. Скоммуниздят, чего доброго, — скотов и подлого отребья везде хватает, в том числе, к сожалению, и здесь.

Все, пора в люлю.

Я мысленно осадил мини-сталкера, который до сих пор жаждал деятельности, и, громыхнув стулом, выбрался из-за стола. Галантно сделал даме ручкой и направился в жилое крыло. Однако возле двери Лата меня догнала и рывком развернула к себе. Ох, какой же я все-таки миролюбивый сукин сын! Другой бы на моем месте лапку этой дуре доморощенной сломал.

— Ну? Чего ты ко мне привязалась? — Я резким толчком сбросил ее ладонь с плеча.

— Знаешь что, дружок, — фамильярно заявила Лата, — я не за тем сюда через пол-Украины перлась и взятки миротворцам на КПП давала, чтобы любоваться на пьяные выходки тупоголовых болванов. Мне материал...

Я неуловимым движением взял ее за горло и легонько сдавил. Девушка моментально осеклась и засипела, вцепившись ноготками в мое запястье. Ну-ну, поцарапайся — авось полегчает.

После такого моего демарша мини-сталкер обалдел и слегка угомонился.

— Послушай, кукла, — тихонько проговорил я, обдавая беззвучно разевающую рот Лату перегаром. — Ты не по адресу заскочила, ясно? Это не курорт. Не ролевая игра и не киносъемки. Это Зона. Здесь давно идет ничья война. Внутри Периметра властвуют предательство, человеческая корысть и нечеловеческие аномалии. Здесь, представь себе, случается по-настоящему умирать за дешевые консервы и никчемный хабар. Уходи.

Я разжал пальцы, и Лата наконец смогла полноценно вдохнуть. Она некоторое время держалась за горло и смотрела на меня поверх очков со смесью ненависти и профессионального упрямства.

Мне нужно было демонстративно хлопнуть дверью перед этим вздернутым носиком, чтобы окончательно подвести черту под несостоявшимся разговором. Но я не сделал этого сразу, и с каждой секундой почему-то становилось все труднее просто развернуться и уйти. В ноги словно ваты напихали, а тело отказывалось повиновать-

ся голосу разума. Скорее всего так чувствует себя человек, попавший под пси-воздействие контролера — редкого мутанта, встречающегося ближе к центру Зоны и могущего запросто выжечь мозги незадачливому сталкеру.

— Я не уйду, пока не соберу достаточно фактуры для репортажа, — громко и четко произнесла Лата. — Что, придушишь?

Оказывается, она была не просто твердолобая, но и бесстрашная вдобавок. Правда, в крепких стенах бара особой смелости не требовалось — это тебе не топкие дебри Зоны, — но все же...

С огромным неудовольствием я заметил, что на нас смотрят все завсегдатаи, Чижик и выбравшийся из подсобки щуплый хозяин «№ 92». Как охарактеризовал бы подобную ситуацию один мой хороший приятель: казус получался неимоверный.

— Нужна фактура? — с вызовом уточнил я у настойчивой журналистки. — Пойдем.

Развернулся и с силой распахнул дверь, чуть не сорвав пружину. За дальним столиком в очередной раз гыгыкнул Зеленый, Чижик тихонько звякнул стеклом, и снова заиграла негромкая музыка.

Я свернул в тускло освещенный коридор, ведущий к спальным помещениям, и быстро зашагал к своей комнате. Надо же было так испоганить мне вечер после удачного рейда! Одна маленькая, изнеженная цивилизацией девчонка сумела свести на нет все положительные эмоции, которые аккумулировал загадочный артефакт, не только спасший мне жизнь, но и суливший баснословные барыши, если суметь его грамотно загнать Фоллену или Сидоровичу.

Я надеялся, что у журналистки хватит ума не идти за мной. В конце концов, должен же у этой наглой бабенки быть элементарный стыд и чувство собственного достоинства.

Мои надежды пошли прахом. Лата подошла и встала за моей спиной, когда я достал ключ и повертел его в

пальцах, не спеша открывать дверь в комнату. Она напористо сопела мне в затылок. Так, наверное, сопит обиженный ребенок, которого родители не хотят брать с собой в гости. Не возьмусь утверждать наверняка — у меня никогда не было детей...

— Зачем тебе понадобился скромный сталкер Минор? — не оборачиваясь, спросил я.

— Ты ходишь в Зону уже больше семи лет.

— И что с того? Таких, как я, — десятки.

— Возможно. Но ты единственный, кто остался жив и не свихнулся. Ну и... пока еще окончательно не спился.

Я быстро перебрал в уме всех вольных бродяг, которые топтали Зону больше пяти лет кряду. У меня получился довольно внушительный список. Отфильтровав алкашей и отчаявшихся неудачников, я мгновенно укоротил список вдвое. А потом вдруг понял, что из всех оставшихся, никто не ходил за Периметр больше 6 лет.

Братцы, а ведь и впрямь получается, что из всех ныне активных сталкеров я самый «долгоживущий». Приятно, черт побери. Хотя... чему тут особо радоваться? Плакать надо. Чем дольше лавируешь по тонким граням меж аномалий и мутантов, тем выше шанс не вернуться из очередного рейда. И не нужно быть гением, чтобы осознавать сей прискорбный вероятностный факт.

Я вошел в комнату, сбросил ботинки и уселся на тахту, оставив дверь открытой. Пусть делает что хочет. Надоела.

Лата постояла некоторое время в коридоре и решительно переступила порог. Кажется, от нее пахло цитрусовым шампунем и еще каким-то парфюмом. Удивительно, почему я только теперь обратил на это внимание? Ведь эти ароматы явно выбивались из общего смрада Зоны и удушливо-пресной атмосферы бара. Видимо, мое обоняние притупилось из-за пороховых газов, постоянно жгущих ноздри, да приевшейся вони болотного перегноя. Плохи дела — старею.

Девушка прикрыла за собой дверь и оглядела спартанский интерьер стандартного номера.

Стол с изрезанной столешницей. Крохотная пачка чая, кипятильник и графин с литром отфильтрованной воды. Низкая тахта, накрытая клетчатым пледом, который одновременно служил и одеялом, грубый деревянный табурет, желтый эмалированный таз для стирки, полка с книгами, названия которых давным-давно стерлись с потрепанных корешков, герметичный сейф для хабара и просроченный порошковый огнетушитель в углу. Ну и тесная душевая кабинка, отгороженная замыленной полиэтиленовой занавеской.

На стене висел постер с изображением голой бабы на фоне узнаваемого пейзажа Свалки. Сиськи находились на уровне покореженных вертолетных лопастей, а дрябловатый зад едва «умещался» в гигантском экскаваторном ковше. Внизу красовалась гениальная надпись крупным кеглем: «Свалка — раздевалка!» За подобный урбанистический креатив я бы при случае фотографу руки оторвал, чес-слово.

Лата приподняла бровки и деликатно отвела взгляд от идиотского шедевра пропаганды.

Что ж, понимаю ваше смятение, сударыня. Это вам не модный люкс с видом на море. Но усталым бродягам такие скучные с виду комнаты кажутся роскошью после бесконечной сырости и слякоти, которая царит внутри Периметра.

Лата присела на табурет и бросила сумочку на стол. В неярком свете вкрученной в настенный патрон лампочки ее камуфляж-песчанка был похож на пятнистую шкуру леопарда. В овальных линзах очков подрагивали блики, скрывая выражение глаз.

— Есть чай, — сказал я. — Заварить?

— На ночь вредно пить чай.

— А я протрезвел. И мне просто зверски хочется крепкого чаю.

Я приподнялся с тахты и протянул руку за невскрытой пачкой. Лицо оказалось возле ее коротко стриженных волос, которые действительно пахли цитрусовым

шампунем. Лата продолжала прямо сидеть, ни на миллиметр не отклонившись в сторону, чтобы мне было удобнее дотянуться до кипятильника...

А когда, неуклюже просыпав сухую заварку, я толкнул ее на тахту — лишь сняла очки и прикрыла глаза.

И я был бесконечно благодарен за то, что она не стала ничего говорить.

У меня давно не было женщины. Нет, конечно, все бродяги регулярно пользовались услугами профессионалок, но те короткие совокупления в полупьяном состоянии — не в счет... Настоящего, некупленного секса у многих из нас не бывало по несколько месяцев, а иногда — что уж юлить! — и лет.

Я запутался, снимая с нее футболку, и Лате пришлось помочь. Она ловко скинула одежду, оставшись в нижнем белье. Там, в баре, братцы, я серьезно недооценил ее формы: сверху был размер третий, не меньше. Да и попка оказалась славная. Тяжело дыша, я стал расстегивать мелкие крючочки на лифчике. Вот что значит потерял навык! Ей-богу, обезвредить растяжку с прицепленной гранатой Ф-1 у меня сейчас получилось бы гораздо быстрее. Наконец бюстгальтер отлетел в сторону... Ну а с кружевными стрингами, слава радиоактивным демонам, все оказалось значительно проще...

— Почему ты ушел в Зону, сталкер? — спросила Лата, выпуская тонкую струйку дыма и стряхивая пепел в стакан. Мы лежали уже минут пять и сосредоточенно курили дамские сигареты с ментолом, которые она извлекла из сумочки.

— Был молодой. Хотелось приключений и легких денег.

— Мечты сбылись?

Я улыбнулся. Прикрыл глаза.

— На этот вопрос не существует однозначного ответа. Знаешь легенду о Монолите?

— Слышала краем уха. — Она затушила сигарету. — Расскажи.

— Говорят, что где-то в самом сердце Зоны, под бетонным Саркофагом, которым накрыт четвертый энергоблок АЭС, есть некое образование. Сталкеры называют его Монолит. Этот кристалл якобы возник во время второй катастрофы в 2006 году, когда и появилась аномальная зона вокруг станции. Согласно легенде, если сумеешь добраться до Монолита, то он может выполнить любое твое желание.

Лата приподнялась на локте.

— Кто-то добирался?

— Вроде бы некоторые доходили, — уклончиво сказал я, любуясь ее упругой грудью. — Вот только с желаниями всякий раз возникала заминка.

— Почему?

— Монолит — вовсе не волшебная палочка. Некоторые ученые выдвигают гипотезы, что он является представителем инопланетного разума, но это скорее домыслы, чем правда... Так вот. Монолит не просто автоматически исполняет волю визитера, озвученную вслух или представленную мысленно. Он видит человека насквозь, он словно бы заглядывает в душу и осуществляет самое заветное, самое сокровенное желание, о котором человек зачастую даже не подозревает. А откуда нам знать, что в нас истинно, а что лживо? Мы ведь любим перед приходом гостей выставлять напоказ прибранную комнату, а весь хлам запихивать в кладовку, чтоб никто не видел.

— Но искушение велико, верно?

— Да. Именно поэтому время от времени находятся смельчаки, которые готовы рисковать собой, чтобы добраться до Монолита. Кто-то жаждет власти, кто-то богатства, некоторые даже искренне хотят всеобщего счастья. Вот только Монолит видит в людях настоящее, а оно, как правило, гораздо страшнее показушной шелухи.

— Красивая легенда. Что бы ты загадал? Чисто теоретически, понятное дело.

— Не знаю. Никогда не задумывался. Я стараюсь быть практиком и не забивать мозги лишней чепухой.

Мы помолчали.

— Так ты действительно хотел чая? — вдруг спросила Лата, хитро прищурившись. — Или это была показуха?

— Теперь, кажется, действительно хочу... — признался я, и тяжелые веки опустились, стирая окружающий мир.

Уже через минуту я провалился в глубокий сон, даже не позаботившись запереть в сейф контейнер с «бумерангом». Самый натуральный желторотик, без особого труда расслабленный женской лаской. Позорище.

И ведь даже прозорливая птичка-интуиция ни разу не клюнула в затылок...

Часы показывали 11:20, стало быть, я продрых часов десять. Все тело ныло, полученные во время рейда раны и ушибы дали о себе знать на полную катушку, и теперь организм устроил мне такую экзекуцию, что в первую минуту я лишь растирал синяки, массировал мышцы и сосредоточенно сопел от боли.

Латы рядом не было. Кто бы сомневался.

Я приподнялся на тахте, щелкнул выключателем и зажмурился от света, который спросонья показался мне нестерпимо ярким. Когда глаза немного привыкли, я окинул взглядом комнату и заметил на столе гермоконтейнер. Каково же было мое удивление, когда я открыл его и увидел красноватую спиральку «бумеранга» в целости и сохранности.

Деваха оказалась либо до безобразия честной, либо до крайности глупой.

Я умылся под тонюсенькой струйкой холодной воды, оделся и только возле выхода обнаружил записку, торчащую в дверной ручке.

Минор, я не стала тебя будить. Ушла на КПП, нужно сделать контрольный звонок в редакцию, иначе там будут волноваться. Вернусь часам к двум. Надеюсь продолжить разговор. Чай на столе, но он уже остыл. :) Лата.

Я тупо перечитал аккуратно выведенные буковки, порвал блокнотный листок и ссыпал клочки в мусорное

ведро. Отлично, Минор! Теперь у тебя есть личная журналистка, готовая в любой момент брать... интервью. Ты еще детей с ней настрогай, дебил.

Пить холодную бурду, когда-то бывшую чаем, я не рискнул. Погасил свет, запер дверь и добрел до раздевалки, немного размявшись по дороге. Вытащил из шкафчика «калаш», подсохший, но до неузнаваемости заляпанный грязью рюкзак, несколько нераспечатанных коробок с патронами и зубную щетку. Нужно привести себя в порядок перед тем, как идти к Фоллену торговаться. Закупорив шкаф, я сунул щетку в карман и направился в бар. Сперва — завтрак, затем — гигиена полости рта.

В этот час в основном зале номера 92 всегда было многолюдно. Сталкеры со всей округи собирались в закордонном заведении, чтобы восстановить силы и на денек-другой отдаться во власть плотских утех. Музыка уже не отличалась мелодичностью, как ночью: низкие частоты ритмично ухали, сотрясая дешевую фарфоровую посуду и барабанные перепонки посетителей. Полуголые девицы отплясывали на самодельном подиуме из автомобильных покрышек и дощатого настила, Чижик еле успевал разливать ханку и собирать выручку, изловленная кем-то на потеху публике слепая собака бесновалась в клетке, лая и скуля на последнем издыхании. Многие бродяги кучковались по кланам, шумно клацая стаканами и вливая в себя литры спиртного, одиночки в основном сидели за стойкой или за дальними столиками и вели себя скромно. Эти давно уже перебесились. Зато новички и отмычки хорохорились и на все лады хвастались друг перед другом хабаром, красная цена которому, как правило, была пара банок тушенки или десяток патронов к ПМ.

Из знакомых рож я сразу приметил Рубероида и Витьку Солончака — опытных подопечных Мишгана, лидера довольно многочисленного клана «Ледяной Дельфин». Эти двое сидели прямо возле извивающихся стриптизерш и время от времени нахально шлепали тех

по замыленным ляжкам. В дальнем углу, за столиком, где накануне Зеленый с Дроем обували лопуха в «треньку», примостились Нервозник, Ромка Забыйгода, Домбрик и Таракан. Эти вольные бродяги отличались грубыми методами достижения цели, которые роднили их с бандитами. Многие предполагали, что они действительно якшаются с уголовным элементом, но не пойман, как говорится, не вор.

Я бесцеремонно оттеснил компанию пьяных желторотиков и протиснулся к стойке.

— Чижик, пиво холодное есть?

— Нет.

— Тогда яичницу и чай.

— Ханки плеснуть?

— Не сейчас.

В ожидании заказа я включил ПДА и скачал почту. В ящик свалилось сотни две писем и сообщений, которые скопились за трое суток, в течение которых я не проверял «мыло». Отсеяв спам и текучку, я остановился на нескольких месседжах, в которых косвенно упоминались мои похождения. Так... *«Накануне произошла стычка военных сталкеров с припять-кабаном западнее основного блокпоста. Погиб один миротворец, его напарник получил легкие ранения. На месте боестолкновения обнаружена «тропа» бродяг. Местность заминирована, охрана сектора усилена...»* Замечательно, спасибо за информацию: больше этим путем через Периметр не пойдем... А это что? Кажется, знакомый некролог... *«Константин Язин по кличке Бес. Лидер бандитской группировки «Соликамские». Смерть. 8:15 по местному времени. Агропром. Заброшенный кирпичный комбинат. Жарка»*. Помянуть, что ли? Нет, пожалуй, не стану: во-первых, ханка с утра в глотку не лезет, а во-вторых, он все равно был порядочной сволочью.

Чижик поставил передо мной тарелку со скворчащей яичницей и стакан с дымящейся мутно-коричневой жидкостью, которую, по всей видимости, нужно было считать

чаем. Я взял вилку, нож и приготовился разделаться с глазуньей, как вдруг сзади раздался знакомый голос.

— Здравствуй, родной. — Гост наклонился к моему уху, чтобы перекричать гремящую музыку. — Жрешь всякую плесень... Не против, если я тебя приглашу в кабинку? Поболтать нужно.

Я кивнул и, подхватив тарелку с «плесенью» и стакан, двинулся вслед за ним через пышущую перегаром массу. Мы добрались до так называемой VIP-зоны, где за отдельную плату можно было снять кабинку на шесть мест и посидеть в относительно спокойной обстановке. К тому же толстые кирпичные стены неплохо глушили надоедливую музыку.

Мы уселись на лавочки друг напротив друга. Сегодня Гост был одет в приличный спортивный костюм и добротные кроссовки. Волосы его, как обычно, были аккуратно уложены, лицо гладко выбрито, ногти чисты и подстрижены. Мне, братцы, наверное, никогда не понять, как этот фраер умудряется так выглядеть в Зоне при том, что ходит в рейды не реже любого другого бродяги.

Гост небрежно махнул рукой над столом:

— Угощайся, брат. За мой счет.

— Как говаривал один мой хороший знакомый, другой бы на моем месте отказался...

В общем, дважды меня упрашивать не пришлось. Я в три замаха умял свою яичницу и налег на разносолы, которые были разложены по мисочкам. Мелкие сочные помидоры, малосольные огурцы и патиссоны, грибочки с луком в тягучем маринаде... А посередине — блюдо с мелко нашинкованной ветчиной и сыром.

За такой закусон не жалко было выложить парочку «вывертов» или один «грави» — эти артефакты средней ценности увеличивали иммунитет к ударным гравитационным аномалиям вроде «трамплина». Но я не стал спрашивать, с какого перепоя Гост решил угостить меня столь щедрым обедом. Решил и решил — его дело. В Зоне законы простые: если предлагают, то можешь не рас-

сыпаться в благодарностях. Просто возьми на заметку и в следующий раз, по возможности, отплати тем же.

— Будешь? — Гост достал из вещмешка бутылку семилетнего коньяка, чем окончательно поверг меня в священный ужас.

— Цимес, однако. Ты схрон Сидоровича грабанул, что ль? — справился я, тщательно пережевывая грибочек. — Впрочем, мне по хрен. Наливай.

Гост улыбнулся и разлил по чуть-чуть благородного напитка, распространив по кабинке такой аппетитный дубовый аромат, что у меня едва слюна не потекла, как у конченого олигофрена.

Мы чокнулись и без излишних комментариев выпили. Коньяк оказался так же хорош на вкус, как на запах. Приятная теплота скатилась по пищеводу и растеклась в желудке на радость ферментам, которые, кажется, еще до конца не верили в привалившее счастье.

— Минор, я хотел с тобой посоветоваться, — сказал Гост, отставляя стакан и закуривая сигаретку с терпким вишневым ароматом.

— После такого угощения готов рассказать тебе самую главную государственную тайну. — Я откинулся на спинку лавочки и сыто рыгнул. — Но, к сожалению, я ее не знаю.

Гост слегка приподнял уголки губ, давая понять, что шутка засчитана, и водрузил на стол модный гермоконтейнер, помассивнее моего. Щелкнул запорным механизмом, неторопливо откинул крышку и выложил передо мной бордового цвета артефакт, похожий на ленту Мёбиуса.

У меня отвалилась челюсть, и хорошо, что Гост этого не заметил.

— Я раздобыл это в Темной Долине, — объяснил он. — Там, где Дрой намедни одного из своих желторотиков потерял. Слышал эту трагическую историю?

Я захлопнул челюсть и кивнул. Вот, значит, откуда он возвращался, когда мы встретились возле Кордона, где я с бешеными снорками воевал. Ясненько, понятненько.

— Этот артефакт — вне классификации, Минор. Мне нужно было с кем-то посоветоваться насчет цены, которую можно зарядить торгашам за такую уникальную штуковину.

— С чего ты взял, что она уникальная? — прокашлявшись, спросил я, не решаясь до поры до времени раскрывать свой козырь.

— Я тебе объясню.

Гост машинально пригладил волосы и затушил сигаретку о краешек пустого блюдца. Разлил еще по маленькой. Мы быстро чокнулись, опрокинули в себя коньяк, и на сей раз я не ощутил какого-то особого кайфа от употребленного напитка.

— Когда я узнал о странном исчезновении отмычки Дроя, то решил проверить место, где это произошло. Понимаешь, родной, меня словно по голове что-то тюкнуло: иди, мол, разузнай, что к чему.

Я не сдержал улыбку. Надо же, какие знакомые ощущения. Вслух уточнил:

— Интуиция, брат?

Гост удивленно посмотрел на меня и медленно кивнул.

— Во-во. Она самая. В общем, я подумал: ну что я теряю, в конце концов? Гон только начался, до выброса еще дней пять как минимум — успею смотаться туда-сюда. И даже если вся затея обернется пустышкой — на обратном пути насобираю на Свалке мелочевки всякой. Рейд так и так окупится.

— Твою душу, — не удержался я. Он мысли мои читал, что ли?

— Не понял...

— Ничего. Вилкой укололся. Ты вещай-вещай, не отвлекайся.

Гост задумчиво покрутил в пальцах спиральку «бумеранга» и продолжил:

— Добрался я до места. Слева — дорога заросшая, прямо, километрах в трех, — форпост «Долга» и Темная

Долина, а справа — деревянные строения какие-то полуразрушенные, изгороди гнилые да бурелом: скорее всего фермерское хозяйство там было до катастрофы. Отыскал я сарайчик о котором старина Дрой рассказывал, а на нем и правда значок какой-то нарисован. Восьмерка не восьмерка — точно определить было трудно: дождь накануне прошел и местами смысл краску...

— Знак бесконечности, — пробормотал я.

Чернокудрый сталкер осекся и уставился на меня, словно только что обнаружил, что не один в кабинке. Во взгляде проклюнулась настороженность.

— Очень даже может быть, — наконец сказал он. — Только суть темы не в этом. Я довольно долго рыскал по долбаной свиноферме, весь в дерьме перемазался, прежде чем подобрал эту штуковину. Она лежала чуть ли не на самом видном месте: под притолокой входа в сарайчик, на котором были следы пресловутой черной краски.

— А потом произошло нечто очень необычное, — усмехнулся я. — Настолько из ряда вон выходящее, что ты мигом поверил, что это действительно новый артефакт, который раньше не рождался в Зоне.

Гост уставился на меня во все глаза, уже не скрывая подозрения.

— Я споткнулся. Случайно зацепился берцем за старую тракторную рессору и полетел наземь, чуть морду не разбил. Артефакт выскочил из контейнера — видно, я плохо его закрыл, — и прямо перед носом у меня закувыркался. — Гост помолчал, глотнул коньяка прямо из бутылки. Продолжил, осторожно подбирая слова: — Дальше случилось какое-то аномальное явление. Из-за угла вышел отмычка Дроя, тот, который пропал. Я не знаю, материальное ли он воплощение имел, или это была какая-то наведенная галлюцинация, но я испугался. До дрожи в коленках. Знаешь, я в тот момент готов был поверить во все байки о Призраках Зоны, инопланетянах и ноосфере... Отмычка, даже не повернув головы в мою сторону, прошагал вдоль забора и скрылся в густых

зарослях бурьяна. Я несколько раз видел раньше парнишку, а память на лица у меня хорошая. Ошибки быть не могло — промаршировавший передо мной тип был исчезнувшим желторотиком Дроя. И на зомби он совершенно не походил — этих синерылых я за версту узнаю.

— И ты, поди, решил, что где-то рядом орудует контролер, — внимательно наблюдая за реакцией Госта, предположил я. — Но проверить никак не мог, потому что ПДА отрубился еще на подходе к ферме по неизвестной причине.

Гост совсем потерялся. Он машинально сжал в кулаке артефакт, словно боялся, что я сейчас отниму уникальную вещицу и задам стрекоча. Да, братцы, такого обескураженного Госта мне до сих пор видеть не приходилось. Однажды мы бежали по железнодорожному тоннелю в окрестностях Милитари, сваливая от патрульных «Свободы», из-под носа у которых увели целую россыпь ценного хабара, и вляпались в скопление аномалий. По самое, как говорится, не балуй вляпались. На тесном пятачке собрались «электра», две «гравикаракатицы», «воронка» и здоровенная лужа «зеленого киселя». Проход через все это чистилище обнаружился единственный: извилистый и узенький — один человек с трудом протиснется. А сзади уже поджимали «свободные». Гост, недолго думая, пошел первым. Я его вел, глядя на сканер и швыряя болты. Он лавировал между смертельными ловушками с завидной скоростью, но его лицо в тот момент, помнится, выражало гораздо меньше эмоций, чем сейчас... Красота! Когда еще увидишь такую мину у этого пижона.

В конце концов Гост все же сумел совладать с собой и ровным голосом проговорил:

— Родной, ты как-то слишком точно угадываешь. Пас меня, что ли?

— Обижаешь, брат.

— Допустим, я ошибаюсь. Тогда откуда ты знаешь такие подробности?

Я бросил на стол свой «бумеранг» и обронил:

— Отсюда.

Гост даже моргнул несколько раз. Видимо, чтобы убедиться, что это не обман зрения, и перед ним — точная копия его добычи. Затем сталкер разжал кулак и довольно долго переводил взгляд со своего артефакта на мой и обратно.

— Похож, — вырвалось у него наконец.

— Точно. Одно лицо, — саркастически подытожил я. — Что делать будем?

Гост плеснул в стаканы коньяка — щедро, пальца на два — и, не дожидаясь меня, замахнул дозу.

— Стало быть, теперь моя цацка уже не уникальная, — разочарованно вздохнул он, кладя спиральку рядом с моей. — Следовательно, стоимость автоматически...

Громко щелкнуло и остро пахнуло озоном. Артефакты мгновенно налились призрачно-вишневым сиянием, ослепительные лучи резанули по глазам. Вилка, лежавшая в центре стола, рядом с «бумерангами», со свистом «выстрелила» и воткнулась в спинку лавочки, рядом с моим плечом. Зубья вошли в дерево на добрый сантиметр — я даже дернуться не успел. Через миг в противоположную сторону «стрельнула» тарелка. Она со скоростью пушечного ядра врезалась в ствол моего автомата, прислоненного к стене, и разлетелась вдребезги. От зверского удара деревянное цевьё треснуло.

Мы наконец среагировали на происходящее и поступили единственно верным в данной ситуации образом: бросились на пол и прикрыли головы руками.

Сверху раздалась еще целая серия хлопков, что-то разбилось, зашипело. Краем глаза я увидал, как на спину Госту грохнулось тяжелое блюдо, и остатки ветчины украсили его белоснежную олимпийку розовыми лепестками. Звук тем временем стал постоянным, вибрирующим, а затем и вовсе перешел в зубодробительный свист, стремительно скользнувший в ультразвуковой диапазон.

Все это категорически напоминало ситуацию, когда я нечаянно выронил артефакт, спасаясь от «жарки» в железной печке...

Ярчайшая вспышка на тысячную долю секунды превратила кабинку в контрастное негативное изображение, после чего я на некоторое время ослеп. По щекам потекли слезы, перед глазами запрыгали радужные пятна вперемешку с черными провалами.

— Демоны Зоны! — ругнулся Гост, валяющийся по соседству в обрезках ветчины. — Сетчатку чуть не выжгло.

Я поморгал. Зрение, как ни странно, возвращалось быстро. Сначала я начал различать контуры предметов, потом картинка обрела полутона, а через минуту я уже видел в цвете.

Осторожно приподнявшись на локте, я подтянулся и заглянул на столешницу. Посуда была побита, посередине тлел выжженный круг, один из стаканов спекся в бесформенную стеклянную кляксу. Ничего себе! Это какая ж температура нужна...

— Похоже на момент активации, — сказал я, поднимаясь на ноги и осматривая короткую трещину на цевье «калаша». — Только в прошлый раз у меня все прошло значительно спокойней, прямо скажем.

— У меня тоже, — признался Гост, стряхивая с себя ветчину. Он выглянул из кабинки, чтобы удостоверится, что любопытных носов вокруг нет, повернулся к столу и замер. — Оба-на.

Удивиться было чему.

Я уже несколько секунд тупо смотрел на артефакт, не подающий больше признаков «жизни». Лишь обугленное дерево продолжало подмигивать угольками в нескольких местах и пускать струйки сизого дыма.

Я не оговорился, братцы. В центре выжженного круга лежал именно артефакт.

В единственном числе.

Две наши спиральки намертво спаялись в сложную фигуру, напоминающую не то схематичную модель молекулы ДНК, не то перекрученные сумасшедшим кузнецом подковы.

— Как думаешь... сломались?

Я пожал плечами и опасливо тронул новое образование кончиком штык-ножа. Ничего не произошло. Померил. Дозиметр показывал обычный радиационный фон, датчик аномалий не фиксировал никаких отклонений.

Послюнявив палец, я быстро коснулся изогнутой поверхности артефакта, отливающей матово-красным, и отдернул руку. Ничего. Осмелев, я взял изрядно потяжелевший проапгрейженный «бумеранг» и подбросил на ладони.

— Горячий? — осведомился Гост.

— Даже не теплый. Видимо, ку не равно дельте тэ.

— Умный, да?

— Кильманда.

Мы сели за стол и выпили по пятьдесят коньяка — во время разрушительной сцепки бутылка, как ни странно, не пострадала. Гост снял заляпанную олимпийку, осмотрел ее со всех сторон и с сожалением вздохнул.

Я залил тлеющую кайму выгоревшей плеши помидорным рассолом и положил артефакт в самый центр.

— Как делить будем? — без лишних предисловий спросил Гост. Вот за что я его уважаю, братцы, так это за умение четко и вовремя формулировать актуальные вопросы.

— Можно сбагрить торгашам или даже напрямую ученым, а гонорар поделить пополам, — сказал я.

— Не пойдет. Мы даже приблизительно цену этой дряни не знаем.

— Какие варианты?

Гост наконец отложил в сторону свою изгвазданную олимпийку и серьезно посмотрел на меня.

— К Доктору надо нести.

— Ты его знаешь? — удивился я.

— Ну-у... пересекались однажды, — уклончиво ответил Гост.

— Со дня на день будет выброс, а ты предлагаешь тащиться через все Болото к этому психованному эску-

лапу, — с сомнением сказал я. — Там ведь даже укрыться негде в случае необходимости. Накроет, и хана. Или ты научился, как псевдоплоть, в топь зарываться, чтобы не попасть под мозгодробилку?

— У нас есть пара суток, чтобы найти Доктора и вернуться. Но можно, конечно, переждать выброс здесь, а потом уже выдвигаться. Не вопрос.

Я почесал лысину, раздумывая, говорить ему или нет. Решил: раз уж сама судьба в буквальном смысле слова спаяла наши с ним интересы, то скрывать важную информацию негоже.

— На самом деле ты прав, брат: нельзя ждать. К Доктору нужно чапать немедленно. Когда мы с Бесом... э-э... повздорили из-за этой штуковины, он уже знал, как она называется. Сечешь?

— Секу. Так вот кто, оказывается, Беса похоронил. А ты прыток, родной.

— Беса похоронила «жарка», — дерзко отрезал я.

— Ну ладно, ладно. Мне по барабану: хоть все бандитское племя перережь... И как же называется эта хрень?

— «Бумерангом» ее добрые люди окрестили. Раз есть название, то кто-то где-то подобные штуковины уже находил, верно? А значит, наши с тобой экземпляры хоть и редчайшие, но не уникальные. По Зоне уже ползут слухи о новой аномалии и артефакте вне классификации. Промедление теперь краху подобно: с каждой секундой шанс появления аналогов наших цацок... точнее, нашей цацки... возрастает. Стало быть, стоимость автоматически падает.

Гост задумался.

— Занятный коленкор получается. Может, тогда сразу загнать? — предложил он через минуту.

Я посмотрел на причудливой формы артефакт, лежащий между нами, и тут птичка-интуиция наконец дала о себе знать легким постукиванием в затылок. Она, кажется, предупреждала, чтобы я не торопился с выводами, чтобы разобрался.

— Впарить цацку, конечно, можно, дабы снять с себя лишние риски, — медленно проговорил я, машинально пощелкивая ногтем по пустой бутылке семилетнего «Арарата». — Только в этом деле что-то... как бы тебе объяснить...

Гост понимающе улыбнулся.

— Я потому и хочу показать артефакт Доктору, — сказал он. — Меня тоже какое-то предчувствие долбит. Веришь, нет?

— Верю, — кивнул я, принимая окончательное решение. — Значит: ниги в руки и вперед. Мне нужно полчаса, чтобы подготовится и докупить кое-какие гаджеты.

— Мне — столько же. Броню тяжелую не надевай — увязнешь.

— Кого учишь, фонящее тело.

— Вторых номеров брать будем?

— Не стоит, пусть ребята пока поменьше знают. Дольше Зону потопчут.

— Согласен. А Дроя с Зеленым?

Я посмотрел на Госта в упор. Коротко ответил:

— Нет. И можешь сколько влезет думать, что я жадная скотина.

— Чего мне думать? — пожал он плечами, вставая. — Я это и так знаю, родной.

Глава третья. В гостях у эскулапа

Размытый блин солнца тусклым пятном висел за пеленой облаков, быстро текущей с запада на восток. Где-то высоко гулял сильный ветер, перегоняющий атмосферные фронты с места на место, но здесь, на бескрайней пустоши Болота, было относительно тихо и спокойно. И от этой фальши вдоль хребта пробегали мурашки.

Отражение светлой небесной кляксы дрожало на глянцевитой поверхности жижи, из которой там и тут

торчали черные осколки древесных стволов. А воображение услужливо дорисовывало унылую картину...

На острые березовые колья насажены безликие люди, и их тела извиваются в предсмертной агонии. Кого-то пронзило вдоль позвоночника, кого-то через брюшину. Кто-то висит на раздробленной конечности. А между корчащимися в страшных муках людьми медленно прохаживается сутулое чудовище-надзиратель с тлеющим оловянным взглядом и изредка взмахивает тяжелой лапой. Хрясть! Длинные когти сносят очередной жертве башку, и она катится по вязкой болотной топи, останавливается, оседает, рефлекторно хватает немеющим ртом воздух, захлебывается и в конце концов тонет, оставляя лишь несколько брюхатых пузырей. Монстр-надзиратель внимательно смотрит на обезглавленное тело. Но вот что странно: вместо крови из обрубка шеи вдруг начинает вытекать густая темно-зеленая сукровица с мелкими крупицами ряски. Тварь разевает гигантскую пасть, полную мелких зубов-бритв, и принимается высасывать из артерий покойника эту дрянь...

Хлесткий удар мигом сбил наплывающую галлюцинацию. Я мотнул головой, поморгал и показал Госту жестом, что все нормально.

— Ты точно в порядке, родной? — обеспокоенно уточнил он, опуская «Потрошитель».

Я поправил дыхательную маску, прикрывающую нижнюю половину лица. Объяснил:

— Фильтр отошел, черт бы его побрал. Болотного газа, видно, глотнул.

— Так и понял.

— Что я сделал?

— Шел-шел, а потом как шуганешься, и в сторону, словно кровососа в балетной пачке увидал. Еле поймал сайгака.

— Спасибо.

Да уж, братцы, в этих местах нужно быть начеку. Чуть расслабился, нюхнул ядовитых испарений — и сло-

вил веселые глюки. Пара минут такого «наркоза», и ты уже с выражением вселенского счастья на роже маршируешь прямиком в глубокую топь. Казус может выйти, прямо скажем, неимоверный.

Мы месили берцами вонючую грязь уже пару часов. Южная граница болот пролегала не очень далеко от Периметра, но казалось, что до цивилизации — километров двадцать, не меньше. Отсутствие дороги в привычном понимании этого слова только укрепляло неуютное ощущение оторванности от обитаемого мира. Тропка вихляла между заводями и крошечными ручейками с едва заметным течением, то исчезая под мутной водой, то вновь выскакивая на поверхность. Точнее, это я для себя охарактеризовал пунктирную полоску твердой почвы как тропку, на самом же деле здесь никто никогда не ходил.

По одному из немногих проверенных путей мы не пошли сознательно. Дело в том, что севернее находились многочисленные логова ренегатов — самой низшей касты в Зоне, которая состояла из мародеров, предателей и безбашенных рецидивистов, стреляющих в кого ни попадя по поводу и без. Даже бандиты старались не связываться с этими оторвышами, могущими прирезать за банку тушенки. Как таковой организованной структуры ренегаты не имели и нападали в основном на неопытных сталкеров, но ожидать от них можно было чего угодно. И поэтому, несмотря на приличную экипировку, мы решили обойти скопления этой нечисти стороной, чтобы не тратить время на не слишком опасные, но выматывающие стычки.

Южные районы Болота были мало исследованы, хотя Периметр находился в двух шагах. Казалось бы, поставь ты здесь блокпост, проложи дорогу и ходи напрямик, не делая многокилометрового крюка через Кордон. Ан нет, Зона не так проста. Над самой кромкой южной границы практически постоянно висела плотная цепочка уникальных аномалий, которые встречались только в Болоте. Эту гадость называли «миражами». Самому мне,

братцы, их видеть не доводилось, за что я, собственно, был несказанно благодарен судьбе. Ибо те немногие калеки, которые сумели выжить после встречи с «миражами», рассказывали, будто каверзные аномалии гипнотизируют человека, как мифические сирены. Жертва полностью теряет волю, а затем под воздействием неизвестного пси-поля убивает сама себя. Либо в болото сигает, либо вены ножичком вскрывает, либо отягощает внутренности черепа свинцовой пилюлей из собственного пистолета. В общем — кто во что горазд, как говорится. Посему преодолевать этот губительный заслон из «миражей» рисковали только военные, да и те лишь по воздуху, на «вертушках».

Слякоть под ногами хлюпала в такт далеким потрескиваниям камыша и еле слышным завываниям: то ли какой-то мутант жаждал общения, то ли просто выходили наружу из-под жижи болотные газы.

Несмотря на безветренную погоду, вездесущая сырость, словно живое существо, то и дело пыталась проникнуть под одежду. Ни термобелье, ни облегченные комбинезоны «Ветер свободы», ткань которых была пропитана специальным составом, не спасали от ощущения промозглости. А натертые водоотталкивающим воском берцы, как мы ни старались поменьше лезть в лужи, все равно понемногу пропускали влагу: портки постепенно набухали и мокли.

Чавк, чавк, шлеп. Чавк, чавк, шлеп. Шаг за шагом мы продвигались в глубь мертвой земли, рискуя угодить в гостеприимную трясину.

До темноты нам кровь из носу нужно было добрести до южного рукава Скайки — местной речки, фонящей, что твой реактор. Перебраться через мост, ведущий к центральной части Болота, и разбить лагерь на лодочной станции — согласно последним данным, это место сейчас не контролировалось ренегатами по причине недавнего побоища с целой армией мутантов, которых гон вытравил с окраин Агропрома.

Мое внимание внезапно привлекло легкое мерцание на изгибе тропинки. Воздух в этом месте словно загустел, и еле заметные голубоватые искорки плавали в нем, подобно светлячкам.

— Стоп, — окрикнул я Госта. Негромко, но таким тоном, что тот застыл, как изваяние, не решаясь даже опустить ногу, занесенную для следующего шага. — Не видишь, что ли, куда прешься, пес ты слепой?

Гост осторожно скосил глаза и наконец заметил аномалию. Небольшую, но, очевидно, довольно мощную «электру», раскинувшую свои энергетические щупальца аккурат посреди удобного для прохода места. Метрах в трех правее из затянутой зеленоватой грязью ямки торчала уродливая лапка тушкана, когда-то наверняка покрытая свалявшейся шерстью, язвами и шелушащимися роговыми наростами. А теперь обугленная до костей. И как только эту подземно-городскую тварь занесло в Болото? Вот ведь чудеса бывают.

— Японский городовой, — пробормотал Гост, медленно отступив назад и глянув на свой датчик. — Не почувствовал, как ПДА вибрирует, надо же... Попробуем разрядить или будем искать обходные пути?

— Болтов полно, давай рискнем замкнуть. Вроде бы эта зараза небольшая, далеко не должна шарахнуть.

Мы отошли метров на пятнадцать от «электры» и остановились возле сухой кочки, образующей естественный бруствер. Невысокий, конечно, но иных укрытий вокруг вообще не было. Не за трухлявыми же пеньками от молний прятаться.

Если б вокруг перегородившей дорогу аномалии не простиралась сплошная топь, то я бы, несомненно, предпочел обойти стороной такую «природную электростанцию». Но в нашем случае пришлось бы возвращаться назад и искать новую тропу, а на это могло уйти как десять минут, так и сутки. Петлять по южной кайме Болота — своего рода искусство, требующее исполнять фигуры высшего сталкерского пилотажа. И, доложу

вам, мне вовсе не хотелось испытывать на прочность судьбу.

С другой стороны, поведение некоторых аномалий невозможно было предугадать. И «электры», к сожалению, стояли в первых строчках рейтинга непредсказуемых ловушек. Бывали случаи, когда после разрядки энергетические сгустки начинали двигаться в сторону потревожившего их существа и преследовали его до тех пор, пока не набирали достаточно мощности, чтобы испепелить к чертовой бабушке. Путь для отступления у нас, конечно, был, но мне до печеночных коликов не хотелось бегать по болоту от взбесившейся «электры», рискуя оступиться и угодить в трясину.

Гост, видно, разделял мои опасения.

— Что-то я очкую, родной, — честно признался он. — Давненько «электры» не замыкал.

— Я тоже. Разыграем, кто бросать будет?

— Пожалуй.

Жребий не был показухой или каким-то особенным ритуалом. От этого могли напрямую зависеть жизнь и здоровье кого-то из нас двоих. Фишка заключалась в том, что, как утверждали некоторые ученые, «электра» обладала зачатками примитивного разума и могла время от времени проявлять дифференцированную поведенческую реакцию. Другими словами, эта пакость умела атаковать избирательно. И нельзя было исключать, что «электра» станет преследовать именно того, кто ее разрядит.

Я вытащил из подсумка один болт и показал его Госту. Он кивнул. Я медленно завел руки за спину, не переставая смотреть ему прямо в глаза, сжал болт в правом кулаке и сказал:

— Угадываешь — бросаешь ты. Не угадываешь — я.

— Договорились.

Я выставил обе руки перед собой.

Гост несколько секунд, не мигая, глядел на меня, после чего обронил:

— Правая.

— Швыряй, — хмыкнул я, разжимая кулаки.

Мы залегли за кочкой и приготовились. Гост уже занес руку, чтобы метнуть болт, как вдруг сверху раздалось хриплое карканье. Крупный ворон, звучно хлопая крыльями, покружил над скрюченными обрубками деревьев и, выбрав место, примостился на одном из них. Практически над аномалией.

Мы, затаив дыхание, следили за траекторией полета треклятого падальщика, в надежде, что тот попадет в зону действия «электры», разрядит ее, и нам не придется рисковать своими шкурами. Но черная бестия, видно, почувствовала напряженность электромагнитного поля вокруг ловушки и уселась за пределами критического радиуса.

— Скотина пернатая, — разочарованно прошипел я.

Ворон скосил на меня бусинку глаза и каркнул, словно дразнясь. У меня аж руки зачесались пристрелить хама за такую вульгарность.

— Готов? — спросил Гост.

— Давай. С богом.

Сталкер запустил болт по навесной траектории с расчетом, что тот войдет в голубоватое мерцание практически вертикально. Я инстинктивно напрягся, отмечая, как на виске Госта пульсирует жилка. Страшно стало на какой-то миг — аж жуть. Вот сейчас ка-ак жахнет, и отправимся мы к праотцам, не успев узнать, что же за чудные артефакты сумели раздобыть...

Меньше всех волновался ворон. Он и крылом не соизволил повести, пока болт летел к аномалии.

Беспечность фраера и погубила.

Когда «электра» с оглушительным треском взорвалась и пустила во все стороны ветвистые щупальца молний, этот бравый камикадзе не успел даже каркнуть напоследок. Птицу спалило мгновенно вместе с деревцем — только искры прыснули да невесомый пепел осел на встревоженную топь.

«Электра» полыхнула еще пару раз и затихла, оставив после фейерверка насыщенный запах озона и низкий вибрирующий гул.

— Живей! — крикнул Гост, вскакивая. — Пока она не перезарядилась!

Меня можно было в принципе не подгонять. Я в три скачка преодолел расстояние до поворота, где воздух еще не остыл от мощнейшего короткого замыкания, и, жмурясь от кружащихся пепельных хлопьев и вони поджаренной дичи, миновал опасный участок.

Мы с Гостом отбежали еще метров на десять и только после этого позволили себе обернуться. «Электра» набирала силу. Крошечные разряды молний уже гуляли между тлеющих веточек тростника. Они напоминали какого-то сказочного паука, высасывающего энергию из болотной жижи своими тонкими трескучими ножками.

— Успели, — выдохнул Гост.

Я поглядел, как на обугленную лапу тушкана осели сизые клочки вороньего пепла. Такими темпами здесь скоро можно будет открывать братскую могилу для тупых порождений Зоны.

— Прощай, братец ворон, — сказал я и помахал рукой. — Надеюсь, братцу тушкану будет весело в твоей компании.

Гост непонимающе уставился на меня.

— Ты что, не читал в детстве «Сказки дядюшки Римуса»? — удивился я.

Гост помотал головой.

— Эх, темнота. Ладно, пойдем, а то жрать уже охота. И вечереет.

На Болото действительно спустились сумерки. Часы показывали всего лишь половину пятого, и размытый солнечный блин висел еще довольно высоко над горизонтом, но вокруг заметно потемнело: скорее всего, облака стали плотнее. И окружающая атмосфера сразу изменилась. В пейзаже к общему фону запустения и уны-

лости добавились гнетущие нотки, вселяющие в душу неосознанное чувство тревоги.

— Дождя нам только не хватало, — взглянув на небо, взволновался Гост.

— Облака не грозовые вроде бы. Надеюсь, не ливанет.

Мы тронулись. Выбирая твердые участки почвы и следя за информацией на экране ПДА, принялись плавно забирать на северо-запад. Сканер пока молчал. Датчик аномалий фиксировал какие-то возмущения в сотне метров к югу, но, так как вектор нашего движения был направлен совсем в другую сторону, беспокойства они не вызывали.

За час мы одолели километра два. Продрались сквозь оплетенную болотным вьюнком изгородь возле затопленной деревушки, обошли стороной вышки ЛЭП и выбрались на относительно крепкий грунт. Гнилой частокол леса остался позади, а перед нами открылось длинное, заросшее камышом поле. По левую руку виднелся громоздкий силуэт элеватора, вдали угадывались очертания железнодорожной станции с разгрузочным пандусом и небольшим козловым краном, а справа притаился обрывистый склон, за которым текла Скайка. От речки фонило, но мы не зря выбрали для опасного рейда «Ветер свободы» — комбинезоны этой марки сносно защищали от радиации.

— Судя по карте, до моста и лодочной станции рукой подать, — прокомментировал я, приложив ладонь ко лбу козырьком и оглядывая поле. — За полчаса доберемся.

— В камыш не сунешься, — нахмурился Гост. — Там жижа.

— Пойдем по берегу. Если аномалий не окажется — считай, повезло.

— Согласен. Ибо вплавь по этой реке-фонючке я пускаться не намерен: не хочу сдохнуть от эректильной дисфункции.

— Жалеешь, что не попал в «электру»? — оскалился я.

— Не понял...

— Ну-у... в ней бы ты моментально сдох от дивного стояка.

Гост несколько секунд въезжал в шутку, затем улыбнулся, заставив чуток приподняться дыхательную маску, и сказал:

— Извращенец.

Мы осторожно приблизились к кромке обрыва и заглянули вниз. Высота в этом месте была приличная: метров пять. Сбегая по суглинку без страховки, можно было по инерции угодить в воду. Но так как купание в Скайке в наши планы не входило, то вариант скоростного спуска а-ля слалом отпадал.

После недолгого совещания было вынесено решение: зацепиться карабином за вбитый в относительно твердую кочку колышек и по очереди сойти вниз по веревке.

Так мы и поступили. Первым, цепляясь за выступающие корни и стараясь не оскользнуться, слез я. За мной без особых проблем спустился Гост. Веревка была сдернута, смотана в плотную бухту и уложена обратно в мой рюкзак.

— Если на минутку забыть, что мы в Зоне, то я бы сказал, что здесь по-своему красиво, — неожиданно произнес Гост, встав на берегу и сплюнув в Скайку.

Я тоже плюнул в реку, и невесомая дымка, стлавшаяся вдоль поверхности воды, зашевелилась в месте падения слюны, словно разбуженный джинн. Но через мгновение рваная дыра затянулась, волны исчезли, и матовая пленка вновь сковала темную гладь.

— Если на минутку забыть, что мы в Зоне, — передразнил я Госта, — то можно сойти с ума.

— Неужели в тебе совсем не осталось чувства прекрасного, родной? — язвительно спросил он.

— Ну зачем так. — Я смахнул стволом автомата слизняка, пристроившегося на моем ботинке, и укоризненно цыкнул зубом. — У меня на самом деле завались этого прекрасного, просто оно в банковской ячейке за-

перто, в Цюрихе. Я подумал, что за Периметром прекрасное может быстро протухнуть...

С неприятным шлепком в полуметре от моей ноги взлетел фонтанчик грязи. Кажется, пуля попала в беднягу слизняка, которого я выселил с берца.

— Снайпер, — вякнул Гост, бросаясь мурлом в жижу. Представляю, как непросто было этому пижону решиться на столь неэстетичную процедуру. Но жить захочешь, как говорил мой хороший знакомый, не так раскорячишься.

Я упал рядом с Гостом и тут же перекатился подальше от берега, под защиту обрывистого склона. В место, где только что валялась моя бесценная туша, впились еще две пули. По направлению взметнувшихся мутных струек я попытался определить, откуда бьет снайпер. По всему выходило — с вершины элеватора. Демоны Зоны! Да он нас сейчас как на ладони видит, и никакой обрыв ему не помеха.

— К станции! — крикнул я, срываясь с места и принимаясь петлять вдоль берега. Со стороны мои безумные зигзаги наверняка выглядели забавно, но ни одному мало-мальски опытному сталкеру не пришло бы в голову смеяться над такими загогулинами. Напротив. Недоумение вызвал бы глупец, бегущий под снайперским огнем по прямой: ведь его можно было автоматически считать трупом. Что-что, а стрелять с элементарным упреждением умели даже снайперы-новички.

Я несся по грязи, то и дело меняя направление и скорость движения. Неподалеку таким же бешеным зайцем галопировал Гост. А вокруг возникали фонтанчики от впивающихся в полужидкий грунт и волны реки пуль. До моста и спасительного пандуса, за которым можно было укрыться от огня, оставалось метров пятьдесят. Сейчас главное — не угодить в аномалию, притаившуюся возле берега: костей не соберешь.

Матерясь и стараясь не выронить дробовик, Гост преодолел последние метры гигантскими скачками, вре-

зался с разбегу в обитый жестью торец платформы и обернулся.

— Ложись!

Вопль долетел до моего сознания уже после того, как я, повинуясь точечному уколу интуиции в затылке, щучкой бросился в примятые заросли камыша.

Надо мной раздался противный шлепок, булькающий хрип, и крупный щенок псевдособаки с простреленной башкой отлетел в Скайку, подняв тучу кровавых брызг. Упади я мигом позже, и в моей глотке оказались бы одновременно две несовместимые с жизнью хреновины: острые клыки выпрыгнувшего из-за дырявой цистерны мутанта и пуля калибра 7,62.

Ну спасибо, птичка-интуиция! Выручила старика. При случае покормлю тебя вкусными червячками...

Когда я ползком добрался до пандуса, Гост встретил меня шальным взглядом. На его перепачканном лице с заляпанной дыхательной маской отображался целый спектр эмоций: от крайнего удивления до гремучей смеси из страха, гнева и отвращения. Понимаю, не каждый день даже в Зоне увидишь такую феерическую мизансцену.

— Да ты, черт возьми, в бронежилете родился, Минор, — восстановив наконец дыхание, выдавил он. — Если когда-нибудь судьба занесет тебя в церковь — поставь свечку.

— Поставлю две, — смахивая брызги псиной крови со щеки, обронил я. — Валить отсюда надо! Чернобыльские щенки всегда охотятся неподалеку от логова мамаши. А вот с ней я встречаться решительно отказываюсь.

— Как будем перебираться на тот берег?

— По мосту, как же еще.

— Снайпер через пару минут сменит позицию, и полотно будет простреливаться.

— Вот и давай шустрее двигать задницей, пока не поздно.

Мы, пригибаясь и осматриваясь, чтобы не угодить в аномалию, пробрались под цистерной, вылезли с другой

стороны платформы и побежали к железному мосту, по которому когда-то гнали составы с Агропрома на юг.

Я старался ступать между шпалами, чтобы не поскользнуться на бетоне, поросшим склизким мхом. Рукоять «калаша» больно стучала по бедренной кости, пот застилал глаза, боль пробивала от пятки аж до задницы при каждом шаге — наверное, неудачно потянул ахиллово сухожилие. Но все эти мелочи, братцы, как-то блекли перед мыслью, что каждую секунду ты можешь получить смертельную порцию свинца под левую лопатку.

До ближайшей опоры моста оставалось совсем чуть-чуть, когда на нас напали.

Действия атакующих были профессионально скоординированы, и, если б не случайность, лежать бы двум бродягам на дне реки...

Огонь по нам открыли из окна покосившейся диспетчерской будки, которая стояла на склоне насыпи. Первая очередь полоснула аккурат позади меня, не причинив ровно никакого вреда. Но второй автоматчик оказался более метким, и пара пуль по касательной чиркнули по груди, разодрав внешний водостойкий слой комбеза и царапнув кевларовую бронепластину. Мощный толчок отбросил меня на приржавевший к рельсам грузовой вагон, как тряпичную куклу. Автомат отлетел в сторону, перед глазами поплыла кровавая муть, в ушах зазвенело.

Ох, хорошо меня приложило, братцы! Ладно ребра целы остались да бронник выдержал.

Пару секунд я тряс головой и старался сообразить, что происходит. Придя в себя, молнией бросился под защиту стального колеса и подтянул к себе «калаш» за ремень. Грудина болела, словно по ней со всего маху врезали кувалдой, башка кружилась, во рту чувствовался солоноватый привкус крови — видать, губу прикусил.

Госту повезло. Сосредоточив первоначальный огонь на мне, ренегаты дали ему небольшую отсрочку, и он успел залечь на шпалах. Теперь сталкер, укрываясь за

рельсом, отстреливался из своего «Потрошителя» крупной дробью. Лупил он, надо сказать, от души. Штукатурка на стенах диспетчерской разлеталась вдребезги, полусгнившие рамы превращались в мелкую щепу, салют из стекла брызгал во все стороны. Нападавшие старались не высовываться из окошка, но тоже злобно, хотя и хаотично, огрызались в ответ. Судя по частому стрекоту, их было трое. Ситуация складывалась явно не в нашу пользу: мне вести прицельный огонь по будке с этой позиции было неудобно, а у Госта патроны в стволе подходили к концу. Пока он будет перезаряжать дробовик, его возьмут в «клещи» и прикончат, что твоего слепого пса. И гранату бросить в окно не получится: тут же изрешетят.

Я начал осторожно переползать под днищем вагона левее, чтобы прикрыть приятеля. Рюкзак цеплялся за выступающие детали и серьезно стеснял движения. К тому же приходилось постоянно следить за тем, чтобы дыхательная маска не съехала с лица: в очередной раз ловить глюки, наглотавшись болотных испарений, я категорически отказывался. Наконец мне удалось добраться до рессор, из-за которых можно было поливать свинцом засевших в будке сволочей, находясь в относительно защищенной от прострела зоне.

— Пригнись! — скомандовал я Госту, и тот моментально распластался на шпалах, как камбала.

Головокружение практически прошло. Я задержал дыхание и прицелился. За тоненьким стерженьком мушки виднелся прямоугольный оконный проем диспетчерской. Один из ренегатов слегка высунул голову, чтобы выяснить, почему «Потрошитель» умолк. Зеленый брезентовый капюшон оказался хорошей мишенью на темном фоне.

Палец плавно надавил на спусковой крючок, громыхнуло, и отдача дробно потолкала в плечо. Пороховая гарь защекотала ноздри.

Кажется, я попал гаду в глаз. Кровь вперемешку с мозгами и костяным крошевом прыснула на дальнюю

стену в будке. Точно я разглядеть не сумел — внутри царил полумрак, — но, судя по отборному украинскому мату и гневным репликам, одного козла таки удалось уничтожить. Зато остальные двое немедленно увеличили плотность огня, заставив меня сместиться левее и притаиться за толстыми пружинными рессорами. Пули душераздирающе зазвенели в полуметре от того места, где я залег, со свистом рикошетя в камыш и туманную реку.

Гост, воспользовавшись данной ему передышкой, перезарядил оружие и даже умудрился приготовить для броска гранату, которая, попав в диспетчерскую, окончательно бы решила исход схватки. Но в это время ситуация кардинально поменялась не в нашу пользу.

И если бы, как я уже говорил, не случайность, казус бы мог выйти неимоверный, братцы...

Вам никогда не приставляли к горлу лезвие ножа? Нет? В таком случае вы многого не знаете о ценности собственной шкуры. Впрочем, я искренне желаю, чтобы вы никогда и не испытывали этого чудного ощущения обреченности и абсолютной беспомощности.

Сильная рука сдернула с меня защитный шлем одним рывком. Я дернулся, но тут же почувствовал чуть выше кадыка отлично наточенную сталь, что до чрезвычайности меня расстроило.

— Здравствуй, лысая башка. Дай пирожка, — раздался шепелявый голос возле уха, и могучий водочный перегар ударил в нос. Елки-палки! Выводить радионуклиды ханкой — это, конечно, святое дело, но не до такой же степени.

— Привет, — отозвался я, стараясь не вертеться. Только пьяного урода с тремором в конечностях мне не хватало. У него ж сейчас рука дрогнет, и даже поговорить толком не успеем. — Может, миром разойдемся?

— Пушку брось, сука, а то я тебе глотку располосую и язык на шею повешу.

Видимо, не разойдемся. Жаль. Я осторожно положил автомат на землю. Ох как плохи мои дела, ох как плохи.

— И мучачосу своему скажи, чтобы «лимонку» обратно в кармашек засунул.

— Гост, — хрипло позвал я, стараясь перекричать грохот пальбы. — Слышишь, брат, у нас тактические изменения.

Гост обернулся и застыл с занесенной для броска рукой, как бронзовый памятник неизвестному солдату. Хорошо, что ренегаты, которые сидели в будке, еще не опомнились от моих свинцовых аргументов, а то бы изрешетили его в момент.

— Ну, чего уставился? — сипло сказал я, храбрясь. — Давай уже швыряй в нас свою петарду. Я все равно не жилец. Хотя бы не один сдохну. Кстати, кто там — такой смелый — мне ножичек к горлышку приставил? А то мне отсюда не вид...

Лезвие тихонько поехало в сторону, слегка раскроив кожу, и у меня мгновенно отпала охота толкать проникновенную телегу.

Гост медленно развернул руку и показал, что пока еще держит рычаг зажатым. Чеки в «лимонке» уже не было. Он опустил «Потрошитель» стволом вниз и предложил:

— Отпусти его, и разбежимся. Чеку обратно я вставить не могу, ты уж не серчай.

Из диспетчерской высунулся один из ренегатов и гаркнул:

— Юрію Михайловичу, цей москаль Крамаренку завалив. Гасити його?

— Погодь ти! Чи не бачиш, в нього граната без чеки у лапі. Тримай на мушці.

Убийственный перегар кричавшего над ухом командира этой шайки снова заставил меня задержать дыхание. Ну разве ж кошерно в таком виде по Зоне шастать...

— Как будем ситуацию разруливать? — поинтересовался Гост.

— Незатейливо, фонящее тело. Ты бросаешь гранату в речку, я веду вас в хибару, снимаю весь фарш и заби-

раю хабар, а потом долго размышляю, как поступить дальше. Если б ты Крамаренку не завалил, то, может быть, и отпустил бы. Но сам видишь, как получилось. Так что... скорее всего сначала мои хлопцы вас трахнут, а потом пристрелят и сожрут. И молись, чтобы это произошло именно в такой последовательности. Они могут и перепутать. Ты уж не серчай.

Говоривший зашелся гавкающим смехом, и я уже приготовился к тому, что нож сейчас съедет в сторону — и пиши пропало. Но, несмотря на полупьяное состояние, он твердо держал кисть руки.

И тут сквозь мерзкий смех пробился другой звук. Похожий на частый собачий лай, но в то же время — механический, словно бы не принадлежавший живому существу. Мутант, что ли? Псевдоплоть в принципе могла сымитировать такую стрекотню.

Ренегаты насторожились.

Звук за считанные секунды заметно приблизился и перерос из безобидного квохтанья в зловещий гвалт.

— Що це? — завертел плешивой головой один из разбойников. — Юрію Михайловичу, вертоліт, чи що?

Это и была упомянутая мной случайность, спасшая нам с Гостом жизнь.

Из-за элеватора, похожий на гигантскую хищную птицу, показался приплюснутый фюзеляж ударного вертолета Ка-58. Его вороненый бок матово отсвечивал в лучах солнца, которое наконец смогло пробиться сквозь пелену облаков. Два несущих винта, вращаясь, образовывали в воздухе призрачные диски, на хрупких с виду крылышках висели четыре ракеты «воздух-земля», каждая из которых могла играючи превратить в руины небольшой поселок, стекло кабины блестело отраженным предзакатным светом.

Я слыхал, что в ближайший гарнизонный авиапарк подбросили один «Черный призрак», но вживую еще не видел сию дивную машинку. Зрелище впечатляло. И страх, сжавший, как говорится, очко на минус, как-то

даже отступал перед чувством гордости за державу. Да плевали мы на щенячьи угрозы НАТО, пока можем себе позволить такие птахи за Периметр гонять, чтоб ренегатов пошугать со скуки.

«Черный призрак» неторопливо повернул к нам свой острый нос с прицепленной авиационной пушкой, и вой турбин усилился.

Железнодорожный мост вместе с прилегающими территориями был как на ладони для пилота, управлявшего этим стальным монстром. А прилетел он сюда явно не с гуманитарной миссией и разбираться, где среди собравшихся гнусные ренегаты, а где честные сталкеры, не будет...

— Тикай! — заорал мой мучитель над самым ухом, выходя из короткого ступора.

Я, понимая, что второго шанса не будет, резким ударом снизу вышиб нож из волосатой руки, одновременно подаваясь вперед и разворачиваясь лицом к ренегату. На короткий миг наши взгляды столкнулись. Обладатель шепелявого голоса оказался лысоватым щуплым мужичком с густой рыжей щетиной и слегка выпученными глазками. Тщедушная внешность совершенно не соответствовала его высокому рангу в иерархической структуре ренегатов.

— Повезло тебе, фонящее тело! — крикнул Юрий Михайлович, скалясь под респиратором и торопливо отползая. Голос его практически потонул в гуле турбин приближающегося геликоптера. — Еще целых полминуты будешь Зону топтать, пока «вертушка» пулять не начнет!

Я не стал отвечать. Все равно наладить конструктивный диалог с этим основательно поддатым мародером так и не получилось.

Но в одном его правоту стоило признать безоговорочно: тикать надо было со всех ног! Иначе через несколько секунд мой бесценный организм превратится в замечательный фарш, который растащат на ништяки слепые собаки и оголодавшие вороны.

Гост уже швырнул гранату вдогонку улепетывающим вниз по насыпи ренегатам и рванул к ближайшей железной опоре моста, единственному укрытию, которое могло спасти от крупнокалиберных пуль авиапушки. И я не преминул последовать за ним. Подхватил сбитый с головы шлем и задал стрекача — да так, что только пятки засверкали в лучах заходящего солнца.

Разрыв «лимонки» грянул за спиной, отразился дробным эхом от обрывистых берегов Скайки и растворился во все нарастающем реве турбин. Осколки на излете чиркнули по перилам, но ударная волна нас не достала. Впрочем, ренегаты тоже успели отбежать на безопасное расстояние.

Тут пилот надавил на гашетку, и Ка-58 начал лупить из авиапушки по мосту.

Скажем прямо: давненько я так не срался, братцы...

Казалось, что позади нас началось извержение вулкана, разворотившего тягучую повседневность Болота. Затрещало так, словно кто-то огромными ручищами раздирал ткань самого воздуха. Снаряды засвистели в вечерней прохладе, звеня, чавкая, рикошетя, дзенькая — круша все на своем пути. Остальные звуки смешались в далекий монотонный фон, а в черепе будто в колокола ударили.

Свинцовый ураган срезал крышу с диспетчерской будки и замолотил по мосту, взметывая вверх фонтаны из гнилых щепок, искореженной жести, болтов, мха, земли и слякоти.

Первой же очередью железнодорожное полотно искорежило до неузнаваемости. И если бы «Черный призрак» атаковал под чуть более острым углом к поверхности, то нас располосовало бы, что твоих кроликов на вивисекции. Но разрушительная волна прошла в нескольких метрах позади и стихла возле железобетонной кромки.

На мгновение пушка умолкла, и в этот момент завывание турбин «вертушки» показалось мне едва слышным писком. Вот что значит контраст восприятия!

Пилот сориентировался в обстановке довольно быстро. Он понял, что потенциальные цели поскакали в противоположные стороны, и накрыть всех одним махом не удастся. Либо мочить нас с Гостом и упускать трех ренегатов, либо наоборот. Но мы-то избрали наиболее оптимальный маршрут бегства: по самому краю полотна к высокой несущей опоре. А вот бравые разбойнички, ломанувшиеся напрямик к станционному пандусу, хрен угадали!

Выбор летчик сделал незатейливый и вполне логичный: он развернул зависшую над мостом машину в сторону более легкой добычи и открыл огонь.

И снова пепельно-золотое небо над Болотом сотряслось от заговоривших крупнокалиберных стволов...

Мы с Гостом сиганули за опору и, не сговариваясь, тут же выглянули, чтобы не пропустить кульминации перформанса. И не зря: поглазеть было на что.

Ренегаты не собирались так просто сдаваться. Осознав, что добежать до пандуса они не успевают, один из подопечных шепелявого решил продать свою жизнь подороже. Он развернулся, упал на одно колено, выхватил из-за спины короткую трубу и, ловко раздвинув ее, водрузил на плечо. Я даже не сразу догадался, что это древний одноразовый гранатомет РПГ-18 — оружие в Зоне, прямо скажем, редкое и не особенно практичное. К тому же стрелять из «Мухи» по воздушным целям мог только профессионал высокого класса, ибо изначально этот гранатомет задумывался исключительно как противотанковый.

Дальше события разворачивались и вовсе анекдотично — если, конечно, отбросить их сугубо трагическую суть. Шепелявый командир споткнулся и распластался аккурат позади гранатометчика. Он заорал что-то, проворно отползая в сторону, но стрелок, не заметив шефа, уже нажал на спусковой рычаг.

Ох, братцы! Такая смерть легко могла бы занять высшую позицию в рейтинге лауреатов Премии Дарвина.

Шепелявый даже не успел отвернуться от огненной струи, вырвавшейся из заднего отверстия «Мухи» и прожарившей щетинистую рожу до румяной корочки. Его подпалило реактивным выхлопом, как мотылька на пламени свечи, а уже через секунду пылающий факел с дрыгающимися руками и ногами отшвырнуло вертолетными снарядами аж к самой платформе, проволочив по грязи, словно перекати-поле. Тлеющие останки Юрия Михайловича неравномерно размазало по боку дырявой цистерны, на котором сохранились лишь две еле различимые надписи: «Укрогаз» и «С горки не спускать».

Пиф-паф, ой-бо-бо.

Даже не знаю, чего мне в тот момент хотелось больше: смеяться или плакать.

Меж тем Ка-58 резко завалился набок, и граната, выпущенная невольным убийцей собственного командира, ушла по навесной траектории куда-то на противоположный берег реки, где благополучно бабахнула, превратив в труху несколько прогнивших деревьев — только рваный дымный след остался в промозглом вечернем воздухе.

Стрелявший отбросил ставшую бесполезной трубу «Мухи» и припустил к пандусу как ошпаренный. Его приятель уже успел скрыться за вагонами и поливал вертолет из автомата, не причиняя, впрочем, бронированной машине особого вреда.

Трудно сказать, чем ренегаты так насолили военным, но те, видимо, всерьез на них осерчали. Пилот, избежав попадания из РПГ, вновь развернул «Черный призрак» носом на запад и вжарил длинной очередью вслед улепетывающему наглецу, который посмел его атаковать. Дорогостоящую ракету он на плешивого отщепенца тратить, конечно, не стал, но крупнокалиберных снарядов не пожалел.

Свинцовый град накрыл правое крыло станции, превращая все вокруг в грязное железобетонное месиво. Над простреленным насквозь грузовым вагоном поднялось целое облако буро-серой взвеси — мешки с окаме-

невшим цементом раскрошило в пыль, перемолотые доски и фурнитура разлетелись по всему перрону. После этого снаряды взбесившимися пчелами стали жалить цистерну, которая и без того походила на дуршлаг. От серии мощнейших ударов изуродованный резервуар накренился, сорвался с громоздкой колесной базы и покатился по рельсам, размазав нерасторопного автоматчика в кровавую кляксу. Последний из оставшихся в живых ренегатов бросился к козловому крану в надежде найти спасение за его толстой «ногой», но длинная очередь срезала трос, на котором висел тяжелый крюк, и тот смертельным грузом свалился на железнодорожные пути.

Похоронил здоровенный крюк замешкавшегося мародера или нет, мы выяснять не собирались.

Как только Ка-58 повернулся к нам хвостом, Гост понесся по мосту на противоположный берег. Я, превозмогая боль в потянутом ахилле, тоже побежал прочь от разбушевавшейся «вертушки», не оглядываясь и стараясь смотреть под ноги. Шпалы были скользкими, и поэтому можно было запросто оступиться и переломать кости, а это в Зоне означало неминуемую и довольно мучительную гибель.

Когда до берега оставалось совсем немного, Гост резко затормозил и всмотрелся в колышущийся воздух над полотном.

— «Трамплин»? — сипло крикнул я, по инерции врезаясь в его рюкзак.

— Да! Не пролезем — придется прыгать. — Гост часто дышал. Правая щека выше маски была покрыта темными точками въевшихся пороховых крупинок.

— Высоко ж!

— Давай-давай! — подбодрил он, перекидывая ногу через стальные перила. — Дон't ссать!

Мы выбрались на внешнюю сторону конструкции, и, поглядев вниз, я понял: если сигану, то растяжение в лодыжке превратится в серьезную травму. До глинистого склона было метра четыре.

Хорошенько выматерившись для храбрости, Гост оттолкнулся от изрядно проржавевшей кромки и полетел вниз с грацией топора. Шлеп! Жестко грохнувшись на три конечности, он перекатился по всем правилам приземления, чтобы хоть немного смягчить удар, и юзом съехал по тягучей жиже в ядовитые волны реки, поломав камыш и собрав физиономией все кочки. Сориентировавшись, сталкер как ошпаренный забарахтался, выбрался на берег и стал отряхиваться, будто чернобыльский пес, сдуру угодивший в «зеленый кисель».

Понаблюдав за этим акробатическим этюдом, я окончательно уверился: не прыгну. Ни за что.

Но до берега, так или иначе, добраться было необходимо, и единственный вариант, который у меня оставался, — помолиться и попробовать миновать опасный участок по внешнему каркасу моста.

Аномалия расположилась прямо на середине, между путями, и определить ее границы можно было, лишь бросая болты. Да вот только времени у меня на это категорически не хватало: пилот, разделавшись с ренегатами, развернул «Черный призрак» и повел его к Скайке, намереваясь прикончить оставшихся хулиганов — то есть нас.

Вертолет уже заложил пологий вираж над водой, разгоняя туман и оставляя за собой крупную рябь, когда я наконец решился.

Развернувшись к перилам лицом, я начал приставными шагами двигаться вправо, хватаясь за стойки и следя за тем, чтобы не оскользнуться. Возле эпицентра «трамплина», аккурат под лениво пульсирующим воздушным маревом, шпалы были окроплены темными пятнами и брызгами, о происхождении которых я старался не думать. Сюрпризы Зоны гравитационно-ударного характера встречались довольно часто, но, как правило, они легко детектились и не представляли большой угрозы для опытных бродяг: обойди по широкому радиусу и топай себе дальше. Но в данном случае сей способ

отпадал, ибо левитировать я пока не научился. К огромному, надо заметить, сожалению.

Пересекая самое страшное место, я чуть было не зажмурил глаза: все-таки древние инстинкты в нас порой бывают очень сильны, — но смог заставить себя не делать этого. Несмотря на ужас, которым так и веяло от близкой аномалии, нужно было полностью контролировать ситуацию.

В какой-то момент мне показалось, что «трамплин» вот-вот сработает и полечу я в ближайшую топь со скоростью бейсбольного мячика... Но обошлось. Я, задержав дыхание, прошел наиболее вероятную точку разрядки и с удвоенной прытью двинулся дальше.

И тут птичка-интуиция вдруг долбанула в затылок, заставив вздрогнуть: уж больно навязчиво глядели в спину нарезные стволы авиапушки с приближающегося «Черного призрака».

Я даже толком не успел оценить ситуацию, рефлексы сработали сами.

Не дойдя до конца моста буквально пары метров, я оттолкнулся и с разворотом отпрыгнул в сторону, больно ударившись о бетонные плитки, которыми был вымощен прилегающий склон. Уже скатываясь вниз, мельком заметил, как пилот Ка-58 открыл огонь по тому месту, где я только что находился, перемалывая в мелкое крошево бетонный парапет и дырявя железную кромку. Несколько пуль угодили в зону действия «трамплина», и аномалия наконец разрядилась. Хлопок был слышен даже сквозь вой турбин и оглушительный грохот пушки. Над полотном взметнулся целый фонтан осколков и грязи, а одна из опор, перерезанная очередью, подломилась, словно тростинка. Предварительно напряженная конструкция моста не выдержала, и целая секция с зубодробительным скрежетом прогнулась под собственной тяжестью.

Но апофеозом всего волшебного представления стало даже не это. Нелепейшая случайность поставила жирную точку в карьере пилота, решившего заработать себе

лишний «увал» и благодарность за уничтожение охамевших сталкеров-отщепенцев.

Один из попавших в сработавший «трамплин» снарядов по измененной траектории ушел практически туда же, откуда был выпущен. Да, в Зоне бывает и так: ловушки могут «отзеркалить»...

Крупнокалиберная пуля, которой аномальное гравитационное поле придало чудовищное ускорение, навылет прошибла кабину Ка-58 вместе с приборной панелью и летчиком. Машина мгновенно потеряла управление и пошла в крутой штопор, чиркнув хвостовым оперением по голой верхушке дерева, склонившегося над рекой, но так и не упавшего.

Осознав, что сейчас произойдет, я пополз по влажным плитам, разбивая в кровь пальцы и рискуя повредить мениски коленных суставов. Да плевать! Лучше уж на инвалидную коляску сесть, чем попасть под лопасти падающего вертолета и пополнить идиотский список жертв этого жуткого балагана. Тот факт, что с выбитыми коленками я не доберусь даже до ближайшей сталкерской стоянки, меня в данный момент как-то мало волновал: уж больно жить хотелось, братцы.

Схватившись за стальной поребрик, опоясывающий сверху плиточный склон, я рывком подтянулся и вскочил на ноги. Стиснув зубы от стрельнувшей в лодыжке боли и собрав остатки сил, прыгнул подальше от предполагаемого места падения боевой махины и упал на бок, чуть не напоровшись на «рожок» собственного автомата.

«Черный призрак» врезался в основание моста, и я всерьез обеспокоился за целостность своих барабанных перепонок. Звук удара был похож на выстрел из гаубицы. В голове тут же зазвенело, как в потревоженном царь-колоколе. Земля подо мной ощутимо дрогнула. Убийственный жар из отвалившейся турбины прошелся в опасной близости, оставив полосу вспыхнувшей травы, словно лопнувшая «жарка».

Я вжался дыхательной маской в грязь, больше всего мечтая, чтобы не воспламенилось топливо. Вроде бы у Ка-58 в случае критической аварии баки должны были автоматически отстреливаться, но рассчитывать на везение в такой ситуации не стоило. И так невеличка-интуиция в очередной раз уберегла мою задницу от неминуемой, казалось бы, гибели.

Сквозь шум в ушах я услышал, как покореженный геликоптер с противным скрипом начал съезжать вниз по развороченному склону. Рванет? Или не рванет? Впрочем, что я особенно жижу целую — если жахнет, то меня так и так накроет взрывом, а ударная волна размажет по земле не хуже катка.

Я приподнял голову, поморгал и убрал самые крупные ошметки грязи с внешнего фильтра маски.

«Черный призрак» выглядел неважнецки. В металлических каракулях не осталось ни капельки той грациозности и величия, которыми он мог похвастаться всего лишь несколько минут назад. Сплюснутый фюзеляж плавно уходил под воду, оставляя глубокую борозду в мешанине из суглинка, камышового фарша, раздробленных бетонных плит и вертолетных деталей. Погнутые, местами переломанные лопасти царапали грунт, будто умирающий монстр пытался зацепиться за что-нибудь из последних сих. Но мягкое болотистое дно речки затягивало его, не оставляя никаких шансов.

В конце концов прибрежная трясина не выдержала многотонной тяжести, и вертолет, подняв тучу брызг, с шумным всплеском резко ушел под воду. Река еще долго продолжала бурлить и пузыриться, но вездесущая туманная пелена уже подбиралась к месту погибшего гиганта.

Полчаса — и мгла затянет успокоившуюся маслянистую гладь. Месяц — и о катастрофе будут напоминать лишь разбитые, перепачканные мазутом плиты у основания просевшего моста.

Зона не любит долгих прощаний.

Грозная стальная валькирия в последний раз протянула скрученную лопасть к небу сквозь мутную радиоактивную толщу и исчезла в радужных разводах.

Солнце, коротко погревшее южные окраины Болота, скрылось в темно-серых тучах.

Финита.

— Прощай, братец пилот, — промямлил я, поднимаясь на ноги и хромая к призывно машущему Госту.

Полузатопленная лодочная станция притаилась метрах в ста от моста. От изъеденного ржавчиной понтона с отвесными бортами остался лишь каркас, торчащий над ряской. Деревянная палуба и немудреный такелаж давно сгнили, весельные плоскодонки растащили на стройматериалы и цветмет, телеграфные столбы превратились в тлен — лишь крепкий срубовой дом лодочника выжил в этом слякотном царстве. Тут нередко останавливались на ночь вольные сталкеры, а в добротном погребе можно было и выброс переждать.

— Живой? — осведомился Гост, пристально оглядывая меня с ног до головы. Удовлетворенно кивнул: — Живой. Только грязный, как болотная тварь после случки.

— Валим на север, — сердито сказал я. — В срубе оставаться нельзя. Через четверть часа здесь полгарнизона будет рыскать. Все-таки не зачуханный «УАЗ» утонул, а боевая единица, в которую они годовой бюджет вбахали. Их дело — табак.

— А не хер летать где попало и в честных бродяг стрелять, — цинично отрезал Гост. Нахмурился. — Скоро ночь, негоже по Болоту в такое время шастать.

— Сам знаю. Но нужно хотя бы на километр уйти, чтобы не пристрелили нас. Согласись, было бы глупо сдохнуть после того, что мы сейчас пережили... И выруби ты свой долбаный ПДА наконец! Спалить нас хочешь?

Гост отключил наладонник и поглядел в мрачный провал просеки, по которой вихляла единственная тропка, ведущая на север, в сторону владений Болотного Доктора.

— Как-то даже не получается сразу выбрать, каким способом лучше богу душу вернуть, — пожал он плечами. — То ли солдафонам сдаться, то ли пойти вот туда без детектора.

— Вояки, брат, нас на опыты определят. Так что я предпочитаю помереть в схватке с кровососом или угодить в аномалию.

— Я тоже, но все ж давай-ка смотреть в оба. А вдруг повезет...

И знаете что? Как ни странно — повезло.

То ли сама судьба решила, что с нас на сегодня хватит, то ли, согласно теории вероятности, после череды смертельных ситуаций полагалась передышка, то ли фортуна в кои-то веке повернулась к нам своей ехидной мордочкой — но в течение получаса нам не встретилось ни одной аномалии, ни единого, даже самого безобидного мутанта. Словно бы вымерли все ползучие, прыгающие и скачущие твари.

Я за многие годы скитания по Зоне привык, что опасность тут подстерегает сталкера на каждом шагу, и приучился внимательно просчитывать любое движение и ни на секунду не терять концентрации. Только так можно было выжить на этой проклятой земле.

А сейчас получалось как-то... неправильно, что ли. Мы протопали добрых пару километров по вполне приличной тропке, и никто не попытался нас сожрать, поджарить, раздавить и даже банально пристрелить. Вдалеке слышался стрекот вертолетного винта, гул турбин, какие-то хлопки, но никому не приспичило отправиться в погоню за двумя нашкодившими бродягами. Лишь дюжина осветительных ракет взмыли ввысь, озаряя весь район призрачно-зеленым сиянием, что ни в коей мере не помешало нам. Точнее — даже помогло не свернуть с твердой стежки.

Просека вскоре расширилась, тропа повернула западнее, а затем лес и вовсе поредел. Впереди показался темный силуэт водонапорной башни на фоне почти погасшего вечернего неба. Мы уперлись в заброшенную

деревушку с полуразрушенными, частично затопленными хатами и небольшим двухэтажным зданием конторы или сельпо в центре.

— Ну и местечко. Хоть в учебники по ареалам обитания кровососов и псевдоплоти заноси, — тихонько произнес Гост, останавливаясь возле погнутого указательного столбика, надписи на котором уже невозможно было разглядеть.

— Давай попробуем к башне подойти поближе, — предложил я, чувствуя, как полученные в передряге травмы начинают высасывать из меня остатки сил. — Я ногу потянул, дальше вряд ли смогу идти. И ночь уже.

— Пойдем. Но ты как знаешь, а я комп включу. Без детектора в этот живописный поселок только самоубийца сунется.

— Да. ПДА, пожалуй, можно врубить. Вроде военные не буйствуют. Наверное, утром всерьез возьмутся местность шерстить.

— Представляю, как они расстроились, потеряв новенький «Черный призрак». Им же теперь штабисты не только звездочки, но и скальпы поснимают.

Мы загрузили основные меню наладонников. Судя по показаниям сканера, вокруг не было мутантов в радиусе километра. Лишь на северо-востоке неторопливо перемещались несколько некрупных точек в сторону реки — скорее всего выводок слепых псов.

Из аномалий детектор определял только большую «гравикаракатицу» у ворот возле дальней околицы, пяток «воронок» на центральной улице и какую-то размытую кляксу на самой кромке радиуса охвата.

— Подозрительно тихо, — риторически заметил я. — Может, в деревушке и впрямь кровосос обосновался? Вот и не суется сюда остальная шелупонь.

— Япона мать... — удивленно протянул Гост, пролистывая новости сталкерской сетки на экранчике ПДА. — Ты прикинь расклад! Знаешь, кого тот дебил из «Мухи» сжег?

— Кого?

— Семецкого!

Я подумал, что ослышался.

— Кого-кого?

— Сталкера Семецкого. Вот, слушай. — Гост вернулся на пару страниц назад и зачитал: — Юрий Михайлович Семецкий. Лидер неофициальной группировки «Ренегаты». Смерть. 18:33 по местному времени. Болото. Южный мост. Убит ренегатом по прозвищу Пилюлькин выхлопом из РПГ-18.

Я хохотнул.

— Ну не обалдеть? — хмыкнул Гост. — Обалдеть.

— Да уж! Кто бы мог подумать...

Вот так вот, братцы.

Выходит, легенды о Призраках Зоны не врут, и не только Болотный Доктор может похвастаться привилегированным статусом местного «царька». Согласно поверьям, те сталкеры, которые сумели добраться до мифического Монолита — Исполнителя Желаний, похороненного где-то в недрах четвертого энергоблока ЧАЭС, — становились Призраками Зоны. Монолит якобы действительно осуществлял их мечту, но обязательно с какой-нибудь заковыркой. Говаривали, например, что Болотный Доктор раньше был отличным хирургом и пожелал научиться лечить всех тварей Божьих. Вот Зона и подкинула эскулапу сюрприз: жить на Болоте и врачевать мутантов. Но сам он на эту тему не распространялся, поэтому утверждать наверняка было бы слишком самоуверенно. А Юра Семецкий — один из первых сталкеров, ступивших на зараженные земли еще в 2007-м, — согласно легенде, добрался-таки до Исполнителя Желаний и заказал себе ни много ни мало — вечную жизнь. С тех пор каждый день на сталкерском форуме в разделе «некрологи» выскакивает сообщение о смерти ренегата с таким именем. На следующее утро его ID вновь появляется в общей базе данных, а ближе к вечеру — опять сообщение о гибели. Вот так он и живет. Вечно, блин. Ветераны

уже давно привыкли к этим некрологам и просто автоматически их удаляют, а некоторые даже вносят в спам-фильтр, дабы не доставали. Я тоже в общем-то ежедневно мочил некрологи Семецкого, изредка похихикивая над феерическими способами его умерщвления. До нынешнего момента, честно говоря, я полагал, что это вирус, написанный остроумным умельцем, который администраторы сети не удаляют по причине его полнейшей безобидности и толики позитива, которую привносят эти сообщения в общую печальную статистику.

В жизни бы не подумал, что сталкер Семецкий, возжелавший бессмертия, действительно существует. Надо же... Этот пьяный, слегка шепелявящий человечек, который чуть было меня не зарезал, и есть легендарный Юрий Михайлович. Воистину — неисповедимы причуды Зоны, братцы.

— Вот ведь гад, — сказал Гост, будто бы угадав ход моих мыслей. — А я думал — вирус.

— Вирус Семецкий, — хихикнул я. — Антивирус — в стадии разработки... Ладно, ночь уж близко. Двинули к водонапорке.

— Двинули.

Мы вскинули оружие и пошли между заросшими осокой топями, которые когда-то, по всей видимости, были огородами. Над южной окраиной Болота взлетела очередная ракета, и мерцающий зеленый свет на несколько секунд озарил мрачный пейзаж.

Кусок покосившейся оградки с повисшей на петле калиткой торчал из трясины, отбрасывая на тропинку короткую дрожащую тень, похожую на языческую руну Чернобога. В круглом котловане, наполненном тягучей жижей, покоился перевернутый вверх дном скелет старой телеги, от которой остались только окованные полосами железа борта и основания колес. Покрышки давно сгнили, а деревянное днище превратилось в труху. На дне глубокой лужи валялись несколько пустых двухсотлитровых бочек из-под солярки, а над поверхностью маячили «воронки».

Нам пришлось обходить этот нерукотворный водоем по завалинке хаты, прижимаясь к влажной штукатурке, которая отваливалась и плюхалась вниз от прикосновений. Антрацитовый узор болотного вьюнка щекотал щеку, и мне приходилось то и дело отодвигать растительность, чтобы не напороться на «ржавые волосы» — не смертельную, но очень неприятную аномалию, вызывающую мгновенное раздражение на коже посерьезней жгучего борщевика.

Ракета засветила ярче, выхватив угол двухэтажного здания с обрушившимся балкончиком, и погасла. Заброшенное поселение словно бы сжалось от упавшей на него тьмы.

Гост щелкнул выключателем, и узконаправленный луч водонепроницаемого фонарика, прикрепленного к стволу «Потрошителя», запрыгал по кускам асфальта, торчащим кое-где из застоявшейся грязи. По идее, в шлемы «Ветра свободы» были встроены визоры, но их режим ночного видения оставлял желать лучшего. Старый добрый светодиодник в данном случае казался надежнее.

— Обходим здание? — спросил Гост.

— Да. — Я поморщился от боли в ноге. — Слишком приметное. Давай-ка возьмем левее и все-таки доберемся до башни. Около нее, если не врет карта, должна быть старая столярная мастерская с крепкими стенами.

— Согласен. Там и схоронимся до утра, если не затоплено.

Перескакивая с одного асфальтового пятачка на другой, мы миновали площадь перед сельпо и взобрались на относительно сухую дамбу, защищавшую много лет назад поселение от весенних разливов Скайки, рукав которой тек неподалеку.

С дамбы Гост посветил в направлении водонапорки, силуэт которой напоминал здоровенную противотанковую гранату, поставленную на рукоять. Путь был свободен: довольно высокий искусственный бруствер плавно

изгибался, охватывая деревушку с западной стороны, и примыкал вплотную к башне.

Я достал из подсумка мешочек с болтами и на всякий случай швырнул один стальной «индикатор» на дальний конец дамбы, по которой скользил луч фонарика. Раздался тихий «чпок»: болт увяз в грязи, не вызвав никаких возмущений на пройденной траектории.

— Чисто, — сказал я.

— Дай-то бог.

Гост поправил дыхательную маску и начал крадучись продвигаться вперед.

Столярка стояла метрах в десяти от водонапорной башни на каменном фундаменте, который был со всех сторон подмыт, но выглядел вполне надежным. Мы осторожно обошли ее по периметру, придирчиво осмотрев каждую трещинку, и остались довольны.

Крепкая кладка стен в два кирпича могла послужить неплохой защитой. В случае нападения мутантов или ренегатов это место легко превращалось в приличный дот. Оконный проем был узким, крыша состояла из уложенных вряд бетонных блоков, покрытых просмоленным рубероидом. Обитая жестью дверь выглядела внушительно.

О большем комфорте в Зоне двум ночным странникам и мечтать было бы грешно. Видно, судьба все ж решила устроить нам перекур.

Я знаком показал Госту, чтобы он меня прикрыл, сунул палец в щель и легонько провел сверху вниз по краешку косяка. Растяжек и прочих неприятных сюрпризов нам не приготовили. Я навалился на дверь всем весом. Она сначала не хотела поддаваться, но вскоре сдала позиции — с натугой и душераздирающим скрипом отошла в сторону. Из мастерской раздался писк, жирная крыса проскочила рядом с ногой и скрылась между камнями.

Гост немного сместился в сторону, луч фонаря скользнул в темное помещение, и я опасливо заглянул внутрь.

Рухлядь. Древний верстак с изрезанной поверхностью, остатки небольшой пилорамы, несколько сломанных стульев в углу, свисающий с потолка на витом проводе пустой цоколь, изъеденная ржавчиной канистра литров на двадцать, лысые покрышки от «жигуля», практически обесцветившийся плакат с изображением грудастой девки на стенке железного шкафа. И сантиметровый слой крысиного помета на полу.

— Непорядок, — прошептал Гост, поводив возле входа металлоискателем. — Если такое удобное и сухое место посреди Болота до сих пор не облюбовано мародерами — значит неподалеку ареал обитания свирепого хищника. Иначе эта хибара не выглядела бы так заброшенно. Или, на худой конец, была бы заминирована.

— Хуже некуда, — согласился я, бросая болт через все помещение. — Вернемся к сельпо?

— Не вижу смысла. Если рядом логово кровососа или химеры, то в принципе по барабану, где отлеживаться: здесь, в сельпо или на верхушке водонапорной башни. Единственная разница: сюда крупный мутант не заберется, если только мы сами его не впустим.

— Верно. Но и нам не выбраться, если какая-нибудь плотоядная тварь решит покараулить у двери с утра.

Гост обернулся.

— Ну что, родной? Разыграем?

Я устало поглядел на его перепачканную рожу и помотал головой:

— Нет, брат.

— Вот и я тоже считаю, негоже лишний раз судьбу испытывать. Тем более альтернатив все равно не наблюдается. Становимся на ночлег здесь.

— Вахты по два часа. Согласен?

— Не вопрос.

Несмотря на то что хотелось согреться и высушить одежду, костер мы разводить не стали. Во-первых, вытяжка в мастерской была никудышная, а во-вторых, огонь и дым в Зоне являлись основными демаскирую-

щими факторами и могли привлечь к нам внимание не только солдат, но и местной фауны.

Я запер дверь на прочный засов и подергал за ручку. Надежно. Вышибить такую способен разве что псевдогигант. Краткая инспекция окна тоже меня в целом удовлетворила: стекло и рама давно были выставлены, зато проем оказался шириной всего в один кирпич. Взрослый мужчина средней комплекции в принципе протиснуться внутрь мог, но для этого ему пришлось бы поворачиваться бочком и ставить себя в крайне невыгодную тактическую позицию. Ну а габаритным мутантам и вовсе нечего было тут ловить. Для очистки совести я придирчиво изучил углы помещения, осветив притолоку и плинтусы верным «Жучком», после чего вынес окончательный вердикт:

— Крепость.

— Или склеп, — отозвался Гост, извлекая из мокрого рюкзака примус. — И заметь: я не скептик, я прагматик.

— Ты пижон, — беззлобно сказал я, садясь на перевернутую канистру и охая от стрельнувшей боли в лодыжке. — Демоны Зоны!

— Фиксирующую повязку наложи, — посоветовал Гост и поджег горелку.

Из форсунки вырвалась длинная горячая струя, чуть не спалив мою аптечку, но он вовремя подрегулировал подачу топлива, и голубоватое пламя уютно зашумело в нашем временном пристанище.

Мы сняли шлемы, перезарядили оружие, поменяли забитые липкой грязью внешние фильтры. Напряжение постепенно спадало, уступая место изнеможению.

Я скинул берцы и туго перебинтовал ногу, чтобы исключить дальнейшее усугубление травмы. Специальным клеем залил порванный пулей водостойкий слой на груди комбеза, невольно отметив тупую ломоту в ушибленных ребрах — хорошо хоть не переломало.

Усталость от пережитых за день событий валила с ног, но мы нашли в себе силы, чтобы разогреть немудре-

ный ужин и выпить пару чашек ханки. Не пьянства ради, а исключительно для выведения из организма радионуклидов...

Удобно расположившись на своей «пенке», Гост выскреб из банки остатки тушенки и отправил их в рот, после чего плотно прижал к подбородку маску и принялся степенно пережевывать.

— Вполне себе ничего, — заключил он, проглотив пищу.

— Утром ты обозвал плесенью отличную яичницу, а тут тушенку хвалишь. Лицемер.

— Не разносолы, конечно, которыми я тебя угощал, но ведь на безрулье и сакс рулез. — Гост бросил пустую банку на верстак и потянулся, хрустнув суставами. — Кстати. Меня еще со вчерашнего вечера один вопрос мучает: ты журналистку-то огулял?

Я осклабился, вспоминая молодое, красивое тело Латы.

— Завидуешь?

— Стало быть, огулял.

— Я этого не говорил.

— У тебя на мурле все нарисовано.

Я пожал плечами: мол, сам домысливай, если хочешь.

Тусклые отблески от трепещущего бирюзового венчика на примусе подрагивали на едва различимых стенах мастерской, которые в полумраке казались гораздо дальше, чем были на самом деле. От этого создавалось впечатление, будто мы сидим не в тесном сарае, а в просторном каменном зале средневекового замка.

Из провала окна на нас таращилась слепая ночь. С юга доносились отзвуки урчащей техники и неразборчивые крики военных, которые, видать, никак не могли смириться с потерей новенького Ка-58.

А если не шуметь, можно было услышать жалобные всхлипы Болота. То ли пузыри выходящего на поверхность ядовитого газа лопались где-то в трясине, то ли поскуливал какой-то мутант, то ли скрипела коряга.

Мне был хорошо знаком этот тихий многоголосый шепот.

Я слушал Зону.

Слушал ночь.

Внимал легкому ветерку, который давным-давно стал родным и заменил многообразие звуков из прошлого. Те звуки словно бы кто-то подтер ластиком, и теперь их практически невозможно было разобрать на истерзанном планшете памяти. Спроси меня, как шумят верхушки сосен в знойный летний полдень или как дребезжит кузнечик, — и я не смог бы вспомнить.

Я теперь, наверное, не сумею даже отличить мертвый шелест кондиционера от живого шелеста листвы.

Или сумею?..

Гост разлил в кружки по пятьдесят, и мы, не сговариваясь, замахнули дозу.

— Скажи, родной, тебе никогда не хотелось вернуться туда? — Он неопределенно махнул рукой себе за спину.

— Куда «туда»? — уточнил я, хотя прекрасно понял, что сталкер имеет в виду.

— В мир. В нормальную человеческую жизнь.

Я долго молчал, с интересом отмечая, как мысли эфирными призраками проносятся в голове. Наконец произнес то, что показалось мне наиболее правильным в этот момент:

— Хотелось или не хотелось — никого не волнует, брат. Вопрос надо ставить иначе. Нужны ли мы тому миру?

Гост улыбнулся, и лучики морщин разбежались от его глаз в неверном свете горелки.

— Ну да, — глумливо сказал он, — там все только спят и видят, как из Зоны придет сотня изувеченных психопатов и начнет нести свою правду в массы.

— Во-во, — кивнул я. — Спят и видят.

Мы снова помолчали. Коварная дремота слегка отступила, но лишь с целью вернуться через четверть часа полноценным сном и окончательно овладеть моим организмом.

Гост вдруг резко сел на «пенке», будто его змея ужалила. Я аж вздрогнул от неожиданности.

— Ты чего?

— Как, говоришь, добрые люди наш артефакт прозвали? — быстро спросил он. — «Бумерангом»?

— Да. — Я внимательно посмотрел на него. — А что?

— Чрезвычайно точно окрестили.

— Я как-то не задумывался, честно говоря.

Гост осторожно достал контейнер с намертво сплавившимися цацками, открыл его и повертел в руках темно-вишневую штуковину. На причудливо изогнутых боках заплясали крошечные блики.

— Бумеранг ведь возвращается, верно?

— Ну.

— Что у тебя произошло в момент активации?

Я поколебался, но ответил:

— Беса в печку затащило. А через миг туда шарахнула блуждающая «жарка». Но как это может быть связано с... Стоп. — Я осекся, прозревая. — Он ведь сначала сидел в этой печке. Он именно в ней меня караулил!

— Этот артефакт возвращает фигуры в исходную позицию, сечешь.

— Аномалия?

— Суть аномалии тоже связана с перемещением людей, попавших в радиус действия. Я отмычку Дроя увидел, когда уронил цацку. Паренька вернуло в изначальную позицию. В ту точку, где он исчез, когда Дрой впервые увидел этот дурацкий знак в виде восьмерки.

— Или символа бесконечности, — машинально вставил я.

— По фиг! Ты представляешь, насколько мощная хреновина в наши руки угодила... — Гост сунул артефакт обратно в контейнер, словно тот обжег ему кожу.

— Да это ж целое состояние, — негромко сказал я. — Ученые за него штаны последние отдадут.

— Пожалуй. Вот только как он действует — совершенно непонятно. И активируется хаотично.

— Вовсе не хаотично. И у тебя, и у меня он сработал, когда мы его нечаянно уронили.

Гост уставился на меня, как на привидение.

— Точно, — наконец выдавил он. — Но почему в таком случае ничего не произошло, когда я спрыгнул с моста? Ведь рюкзак не по-детски приложило оземь.

— Да черт его знает. Мало ли в Зоне добра, которое действует через раз. Главное, что цацка силищи в себе скрывает немерено, а значит, загнать ее можно задорого. Завтра доберемся до Болотного Доктора и попробуем выяснить, что за диковинка нам досталась. Он и сам может предложить что-нибудь уникальное за такой хабар.

— А может и восвояси отправить ни с чем. Его ж хрен поймешь — себе на уме. — Гост достал прессованный чай и поставил кружку с водой на конфорку примуса, прикрыв пламя. В мастерской стало гораздо темнее. — И все-таки даже с учетом всех прибамбасов Зоны странный какой-то артефакт, тебе не кажется?

Я не стал лукавить.

— Да, что-то в нем есть... этакое...

— Вот и я чувствую, а думку не могу схватить. Ладно, ложись спать. Первая вахта — моя.

Как говорил один мой хороший приятель: другой бы на моем месте отказался...

Я накинул на лысину капюшон, сунул под голову рюкзак и сомкнул веки. Мысли моментально съехали куда-то вбок, перед глазами рваным калейдоскопом завертелись события минувшего дня, и тяжелый неспокойный сон сорвал меня в черную пучину небытия.

— Особенно не расслабляйся, родной, — еле различимый шепот нагнал меня уже на самой грани яви, — через два часа разбужу...

Ночь выдалась спокойная. Такие очень редко случаются в Зоне и обычно предшествуют сильнейшему катаклизму. Максимум через сутки нужно было готовиться к чудовищному по мощи выбросу.

К утру я дважды сменил Госта на посту, вдоволь наглотался крепкого чая, сожрал еще банку консервов и несколько плиток шоколада. Промозглый осенний рассвет застал меня сидящим на канистре в обнимку с «калашом».

Укутавшись до самых ушей в одеяло, я медитировал на пляшущий в примусе венчик огня и раздумывал, кому с наибольшей выгодой можно впарить нашу уникальную цацку. Поиск в сталкерской сетке по ключевому слову «бумеранг» не дал результатов, что было неудивительно — какой болван станет выкладывать в свободный доступ информацию о предмете, который только-только появился в Зоне? Правильно, никакой. Разве что желторотик неотесанный.

Теоретически выходило, что щедрее всего могли отвалить ученые, но прямого выхода на них у меня не было, а ушлые посредники вроде Сидоровича или Фоллена обязательно захотят отхапать кусок и скостят цену. В принципе вояки рано или поздно тоже проявят недюжинный интерес к предмету, который в перспективе можно использовать для пространственного перемещения противника в выгодную для себя позицию. Эти — упертые, что твой носорог. Любой артефакт по винтику разберут и под себя подстроят. Но с солдафонами связываться опасно. Если поймут, какое сокровище им засветило, могут без зазрения совести по башке дать и в канаву спустить. Все верно, зачем платить двум бродягам, когда можно так взять? Незачем. То-то и оно. Наверняка я был уверен лишь в одном: нам с Гостом крупно повезло. Птичка-интуиция прищелкивала где-то в затылке клювиком и подсказывала, что ежели мы не лопухнемся, то дело сулит хорошие барыши...

Человек может думать о приятных вещах бесконечно долго, но есть объективные причины, которые способны оторвать даже от самых славных мыслей. К примеру, повышающееся давление в мочевом пузыре.

Я поежился и откинул капюшон. Позвал:

— Рота, подъем!

Гост вскинул голову и непонимающе уставился на меня спросонья.

— Чего стряслось?

— Войну проспишь.

— Два часа еще не прошло, — зло сказал он, прищурив глаз и глянув на часы.

— Знаю, брат. Извини. В сортир приспичило.

— Пошли, прикрою.

Мы взяли оружие и, осторожно приоткрыв дверь, вышли в утреннюю сырость. Температура с вечера значительно упала, и я невольно передернул плечами от сквознячка, пробравшегося через стыки комбеза и змейкой скользнувшего по спине. В предрассветной мгле неторопливо перемещались клочки тумана, неясные тени, что-то хлюпало и ухало. Домики темными пятнами возвышались над стелющейся по деревушке дымкой, словно россыпь необитаемых островков в затерянном посреди океана архипелаге.

Гост передернул затвор «Потрошителя» и дал мне отмашку. Отойдя на пару метров, я закинул автомат за спину, вжикнул молнией и расстегнул пуговицы на термобелье. Журчащий звук разлетелся по всей округе, спугнув с крыши сельпо захлопавшую крыльями ворону.

Ох, до чего ж хорошо, братцы! Лепота-то какая!

Целую минуту я наслаждался сказочным ощущением падающего давления внутри живота. А когда заветная струйка ослабла, превратившись в ниточку, и собралась окончательно иссякнуть, сканер ПДА завибрировал, заставив меня вздрогнуть и замереть.

— Брат, глянь-ка...

— Завали пасть и не двигайся, — перебил Гост таким зловещим шепотом, что я запнулся на полуслове. — Десять часов.

Я скосил глаза чуть левее — туда, где на воображаемом циферблате находилась бы цифра «10», — и уперся взглядом в силуэт водонапорной башни. Вроде бы ниче-

го необычного: сваренные друг с другом стальные листы, заржавевшие, но все еще крепкие, тонкая труба, тянущаяся к самой верхушке, возле основания — компрессор с несколькими вентилями и разбитым манометром. С виду — башня как башня. Но что-то в ней было не так: глаз будто бы спотыкался на какой-то нестыковке.

А через секунду я наконец понял, отчего интуиция так неистово сверлит затылок.

Ровно посередине железного цилиндра воздух еле заметно двигался. В первое мгновение я решил, что на этом месте устроилась аномалия, на которую мы накануне не обратили внимания, но, присмотревшись, разглядел на фоне башни две серебристые точки и остолбенел, понимая, что — а точнее, кто! — там находится.

Казус, судя по всему, выходил неимоверный.

С трехметровой высоты на меня таращилась своими оловянными глазками болотная тварь, которую мы сразу не заметили потому, что мутант пребывал в режиме «стелс». Один из самых опасных и редких монстров Зоны притаился возле мастерской, выжидая, когда двуногие выберутся наружу, чтобы не спеша отобедать ими.

Должен вам сказать, братцы: стоять с расстегнутой ширинкой на расстоянии в один прыжок от болотной твари — очень страшно. И несмотря на то что я только закончил писать, мне рефлекторно захотелось повторить процедуру. Но при этом я настолько залип, что сумел лишь сглотнуть враз загустевшую слюну.

Тварь немного сместилась в сторону, о чем можно было судить по колебанию воздуха и сдвинувшимся огонькам глаз. Ртутного цвета точки скользнули правее, а затем мутант пронзительно заголосил, чем спровоцировал Госта. Опытный сталкер среагировал моментально: чуть повел стволом и нажал на спуск.

Над ухом грохнуло. Дробь кучно звякнула по стволу водонапорки, но болотный монстр успел совершить гигантский прыжок над входом в мастерскую, попытавшись на лету достать огромной лапой обидчика.

Если б Гост не пригнулся — тварь снесла бы ему голову одним ударом. Без вариантов.

Все это произошло в доли секунды, и диспозиция изменилась настолько быстро, что я даже не сразу понял, где оказался мутант. Тем не менее рефлексы не подвели: я кувырком откатился по дамбе, на ходу застегивая молнию и выхватывая из-за плеча «калаш».

— На асфальте! — крикнул Гост, выпуская в противника еще одну свинцовую картечь.

Мимо.

Я проследил за перемещениями монстра и дал длинную очередь на упреждение. Пули срезали ствол трухлявого дерева, взвизгнули по камням и слегка зацепили гадину. Болото огласилось неистовым воем, и я обратил внимание, как в метре от земли прямо из воздуха хлестанули темные струйки.

— Попал!

— Еще давай! Еще!

Судя по траектории воздушных возмущений, разбрасываемому гнилью и взлетающим брызгам, тварь решила обойти нас с фланга. Но теперь ей было гораздо труднее оставаться незамеченной, так как ранение высасывало силы, необходимые на поддержание невидимости. Сначала воздух зарябил, словно кто-то включил искаженную дикими помехами голограмму, а через миг урод стал полностью виден в туманном болотистом мареве.

Даже не знаю, что было лучше: гадать, куда в следующий момент ломанется призрачный монстр, или наблюдать его во всей осязаемой красе.

Мама дорогая! Я, конечно, несколько раз сталкивался с сухопутным родственничком болотной твари — кровососом, — но тому было далеко до внешних данных своей земноводной сестренки. Прямо скажем, краля могла претендовать на верхнюю ступень пьедестала в конкурсе «Мисс Зона XXI века».

Щупальца вокруг уродливого рыла хищно извивались в неосознанном поиске добычи, из которой можно

было высосать жизненные соки и превратить в мумифицированную куклу. Буро-зеленая бородавчатая шкура даже на вид была скользкая и противная, обильный слой слизи делал ее неприятно глянцевитой. Непропорционально длинные передние конечности были увенчаны мощными ладонями, каждый палец на которых не уступал по размерам батону сырокопченой колбасы. От загнутых внутрь, покрытых роговыми наростами когтей вообще хотелось поскорее отвести взгляд, а толстый ворс, которым были опутаны спина, плечи и продолговатая башка, окончательно делали тварюгу похожей на лешего из детских ночных кошмаров.

Я ранил мутанта в правую заднюю ногу, и теперь краля слегка ее подволакивала, но перемещалась все так же стремительно — намного быстрее тренированного человека.

Болотная тварь быстрыми прыжками преодолела сотню метров за считанные секунды, обойдя нас по широкой дуге, и оказалась на противоположной стороне дамбы, возле одной из затопленных хат. Там она остановилась, пронзительно заверещала и изготовилась к решающему рывку.

— Валим в сарай! — заорал Гост.

Дважды меня упрашивать не пришлось. Неприцельно отстреливаясь короткими очередями, я отступил к приоткрытой двери, за которой было наше единственное спасение в данной ситуации. Гост тоже разрядил для острастки дробовик в сторону твари и быстро попятился, стараясь не споткнуться.

Ох, братцы, как хотелось сохранить наши бесценные организмы в целости!

В лобовую атаку мутировавшая бестия броситься не посмела, оценив дислокацию и справедливо прикинув, на какой свинцово-огневой шквал рискует нарваться. Но уродина оказалась намного смекалистей и коварней, чем мы предполагали. И недооценка ее интеллектуальных способностей чуть было не стоила Госту жизни.

Когда мы почти добрались до входа в мастерскую, болотная тварь прыгнула. Но не вперед, а наискосок. Мы среагировали однозначно: проводили стволами ее движение и нажали на спусковые крючки. Но поздно, слишком поздно до нас дошло, какую страшную угрозу нес в себе бессмысленный, на первый взгляд, маневр.

Я-то успел на излете мысли присесть и уклониться в сторону от спасительного, казалось бы, проема двери, а вот Гост — не успел...

— Не-е-ет! — само собой вырвалось из глотки, когда я уже понял: напарнику не повезло.

Тварь обхитрила нас. Она сиганула на водонапорную башню, оттолкнулась от покатого бока, оставив на том внушительные царапины, и спикировала на пятачок перед столяркой практически отвесно. Краля так филигранно рассчитала свой прыжок, что ей удалось обрушиться на замешкавшегося Госта точно по вертикали. Гигантская лапища вроде бы слегка чиркнула сверху вниз по комбезу, но сталкера словно бы подрубили топором. Он тут же осел на землю как подкошенный, едва слышно ойкнув и схватившись за шею.

Кровавая роса теплой пеленой брызнула мне в лицо, как из пульверизатора.

— Сволочь! — заорал я, обезумев от отчаяния. — Сволота!

Мой АКМ неистово загромыхал, выплевывая металл в сторону уходящей с линии огня болотной твари. Оружию будто бы передалась ярость, вскипевшая в моих жилах, и ствол, казалось, сам чуточку смесился влево, вгоняя пули в уродливое тело.

Истошный вопль смертельно раненного мутанта на какое-то время оглушил меня, заставив наконец убрать сведенный судорогой палец со спускового крючка. «Рожок» уже был пуст, а из раскаленного ствола вилась сизая струйка дыма.

Схватка была почти завершена. Оставалось поставить точку и определить победителя. Либо под-

стреленная ослабевшая тварь, либо я с пустым магазином.

Либо-либо — такое частенько случается в Зоне, братцы.

— Сволота... — с ненавистью повторили мои губы. Рука сама собой потянулась к связанным изолентой «рожкам», чтобы перевернуть их другой стороной. — Сволота...

И тут вдруг поведение твари кардинально изменилось.

Болотной бестии словно впрыснули хорошую дозу паралитика прямо в артерии. Она вздрогнула, выгнулась, как от электрического разряда, и обмякла, продолжая, однако, покачиваться на узловатых задних конечностях. Со стороны это выглядело забавно и в то же время... жутковато.

Я ловко крутанул стянутую друг с другом пару магазинов и вжал в патроноприемник — отчетливо щелкнуло. Поднял ствол и хорошенько прицелился.

Грохот сердца и бурливший внутри адреналин мешали сосредоточиться.

К тому же что-то было неправильно... что-то...

И тут вдруг я сообразил: тварь ведет себя абсолютно не так, как должно вести любое существо, обладающее инстинктом самосохранения. Краля даже не обратила внимания на наведенное оружие. Я для нее словно бы перестал существовать. Бестия часто дышала, уставившись оловянными глазками куда-то за мое плечо. Щупальца вокруг ее рта истерично дрожали, по щекам скользили мутные капли.

Если следовать элементарной логике, она в принципе могла игнорировать прямую угрозу жизни. Но лишь в случае возникновения еще более опасной угрозы...

Ха. Ха. Ха.

Новичок скорее всего купился бы на подобную уловку и обернулся, чтобы проследить, чего так испугался мутант. Но я не новичок, братцы. Я прекрасно знаю, насколько хитры бывают порождения Зоны. Меня на жалость не возьмешь.

— Ищи дураков, — с ненавистью процедил я и выстрелил.

Затворная рама несколько раз дернулась туда-сюда. Три или четыре гильзы отлетели в сторону вместе с пороховыми газами. Отдача толкнула в плечо.

Тварь даже не попыталась уклониться. Она только жалобно захрипела, когда все выпущенные пули вошли в ее грудь, отодвинув тушу на метр назад. Вязкая кровь потекла из рваных отверстий. Щупальца вздрогнули и повисли на безобразном подбородке. Подобное поведение никак не вязалось с агрессивными намерениями, которые краля продемонстрировала полминуты назад.

Это просто не могло быть уловкой — слишком дорогую цену пришлось заплатить бестии, безропотно приняв в себя губительную дозу свинца.

Она, поскуливая, продолжала таращиться мне за плечо. Сзади находилось нечто, напугавшее раненую тварь до смерти. Как в прямом, так и в переносном смысле.

— Не оборачивайся, — прошептал Гост, уткнувшись бледным лицом в рукав комбеза. — Ни в коем случае.

— Что там, брат? — тихонько спросил я, чувствуя, как по спине бегут крупные мурашки.

— Кажется... блуждающий «мираж».

— Не было печали, — прошептал я, борясь с желанием побежать куда глаза глядят. — Тебя самого не... Ты в порядке?

— Если не считать разодранной сонной артерии — чувствую себя прекрасно, — просипел Гост и потерял сознание.

Я бросился к нему, доставая из кармана аптечку.

Болотная тварь продолжала покачиваться в сторонке, еле держась на ногах и стремительно теряя силы. Но животный ужас застыл на ее морде вовсе не из-за потери крови. Аномалия «мираж» убивала изощренно и страшно. Под пси-воздействием этой дряни у любого существа, обладающего хотя бы примитивными зачатками разума, выключались сложнейшие психомоторные меха-

низмы, которые в совокупности представляли собой инстинкт самосохранения. А заодно — многократно возрастали латентные суицидальные наклонности.

Иными словами, человек или мутант, попавший под воздействие «миража», просто сводил счеты с жизнью. Причем, если верить слухам, в весьма изощренной форме.

Осторожно приподняв голову Госта, я крепко матюгнулся. Рана на шее выглядела просто чудовищно: острый коготь распорол кожу и мягкие ткани возле яремной вены и, видимо, действительно слегка повредил сонную артерию. Алая кровь била крошечным фонтанчиком в такт ударам сердца.

Такую рану не залатать без хирургического вмешательства.

— Твою душу! Что ж мне с тобой делать-то... — в отчаянии пробормотал я, смачивая тампон перекисью водорода и прикладывая к его шее. — Я ж такие раны не умею шить...

Пока я лихорадочно соображал, как можно помочь сталкеру, тварь окончательно потеряла волю и неуверенно двинулась к водонапорной башне. Шаг, еще один. И еще. Из оловянных глаз текли слезы, но жалости во мне они не вызывали. Зона жестока, здесь выживают сильнейшие и везучие. А тебе, краля, сегодня не повезло.

Когда изможденная тварь подошла к железному вентилю компрессора, я уже понял, что сейчас произойдет...

Ржавый штырь, на котором крепилась барашка, торчал вверх на добрые 20 сантиметров. Бестия подошла к башне и, душераздирающе взвыв, со всего размаху насадила саму себя на него глазом. Раздался тошнотворный хруст, и меня чуть наизнанку не вывернуло. Удар оказался настолько сильным, что железка толщиной в палец вышла из затылка крали, выворотив кусок кости вместе с мозгами. Уродливое тело затрепыхалось в агонии и вскоре окончательно обмякло.

Мерзкое зрелище самоказни невольно приковывало к себе взор, но мне терять времени было никак нельзя.

Гост слабел с каждой секундой: его дыхание стало частым и неглубоким, глаза закатились, лицо по цвету напоминало грязную простыню.

— Спокойно, — скомандовал я сам себе.

И мысли в моей лысой башке потекли стройно, без суеты, как всегда случалось в критические моменты. Решение пришло само собой. Нерациональное, рискованное и вообще достойное конченого самодура и невежды, но единственно, как мне в тот момент показалось, верное.

Я метнулся в мастерскую, расстегнул клапан Гостова рюкзака, бесцеремонно извлек гермоконтейнер и воздал хвалу судьбе, что хозяину не пришло в голову накануне запереть его на кодовый замок.

К неподвижно лежащему на сырой плите приятелю я вернулся уже с заветным артефактом в руках.

— Все равно — дело табак, — не оставив себе времени на сомнения, сказал я. Зажмурился и шарахнул наши сплавленные «бумеранги» оземь изо всех сил.

Спиральки тюкнулись об острое ребро плиты и отскочили в сторону.

Ничего не произошло.

Ни вспышки, которую я подсознательно все же ожидал, ни тонкого свиста, переходящего в ультразвук. Ничего.

«Бумеранг» не сработал.

Незримые молоточки застучали у меня в висках от ярости и злости на артефакт, на бесславно почившую болотную тварюгу, на нерасторопного Госта, на самого себя, наивно поверившего, что с помощью цацки можно переставить местами фигуры в шахматной партии судьбы.

Значит, мы дали маху. Просто-напросто ошиблись, полагая, будто сила, заключенная в «бумерангах», способна вернуть людей и события на исходные позиции.

Гост продолжал лежать, и его сиплое лихорадочное дыхание долбило по мозгам хуже дизель-молота для забивки в грунт свай. Сколько он протянет? Час? Возможно, даже два или три, если пережать артерию пальцами...

Но как мне доволочь за это время тело весом почти в центнер до ближайшей стоянки? Да никак!

Я поднял холодный артефакт, переливающийся темно-бордовыми бликами в призрачном свете утреннего солнца, размытым пятном всплывающего над деревушкой. И с криком, полным злости и обиды, со всей дури приложил бесполезную игрушку о стену мастерской.

Раздался глухой «клац».

Артефакт отпрыгнул в сторону, отколупнув несколько крошек от кирпича.

Ничего.

Я присел рядом с Гостом и слегка прижал кровоточащую рану, прекрасно понимая, что этим жестом псевдомилосердия лишь дарю ему отсрочку, но отнюдь не избавляю от неминуемой смерти.

Неписаные сталкерские законы в принципе позволяли мне в сложившейся ситуации добить приятеля и отправиться по своим делам. Никто не посмел бы осудить вольного бродягу, бросившего напарника в обстоятельствах, когда помочь уже невозможно.

Законы позволяли. Совесть — нет.

Смейтесь сколько угодно, братцы! Глумитесь. Или, быть может, вы думаете, что у сталкеров нет совести? Вы ошибаетесь. Она есть. Просто не слишком часто соизволяет просыпаться, но уж коли прихватит — не отвертишься...

— Какое самоуправство.

Я аж подпрыгнул от неожиданности. Кто-то сумел подкрасться незамеченным, пока я предавался праведной скорби! Кто-то нагло воспользоваться слабостью закручинившегося сталкера Минора!

Уже через миг я держал на мушке обладателя ворчливого голоса и готов был разрядить в сутулую фигуру остатки боезапаса.

Человек стоял возле дальнего края мастерской, опершись на дуло здоровенного ручного пулемета, и не делал попыток поднять оружие или сместиться за угол

здания. Он был высок и слегка горбился, как многие люди, с детства привыкшие стесняться своего выдающегося роста. На ногах — исполинские ботинки размера 48-го, не меньше. Крепкие шаровары защитной расцветки, портупея с целой гирляндой подцепленных мешочков и подсумков, брезентовая куртка, небрежно застегнутая до половины.

Не узнать этого типа было бы признаком полного дилетантства. Ведь, прямо скажем, не многие могут себе позволить расхаживать по Болоту без дыхательной маски.

— Тебе кто разрешил, паскуда фонящая, на моей территории мутантов на вентили насаживать? — сварливо осведомился Болотный Доктор, взирая на меня из-под капюшона.

— Помоги, — сорвалось с моих губ. — Пожалуйста.

Доктор перевел взгляд на бледного, как смерть, Госта, вздохнул и покачал головой. Спросил:

— Шею поцарапали, что ль?

— Артерию, кажется...

— Алтелию, кажесся, — перебил Доктор, нарочно картавя и дразнясь. — Не фиг моих кровососущих изводить.

— Он сам! — возмутился я. — «Мираж» увидал и... насадился.

— Вижу, что сам, — слегка смягчился эскулап, убирая свой циклопический пулемет за спину. — И старательно закрываю глаза на многочисленные огнестрельные ранения, которые он, видимо, тоже сам себе нанес... Ладно, давай-ка глянем, что тут с твоим дружком стряслось. Эх, ё-моё, как его, а! Еще б часок — и копыта отодвинул. Рану промыл?

— Перекисью.

— Сойдет для начала. Хотя артериальное кровотечение так все равно не остановишь, надо перетянуть через подмышку ремнем. Учись, фельдшер.

Он приподнял Госта, придав ему полусидячее положение, и прислонил к стене. Отобрал у меня бинт,

ловко скрутил из него валик и прижал рану, а из остатков соорудил нечто вроде двусторонней петли. Пропустил один конец под рукой, другим осторожно зафиксировал шею.

— Вот так. Хватай под мышки, понесли.

— Сейчас, рюкзак только возьму, — кивнул я, подбирая и незаметно пряча в карман разгрузки «бумеранг». — Спасибо! Отплатим хабаром!

— Отплатите, отплатите, никуда не денетесь, — усмехнулся Доктор. — И не такие орлы платили.

Я сходил в мастерскую, забрал самое необходимое и вернулся на улицу. Тут же какая-то незримая сила потянула повернуться в сторону «миража», чтобы хоть краешком глаза взглянуть на эту редчайшую аномалию. Совсем ненадолго, на миллионную дольку секунды...

Я еле успел опомниться: резко встряхнул головой, отгоняя морок, и твердым шагом подошел к Доктору.

— Готов.

— А ты ничего, сталкер, — одобрительно хмыкнул он. — Салага не смог бы сопротивляться зову «миража», не выдержал бы: обязательно глянул. Тут бы ему и настала крышка... Ладно, пошли. Чоп-чоп.

Мы, крякнув, подняли Госта и потащили на север.

Легенды не врали. Болотный Доктор знал свои владения досконально и мог играючи пройти по таким дебрям, куда не рискнул бы сунуться ни один бродяга в здравом уме. Он наступал на места, которые казались жижей, и не проваливался, сворачивал прямиком в заводи и не тонул — будто бы некий ангел-хранитель вел его по путаным тропкам этого сумеречного мира, оберегая от многочисленных ловушек. Точнее — он сам был ангелом-хранителем, давным-давно получившим чутье и уникальные способности от Зоны. Только вот цену Доктор заплатил за такой дар слишком высокую: если верить слухам, покинуть пределы Периметра ему уже никогда не было суждено. Жизненная сила покидала видоизмененный организм, если он удалялся от аномального поля

Зоны дальше, чем на пару километров. По крайней мере так говаривали ветераны.

Я ступал в выдавленные ботинками Доктора лужицы, стараясь попадать точно в след. Подмывало сказать, что негоже нести Госта ногами вперед, но я молчал, понимая, как нелепо буду выглядеть со своей суеверной ремаркой в глазах циничного хирурга.

Мы петляли меж смертельных аномалий около получаса, и мне уже стало казаться, что нет конца нашему пути среди одинаковых деревьев, холмов и наполовину затопленных полянок. Нести тяжелого стакера становилось все труднее. Мышцы на руках затвердели, словно канаты, кобура с «Большим Бэном» съехала назад и натирала копчик, треклятый ахилл снова начал стрелять при каждом шаге.

Я старался не думать о боли. Сердито поглядывал на методично бьющий по ляжке Госта ствол пулемета, отсчитывал про себя метры и гонял по кругу застрявшую в черепе мысль: без помощи я бы никогда не дотащил напарника до Кордона...

— Не гони, шумахер, — обронил мой провожатый, замедляя ход. — Прибыли.

Я топчу Зону уже не первый год, но до этого момента как-то не довелось мне пересекаться с Болотным Доктором и бывать у него в гостях. Да и вообще — немногие матерые сталкеры могли похвастаться столь близким знакомством с нелюдимым эскулапом, который предпочитал общество мутантов человеческому и не скрывал этого.

Жилище выглядело невзрачно. Честно говоря, я ожидал от привилегированного обитателя Болота чего-то большего.

Крепкий кирпичный дом на отшибе, каменный гараж, небольшое хозяйство на заднем дворе, старенький дизель-генератор, конура с цепным чернобыльским псом, давным-давно одряхлевшим от старости. И все. Никакой видимой роскоши, никакого выпендрежа.

Когда мы подошли к крыльцу, пес сверкнул глазами и недовольно заворчал из своей будки. Рефлексы кричали мне: опасность! Поблизости мутант! Стрелять! Но я сдержал порыв и не разрядил в ненавистную тварь полмагазина, потому что прекрасно понимал: во-первых, рядом с хозяином мне бояться нечего, а во-вторых, в чужой монастырь свои распальцовки не носят.

Но когда Доктор коротко свистнул и из-за гаража к его ногам метнулась парочка снорков, я не выдержал. Руки сами выхватили из-за спины «калаш» и направили ствол на оскалившихся под противогазами мутантов. Тело Госта тяжело плюхнулось на землю.

— Пришибу! — рявкнул я.

— Остынь, — урезонил меня Доктор и кивком головы отправил бестий прочь. — Это мусорщики. Им нужно позаботиться об останках бедолаги, которые сейчас висят на вентиле.

Я убрал автомат, лишь когда снорки исчезли в густых зарослях. Все же впечатления от недавней схватки возле Кордона с представителями сей чудной породы были еще свежи, чтобы я мог спокойно вести себя в их присутствии.

— В операционную его, — скомандовал Доктор. — Ну-ка, взяли!

Мы занесли Госта на крыльцо и волоком втащили в прихожую.

Внутреннее убранство дома, братцы, совсем не вязалось с его внешним аскетическим видом. Аккуратная, просторная гостиная, обставленная по последнему писку хай-тека, кухня-студия с современной бытовой техникой, где, при желании, могли, не особо теснясь, поместиться человек десять, запертая дверь в спальню и широкий шлюзовой отсек, освещенный призрачно-синим сиянием кварцевой лампы.

— Хоть бы говнодавы скинул, варвар, — проворчал Доктор, когда я вознамерился вторгнуться в стерильный покой операционной.

В рабочем «кабинете» царили порядок и чистота. В шкафчиках за прозрачными дверцами стояли всевозможные пузырьки с растворами и прочая врачебная утварь, на специальной подставке лежали инструменты, накрытые полотенцем, с потолка на кронштейне свисала мощная лампа.

Я помог разоблачить Госта и уложить на белоснежный стол, после чего эскулап спросил:

— Дизель сумеешь врубить?

— Думаю, да.

— Вот и давай, а то мне электричество нужно, а на одних аккумуляторах много не нафурычишь. Пес тебя не тронет, не очкуй.

— Пристрелю его — и баста.

— Я те пристрелю! Все, иди и не мешай работать. Появлюсь через полчасика. Кстати, когда закончишь с генератором, запри дом, подожди минут пять и сними свою дебильную маску — у меня все стерильно, включая воздух. Душ возле спальни, направо. В холодильнике есть жратва. Шибко не борзей.

Я кивнул и вышел, тихонько прикрыв за собой дверь.

Не борзеть так не борзеть. Кто ж против?..

Дизель-генератор завелся с пол-оборота: громыхнул поршнями, выбросил вверх густой столб дыма и басовито застрекотал, нагоняя энергию в конденсаторы. На протестующие хрипы цепного пса я даже не обратил внимания — пусть себе жует свои старческие сопли в конуре.

Вернувшись внутрь, плотно закупорил дверь, как велел Доктор, и услышал, как автоматически включились и зашумели кондиционеры. Скинул с себя надоевший рюкзак, разулся и, поморщившись от боли, поправил повязку на потянутом сухожилии.

Из ярко освещенной операционной доносился лязг инструментов. Переживать за судьбу Госта теперь не имело смысла: все, что зависело от меня, было сделано, а остальное — в руках опытнейшего хирурга. Я бросил

шлем на полку, поглядел на свою чумазую рожу в зеркало и решил ознакомиться с содержимым холодильника — гостеприимный хозяин ведь сам предложил, верно? Другой бы, может, на моем месте и отказался, но я не из стеснительных.

На кухне было уютно: чувствовалась нотка холостяцкой свободы. Какая-то позитивная энергетика исходила от этих вроде бы небрежно разбросанных по столу вилок, разнокалиберной посуды на сушильной полке, длинной скамьи, вручную обитой поролоном и тканью, сетевого «шнурка» и наспех протертой пыли на плоском экране телевизора.

Мне всегда нравился именно такой уют. Мужской, что ли... Наверное, потому, что женского уюта со всеми его бирюльками и тряпочками в Зоне попросту не существовало.

Я прислонил автомат к подоконнику, стянул перчатки и хорошенько вымыл руки: полноценный душ может и подождать, но вот брать пищу грязными пальцами я вовсе не собирался — здоровье дороже. Вытерев ладони махровым полотенцем, я вспомнил слова хозяина о чистом воздухе и осторожно снял с лица фильтр. Неглубоко вдохнул и прислушался к внутренним ощущениям. Вроде бы глюков не наметилось. Что ж — стало быть, и впрямь можно дышать.

Я еще раз пустил в раковину воду. С удовольствием умылся, высморкался и поскреб ногтями красный след, оставшийся от резинового кольца, — это место страшно чесалось и зудело: плотно прижатая в течение многих часов маска ощущения комфорта явно не добавила.

Заурчал, словно бы напоминая о себе, вместительный холодильник. Я открыл дверцу и остолбенел. Яства, которыми угощал меня вчера Гост в баре «№ 92», на фоне этого натюрморта беспомощно меркли.

Одной сырокопченой колбасы здесь было сортов пять.

— Мамочка, — наконец выдохнул я, воровато оглядываясь. — Мамуся родная, это ж... что б я так жил...

Трудно сказать, кто снабжал Болотного Доктора продуктами, но поставщик этот явно имел козырный торговый канал во внешнем мире. Не обычные гарнизонные подачки через ученых или военных, а недурственный «перекидон» из ближайшего города, а то и из самого Киева. О-о-очень недурственный «перекидон».

Я вообще-то человек по натуре завистливый, но при виде сказочного изобилия эскулапова холодильника меня аж перекорежило от презрения к скотскому бродяжьему бытию.

Целехонький батон «брауншвейгской» соседствовал с наполовину срезанным «ромовым сервелатом», несколько видов сыра были тщательно обернуты пищевой пленкой и уложены на средней полке бочок к бочку, ниже покоился чугунный казан с жирным оранжевым пловом. Из овощей я сразу приметил свежие огурцы, баклажаны и помидоры, а из сладостей — свежий вишневый рулет и самый настоящий торт с густыми взбитыми сливками. Братцы, я не пробовал настоящего торта года три! Кажется, со времен непотребной попойки, когда Дрой слил какому-то американскому ученому сообществу три редких артефакта и решил по этому поводу хорошенько гульнуть с заказной хавкой и дорогими шлюхами. Правда, в тот раз торт был тощий и несвежий, поэтому в конце концов его так и не съели, а решили сыграть в «пьяное колесо». Водрузили торт на середину и по очереди глотали спиртное до тех пор, пока Фоллен не размяк. Он шмякнулся в крем мурлом и был несказанно удивлен, проснувшись с утра в фисташковой размазне. В общем, получилось забавно, но шлюхи, как потом выяснилось, были венерическими, и факт подхваченной некоторыми бродягами заразы основательно подпортил послевкусие торжества...

Я взял сыр с самыми большими дырками, откусил прямо от оковалка и продолжил осмотр кладези деликатесов.

На верхней полке рядком стояли банки с маринованными грибочками, вареньями и джемами. В плотном

свертке оказалась нарезка вяленой семги, а масленка была доверху забита красной икрой. Объемистая морозилка ломилась от залежей замороженного мяса самых разных сортов. На полочке для напитков бликовали несколько початых бутылок виски, в том числе мой любимый односолодовый скотч, а также — запотевший штоф «Бифитера», какой-то кремовый ликер со сложным французским названием и скромная бутылка ханки в самом дальнем углу.

Не борзеть, так, кажется, сказал Доктор? Да пошел он на фиг...

Я подхватил рыбу, «брауншевейгскую», сыр и расположил все это добро на скатерти в вершинах воображаемого треугольника. По центру поставил бутыль со скотчем. Полюбовался, слегка откинув голову. Красота! Извлек тяжелый казан с пловом и, водрузив его на решетку, прикрыл дверцу плиты. Газ подавался по шлангу откуда-то из подсобки: видимо, хозяин предпочитал держать баллоны подальше от жилых помещений. Я отыскал краник, повернул его до упора и растопил духовку.

Пока плов разогревался, нашинковал колбасу тонкими кружочками и пропустил полстаканчика вискаря. Зажмурился, смакуя напиток, подумал и пропустил еще. Крякнув от удовольствия, закусил колбасой.

Благодать, братцы! Может, в камердинеры сюда напроситься?

Из духовки потянуло ароматом правильно приготовленной баранины и риса. Рот рефлекторно наполнился слюной.

Дверь операционной открылась, и на пороге появился Доктор. Он стащил с рук окровавленные хирургические перчатки и бросил в мусорное ведро.

— Освоился, как я погляжу.

— Как он?

— Жить будет. Поваляется денек и очухается.

— Через сутки выброс.

— Ошибаешься, бродяга, выброс будет часа через два. У меня в подвале переждете.

О как. Стало быть, мы абсолютно неверно рассчитали время начала очередного аномального шторма и могли сгинуть, так и не добравшись до убежища.

Я выключил духовку и достал ПДА — надо бы поделиться с другими сталкерами ценной инфой.

— Добрый я сегодня, — сообщил Доктор, пригибаясь, чтобы не задеть лбом наличник кухонной арки. — Хулиганов всяких спасаю, о выбросе рассказываю. Может, стоит тебя скормить химере, чтоб хоть как-то восстановить баланс?

Отправив сообщение о надвигающемся урагане в общую сетку, я ответил, поддерживая ироничный тон:

— Кто же тогда отплатит за чудесное спасение?

Болотный Доктор выпятил нижнюю губу и, подумав, кивнул.

— Да, на корм тебя, пожалуй — рановато. Наложика мне для начала плова.

Я достал из духовки пышущий жаром казан и распределил по тарелкам рассыпчатые оранжевые комочки. Запах от пищи шел сказочный.

— Виски с пловом — дикость, — заметил Доктор, когда я плеснул скотча в два стакана.

— Извини, не могу удержаться, — пожал я плечами. — Ханку я и так через день глушу, джин с детства терпеть не могу, а ликер — пойло для баб.

— Ну ты прям крутой бушмэн, — усмехнулся он. — Ладно, дрогнули.

Я опрокинул в себя вискарь, отправил следом тонкую пластинку сыра и принялся за плов.

— Ну и что же привело бравых сталкеров в такую глушь? — поинтересовался Доктор, степенно пережевывая кусочки баранины.

— За советом пришли, — не стал я ходить вокруг да около.

— Даже так. — Он повел бровью, продолжая глядеть в тарелку. Смуглое лицо оставалось серьезным, но живые лучики морщин возле глаз выдавали саркастическое

настроение эскулапа. — Неужто мнение старика еще что-то значит для самоуверенной молодой поросли?

— Это зависит от мнения. — Я отложил в сторону вилку, вытер губы и положил перед Доктором артефакт. — Вот.

Он дожевал кусочек и посмотрел мне в глаза, не удостоив уникальную вещицу даже мимолетным взглядом.

— Что ты хочешь узнать, сталкер? — Настроение его переменилось в один момент. От насмешливости не осталось и следа. Передо мной сидел мудрый, властолюбивый, холодный и расчетливый Призрак Зоны, знающий цену себе и окружающим.

Я сглотнул, но сумел выдержать этот пронзительный взгляд. Вопросы о стоимости цацки, ради которых, собственно, мы с Гостом и затеяли этот рейд в Болото, вдруг показались мне глупыми. Птичка-интуиция неистово задолбила в затылок, подначивая узнать нечто гораздо более важное и ценное.

Я прекрасно знал о странной особенности Болотного Доктора — выборочно отвечать на вопросы. Он мог ответить, мог и промолчать. Мог потребовать за пустяковый совет сумасшедшую плату, а мог безвозмездно поделиться жизненно важной информацией.

— Как этим пользоваться?

Слова сами слетели с языка.

Доктор промолчал. Я подождал минуту или около того, не произнося ни звука и невольно отмечая, что со двора раздался хриплый лай чернобыльского пса.

Жаль. Очень жаль. Значит, зря мы тащили свои задницы через опасные топи в поисках истины. Обидно, прямо скажем. С другой стороны, отрицательный результат — тоже результат.

Ну и в конце концов, поход получился не таким уж бесполезным, если быть до конца честным: своим сообщением о раннем выбросе я наверняка спас не одну жизнь. Хотя — оперируя чисто меркантильными понятиями — на моем финансовом состоянии сие благое

деяние никоим образом не отразилось. Что ж, придется воспользоваться хозяйским гостеприимством: сожрать как можно больше вкусных харчей, переждать выброс, а уж потом идти на поклон к Сидоровичу...

— Не знаю.

Я не сразу сообразил, что это произнес Доктор.

— Что?

— Это ответ на твой вопрос.

Я остолбенел. Вот оно как, оказывается! Эскулап сам не ведает, что за штуковина попала к нам в руки и как она действует. Выходит, и Доктор не всезнающ, каковым его многие считают.

— Артефакт очень сильный, — продолжил эскулап, так и не взглянув на «бумеранг». — И очень опасный в неумелых руках. Если тебе и впрямь интересно мое мнение, то вот оно: выброси его и забудь, что когда-либо видел.

— Это что, шутка? — полюбопытствовал я, пытаясь отделаться от навязчивого ощущения, что меня пытаются крупно надуть.

— Нет. Добрый совет.

Внутри меня росло мерзкое чувство потери, краха. Такое бывает, когда во что-то сильно веришь, а потом внезапно догадываешься: все совсем не так, как ожидал. Мне казалось, Доктор откроет нам какую-то тайну про необычный предмет, а на деле вышел громкий «пшик». Нелепо погибший Семецкий, взорвавшийся Ка-58 и располосованное кралей горло Госта — все это в один момент превратилось в бессмысленные издержки. Даже глупый ворон, прожаренный «электрой».

— Ты даже представить себе не можешь, в какую игру ввязался, — прервал мои пессимистичные размышления Доктор. — Эти штуки стали появляться совсем недавно возле аномалий, которые не просто губят людей и мутантов. В этот раз Зона пошла гораздо дальше. Она посягнула на саму судьбу, понимаешь, сталкер? С помощью этих артефактов можно влиять на причинно-следственные связи. Менять ход локальных событий.

— Суть я уже понял. Только не действует эта хреновина.

— А разве остальные артефакты работают на заказ?

Вопрос, честно говоря, поставил меня в тупик. Об этом я раньше как-то не задумывался.

— То-то и оно, — хмыкнул Доктор, подцепив вилкой кусочек рыбы. — Дары Зоны нельзя включить или выключить, нажав на кнопочку. «Медуза» просто поглощает радиацию, «ночная звезда» и «грави» создают вокруг себя антигравитационное поле, а «снежинка» увеличивает мышечный тонус. Так же и «бумеранг». Он работает вне зависимости от желания носителя. Просто по своим законам, которые нам еще долго не понять.

— Здесь не один, а два артефакта, — признался я, помолчав.

— Вот как? — Доктор наконец соизволил обратить свое внимание на перекрученные ленты Мёбиуса. Он склонил голову набок и внимательно оглядел цацку, но так и не притронулся к ней, словно боялся заразиться. — Первый раз вижу, чтоб артефакты друг с другом сплавлялись. Истинно тебе говорю: выкинь эту дрянь.

— В обмен на эту дрянь целое состояние можно заполучить. — Я убрал артефакт в контейнер и тщательно закупорил крышку.

— Берегись, — сказал Доктор, пожав плечами. — Как бы тебе с головой не расстаться в погоне за сокровищами.

— Постараюсь. Что ты попросишь за спасение, харчи и крышу над головой?

Доктор поднялся, давая понять, что разговор подошел к концу.

— Я попрошу тебя о двух вещах. Первое, приберись и вымой посуду. Второе... Я не могу предвидеть, с чем тебе придется столкнуться, если решишь оставить цацку себе, а не выбросить в ближайшую заводь. Но точно знаю: однажды тебе придется совершить очень серьезный выбор. Так вот, вторая моя просьба: выбери правильно.

— Хорошо.

— Будь осторожен с обещаниями, — обронил Доктор, вытирая руки. — И не торопись. Самые очевидные наши желания, как правило, обманчивы.

Закончив трапезу и странный, будто бы застывший пузырем недосказанности разговор, мы перенесли так и не пришедшего пока в сознание Госта в подвал и поднялись в гостиную.

Я раздвинул жалюзи и сразу обратил внимание, что облака в небе приобрели розоватый оттенок. Но вовсе не от утренней зари, а от близящегося выброса. На грани слышимости вибрировал неприятный шум, будто бы кто-то сыпал песок на гигантский жестяной поддон. Вдалеке подвывали встревоженные мутанты, чуявшие, что Зона вот-вот разразится чудовищными возмущениями, убивающими не успевших схорониться двуногих и меняющими привычное расположение аномалий.

Болотный Доктор набросил штормовку и обернулся. Теперь он совсем не походил на добродушного врачевателя, каким казался несколько минут назад. Глаза тлели пугающей отрешенностью, верхняя губа чуточку приподнялась, обнажая отлично выбеленные зубы, ноздри с удвоенной энергией втягивали воздух.

— Мне нужно отлучиться, — негромко сказал он. — До встречи, сталкер.

— Удачной охоты, — пожелал я в сутулую спину.

Легенды не врут. Призраки Зоны не только в состоянии пережить выброс на открытой местности, но и стремятся втянуть в себя как можно больше аномальной энергии в часы пиковой активности.

Прежде чем спуститься вниз, я забрал с кухни автомат и проверил, надежно ли заперта дверь.

За окном сверкнуло, и практически сразу на Болото обрушился оглушительный раскат грома. Свет померцал, но не погас, напомнив мне, что дизель продолжает работать. Сквозь шорох хлынувшего ливня со двора раздался утробный рык пса. Мутировавшая тварь зашлась

лаем и воем, словно почуяла чужака. Спустя секунду хриплое гавканье прекратилось.

Я невольно обернулся на оборвавшийся звук и заметил, как за стеклом мелькнула неясная тень.

«Калаш» мгновенно оказался в боевом положении, предохранительная скоба щелкнула под рукой, становясь в режим автоматического ведения огня. Я замер, всматриваясь в серую пелену через полоски жалюзи. Вторая фаланга указательного пальца застыла на спусковом крючке, а приклад уперся в плечо и готов был по первому моему желанию дружески потолкать в него отдачей.

Гудела сплит-система, невнятно нашептывал о чем-то дождь, тучи перекликались друг с другом долгими громовыми набатами.

Я постоял без движения еще с полминуты, прислушиваясь к тому, что происходило снаружи, но толком ничего не смог разобрать — мешал общий фоновый шум. Быть может, стоило приблизиться к окну и попытаться разглядеть, кто же заставил умолкнуть ворчливого пса? Быть может... Но я поборол губительное любопытство и решил не испытывать судьбу, которая в последнее время и так была излишне благосклонна к моей бесценной шкуре.

Где же ты была в тот момент, птичка-интуиция? По каким гнездам тебя, заразу, носило?

Я сместился правее, чтобы попасть в коридор, где находился спуск в подвал. Не переставая держать на прицеле светлый прямоугольник окна, обогнул угол и оказался в двух шагах от заветной двери.

Где ж ты шлялась, пернатая сволочь?

Атаковали меня совсем не с той стороны, с которой можно было ожидать. В дальнем углу гостиной находилось еще одно окошко, по всей видимости, слуховое. Вот о нем-то я и не подумал...

Звон разбитого стекла донесся из-за спины, вздергивая нервы. Я уже понимал, что не успеваю среагировать.

Единственным шансом на спасение было броситься ничком на пол, уходя с линии огня за большое кожаное кресло, что я и сделал. На долю секунды позднее, чем нужно. На долю секунды!

То ли нападавшие ориентировались по ИК-датчикам и знали, в каком именно месте дома я нахожусь, то ли им неслыханно повезло, но уже на половине падения я услышал сухой щелчок и почувствовал болезненный укол в шею — чуть выше ключицы.

Блин.

Приземлившись, я хотел извлечь дротик со снотворным, но конечности уже стали ватными и не слушались меня. Пол, в который я уперся щекой, растянулся в бесконечную плоскость, интерьер докторской гостиной перекосился и поплыл куда-то в сторону, вызвав кратковременный тошнотворный позыв.

Перед глазами зарябило, картинка стремительно померкла, и сознание провалилось в радужную бездну, полную искр и хрустального звона... Ворвавшиеся в дом размытые силуэты уже совершенно меня не волновали.

Мир исчез.

Остался лишь отголосок досадного ощущения злости и обиды на предавшую интуицию.

Глава четвертая. Чистонебовцы

Дикая боль пронзила виски и затылок, как только я пришел в себя. Мой драгоценный лысый череп так гудел, что захотелось срочно от него избавиться, несмотря на жизненно необходимые органы, которые крепились как внутри, так и снаружи. Создавалось впечатление, что, пока я валялся в отключке, моей головой сыграли в футбол с полноценным овертаймом и послематчевой серией пенальти.

Я сжал зубы, чтобы не застонать, и открыл глаза.

Овальное помещение с низким потолком, тусклая ртутная лампа в держателе, одинокая койка с продавленным матрасом, голые стены со следами содранных плакатов или афиш. Прохладно.

Это не подвал сутулого эскулапа...

Демоны Зоны! Где же я нахожусь? И сколько пробыл без сознания?

Стараясь не делать резких движений, я приподнялся и ощупал себя на предмет травм. Кроме ушибленных еще во время стычки с ренегатами ребер и потянутого ахилла, серьезных повреждений не обнаружилось. В общем, если б не чудовищная головная боль и противный свербеж в правом ухе, можно было бы признать себя вполне свежим и здоровым.

Я припомнил последние события. Разговор с Доктором, гроза, дротик...

Пальцы машинально коснулись шеи, нащупали крошечную ранку. Меня вырубили грамотно и профессионально, без садистских замашек и членовредительства. С одной стороны, это радовало: если меня не пришибли, то кому-то я все еще был нужен. А вот с другой... Ведь вы наверняка помните, братцы, что пресловутая «другая сторона» — один из самых неприятных моментов в профессии сталкера.

Как и следовало ожидать, контейнера с артефактом при мне не было. Также отсутствовало все оружие, броня, ПДА и инструменты. Обобрали меня до нитки. И если не убили, то явно намереваются выведать инфу про «бумеранг». Скорее всего будут пытать, полагая, что я наизусть знаю подробную инструкцию по эксплуатации уникального артефакта. И ведь ни шиша не докажешь обратного! В Зоне много квалифицированных заплечных дел мастеров, они могут заставить любого святого во всех смертных грехах признаться.

Вот такая вот «другая сторона», собственно, меня и пугала.

Чьих же грязных лапок это дело? Явно не «долговцев» и не «свободных» — архаровцы из этих кланов вовсе не дураки, они не посмели бы средь бела дня напасть на жилище Болотного Доктора. Тогда кто? Распустившиеся ренегаты? Осерчавшие военные?

В коридоре послышались шаги. Я быстро улегся обратно на кровать и прикрыл глаза, оставив, однако, еле заметную щелочку между веками, чтобы наблюдать за происходящим. Пусть думают, что еще не пришел в себя.

При неярком мертвенно-бледном освещении я не сразу понял, что вошедший в помещение коротко стриженный человек — женщина. Лишь внимательнее приглядевшись к силуэту, обнаружил характерные выпуклости и формы.

Визитерша, не таясь, хлопнула дверью и одернула на себе пиджак. Что-то мне показалось подозрительным в этом уверенном движении, но я тогда не придал этому жесту особого значения.

— Очухался?

Голос я узнал сразу... Ба! Да это ж моя ненаглядная давалка. Сумела-таки провести старика якобы-журналистка из Украинской федеральной газеты. Так, кажется, она величала издание, сотрудницей которого накануне представилась.

Я сел на койке, решив, что прикидываться отключенным уже нет смысла. Ехидно поинтересовался:

— Интервью возьмешь или сразу в пыточную камеру?

— Вставай, — сказала Лата. — С тобой хотят поговорить.

— В вашей конторе всегда в авангарде засылают шлюх с сомнительной легендой?

Она не разозлилась. Даже бровью не повела. И вот это мне совсем не понравилось. А еще я не понимал, почему у нее при себе нет оружия. Неужели в коридоре конвой? Что ж, заодно и проверим.

Я поднялся и двинулся в сторону двери...

Запомните: нельзя недооценивать женщин. Ни в коем случае. Тем более — знакомых. Так сложилось, что мы, мужчины, по умолчанию считаем представительниц прекрасного пола слабее себя. А зря, ох, зря, братцы. Ведь тем самым мы фактически даем им право властвовать над собой, делаем могучее, собственноручно ставим на ступень выше.

Когда я поравнялся с девушкой и собрался было заломить ей руку, то почувствовал, как пол внезапно ушел из-под ног.

Лата чуть сместилась в сторону, сделала подсечку и одновременно выбросила вперед руку. От этого небрежного, на первый взгляд, движения я мгновенно потерял равновесие. И тут же ощутил резкую боль в районе кадыка — удар выбил из глотки короткий сиплый вскрик. А спустя секунду я уже валялся на полу, прижатый коленом.

Лихо! Я сам неоднократно применял этот прием рукопашного боя, но даже помыслить не мог, насколько он на самом деле эффективен для неготового к активному сопротивлению противника.

— Х... хорош, — прохрипел я, когда стало не хватать воздуха.

Лата убрала ногу с моего горла и отошла в сторонку.

Я поднялся, потирая кадык и морщась от боли в черепушке, подступившей с новой силой. Осведомился, не глядя на женщину:

— Ты соображаешь, что творишь?

— Гораздо лучше, чем тебе кажется. Завали хавало и следуй за мной. Имей в виду: если еще раз попробуешь напасть — палец сломаю.

— А вчера была такой хорошей девочкой. Так интеллигентно ножки раздвигала, прикидывалась паинькой, готовой лечь под изголодавшегося по любви сталкера в обмен на «жареный» материал для таблоида.

Она не стала отвечать на подначку, развернулась и вышла в коридор. Я пожал плечами и двинулся следом —

желания оставаться в этом клоповнике не было. Выходя из тесного помещения, я наконец понял, почему мне показался странным жест, когда Лата одернула пиджак: она сделала это во-военному.

Ну, дела, братцы. Ужели меня все-таки пропасли за угробленную «вертушку»? Но ведь это ж не я виноват, в конце концов. Это все — глупая аномалия!

Когда мы дошли до конца тоннеля и уперлись в герметичную дверь с ручным запорным механизмом, я уже был готов увидеть все что угодно: от подземного бункера минобороны Украины до секретного канализационного коллектора, ведущего прямиком к ЧАЭС. Каково же было мое удивление, когда за стальной переборкой оказалась каморка хозяина бара «№ 92». Вот те на! Сто раз видел эту дверь с обратной стороны, но никогда не задумывался, куда она ведет. И уж никак не мог помыслить, что — в местные казематы.

Сам Фоллен сидел в глубоком кресле, задумчиво шкрябая пилкой по ногтям и дымя вонючей папиросой. Над ним болтался прицепленный к крючку в потолке плафон в виде китайского фонарика, которым владелец закордонного заведения очень гордился, рассказывая по пьяни надоевшую всем байку о том, как свинтил его в настоящем восточном ресторане в Харькове еще до второго взрыва в 2006-м.

А за знакомым до коликов продолговатым столом, стоявшим возле дальней стены, сидели трое мужчин в камуфляжах небесно-синего цвета с пятиугольными шевронами на рукавах. Один из них был негром.

Твою мать. Приехали. Вот только ребят из «Чистого неба» мне не хватало для полного счастья. Это что же получается, псевдожурналисточка на них работает?

— Привет, Минор, — сказал Фоллен, убирая пилку в карман. — Присаживайся. Не серчай, что хлопцам пришлось тебя убаюкать.

— Сочтемся, — холодно пообещал я, продолжая стоять. — Где Гост?

— Не секутись, — недовольно отмахнулся худощавый хозяин номера 92. — В лазарете твой приятель отлеживается. Выброс уже кончился, ничего ему не грозит... Разговор у нас будет серьезный, Минор. Ты сядь, сядь — в ногах правды нет.

— Не по обычаям это, Фоллен, честных бродяг силой к беседе принуждать да артефакты без спроса брать.

Он усмехнулся:

— Можно подумать, попроси я тебя добровольно мне «бумеранг» отдать, ты бы согласился.

— Все зависело бы от того, как попросил. А теперь может казус выйти неимоверный, если сталкеры о твоем самоуправстве узнают.

— Сядь, чешка, — грубо велел Фоллен, и я почувствовал, как твердая ладонь Латы легла на мою шею.

Пришлось повиноваться: девушка находилась в гораздо более выгодной тактической позиции, и второй раз быть придавленным коленкой к полу мне не улыбалось. А в бойцовских качествах бой-бабы я теперь ни на йоту не сомневался. К тому же в памяти всплыло недвусмысленное обещание о переломе пальца.

Я сел, но от едкого комментария все ж не удержался. Бросил через плечо:

— А ты превосходно сыграла роль охочей папарацци. Даже ханки со мной не побрезговала выпить. Дурочкой прикинулась по всем правилам: глазенки удивленные поделала, очочки модные нацепила. Я, кстати, сразу приметил, что они без диоптрий и носишь ты их для понта. Ну а утренняя записка — вообще шедевр эпистолярного жанра. Собиралась меня в обед сдать своим хозяевам, а я возьми и слиняй в Болото. Побегать, поди, пришлось, попотеть, да? Ничего, физическая нагрузка полезна для организма. Слушай, ты мне вот что скажи: у тебя хоть оклад-то приличный? Или ты у них на роялти?

Лата в очередной раз не ответила на колкость. Что ж, стоило окончательно признать: с нервами у этой оперативницы все более чем в порядке.

— Кончил фиглярствовать? — неприятно улыбнувшись, спросил Фоллен.

— Забычкуй папироску, а, — попросил я, ощутив новый приступ головной боли. — А то буду вынужден наблевать на коврик.

Фоллен выругался, но окурок потушил. По лестнице застучали шаги, и в каморку вбежал Чижик. Щуплый бармен наклонился к уху хозяина и прошептал несколько слов, после этого покосился на меня и вышел прочь.

— Моя миссия закончена, хлопцы, — обратился Фоллен к молчаливым представителям группировки «Чистое небо». — Все затрэбуванные субъекты доставлены в бар. Необходимые... э-э... операции благополучно завершены. Я, кажется, выполнил условия сделки?

— Почти, — ответил чернокожий, придвигаясь ближе к столу и доставая навороченный ПДА. — Деньги будут перечислены на счет после подтверждения первого успешного рейда.

— Мы так не договаривались, — прищурился хозяин номера 92, становясь похожим на матерого лиса.

— Твоя забегаловка до сих пор не превратилась в руины, — улыбнулся негр, обнажив крупные желтые зубы. — Разве этого недостаточно?

— Недостаточно, — нагло заявил Фоллен. — Я не из боязливых, и у меня хватит людей, патронов и взрывчатки, чтобы превратить все окрестности в большую заразную воронку. Войны с «Чистым небом» я не хочу — это сущая правда. Но торговаться умею. Еще двадцать пять процентов сверху, и я выдам остальных сталкеров живыми. Оплата, так и быть, после первого рейда.

Афроамериканец вопросительно обернулся к своим партнерам. Те согласно кивнули.

— По рукам, торгаш.

— А меня кто-нибудь посвятит в страшные злодейские планы? — осведомился я, морщась от нарастающего зуда в правом ухе.

— Не секутись, фонящее тело, — осадил меня Фолл-лен. — Скоро тебе объяснят, что нужно сделать.

— Даже так? — картинно удивился я. Перевел вызывающий взгляд на негра и четко проговорил: — А вдруг строптивый сталкер Минор откажется выполнять волю... белых господ?

Чернокожий приподнял брови и воззрился на Фолл-лена.

— Остальные — такие же хамы?

— Боюсь, что да, — развел тот руками. — Что поделаешь, Зона огрубляет людей и безвозвратно портит их тонкую душевную организацию.

Негр наконец удостоил меня взглядом.

— Отвечаю на поставленный вопрос, — проговорил он, пряча ПДА в карман кителя. — Если строптивый сталкер откажется сотрудничать, то ему придется худо. Доказать?

— Валяй, — храбрясь, сказал я. — Пуганые мы.

Негр устало провел ладонями по лоснящейся от пота физиономии и вновь достал ПДА. Демонстративно подключил его по тонкому шнуру к продолговатому устройству, висящему у него на портупее, и положил перед собой.

— Цацкаться я с тобой не буду. Расклад прост. Либо ты выполняешь определенную работу, получаешь гонорар и валишь на все четыре стороны, либо делаешь то же самое, но без гонорара.

— Так не договариваются с вольными сталкерами.

— А кто тебе сказал, что я собрался с тобой о чем-то договариваться? — удивился чернокожий вояка.

— Ой, баюс-баюс.

— Разве я не упоминал о неприятных ощущениях, которые ты будешь испытывать в случае неповиновения?

Я насторожился. Ребята с нашивками «Чистого неба» не были похожи на шутников, договорившихся с Фолленом о первоапрельском розыгрыше уважаемых бродяг. Но, с другой стороны, что они могли мне сде-

лать? Раскаленных иголок под ногти напихать? Шантажировать? Такой откровенный наезд на честных сталкеров чреват ответными действиями. Как бы славно ни были они оснащены и вооружены, их логово могут разворошить в два счета. Неужели клан «Чистое небо» готов пойти на открытую вражду? Быть не может. Запугивают.

— Пошел в жопу, — решительно ответил я, как в омут сигая.

Негр улыбнулся и дотронулся ноготком до экранчика своего наладонника.

Голова взорвалась адской болью. Мозги словно бросили на раскаленную сковородку и полили кипящим маслом. Через виски будто бы пропустили заряд тока, а в затылок вогнали железнодорожный костыль.

От болевого шока я на миг лишился сознания, но тут же пришел в себя и свалился на пол, корчась в судорогах. Пальцы беспомощно заскребли по ковролину, нитка слюны потянулась из уголка рта, язык разбух и уперся в нёбо, в правом ухе зазвучал оглушительный колокольный набат, разбив хаотичные обрывки остальных звуков и вызвав стойкое желание поскорей сдохнуть.

Ёма-а-а... Как скверно-то, братцы!

От пронзительной вездесущей боли, эпицентром которой был мой лысый череп, невозможно было укрыться. Она не давала ни здраво мыслить, ни адекватно воспринимать реальность, ни сосредоточиться даже на самом очаге боли, чтобы унять ее или хоть как-то уменьшить.

Что там иголки под ногти. Фигня все это для первоклашек.

— Хэ-э... хс... х-хватит...

Боль внезапно ушла. Стало очень хорошо и легко, хотелось воспарить над Зоной высоко-высоко и нежиться в чистых, незараженных облаках, хотелось, чтобы это прекрасное ощущение продолжалось вечно. О да, остановись, мгновенье, бла-бла-бла...

Сколько я же дрыгался на полу? Секунду или полчаса?

— Продолжаем разговор? — донесся сквозь шум в ушах далекий голос моего палача.

Я поморгал, приходя в себя, и сплюнул розовым месивом. Вот незадача — еще и язык прикусил. Интересно, чем меня так приложили?

— Лата, помоги сталкеру.

Девушка ухватилась за шиворот и попыталась приподнять меня, но силенок не хватило, и она отпустила воротник куртки. После этого я получил легонький, но обидный пинок по ягодице.

— Подъем, мясо.

— Клитор на уши натяну, — пообещал я, борясь с подступившей тошнотой.

— В другой жизни. Вставай.

Я кое-как взобрался обратно на стул и опасливо покосился на устройство, с помощью которого негр устроил мне такую недетскую головомойку. Больше всего гаджет напоминал футляр для очков, только с двумя USB-разъемами, к одному из которых сейчас был подцеплен ПДА.

— Надеюсь, тебе не понравилось? — спросил афроамериканец.

— Козел.

— Повторим процедуру?

— Очень хочется возразить и продолжить пререкаться, — зло пробубнил я в ответ, вытирая с рожи кровавые сопли. — Но, исключительно для разнообразия, я соглашусь выслушать твое предложение, прежде чем снова затрепыхаться в конвульсиях.

— Разумно, — кивнул он. — Фоллен, остальных уже обработали?

— Да.

— Пусть сюда приведут. Начнем инструктаж.

Когда в каморку втолкнули Дроя и Зеленого, мне сразу стало понятно: их тоже подвергли упреждающей экзекуции. У первого весь тельник на груди был заляпан кусочками блевотины, а на скуле второго багровел кровоподтек.

— Здорово, Минор, — буркнул Дрой, лязгая наручниками. — Подмигни мне, когда будешь готов прикрыть, и я наброшусь на эту охамевшую контру.

— Хао, — уныло поприветствовал меня Зеленый и устроил свою долговязую фигуру на ближайшем стуле. — Зубодробилку включали?

— Угу. — Я потер виски.

— Крайне мерзкое изобретение, — вынес вердикт Зеленый.

Дрой нагло отодвинул своим мощным тазом одного из представителей «Чистого неба» и уселся в кресло. Поинтересовался у Фоллена:

— Гроб заказал?

— Утухни, фонящее тело, — отмахнулся хозяин бара «№ 92» и обратился к негру: — Полковник, мое присутствие необходимо?

— Нет.

— В таком случае я займусь делами. Не шалите тут.

Он подхватил со стола пачку «Беломора» и размашисто зашагал вверх по лестнице, ведущей в основной зал.

— Меня зовут Роман. Родился и вырос в России, так что пусть цвет кожи не вызывает у вас лишних ассоциаций, — представился чернокожий и указал на своих неразговорчивых спутников: — Это Кирилл и...

— Мефодий, — перебил я. — Воды дай, полковник.

— Еще раз перебьешь — включу «нейротряс». Лата, пусть попьет.

Девушка взяла со стола графин, наполнила кружку и подала ее мне. Я понюхал воду, набрал немного в рот и, прополоскав, сплюнул на пол. Затем выпил все залпом и бросил тару через плечо.

— Это Кирилл и Анатолий, — повторил негр. — Женщину зовут Лата. Я полковник сухопутных войск, заместитель командующего отдельного миротворческого батальона, но в данный момент говорю не как офицер вооруженных сил. Мы представляем клан «Чистое небо».

— Хватит сопли жевать, — грубо сказал Дрой. — Что за хреновину ты нам в башку впаял?

Роман улыбнулся, и я поймал себя на мысли, что уже всей душой ненавижу его большие зубы с налетом желтизны.

— Микропередатчики-симбионты маячкового типа находятся в среднем ухе, — охотно разъяснил он. — Они совмещены со слабыми низкочастотными излучателями, которые воздействуют на мозг и слегка нарушают его естественный альфа-ритм. Наши ученые давно эту штуку выдумали, только все никак не удавалось провести испытания в полевых условиях.

— То есть на людях, — понимающе кивнул Зеленый и машинально поковырял мизинцем в ухе. — Терпеть не могу, когда оказываюсь прав. От этого зачастую только хуже становится.

— Привыкай, — посоветовал тот, которого полковник назвал Кириллом.

— Расстегни-ка мне браслеты, умник, — елейным тоном попросил Дрой, — я те шею сломаю, а позвонки на брелоки разберу...

Негр с силой хлопнул по столу ладонью, отчего ПДА подскочил. Я рефлекторно вздрогнул, ожидая нового приступа головной боли. Но ничего не произошло.

Роман встал и обвел нас взглядом.

— Слушайте внимательно, сталкеры, потому что повторять дважды я не привык. Если будут возникать вопросы по существу — смело задавайте. Если же начнете паясничать — врублю «нейротряс». Всем понятно?

Мы с Зеленым промолчали. А Дрой таки не удержался и продемонстрировал полковнику средние пальцы, цокнув наручниками.

Полковник одернул китель.

— С этого момента я как официальный представитель «Чистого неба» нанимаю вас на работу. Условия таковы. Вы добываете несколько артефактов и зашибаете щедрое вознаграждение. Попробуете уклониться

от выполнения поставленной задачи — получите порцию паршивых ощущений прямо в мозги. При попытке побега, присвоения хабара или нападения на сопровождающих — увеличу мощность «нейротряса» вдвое. При повторном нарушении — вчетверо. Доходчиво толкую?

— Почему нельзя было просто нанять нас? Без этой клоунады, — спросил Зеленый.

— Потому что вы бы гарантированно отказались от работы, узнав расположение артефактов. Мы решили подстраховаться.

— А самим слабо по Зоне прогуляться, что ли? — заметил Дрой. — Сдрейфили?

— Отнюдь, — спокойно ответил Роман. — Мы пробовали подобраться к интересующим нас предметам, но полдюжины опытнейших сталкеров «Чистого неба» бесследно исчезли. Жертвовать ценными кадрами мы больше не можем.

— А нас пустить в качестве отмычек, значит, можете? — тут же вскинулся Дрой. — Я видел, как один из моих задом наперед ходить начал возле такой штуки. Энтузиазм первооткрывателя во мне быстро пропал.

— Постой, не ерепенься, брат, — одернул я его. Прищурившись, посмотрел в глаза негру. — Почему именно мы?

Полковник нахмурился. Вместо него ответил второй «чистонебовец» — Анатолий:

— Вы единственные, кто выжил после контакта с «бумерангами». Плюс тот раненый сталкер, который в лазарете.

Тишина висела в каморке добрую минуту. Нарушали ее лишь приглушенная музыка, доносившаяся из верхних помещений бара, и свистящее сопение Дроя.

— Дело табак, братцы, — наконец обронил я. — Нас, кажется, хотят по полной программе эксплуатировать. Зеленый, а ты, стало быть, тоже цацку нашел?

Зеленый набычился и уставился на свои кулаки.

— Понятно. — Я не стал настаивать на ответе, и так все ясно. Сейчас важно было другое. — Сколько вы нам заплатите в случае успеха? И где находятся артефакты?

— Вот это совсем другой разговор, — обрадовался негр. — Приятно иметь дело с прагматиком. А сперва ты мне показался самонадеянный бараном.

— Друзьям своим зады брей острым язычком, — осадил я его. — Сколько?

Роман набрал на ПДА число и развернул экранчик, чтобы нам было видно. У Дроя аж челюсть отпала.

— Вы чё, дебилы? — опасливо спросил он. — Или развести нас хотите? Да за такие бабки всех окрестных миротворцев можно строем заставить ходить.

— Я и заставил, — согласился негр. — Только это не помогло раздобыть артефакты.

Плохое предчувствие, давно терзавшее меня, окончательно вызрело и укрепилось.

— Место покажи, — потребовал я.

Полковник вздохнул и снова повозил пальцем по сенсорному дисплею наладонника. Продемонстрировал мне кусок карты. Я всмотрелся в смутно знакомые линии и отметки. Попросил:

— Масштаб уменьши.

Он двинул ползунок. Изображение стало схематичней, зато теперь было понятно, что это за район.

— Да ты головой повредился, — усмехнулся я. — Это ж западная окраина Янтаря. Там ученые какую-то шнягу взорвали — уже пару месяцев как сплошной аномальный фронт стоит. Плюс пси-активность. Даже безмозглые зомбаки эти гиблые места стороной обходят.

— Поэтому и пришлось использовать метод длинного кнута и сочного пряника.

— Ты понимаешь, что это самоубийство?

— Вы получите лучшее оружие и снаряжение. Некоторые образцы экспериментальные, не пошедшие в серийное производство из-за дороговизны. С такими не стыдно и Преисподнюю штурмовать.

— Там невозможно ни пройти, ни пролететь.

— На поверхности — да.

— Ты хочешь нас в катакомбы под западный Янтарь отправить? Да проще сразу пристрелить.

— Чего ты рассвистелся, как целка перед гинекологом? Наши сталкеры сумели миновать аномальные территории, но, к сожалению, исчезли в непосредственной близости от артефакта. Так что проход есть, это доказано.

— Безумие, — пробубнил Зеленый. — Я категорически против этого заведомо успешного суицида.

— Вашего согласия я и не спрашиваю, — пожал могучими плечами Роман. — Вопросы и пожелания по существу имеются?

— О, пожеланий довольно много, — пророкотал Дрой. — Во-первых, иди на...

— Да подожди ты! — резко перебил я веснушчатого бунтаря. — Где остальные цацки?

— Вы мне эту для начала принесите, — сурово отрезал полковник.

Я крепко задумался. Картина вырисовывалась скверная. Верхушка «Чистого неба», оказывается, состояла отнюдь не из отщепенцев-ботаников, решивших не допустить новой катастрофы в Зоне и возомнивших себя хранителями баланса. Они напрямую якшаются с военными и, как следствие, действуют либо в интересах армейских спецслужб, либо являются прикрытием некоего глобального госпроекта. Личина сердобольных блюстителей порядка и третейских судей для них, понятное дело, удобна — она позволяет лишний раз не привлекать внимания к истинным целям, которые преследует организация. Ну и ну! Что ж это получается, братцы? А то, что змеюшку мы прямо под боком пригрели. И теперь эта гадина покупает нас как последнюю уголовщину. Ладно, пока не удастся вытащить из башки этот паскудный передатчик, рыпаться все равно бесполезно. Послушаем.

— В общих чертах план действий таков, — начал Роман. — Сегодня же нас доставят к лагерю ученых, где вы получите кое-какие обновки. На рассвете двинетесь через катакомбы. К месту, где предположительно находится артефакт, выйдете к полудню. Берете цацку, пакуете в контейнер и возвращаетесь. Мы будем ждать на Янтаре.

— В лагерь ученых за несколько часов? — усомнился Зеленый. — На коньке-горбунке, что ли?

— Почти. Это не твоя забота, сталкер.

— Меня зовут Зеленый.

— Да хоть фиолетовый. Кстати, — полковник повернулся ко мне, — насчет загубленной «вертушки» у нас будет отдельный разговор с тобой и с твоим покоцанным дружком.

— С удовольствием, — кивнул я. — Только имей в виду, я бываю несдержан в беседах со сволочами.

Он улыбнулся, в очередной раз вызвав у меня приступ отвращения к желтоватому оскалу. Снял с пояса «нейротряс» и вместе с ПДА передал Лате.

— Растолкай четвертого и выводи их к транспорту. Мы поднимемся через пять минут.

— Подъем, мясо, — скомандовала Лата.

Зря она так, ох зря. Если я мог списать показушную грубость на женские комплексы и желание показать свое превосходство, то простому парубку Дрою на мотивы дурехи было глубоко забить. Он погремел наручниками, поднялся и одарил девку столь воодушевляющим взором, что я бы на ее месте предпочел немедленно покончить жизнь самоубийством, чем топтать Зону, имея такого врага.

— Грабли за голову. Кому сказала! Вперед, без команды не останавливаться.

Мы гуськом вышли на лестницу. На площадке топтались еще несколько вооруженных израильскими автоматами боевиков в синих комбезах. Завидев Лату, они затушили бычки и подтянулись. Надо же, оказывается, девочка не последняя сявка в этой своре.

— Проводить? — спросил один из сталкеров, с прищуром глядя на окольцованные запястья Дроя.

— Не надо. В лазарете валяется еще один кретин с заштопанной шеей. Приведите его к транспорту, — распорядилась она. Подтолкнула Зеленого в бок: — Ну, чего встал, фонящее тело, сказала же, без моей команды не...

Дрой неожиданно бросился на обнаглевшую девку сбоку, целясь сцепленными руками в горло. Его мощное тело полностью скрыло под собой хрупкую девичью фигурку, вдавливая ее в железные шкафчики, стоящие вдоль стены. Раздался грохот, «чистонебовцы» вскинули стволы, но открыть огонь не решились, боясь задеть свою. Я уже нацелился двинуть одному из них в челюсть и помочь приятелю в благом начинании, но вовремя сообразил, что попытка бунта обречена на провал, и благоразумно решил не вмешиваться. Зеленый попытался выдернуть соединительный шнур из «нейротряса», но не успел.

Лата проявила чудеса изворотливости. Она змеей выскользнула из смертельных объятий Дроя и с разворота заехала каблуком ему в голень. Сталкер взвыл от боли и развернулся. В этот момент он был страшен.

— Пор-р-рву, сучка... — вырвалось из луженой глотки.

Лата отступила под прикрытие сталкеров из «Чистого неба» и хладнокровно вдавила кнопку активации ретранслятора на ПДА.

Дроя словно срезали большим ножом.

Ноги его подкосились, по перекошенному от ярости лицу пробежала судорога, после чего из глаз исчезло осмысленное выражение, а изо рта брызнула слюна. Страшный хрип разлетелся по лестничным пролетам, отскакивая от бетонных стен, тусклых ламп, заплесневелых труб и запертых дверей. Бродяга рухнул на пол и затрясся крупной дрожью, колотясь затылком об острый край ступеньки. Смотреть на конвульсии было жутковато даже нам, опытным сталкерам, повидавшим на своем веку немало ужасных смертей. Озноб прошибал от осоз-

нания: виной нечеловеческих страданий Дроя служили не коварная аномалия или кровожадный мутант, а изящный женский пальчик, давящий красивым ноготком на крошечную кнопочку.

— Хватит! — крикнул я. — Остановись!

Наши с Латой взгляды на мгновение столкнулись, и я вдруг увидел, как глаза девушки подозрительно блеснули. В тот момент я не понял, что послужило этому причиной: гнев, рефлекторно выступившая слеза или вообще случайный блик от площадной лампочки.

Но она перестала мучить Дроя.

Сталкер еще некоторое время по инерции вздрагивал, распластавшись на ступеньках в неудобной позе. Мы с Зеленым взяли его под руки и с натугой приподняли, помогая встать на ноги и прийти в себя. Ну и тяжелый же оказался этот сальный увалень! Человека, как известно, довольно трудно нести даже вдвоем, если он без сознания, а уж этакую гориллу — и подавно.

Дрой закашлялся, и его обильно стошнило в сторону «чистонебовцев», которые отошли назад, чтобы брызги не попали на их дорогую одежду.

— Прыткая, гадючка, — прохаркавшись, резюмировал наш веснушчатый друг. И пообещал: — Но ты не обольщайся, я доберусь до твоей вшивой мандёнки.

— На выход, мясо, — приказала Лата. — Живо, а то сейчас для всех повторю.

Интересно, мне показалось, или она теперь нарочно избегала встречаться со мной взглядом?

Мы, поддерживая Дроя, добрели до кругового коридора, ведущего к выходу, и под чутким присмотром надзирательницы выбрались на поверхность. Вышибала Ерофей прищурился и расплылся в улыбке.

— Наблюдаю знакомую лысину и горбатый нос, — сообщил он. — Отстойно выглядишь, Минор.

— Завали варежку.

Лата молча указала нам на лавочку, кособоко торчащую немного левее от входа, и озабоченно оглянулась.

Достала компактную рацию, выставила частоту и проговорила:

— Седьмой, транспорт к закордонному бару живо! Полковник с тебя скальп снимет.

Из динамика сквозь хрип помех донеслось невнятное: «Есть», — и связь прервалась.

Боевики притащили вялого Госта, который, судя по индифферентному виду, еще не отошел от наркоза и слабо понимал, что происходит. Над воротником куртки с крошечным логотипом «Dsquared», который я только что заметил, виднелась плотная повязка, прикрывающая рану и мешающая ему вертеть головой. Неужели они хотят этого пижона в таком виде на западный Янтарь заслать? Изверги.

— Привет, Минор... — обронил Гост. Его мутный взор рассеянно блуждал по моему лицу. — Кажется, эта симпатичная болотная краля таки покоцала мои гланды?

— Покоцала, — не стал я отрицать. — Но Доктор заштопал, так что — не очкуй.

— Спасибо, родной, что не кинул. С меня причитается. Где наши «бумеранги»?

— Сочтемся. А «бумерангов» у нас больше нет.

— Как это?

— Так это. Были, а теперь нет. Отобрали плохие дяди.

Гост поморгал.

— Я еще туговато соображаю... И башка трещит, словно болт в мозги ввинтили. Где мы?

— У номера 92, — сказал я, хмурясь.

— Ого... — Он обвел взглядом крыльцо, серое полотно шоссе и туманные поля, будто только что их обнаружил. — Как мы здесь оказались? Выброс разве уже кончился?

— Выброс-херигурс... Всё только начинается, — зло проворчал Дрой, аккуратно массируя себе виски указательными пальцами. — Кстати, насчет болта в башке... Ты даже не представляешь, насколько близок к истине.

Гост внимательно на него посмотрел. Из его взгляда быстро выветривался вселенский пофигизм, уступая место настороженности.

— Не понял.

Дрой только рукой махнул: мол, отстань, и без тебя тошно. А я не видел смысла лукавить.

— Нас нанял клан «Чистое небо», брат.

— Твой тон вызывает у меня нехорошие ассоциации.

— Верно, хороших ассоциаций тут мало.

После того как я вкратце объяснил Госту, в какой мы глубокой оказались заднице, он сделался чернее тучи и с неприкрытым пренебрежением обратился к Лате:

— Не в моих принципах оскорблять женщин, но не могу не заметить, что подставлять вольных сталкеров — крайне неблагородное дело даже для представительниц прекрасного пола. И считаю своим долгом предупредить: если мне представится возможность, то я тебе клитор на уши натяну.

— Это мне уже обещали, — желчно улыбнулась Лата.

— Ты не рыпайся пока, — шепотом посоветовал я Госту, с содроганием вспоминая ощущения от включенного «нейротряса». — Штуковина, которую нам в череп вставили, и впрямь создает очень неприятный эффект. Вон, глянь, как Дрой облевался, если на слово не веришь.

— Верю, отчего ж не верить.

— Пока не найдем способ от нее избавиться, придется играть по их правилам.

— Беспредел они творят, вот что я вам скажу, — вмешался в разговор Зеленый. — Надо бы как-то остальных бродяг предупредить.

— Да как предупредишь-то? — прогудел Дрой. — ПДА у нас отобрали, а Фоллена эти гниды с потрохами купили. По ходу, надо рассчитывать только на собственные силы.

— А Сидорович? Думаешь, тоже прогнулся?

— Сидорович далеко, — резонно заметил Гост. — Да и не факт, что старик захочет ввязываться в межклано-

вые распри. Ему-то, по большому счету, какой прок с наших разборок? Никакого. Разве что хабаром лишний раз поторговать или инфой. А вот то, что эти кулибины на логово Болотного Доктора не погнушались напасть, — и впрямь беспредел.

— Тихо, — насторожился Зеленый.

Я прислушался. С юга доносился тягучий звук, напоминающий гул вертушечных турбин, но немного другой.

— Со стороны проходной Внешнего Периметра что-то приближается. — Дрой поднялся со скамьи и хотел было выглянуть из-за угла здания, но Лата отрицательно качнула головой, и он остановился, с ненавистью глядя на нашего симпатичного цербера.

Гул нарастал с каждой секундой. Я тоже поднялся, ожидая увидеть по меньшей мере БТР, ползущий через пашню к бару «№ 92». Зеленый с Гостом остались сидеть, но заметно напряглись.

Через минуту я понял, что ошибся. Это было гораздо, гора-аздо круче бронетранспортера.

Из-за насыпи показалось тупое рыло, выкрашенное защитной краской. Зрелище впечатляло: машина словно бы принюхалась своим зеленым бронированным носом, прежде чем полностью предстать перед нами. Видимо, не вынюхав ничего опасного, стальной монстр решился и выбрался на шоссе.

Разметав во все стороны комья грязи и щебня, в полуметре над асфальтом завис десантный катер на воздушной подушке «Ураган-2». Если это и был транспорт, которым «чистонебовцы» собирались воспользоваться, то я готов был поверить, что нас доставят к Янтарю даже быстрее, чем к вечеру.

«Ураган» считался одной из самых надежных и удобных машин для передвижения по Зоне. Оснащенный современной локационной системой, вооруженный скорострельной 22-миллиметровой пушкой и защищенный броней из легких высокопрочных сплавов, этот ка-

тер мог за один бросок покрыть расстояние в десятки километров и пройти там, где обыкновенные моторизированные транспорты застревали, а вертолетам был заказан путь по причине мощных «гравикаракатиц», пробивающих вверх чуть ли не до стратосферы. На борту «Ураган» мог нести до полутора тонн полезного груза или десяток полностью экипированных десантников. Насколько мне было известно, военные использовали эту чрезвычайно дорогую игрушку исключительно для штурма укрепрайонов обнаглевших сектантов, да и то не каждый раз, а в случае крайней необходимости. Воочию я сие чудо техники и вовсе видел впервые.

Катер плавно развернулся к нам кормой, заставив прищуриться от сильного потока воздуха, и вой аэронагнетателей стал стихать. Расстояние между днищем и асфальтом стало постепенно сокращаться, «Ураган», покачнувшись, опустился на толстый резиновый амортизатор. Водитель выключил двигатель, и компрессоры окончательно умолкли.

Задняя стенка откинулась на гидравлических поршнях, обнажая освещенное нутро пассажирско-грузового отсека с рядами раздвижных кресел вдоль стен и грудой оборудования, небрежно сваленного у бортика, который отгораживал кабину управления. Из катера, кряхтя, выбрался пожилой человек в потрепанном комбинезоне и пошел навстречу Лате. Они обменялись несколькими репликами, и девушка вновь забормотала в рацию, не выпуская, однако, нас из виду.

Через минуту на крыльце появился Роман в сопровождении Кирилла и Анатолия. Вызывающих небесно-синих комбезов на них уже не было. Негр был облачен в полевую форму с полковничьими погонами, а его приспешники — в защитные камуфляжки без знаков различия.

Чернокожий вояка громко скомандовал:

— Все на борт, живо!

Мы двинулись к катеру. Над периферией Зоны светил размытый блин солнца, скрашивая яркие краски,

которые и без того здесь были в дефиците. Легкий ветерок гонял по трассе жухлую листву, взбудораженные громким появлением машины вороны кружили над полем, пахло жженой соляркой и сырой землей.

И здание бара, возвышавшееся за спиной, уже не казалось неприступным оплотом вольных бродяг. Расклад резко поменялся, причем без варварской стрельбы и громких лозунгов. Просто-напросто пришли те, кого до сих пор считали тихими деревенскими дурачками, и выложили на стол увесистый кошелек. Шлеп.

— М-да. Все по-взрослому, братцы, — сказал я, взбираясь по рифленому пандусу и с интересом оглядывая внутренности «Урагана». — Забесплатно на таких каруселькаx не катают.

Глава пятая. Дорога на Янтарь

Звукоизоляцию в катере обустроили отменно, за что конструкторам хотелось сказать спасибо. В пассажирско-грузовом отсеке шум нагнетателей и рев движка были едва слышны, поэтому, глядя через бортик в обзорное стекло кабины, можно было подумать, что нас везут не в боевой машине пехоты на воздушной подушке, а на габаритном грузовике с отличными рессорами.

Останавливались мы лишь трижды. Два раза на пропускных пунктах — перед Кордоном и после оного, — где полковник уверенно показывал ксиву дежурному офицеру, а потом — на северо-западе Свалки, когда водиле приспичило по нужде. Честно говоря, я впервые легально пересекал Периметр, поэтому в момент сверки документов на КПП чувствовал себя неуютно. Дрой с Зеленым тоже опасливо косились на строения блокпоста, видневшиеся за стеклом, и пулеметный расчет из двух солдафонов, засевших на невысокой вышке. Магнетический взор черного зрачка нацеленного на нас дула

невольно вгонял в оторопь, хотя умом мы понимали, что даже с такого близкого расстояния пули вряд ли сразу пробьют крепкую броню катера. Один только Гост, казалось, никак не отреагировал на процедуру въезда в Зону — он угрюмо пялился в одну точку с самого начала путешествия и о чем-то напряженно размышлял, не обращая внимания на то, что происходит снаружи.

Мимо лагеря новичков и берлоги Сидоровича наш железный конек-горбунок промчался, не сбавляя хода и распугав нескольких слепых псов, выбравшихся к стоянке после выброса в надежде поживиться свежатинкой. Свора собак бросилась врассыпную, а один из щенков угодил под «колеса» и был изувечен воздушными струями. Бродяги с интересом наблюдали за нами, прожаривая очередную порцию хлеба на костре и отложив в сторону гитару. Сразу видно: молодняк, непуганые толком. Я бы на их месте, завидев армейскую технику, свалил бы в дефиле между дорогой и развалинами на пригорке от греха подальше. Мало ли, вздумается еще солдафонам пульнуть по нелегалам от скуки...

После короткой остановки на окраине Свалки, во время которой нас даже не выпустили размять ноги, водитель увел машину с объезженной дороги и взял курс на Янтарь напрямки, через нехоженую холмистую местность, кишащую озверевшими после очередного катаклизма мутантами и наполненную целыми гроздьями новоиспеченных аномалий.

С непривычки я поежился, глядя, как машина ухнула вниз с насыпи и плавно заскользила над пересеченной местностью. Здесь на каждом шагу неосмотрительных путников ждали очень неприятные сюрпризы в виде гравитационных плешей и разломов, искореженных «каруселями» деревьев, луж «киселя» и просто заполненных зараженной водой котлованов, выбраться из которых не представлялось возможным без специального снаряжения.

«Ураган» лавировал среди всего этого смертельного месива с грацией тигра, вышедшего на охоту. Мягко

проседая в низинах, машина с урчанием взбиралась на возвышенности и, безупречно слушаясь руля, огибала опасные районы с искрящими «электрами» и тщательно втрамбованными в почву пятачками с кроваво-костяным фаршем посередке.

Зрелище и впрямь завораживало.

— Что тебе сказал Доктор? — спросил Гост.

Я оторвал взгляд от туманного пейзажа. Негромко ответил:

— Сказал, что не знает, как пользоваться «бумерангом».

Зеленый и Дрой тоже навострили уши. Еще бы — им-то в голову не пришло посоветоваться с Болотным Эскулапом.

— И все? — уточнил Гост.

— И все.

Он помолчал, пристально глядя на меня. Мы сидели довольно близко друг от друга, и я видел, как в его глазах прыгают блики от ветрового стекла катера, делая их выражение каким-то размытым.

Гост мне не поверил. И правильно сделал.

Но я сейчас не мог сказать ему большего, слишком много было вокруг чужих ушей. Даже с Дроем и Зеленым я пока не мог поделиться всей той скудной информацией, которую подкинул Доктор, что уж говорить о «чистонебовцах». К тому же ничего конкретного я в общем-то и не знал — так, недомолвки про судьбу да правильный выбор...

Транспорт сильно качнуло. Оборудование, сваленное в кучу на полу, поехало прямо на меня, и тяжелый аккумулятор ударил ребром по больной ноге. Я взвыл и матюгнулся, ухватившись за лодыжку. Чернокожему полковнику, сидящему в штурманском кресле, слетевшие с крепления наушники звезданули по лбу, и он тоже нелицеприятно высказался о предках водителя.

Рулевой крутанул баранку, но тряска не прекратилась. «Ураган» еще несколько раз подбросило и повело в

сторону. Гул двигателя усилился, из-под днища вылетели ошметки влажного дерна, и катер начал заваливаться набок. Пассажиры ухватились за поручни, чтобы не падать друг на друга. Возможно, суматоху стоило использовать для того, чтобы завладеть «нейротрясами», находившимися у Романа и Латы, но облеванный тельник Дроя и воспоминания о чудовищной головной боли уберегли меня от скоропалительных решений.

Водитель врубил форсаж. Сиденье под задницей дрогнуло. Я крепче сжал ладонью поручень: машину все сильнее влекло юзом и сносило в глубокий распадок, по дну которого бежал ручеек.

Очень неправильный ручеек ярко-оранжевого цвета.

— Берегись, остолоп! — заорал я. — «Разлом»!

Водила на мой вопль никак не отреагировал, и я начал сомневаться в его адекватности. Наш транспорт с катастрофической скоростью приближался к аномалии, которая могла превратить любой предмет в уголек почище «жарки». Термальный выброс сжигал все, что попадало в поле активности «разлома», за считанные секунды.

Года три назад я видал, как нерасторопный отмычка сверзился в такой вот овражек, где в нагромождении крупных камней вился тонкий оранжевый ручеек. Пыхнуло тогда знатно! Огненные струи выстрелили метров на пять вверх, опалили ближайшие ветки на деревьях и на мгновение превратили прохладный пасмурный вечер в знойный день. Бедолага сгорел, даже не долетев до дна.

— Испепелит же, — как-то беспомощно пробормотал я, глядя, как приближается подсвеченное мерцающим пламенем русло «разлома».

— Заткнись ты, паникер, — отмахнулся Роман. — Пиковая температура вспышки не выше двух тысяч по Цельсию. Броня «Урагана» держит такой нагрев в течение минуты.

— Козырно, — хмыкнул Зеленый. — Чего ж тогда не отправиться на этом броненосце прямо к артефакту?

— Умный? — резко обернулся негр.

— По мере взросления сам себе дивлюсь. — Зеленый прищурил и так заплывший от фингала глаз, продолжая следить за нашим нисхождением к аномалии.

— Думаешь, мы бы с вами возились, если б катер мог проехать к местонахождению «бумерангов»?

— Ну-у... Кто вас знает.

— Слишком ты высокого мнения о себе, сталкер.

— Меня зовут Зеленый.

— Хоть сиреневый.

Правый борт «Урагана» плавно приблизился к зоне действия «разлома», и тут произошло то, чего никто не ожидал. Ни сосредоточенный водитель, ни «чистонебовцы», ни морщинистый мужик в потрепанном комбинезоне, которого нам так и не представили...

Катер остановился. Резко, будто врезался в невидимую преграду.

Те, кто сидел возле левого борта, слетели со своих кресел и вписались в правую стенку, подмяв под себя остальных. На месте остался только пристегнутый ремнем водитель и Дрой, которого Лата предусмотрительно приковала наручниками к поручню.

Я больно треснулся ребрами о шлем «чистонебовца» и на какое-то время лишился дыхания. Когда радужные пятна перестали скакать перед глазами, а воздух снова стал поступать в легкие, мне показалось, будто шум аэронагнетателей усилился, хотя движок и так работал на пределе.

Первым делом я с силой оттолкнулся от Анатолия, к которому меня припечатала инерция, и заглянул в кабину, дабы выяснить, что же произошло...

Вы когда-нибудь видели бледного негра? Вот и я до этого момента тоже не видел. Я вообще не думал, что негры умеют бледнеть. Умеют, братцы. И выглядит это жутковато, прямо скажем.

Полковник сидел, не шевелясь, и таращился куда-то вверх. Водила тоже замер, вцепившись в руль так, что аж

костяшки пальцев побелели. Катер продолжал балансировать у самой границы аномалии, словно его что-то удерживало. И это была явно не собственная тяга.

— Эй, — позвал я, — Роман!

Негр вздрогнул, будто его иголкой ткнули, и обернулся. От его шального взгляда мне сделалось дюже не по себе.

— Ты чего там увидал?

— Тормознуло, — тупо произнес афроамериканец.

— Чего тормознуло? Зацепились, что ль...

Фразу я закончить не успел. Сверху по кабине бабахнуло так, словно на катер сбросили экскаватор. Даже высокопрочная броня слегка прогнулась от зверского удара. С вдавленного внутрь потолка сыпанули искры, тяжелые наушники вновь сверзились на полковника, а водитель инстинктивно вжался в кресло, делаясь похожим на ребенка, которому большие дяди дали порулить боевой машиной.

От дикого скрежета, доносившегося сверху, не спасала даже звукоизоляция. Создавалось впечатление, что нашу многотонную скорлупку собираются раскрыть веером.

А через мгновение я понял, что остановило сползающий в распадок «Ураган» и вероломно устроилось на кабине. Точнее — кто.

Морда псевдогиганта, свесившегося с крыши, заслонила собой полнеба. Я рефлекторно отпрянул в глубь отсека, снеся с ног Зеленого, стоявшего за спиной. Он, в свою очередь, завалил одного из «чистонебовцев» и чуть не врезался в успевшую сместиться Лату. Посреди прохода образовалась настоящая «регбийская» свалка, барахтаясь на вершине которой я продолжал зачарованно глядеть на чудовище, редкое даже для богатой на выдумки Зоны.

Псевдогиганты сами по себе огромны. А эта особь, наверное, являлась одной из наиболее крупных в своем виде: уродливая башка с перекошенным ртом, полным слизи, и линзовидными глазищами-блюдцами была — навскидку — метра полтора в диаметре.

Мутант играючи остановил катер, не дав нам съехать в «разлом», запрыгнул на крышу и, видимо, намеревался поживиться содержимым большой консервы, которую судьба нежданно подбросила на территорию его обитания. Если б «Ураган» проехал по склону еще капельку, то аномалия разрядилась бы, спалив все в радиусе метров десяти, включая прожорливую тварь. Но псевдогигант интуитивно предугадал такое развитие событий и не позволил катеру войти в зону активности оранжевого ручейка.

Не дурак. А если и дурак, то пуганый.

— Твою мать! — раздался вопль водилы, к которому наконец вернулся дар речи. Он врубил задний ход, курсовые нагнетатели взвыли, переключаясь на реверс, но машина только слегка покачнулась. — Что делать-то, полковник? Этот урод броню помял! Еще пару раз так постучит — проломит!

— Может, пушкой попробовать?

— Толку-то? С крыши эту страхолюдину все равно не снять — угол обстрела не тот.

— Ну, хоть испугается, — неуверенно предположил негр, берясь за рукоять со спусковой кнопкой.

— Как же, — гыгыкнул Зеленый, выбираясь из-под меня. — Ему ваша пукалка — что трещотка рождественская.

— А ты не каркай, умник.

Псевдогиганту тем временем надоело просто нагонять жути на потенциальный обед из нескольких двуногих, и он решил приступить к активным действиям. Спрыгнул с крыши, встал напротив кабины на своих коротких ногах-тумбочках. Выпрямился во весь немалый рост, придерживая «Ураган» одной лапой, чтоб не укатил, чего доброго, и издал такой ужасающий рев, что меня мурашки до копчика пробрали.

— Мама, — не сдержалась Лата, глядя, как из развернутой пасти вырываются вместе с утробным рыком клубы пара, а оловянные глазищи с мутными пятнами зрачков переливаются в лучах прожектора.

— Ага! — с нездоровым восторгом воскликнул Дрой, бряцая наручниками о поручень. — Вот сейчас-то тебе клитор на уши и натянут! Жаль, что помочь не могу... Может, отцепишь, браслеты, а?

Лата не обратила на его злорадство решительно никакого внимания. И в данной ситуации я ее мог понять: зрелище раздухарившегося мутанта приковывало взгляд, как всегда бывает в минуты крайней опасности, когда некуда деться.

Псевдогигант не оставил полковнику шансов на то, чтоб ранить его из пушки. Когда негр откинул красную заглушку предохранителя и нажал на гашетку, монстр уже сместился в сторону, позволив очереди уйти в «молоко»: пули бессмысленно взрезали дерн и разметали редкий кустарник, чахнущий на склоне.

Оказывается, псевдогиганты шустрее, чем стараются показать. Причем — гораздо! Раньше я не сталкивался с этими тварями нос к носу, предпочитая обходить стороной или расстреливать подствольными гранатами из укрытия. Теперь же лично убедился, что, несмотря на внушительные габариты, мутант мог не только перемещаться с огромной скоростью, но и совершать стремительные рывки с места. Что ж, запомним.

Монстр скрылся из виду, обходя нас с кормы. Водитель вдавил педаль газа до упора, пытаясь увести машину прочь от разъяренного мутанта, но не продвинулся и на полметра. Тогда он вывернул руль вправо в надежде все-таки пересечь фронтир активности аномалии, до которого оставалось совсем немного.

И тут катер мотнуло так, что у всех аж зубы клацнули.

— Йопть... — выдохнул полковник, хватаясь за приборную панель, чтобы не вылететь из кресла. — А ну-ка, посторонись!

Он перебрался через бортик к нам в отсек и, растолкав локтями оторопевших «чистонебовцев», пробрался к задраенному выходу. Нагнулся, вытащил из-под сиденья кожаную куртку и застегнул на ней молнию.

Катер опять качнуло.

— Брось-ка мне спасательный плот, — потребовал он у водителя.

Тот недоуменно обернулся.

— Что бросить?

— Плот, твою мать!

Водила похлопал глазами, но приказ выполнил. Остальные таращились на суетящегося негра с непониманием и проблесками жалости. Со стороны действительно могло показаться, что он свихнулся.

Но Роман не устраивал истерики, отнюдь. Когда он всунул ярко-желтый брикет нераскрытого плота внутрь застегнутой куртки, оставив снаружи лишь шнур с кольцом, я наконец понял, что хитрец задумал.

— А ты молодец, полковник, смекалистый. Выбросишь ему под нос?

— Надо попробовать. Иначе эта горилла сейчас нас вытянет из распадка и размажет по ближайшей хрущевке. — Полковник сунул мне в руки куртку с «сюрпризом» и выхватил из кобуры «беретту». — Когда скажу, дергай за шнур и швыряй за борт. Не забудь с линии огня свалить, если хочешь живым остаться... Палить буду для виду, потому что его шкуру все равно не пробить из этой пулялки. Надеюсь, клюнет на разбухающую фигуру, похожую на человека. Усек?

— Усек.

Теперь сталкеры смотрели на нас обоих, как на клинических психов. Катер в очередной раз тряхнуло, и я обратил внимание, что мы стали постепенно отдаляться от аномалии: судя по всему, псевдогигант принялся вытаскивать «Ураган» из опасного оврага.

— Скорей! — крикнул я.

Полковник обратился к водиле:

— По моей команде сбросишь газ и откроешь грузовой люк. Но не до конца! Когда Минор швырнет наживку, тут же захлопывай и дави тапку в пол. Рули прямиком на «разлом».

— А если не успеет герметично закрыться? — спросил водитель, которому, видно, очень не понравилась рискованная затея командира.

— Значит, быстренько сжаримся, — зло огрызнулся негр. — Приказы не обсуждаются. Готов?

— Д-да, — кивнул водила, перехватывая баранку.

— Молитесь, бандерлоги, — с кривой усмешкой хмыкнул полковник и рявкнул: — Давай!

Вой нагнетателей стих. Тяга резко упала, и не ожидавший такой подачки псевдогигант резко потянул катер на себя, неуклюже завалившись на спину. Задняя стенка откинулась на поршнях, открывая обзор. Я закашлялся от нестерпимого смрада, исходившего от мутанта, но свою роль в предложенном негром сценарии отыграл на «пятерку»: рванул шнур из спасплота и, почуяв, как он начал раздуваться, швырнул куртку за борт. Она перекувыркнулась и шлепнулась прямо под боком у озверевшего монстра. В этот же миг полковник начал палить из «беретты».

Увидев нечто с дрыгающимися рукавами, псевдогигант среагировал не совсем так, как мы планировали: перекатился со спины на живот и подмял наживку под себя. Не совсем понятно, во что он хотел превратить добычу — в блин или отбивную, — но требуемый эффект разбухшая «фигура» произвела: на секунду мутант отвлекся и отпустил катер.

— Дави! — заорал Роман, переставая попусту тратить патроны.

Стрельба, по-моему, вообще была лишней, ибо никак не способствовала успеху маневра, но победителей не судят.

Водитель, рискуя перегреть движок, выжал из «Урагана» всю силушку. Катер, освободившийся от стальной хватки, рванулся вперед так, что мы все чуть не вылетели в лапы обескураженному монстру через закрывающийся люк.

Псевдогигант сообразил, что попался на разводку двуногих, и сделал попытку задержать ускользающую

добычу. Болтаясь, как балласт во время шторма, я успел разглядеть через уменьшающуюся щель, как взбесившийся мутант разъявил пасть и сиганул вслед уходящему «Урагану», но не дотянулся, распластался на животе и поехал по склону, словно многотонный боб. Его безобразная морда скривилась, став окончательно звериной, а в матовых глазищах промелькнул испуг. Монстр понял, что катится навстречу собственной гибели, но остановиться уже не сумел — слишком большая инерция влекла его тушу за нашим набирающим ход катером.

Люк захлопнулся за долю секунды до того, как «Ураган» пересек границу аномалии, и «разлом» разрядился. Ослепительный свет брызнувших ввысь огненных фонтанов залил весь салон, заставив всех зажмуриться и инстинктивно отвернуться от ветрового стекла. Ярко-оранжевое пламя, казалось, захлестнуло Зону на добрый километр окрест, ударило стеной в небо, иссушило почву и воздух.

Броня «Урагана» мгновенно нагрелась, и я отдернул руку от кронштейна, за который держался. А прикованный к поручню Дрой задергался, изощренно выругался и поклялся Лате в вечной ненависти.

Водитель, надо отдать ему должное, не растерялся. Даже с плотно закрытыми глазами он продолжал давить на газ, не сбрасывая тяги. Набранной скорости хватило машине, чтобы взобраться на противоположный склон и перевалить через бугорок, отделяющий коварный распадок от равнины.

Когда стало ясно, что псевдогигант сгорел дотла возле разряженной аномалии, а обшивка катера выдержала и нам больше ничего не угрожает, эмоций не смог сдержать даже тоскливый флегматик Зеленый. Он широко улыбнулся, обнаружив симпатичные ямочки на щеках, и похлопал меня по плечу.

— А я уж думал, всё.

— Полковнику спасибо скажи. Его смекалка нас спасла.

Улыбка быстро улетучилась, и Зеленый вновь изобразил на своей физе всю скорбь малых народов.

— Нет, — серьезно проговорил он. — Не буду я его благодарить, хоть сталкерские обычаи и требуют. К тому же он надо мной издевается и обзывает сиреневым...

Я уже не слушал приятеля, с замиранием сердца наблюдая, как Гост тянет руку к «нейротрясу», висящему на портупее у отвернувшегося к Лате полковника. Одергивать приятеля в этот момент было бессмысленно, и я решил: если шельмецу повезет сорвать прибор с негра, то я тут же брошусь на Лату и попробую обезоружить ее.

Пока «чистонебовцы» находились под впечатлением от пережитой встречи с грозным мутантом и коварной аномалией, был шанс застать их врасплох. Дрой вроде бы тоже заметил, что собирается сделать Гост, и старательно изображал возню со своими браслетами, дабы отвлечь внимание противника.

Я уже примерно прикинул траекторию прыжка к Лате и порядок дальнейших действий: выбиваю из рук ПДА, делаю захват, срываю с пояса и перебрасываю Зеленому «нейротряс». Я метнул на него молниеносный взгляд. Отлично! Этот зануда бубнит уже для проформы: он тоже все понял и готов помочь.

И вот, когда пальцы Госта уже почти коснулись прибора, я вдруг услышал звук, который сложно было спутать с чем-либо иным.

Клец-ц.

Как бы выразился мой хороший товарищ, казус вышел неимоверный.

— Убери лапку, — неожиданно низким голосом сказал мужик в потертом комбинезоне, приставив к виску Госта ствол с взведенным курком.

На реплику резко обернулся полковник. Тут же напряглась Лата, выхватили оружие Кирилл с Анатолием.

Вот так-то, братцы. Никогда не теряйте бдительности в экстремальных ситуациях: зачастую наибольшую

угрозу представляет тот противник, которого вы не воспринимали всерьез.

Роман нахмурился, резко толкнул Госта в грудь. Тот не устоял на ногах и сел на пол. Мужик в мятом комбезе отследил движение, продолжая держать его на мушке.

— Нехорошо из-за спины-то, — покачал головой лидер «чистонебовцев», нависая над поверженным сталкером.

— На себя посмотри, — огрызнулся Гост. — Мистер благородный мудила.

Чернокожий полковник улыбнулся, показав желтые зубы, и у меня напрочь отшибло возникшее было чувство благодарности за наше спасение. Неприятная, острая, отталкивающая улыбка будто бы обнажила на мгновение гнилые внутренности этого опасного человека.

Водитель вывел катер на вершину пологого холма, с которого открылся унылый вид, и уверенно повел машину вниз, по мертвым улочкам заброшенного селения. Больше по пути к Янтарю не случилось ни одной неприятности.

К лагерю ученых мы добрались, когда начало смеркаться. Темная плешь на месте бывшего озера, вода из которого ушла много лет назад, приковывала взор. На противоположном берегу виднелись силуэты небольших строений, а правее возвышались сферические ангары и несколько пустых хрущевок. Вдалеке, над северной частью Зоны, горело переливчатое сияние, контрастно подсвечивая облака, — подобные атмосферные феномены в районе ЧАЭС нередко можно было наблюдать на протяжении нескольких дней после сильного выброса. Тревожный пейзаж дополняли две пулеметные вышки, темными прутьями торчащие на границе пси-территории, с которой то и дело забредали очумевшие зомбаки. Фигурки часовых на их вершинах застыли в ожидании.

Нас вывели из опустившегося на землю «Урагана» под строгим конвоем. Лата внимательно следила за Дро-

ем, с которого так и не сняла наручники, а Кирилл с Анатолием пасли нас с Гостом и Зеленым. Ощущать спиной слепые зрачки пистолетов, снятых с предохранителей, было мерзко.

— Шевелись, — подбодрил нас выпрыгнувший из кабины Роман и приказал водителю: — Машину заправь.

Проворный старикан, имя которого мы так и не узнали, быстрым шагом направился в сторону единственного входа в бункер. Верхняя часть строения, похожая на крупный железобетонный волдырь с тонированными окошками, торчала прямо из земли на берегу иссохшего озера. Наперерез старику откуда ни возьмись выскочили несколько сталкеров в тяжелой броне и взяли его в «коробочку», но этот хмырь даже не обратил на них внимания. Возле бронированной двери он дождался ответа из интеркома и принялся пререкаться с невидимым собеседником.

Я захаживал в лагерь яйцеголовых с полдюжины раз, когда нужно было обменять хабар или перекантоваться ночку-другую. Ученые мужи в принципе нормально относились к вольным бродягам и сталкерам из кланов: могли выгодно обменять артефакты, продать жрачку и шмотье, приютить во время выброса. В обмен же на очаг и гостеприимство бойцы помогали им сдерживать напористых зомби, прущих с севера. И все было просто.

Но со времен последнего моего визита на Янтарь тут многое изменилось.

Во-первых, территория сейчас явно находилась под контролем военизированных лихачей из «Чистого неба», о чем свидетельствовали не только отлично оборудованные пулеметные точки, но и несколько припаркованных возле заправочного бойлера грузовиков с опознавательными знаками на бортах.

Во-вторых, разительно поменялась обстановка. После того, как пару месяцев назад ученые провели неудачный эксперимент на западных окраинах Янтаря, эту локацию вообще многие стали обходить стороной, что не

могло не сказаться на состоянии инфраструктуры. Обитаемые раньше дома пустовали, водонапорная башня покрылась ржавчиной: насос и очистной бойлер, ранее фырчавшие помаленьку на энергии местного дизеля, тихонько дремали. Само «озеро» было перегорожено прямо по центру добротным заграждением из колючей проволоки с четкими надписями на табличках: «Опасная зона! Аномальная ψ-активность!»

Старик подозвал полковника, и тот махнул рукой нашим сопровождающим.

— Пошли, — приказала Лата, которая смотрелась в своем брючном костюме на фоне окружающего пейзажа не то чтобы совсем комично, но и не естественно.

Шлюзовая камера бункера тоже претерпела изменения. Привратника по прозвищу Яйцелоп, отбирающего у входящих оружие и замеряющего радиационный и аномальный фоны, убрали. Теперь в ярко освещенной комнате стояло несколько автоматических детекторов, которые определяли степень опасности визитера и даже идентифицировали его личность в соответствии с общедоступной информацией в сталкерской сетке.

Такого новшества в Зоне я еще не видал, поэтому с интересом уставился на экран монитора, куда фотосканер вывел мое распознанное мурло с краткой характеристикой.

Свободный сталкер Минор. Возраст 34 года. Ветеран. Разыскивается за участие в нападении на армейский вертолет. Приоритет высокий. Награда гарантирована.

Приятно, черт возьми.

— Глянь-ка, — хмыкнул Дрой, — а они тут неплохо устроились. Хай-тек, все дела.

— За головы Госта с Минором бабки обещают, — с грустной завистью вздохнул Зеленый, тронув свой фингал. — А я вечно какой-то непопулярный.

— Не грузись, — успокоил его я. — Вот сгинем в катакомбах, и про тебя песнь сложат.

— Не смешно.

Мы прошли через контрольные детекторы, и система пропустила нас дальше.

На площадке случилась небольшая заминка. Сразу все в лифт не поместились, поэтому сначала уехали Лата с Дроем, Зеленым и стариком, а затем — остальные.

Спустившись по шахте на глубину нескольких десятков метров, мы оказались в большом зале, из которого в противоположные стороны уходили два коридора: широкий, ведущий к жилым помещениям и лабораторному комплексу, и поуже, ведущий фиг знает куда, потому что по нему мне еще ходить не доводилось.

— Налево, — скомандовал негр, указывая на узкий проход.

Несколько раз мы поворачивали в ответвления, один раз гуськом спустились вниз по винтовой лестнице и наконец уперлись в наглухо задраенную дверь с магнитным замком. Полковник включил «блютус» своего ПДА, направил на кодер и набрал код. Раздался писк — красный огонек мигнул и стал зеленым.

Ё-моё. Такого сказочного разнообразия в стиле «милитари» я, братцы, не ожидал увидеть даже в самых смелых эротических фантазиях. Охрана соответствовала: двое тяжеловооруженных боевиков в экзоскелетах смотрелись здесь очень-очень к месту.

Нас провели в длинный зал, где за стеклянными перегородками на стальных кронштейнах висели образцы брони и оружия, предметы амуниции и снаряжения, о назначении многих из которых я даже не подозревал.

Мама родная, сколько ништяков-то.

Здесь имелось несколько модификаций скафандров высшей степени защиты, в том числе полулегендарный «Тигр», виденный мной лишь однажды на размытой видеозаписи лидеров «Монолита», выдвинувших в сетке ультиматум «Долгу» несколько лет назад. Также на стенде присутствовали автоматы «Орда» с интеллектуальной системой распознавания цели, грозные огнеметы «Жерло», компактные ручные системы залпового огня «Шквал-14»,

с помощью которых, по слухам, можно было уложить целую свору мутантов одним махом. Поодаль висели разносортные гаджеты поменьше — от каких-то навороченных ПДА до совсем уж футуристического вида приборов, напоминающих портативные излучатели. Возле стенки рядком стояли причудливые гранатометы неизвестной мне марки.

Дрой аж присвистнул при виде всего богатства. Я его понимал: такую уникальную коллекцию даже поштучно можно было сбагрить за безумные деньги, а в распоряжении местных ученых наверняка имеются и другие козырные экземпляры сталкерской снаряги.

Вот тебе и тихий клан «Чистое небо». И от дедушки с бабушкой ушел, и военных купил, и с яйцеголовыми Янтаря снюхался.

— Я же обещал, что экипирую вас по высшему разряду, — сказал полковник, наблюдая за нашей реакцией.

— Не стоит здесь задерживаться, — недовольно пробасил старик. — Предлагаю приступить к медицинской обработке наймитов и ознакомиться с оборудованием.

— К какой такой обработке? — тут же насторожился я.

— Пара правильных укольчиков, грамотный набор гормональных стимуляторов, усилитель реакции и эксклюзивный комплект артефактов в зубы. Будете завтра как с шилом в жопе по катакомбам бегать, — пообещал он.

— Слышь, башковитый, — возмутился Дрой. — Мы не наймиты и на опыты не подписывались.

— А я тебя сам подпишу, тело. Не волнуйся.

Повисла пауза. Судя по выразительному взгляду Дроя, этой репликой самоуверенный старикан моментально нажил себе смертельного врага внушительных габаритов. У сталкера аж веснушки потемнели от тихой ярости.

Кабинет, куда нас втолкнули, больше всего напоминал стоматологический. Два медицинских кресла, хирургические инструменты, шкафчики с оборудованием и

несколько коек, покрытых серыми простынями. Но если в операционной Болотного Доктора я сразу почувствовал дух врачевания, то здесь веяло душком сомнительных экспериментов.

— Я в эту мечту гинеколога не сяду, — категорически заявил Дрой, косясь на кресло. — Лучше сразу мозгодробилку врубай.

Полковник подошел к нему и серьезно посмотрел в упор. Полюбопытствовал:

— Ты выиграл гран-при на конкурсе смешных шуток?

— Пошел на хрен.

— С этого момента хохмы кончились. Вдуплил?

— Пошел на хрен.

— Еще раз пошлешь меня...

— Пошел на хрен.

Роман пожал плечами и неуловимым движением двинул Дрою под дых. Тот согнулся пополам и засипел. Похоже, сталкер ожидал, что негр включит «нейротряс», а не применит такой простой способ физического воздействия.

— Полегчало? — осведомился полковник.

— Один на один? — предложил Дрой, восстанавливая дыхание. У меня складывалось ощущение, что он решил за один вечер поссориться со всем руководством «Чистого неба».

— Обязательно, — неожиданно согласился Роман. — После операции.

— Зашибись. Всегда хотел отметелить черножопого, — обронил Дрой и сплюнул на полковничий берц.

А вот это он сделал зря.

В следующий момент сталкера уже вовсю колошматило на полу в приступе нестерпимой головной боли, от которой некуда было деться. Пена летела изо рта во все стороны, глаза закатились, наручники на запястьях звенели от тряски. Мы хотели было прийти на помощь приятелю, но Лата предупреждающе занесла палец над экранчиком своего ПДА. Энтузиазм исчез.

Уж не знаю, что больше задело полковника — плевок или упоминание о цвете задницы, — но осерчал он капитально. Невидимые импульсы «нейротряса» молотили Дроя минуту, не меньше. Сжалился Роман лишь тогда, когда из носа у бунтаря кровь брызнула прямо на тельник, штаны намокли, а дыхание окончательно сбилось.

— Еще расисты есть? — спросил полковник.

Мы промолчали, гладя на Дроя, который возился в луже собственной мочи. Кажется, я даже услышал, как у Госта скрипят от бессилия зубы.

— Вот и отлично. Тогда к делу.

Под присмотром боевиков в экзоскелетах мы по очереди сполоснулись в душе, который находился в соседней комнате, и облачились в свежее белье. Нам выдали добротные кальсоны, водолазки, портки и ботинки. Что ж, и на том спасибо, а то, честно говоря, шмотье уже начинало попахивать.

Старик набросил чистый халат прямо поверх своего тертого комбеза, тщательно вымыл руки, натянул латексные перчатки и усадил меня в кресло.

— Не очкуй, — сказал он, измеряя давление и щупая пульс. — Мне велено привести тебя в боевую готовность, а не потрошить.

— Что за дерьмо? — Я покосился на систему, которую он укрепил на стойке.

— Физраствор с препаратом, содержащим рекомбинантный эритропоэтин человека.

Я отдернул локоть.

— Сказал же, не очкуй. — Старик вернул мою руку на место и протер иглу спиртом. — Это гормон, стимулирующий образование эритроцитов в костном мозге. Допинг. Инфарктов, инсультов не было?

Я помотал головой.

— Отлично. Беременности и кормления грудью тоже не наблюдаю, посему противопоказаний нет. — Толстая игла вошла в мою вену на локтевом сгибе с неприятным холодком. Он открыл клапан. — Сиди смирно, тело.

— Не боишься? — полюбопытствовал я, глядя, как прозрачная жидкость течет по трубке и капает через фильтр. — В Зоне так не принято с людьми обращаться. Вдруг мы выживем и накажем тебя за хамство?

Старик обернулся.

— Если выживешь в катакомбах и на западе Янтаря, я тебе джигу станцую прямо в луже «киселя».

— Договорились. У меня хорошая память, братец ученый.

Я закрыл глаза и постарался привести в порядок мысли. У «Чистого неба» имелось по меньшей мере три «бумеранга» — наши с Гостом и цацка Зеленого. Еще один нам предстояло добыть на западе или сгинуть в тоннелях, ведущих через заброшенные подземные лаборатории. Четыре. И неизвестно, сколько еще подобных артефактов породила Зона. Парочка уже спаялась в единое целое. А если собрать все и соединить? Ведь неспроста «чистонебовцы» так переполошились...

Я поспешно выбросил ненужные пока гипотезы из головы. Сейчас не стоило загружать мозги лишней информацией. Лучше отдохнуть.

По вене теплый раствор проникал в мое бесценное тело. Мышцы постепенно расслаблялись, но сердце билось ровно и сильно. Я ощущал, как силы восстанавливаются после долгих изнурительных скитаний по заброшенным кирзаводам да топким болотам. И это было как нельзя кстати.

Ведь завтра намечается еще один тяжелый день.

Глава шестая. Из-под земли

Хороший сон в безопасном месте и питательный завтрак — высшая благодать для сталкера. В лагере ученых нам обрыбилось и то, и другое.

В нагрузку мы получили процедуру плазмафереза и внутривенное вливание убойного допинга, по упаковке

дыхательного аналептика с четкими инструкциями по применению, облегченные варианты скафандров «Тигр», навороченное оборудование для пеленгации мутантов и аномалий, гранаты, набор уникальных артефактов, сухпай, кумулятивно-осколочные гранаты РГД-7К и автоматы «Орда» с полным боекомплектом. А Зеленый даже урвал громоздкий «Шквал».

Если б не проклятый маячок в черепе, который играл роль поводка и хлыста одновременно, то можно было бы смело утверждать: я счастлив. Стоило прямо признать, братцы: мне еще не приходилось бродить по Зоне в таком козырном прикиде, под завязку накачанным амфетаминами и гормонами, повышающими выносливость. Правда, слегка пробирала ностальгия по родному пристрелянному «калашу» и верному старине «Бэну», но я верил, что они не пропадут в закромах Фоллена, с которым еще нужно будет поквитаться на досуге.

Мысль же о том, что рейд по лабиринту подземелий может стать последним, я старательно гнал прочь. В Зоне, по определению, может стать последним любой день. Когда выбора нет, нужно не ныть, а выжимать из сложившейся ситуации максимум информации, чтобы затем применить ее с наибольшей выгодой. До сих пор такой подход к жизни мне не вредил, поэтому была надежда, что он оправдает себя и впредь.

К тому же птичка-интуиция вела себя тихо и покамест не долбила затылочную кость.

Вход в подземные лаборатории располагался на поверхности. Во избежание проникновения всякой нечисти в бункер соединительную кишку, связывающую внутренние помещения и тоннели, взорвали давным-давно. Грунт просел и намертво перекрыл трубу. Быть может, неугомонные телекинетики бюреры и подтачивали понемногу завал, чтобы добраться до вкусных ученых мозгов, но пока это не имело особого эффекта.

Ранним утром нас вывели наружу. Зона встретила промозглым воздухом и слякотью четверых сталкеров,

подряженных не по своей воле на смертельно опасное задание. В светлеющем небе с северной стороны продолжало переливаться радужными сполохами сияние, но сегодня оно уже было заметно слабее.

Часовые на пулеметных вышках перебрасывались короткими репликами — наверное, чтобы не заснуть. Возле одного из грузовиков копошился водила. Он, подсвечивая себе фонариком, звонко стукал гаечным ключом по детали во внутренностях движка. Похоже, «чистонебовцы» напрочь игнорировали элементарные правила маскировки, помогающие выживать в пределах Периметра. И, кажется, это была не молодецкая беспечность, а уверенность в своих силах.

Что ж, время покажет, кто зря ключом звенел и фонариком размахивал.

Спуск в тоннель находился практически на берегу высохшего озера. Он был перекрыт бетонной плитой, которую не смогла бы сдвинуть даже дюжина людей. Дюжина неэкипированных людей, если быть до конца точным.

Двух боевиков в экзоскелетах хватило, чтобы оттащить ее в сторону. В десятки раз усиленные сервомеханизмами движения были точными и твердыми. Парни даже слегка перестарались: плита грохнулась о старые тракторные гусеницы, и бетонное крошево полетело во все стороны.

Я подумал, что с такой могучей броней нам бы и псевдогигант был нипочем, пожалуй. Но уж больно она была громоздкая — не для боевых действий в замкнутом пространстве подземелий.

Лата стояла чуть в сторонке. Брючного костюма теперь на ней не было. Плотный комбез «чистонебовцев» облегал молодое тело, выделяя и подчеркивая формы. Я невольно задержал взгляд на бедрах. Мини-сталкер рефлекторно заявил о себе легким толчком, благо нам с ним было что обсудить насчет этих аппетитных конфигураций. Но до полноценного возбуждения дело не дош-

ло: слишком свежо оказалось воспоминание о гнусном предательстве со стороны этой девушки.

И тут я случайно встретился с ней глазами. Лата смотрела серьезно, но без равнодушия, словно раздумывала над чем-то важным и решала: поделиться со мной или нет. Возможно, мне все это лишь показалось в неверном утреннем сиянии. Возможно. Но в таком случае это показалось мне уже во второй раз: ведь в коридоре бара «№ 92» в глазах девушки мелькнуло похожее выражение, когда она по моей просьбе перестала мучить Дроя.

Мы смотрели друг на друга всего мгновение. Потом Лата отвернулась, и наваждение моментально прошло. Бывает. В Зоне вообще всякое бывает.

— Спускайтесь, — скомандовал чернокожий полковник. — И не забывайте насчет «поводков». Уйдете дальше положенной локации на сотню метров, и «нейротряс» автоматически включится. А выключить уже будет некому.

— Болт тебе в гузно, а не покорность сталкера Минора, — задиристо пообещал я.

Роман пожал плечами:

— Искренне не завидую мучительной смерти от головной боли. Впрочем, дело хозяйское.

— Солдафонов своих учи, крысеныш, — огрызнулся Дрой и стал бодро спускаться по скобам-ступенькам в недра колодца, громыхая короткоствольной «Ордой».

Когда все мы оказались на дне шахты, сверху раздался скрежет: бетонную плиту вернули на место.

Я включил налобный фонарь. Шлем «Тигра» в принципе был оснащен добротным визором, но в Зоне я предпочитал доверять собственным глазам, а не электронике. Ведь до сих пор каждый бродяга использует болты для определения границ аномалий, несмотря на то, что есть куча высокоточных детекторов.

Я огляделся. Проход в сторону бункера ученых был и впрямь завален рухнувшим после подрывных работ

грунтом. В плотных глинистых комьях, перемешанных с гнилыми щепками и ржавой трухой, был старательно прокопан узкий лаз метровой глубины. Но неизвестный «крот» уперся в литой железный тюбинг и, видимо, бросил бесполезное перемалывание земли.

Обернувшись, я увидел широкий тоннель, ведущий к давно заброшенным подземным лабораториям Янтаря, через недра которых нам предстояло совершить непростое путешествие.

Впереди маячил мрак. Пахло сыростью.

Если нас тут по возвращении забудут — дело будет табак. Хотя... для этого еще надо вернуться.

Дрой, Гост и Зеленый тоже откинули сферы шлемов и врубили привычные налобники. В шахте стало гораздо светлее, и обнаружились детали, которые не были заметны в полутьме.

Сводчатые стены были усилены деревянными балками. С влажных стволов, скрепленных ржавыми скобами и уголками, свисали обрывки проводов, на одном из которых даже сохранился патрон с цоколем и острыми остатками лампочки. Вся срубовая конструкция выглядела довольно ветхо. Тем не менее люди здесь бывали.

Об этом свидетельствовали два свежих трупа. Сталкеры пристрелили друг друга, отчаявшись, видимо, выбраться на поверхность. Возможно, именно они и прокопали глухой лаз в завале.

Один сидел, привалившись к глинистой стене спиной и уныло свесив развороченную дробью голову, а второго выстрелом швырнуло на одну из опорных балок, и он в неудобной позе застыл с ней в обнимку. Дешевые обрез, пистолет и фонарик валялись в темной лужице — то ли крови, то ли суглинистого месива. Знаков различия на комбезах не было видно. Сами костюмы, к слову, были довольно легкой степени защиты — обыкновенные «Заря» да ЧН-1, — и до меня не сразу дошло, как эти бродяги попали сюда. Ведь на западном Янтаре, где на-

ходился второй выход из подземелий, в таком убогом шмотье делать было нечего.

— Их сбросили сюда, — ответил на невысказанный вопрос Гост.

Зеленый закинул тяжелый «Шквал» за плечо, подошел к трупу с полуснесенным черепом и осторожно проверил, не заминирован ли. Затем, убедившись, что все чисто, открыл его подсумок и вытащил нетронутый сухпай. Приподнял флягу: в ней плескалась вода.

— Все плохо, — печально констатировал он. — Погибли совсем недавно: час-два назад. Даже крысы покоцать не успели.

— У тебя вечно все плохо, и все мы умрем, — хмыкнул Дрой. — С какого перепоя они друг друга перестреляли, если воды и хавки навалом?

— Погляди на следы, — посоветовал Гост, который, несмотря на ранение, сегодня выглядел полным сил и энергии. Этот неисправимый пижон даже успел почистить зубы и причесаться перед рейдом.

Видимо, чистка крови вкупе с допингом и прочими препаратами, которыми нас накачали, и впрямь оказывали живительное действие. Я и сам перестал обращать внимание на ушибы ребер и потянутый ахилл. Только вот через полсуток форсированный организм попросит передышки. И никуда не денешься.

Дрой прошел по тоннелю метров на двадцать вглубь и вернулся.

— Следы ведут до поворота и обратно, — сообщил он.

Для меня уже давно была очевидна причина взаимного убийства неизвестных сталкеров.

— Хорош тупить, Дрой. Что бы ты сделал, если б твое бесценное тело сбросили сюда и перекрыли выход бетонной плитой?

— Пошел бы в единственно возможном направлении.

— Правильно. Вот и они поступили так же. Но отчего-то пересрались там, в глубине. Поэтому бродяги по-

спорили и предпочли пристрелять друг друга, чем ждать голодной смерти или визита того, что их так испугало.

— Минор, ты убедительно базаришь. Теперь я тоже пересрался. Пристрелишь?

— Меня другой вопрос занимает, — игнорируя его сарказм, нахмурился я, — почему полковник нас не предупредил?

— Может, сам не знал, — предположил Зеленый.

— Может, и не знал. Только этих двоих на кой ляд тогда сюда сбрасывать? Проще было наверху прикончить да в озеро спустить на обед мутантам.

— А я вовсе не уверен, что полковник кровожаден без причины, — сказал Гост. — Вдруг это и есть завуалированное предупреждение?

— Пожалуй, — согласился я. — У него хватило бы...

Из темноты донесся приглушенный звук, заставив нас вздрогнуть и направить в сырой тоннель оружие. Я прислушался, выцеливая через планку своей «Орды» крутой поворот, в который упирался коридор. Почувствовал, как пшикнул газом «пузырь», лежавший в одном из нарукавных карманов, — пахнуло горелой резиной. Этот вонючий артефакт уменьшал воздействие радиации на организм. Счетчик Гейгера меж тем не показывал сильного внешнего фона, стало быть, «пузырь» просто компенсировал вредное действие других артефактов: то ли «колобка», то ли «светляка».

Организм, подстегнутый препаратами и цацками, жаждал действия: нервы натянулись в струны, мышцы напряглись, глаза ловили каждую деталь, высвеченную лучом фонарика.

Звук повторился.

Это был плач человека.

Я слегка наклонил набок автомат и посмотрел на экранчик сканера, который был встроен прямо в цевьё. На мини-карте, за схематичным изображением поворота, мерцала целая россыпь крупных точек.

Теплокровные. Не мутанты.

Демоны Зоны, неужто ученые совсем озверели и сбрасывают сюда людей?

Щелчок взводного механизма «Шквала» прозвучал сигналом к началу действий. Зеленый выдвинулся вперед, держа убойное оружие перед собой, а мы осторожно пошли следом. Под ботинками захлюпала грязь. Впрочем, теперь не было смысла таиться — мы уже достаточно четко обозначили свое присутствие болтовней и светом. Но кто ж знал, что неприятности начнутся прямо у входа? Полковник, как говорится, был большая сука.

Зеленый, не доходя до поворота, сдвинул предохранительную скобу и чуть ушел в сторону. Размытые блики скользнули по матово-черной поверхности сферы шлема, которая была открыта. В лучах наших налобников его бледный профиль с фингалом под глазом выглядел зловеще.

Я медленно кивнул.

Зеленый резко сместился влево, заглядывая за поворот и направляя оружие на невидимого для нас врага.

Выражение его лица изменилось. Теперь вместо решительности и сосредоточенности в глазах блеснуло недоумение. Он замер и несколько секунд не двигался. Горелой резиной от моего «пузыря» запахло еще сильнее, в ушах застучала кровь, словно бы пытаясь заглушить тихий жалобный плач, пробивающийся сквозь тугую подземную тишину.

Наконец Зеленый сделал едва уловимый знак — подойти ближе.

Мы по очереди, чтобы не мешаться, и не приведи Демоны Зоны, не оказаться друг у друга на линии огня, выдвинулись вперед — благо ширина прохода позволяла.

Сначала я краем глаза приметил, как оторопело моргнул Дрой, а затем и сам заглянул за угол.

То, что я там увидел, в первый миг шокировало. Это просто не вязалось с обычными реалиями Зоны, к которым я привык за многие годы. В Зоне, бесспорно, цари-

ли суровые законы выживания, правота силы и цинизма, зачастую даже власть подлости. Но не до такой же степени, в самом деле.

Конечно же, я не позволил себе утратить концентрацию и ясность ума. Другой бы на моем месте, может, и растерялся, но нервы бродяги Минора, слава богу, были в порядке. Палец на спусковом крючке по-прежнему лежал твердо.

За поворотом тоннель расширялся, образуя некое подобие конуса, в дальней части которого стояли в три ряда лабораторные столы. На стенах висели выцветшие плакаты ГО со схематичными рисунками-инструкциями, как вести себя при возникновении разных чрезвычайных ситуаций. В углу темнела облупленная тумбочка со старым дисковым телефоном и учебной динамо-машиной. На полу — по щиколотку воды.

А за импровизированными партами этого карикатурного школьного класса сидели сгорбленные фигурки детей. Все они уткнулись лицами в столешницы, и было видно, как маленькие спины в клочках какого-то рванья подрагивают.

Тихий плач дополнял жуткую картину.

— Что с ними сделали? — не своим голосом прошептал Дрой.

Словно в ответ на его реплику один из детей завалился на пол вместе со стулом и зарыдал во весь голос.

— Уиа... Виа... Пиа... Пиамагите...

Картина была душераздирающей, но что-то в ней меня сильно настораживало. То ли явно выставленная напоказ динамо-машина, которой в общем-то здесь было не место. То ли этот громоздкий телефонный аппарат с оборванным шнуром, то ли...

— Почему ни один из них не поднял головы, когда мы вошли? — сказал я и почувствовал, как мороз скользнул по хребту от собственных слов.

— Потому что это не люди, — произнес Гост.— Это псевдоплоть. Зеленый, стреляй.

Несмотря на действие допинга, мне стало очень не по себе, братцы. Такого скопления молодняка псевдоплоти в одном месте я раньше не встречал. Эти мутанты были потомками свиней, с которыми природа сыграла злую шутку. Изуродовав до полного атаса, она взамен подарила им способность копировать голоса и звуки. А в последние годы отдельные особи мутировали окончательно и научились кое-как имитировать биоритмы людей, поэтому наши сканеры ступили и не распознали в тварях мутантов. Вот еще одно доказательство: даже самая навороченная электроника не способна заменить опытному сталкеру глаз, ушей и прочих полезных образований.

Встреча с таким созданием-хамелеоном, как псевдоплоть, могла закончиться для неискушенного сталкера очень трагично. Что уж тут говорить, если четверо опытнейших бродяг чуть не попались на уловку.

В принципе для брони «Тигр» клычки поросят псевдоплоти были не страшны. По отдельности. Но целая свора могла нас элементарно задавить массой, а потом по очереди загрызть, дотянувшись до уязвимых мест.

Почему Зеленый медлит? Его компактной залповой системой можно махом выжечь весь непослушный «класс».

— В такие моменты я жалею, что нельзя засэйвиться, как в компьютерной игрушке, — сказал Дрой, готовясь открыть огонь из своего ствола. — Когда-то ведь я неплохо рубал в шутеры.

Зеленый же уперся ногой, перехватил «Шквал» удобней и, не поворачивая головы, выдал:

— А знаете, что я подумал. Здесь не хватает учителя.

И вот после этих слов все «ученики» вскинули головы, ощерив кривые ряды зубов и издав нечеловеческое шипение. Мы отпрянули. Похожесть фигур на обиженных детишек исчезла вмиг.

Зеленый резким движением увел ствол в сторону, с усилием задрал его вверх под углом в сорок пять градусов и нажал на спуск.

В первый момент могло показаться, что он совершил бессмысленный поступок. Но не таков был наш глашатай уныло сти и вселенского трагизма, чтобы в экстремальных ситуациях разменяться на глупости. Не таков!

Умничка Зеленый давно приметил открытую вентиляционную шахту и вычислил, что только в ее недрах может скрываться умное и чрезвычайно опасное существо, способное удерживать в повиновении пару десятков тупых мутантов. Только в этой зияющей дыре могло сидеть одно из самых кошмарных порождений Зоны, обладающее мощными психическими способностями и умеющее подчинять себе волю других.

Контролер.

Клёц-клёц-клёц...

В теории я, конечно, знал, как работает «Шквал»: небольшие реактивные снаряды с боеголовкой достигали цели и разрывались, создавая чудовищную поражающую мощь по конусу от вектора атаки, не затрагивая «слепую зону», в которой находился сам стрелявший. При помощи направленного действия заряда достигался столь убойный эффект атаки, стрелок же оставался в относительной безопасности от осколков, теплового излучения и ударной волны даже в закрытых помещениях приличного объема.

Это в теории.

Ха. На практике, братцы, как правило, все выглядит иначе.

Клёц-клёц-клёц... Это щелкнули затворы.

Когда несколько мини-ракет сорвались с направляющих, пшикнули и угодили в вентиляционный раструб, всех нас ослепило, оглушило и отшвырнуло хоть и изрядно погашенной, но вполне ощутимой взрывной волной. Очередь, которую я за миг до этого вознамерился пустить по скоплению псевдоплоти, с громыханием ушла в бревенчатый потолок. Дрой приложился спиной о балку, и если бы не надежная броня, там бы и остался

лежать. Вода поднялась с пола стеной горячих брызг и чуть не ошпарила нам физиономии.

Первым сориентировался Гост.

— Убери ебамбу, родной! — крикнул он Зеленому и принялся из полусидячего положения поливать свинцом изуродованную взрывом вентиляцию в надежде добить контролера, если тот вдруг умудрился выжить.

Я мотнул головой, приходя в себя. Луч налобника услужливо прошелся по помещению туда-сюда: на учебный класс оно теперь не тянуло — это точно. Поражающая сила осколков «Шквала» оказалась просто зверской. Изломанные в щепу «парты» превратились в груды мусора, под которыми в кипятке копошились остатки псевдоплоти.

Одна из тварей, противно застонав, протянула ко мне окровавленную конечность и страшно оскалилась. После чего довольно живо поползла вперед, расшвыривая жижу, в надежде добраться до моих потрохов, пока они еще тепленькие. Я направил «Орду» в приближающегося мутанта, и умная система распознавания целей с готовностью пискнула. Палец вжал спусковой крючок до упора. Раздался треск, ствол мягко дернулся в руках, и псевдоплоть кубарем откатилась в дальний угол, нашпигованная пулями.

Пиф-паф.

— Псионика надо кончить, — вставая из грязи и проверяя повязку на шее, сказал Гост. — Прикройте, что ли. — Он на миг задержался на пороге. — Если эта сволочь возьмет меня под ментальный контроль — смело стреляйте. Иначе могу всех положить, сами понимаете.

— Шевели веслами, — велел Дрой, тоже приняв вертикальное положение. — После попрощаемся.

Сбросив чудом уцелевший телефон и остатки динамо-машины, Гост взобрался на посеченную осколками тумбочку и сдернул с РГД-7К чеку. Псевдоплоть тут же активизировалась: полдюжины оставшихся в живых мутантов, зашипев, направились к опасному объекту. По

всей видимости, контролер каким-то образом сумел выжить и до сих пор управлял их волей. Мы, не сговариваясь, открыли огонь по уродливым телам, разметывая скулящую псевдоплоть в клочья и стараясь не зацепить самого Госта. Тот без особых размышлений отжал рычаг и зашвырнул осколочно-кумулятивную гранату в глубину вентиляционной шахты. Спрыгнул, отбежал на безопасное расстояние, безжалостно давя каблуками останки тварей-имитаторов.

Я открыл рот, чтобы компенсировать перепад давления, который неминуемо должен был возникнуть при разрыве гранаты в закрытом помещении, и понял: в общем-то зря старался.

Челюсть сама бы отвалилась через секунду.

Не успел Гост добраться до нас, перескакивая через обломки столов, как стальной цилиндр с армейской маркировкой вывалился обратно из трубы и со смачным шлепком плюхнулся в жижу возле стены.

— Вот почему надо сохраняться в шутерах, — обронил Дрой перед тем, как все мы с воплем бросились в проход.

Зеленый с Дроем успели скрыться за поворотом, а вот нам с Гостом пришлось распластаться прямо в грязи, чтобы не попасть под веер кумулятивных осколков, играючи прожигающих легкую броню на таком расстоянии.

За спиной рвануло так, что в первый момент мне показалось: всё — добегался, сталкер... Уши заложило, лысину обдало жаром, несмотря на защитный купол откинутого назад шлема, один из контейнеров для артефактов сорвало с брони осколком, чуть было не зацепило плечо — я даже почувствовал легкое горячее касание. Благо осколок скользнул по касательной и не успел прожечь сочленение. Сверху пронеслась ударная волна, а затем на нас упали тяжелые пласты жижи, которая при взрыве мгновенно спеклась до твердого состояния.

Упади мы мордами в дерьмо на долю секунды позже, и, как говаривал один мой хороший знакомый, казус вышел бы неимоверный.

— ...гидроцефал сраный, — закончил тираду Гост, когда в тоннеле затихло. Его слова долетали до моих ушей сквозь мерзкий звон. — Я тебя еще достану, тварь.

— Фал сраный.

Я не сразу узнал голос. Приподнял голову, протер перчаткой стекло налобника и посмотрел наверх, освещая вышедшего из-за угла Дроя. Он держался как-то странно: слишком ровно, осанисто, стоя на прямых, словно жерди ногах, что при его телосложении выглядело комично.

— Я тебя еще достану, тварь, — сказал он, пытаясь повторить интонации Госта.

Гост приподнялся на локте и удивленно покосился на сталкера.

— Родной, ты чего?

— Родной, ты чего?

Короткий ствол «Орды» Дроя смотрел точно в мурло.

На меня, братцы, неоднократно наводили оружие, поэтому слукавлю, если скажу, что впадаю в ступор при виде этого черного зрачка смерти. Наоборот: мой мозг в таких ситуациях начинает быстро искать варианты спасения. Но в тот момент я залип. Просто валялся в грязи и тупо глядел, как Дрой держит меня на мушке. И абсолютно ничего не мог поделать. Птичка-интуиция колошматила в затылок, пытаясь донести какую-то простейшую информацию и вывести меня из состояния оторопи, но тело и мысли будто парализовало. Они больше не повиновались мне.

Прямо скажем, в тот момент я пережил одно из самых беспомощных состояний во всей своей сталкерской карьере. Не дай вам бог оказаться в подобном положении.

Прошло секунды две или три. Они показались неимоверно длинными, тянущимися бесконечно долго,

высасывающими из организма душу вместе с допингом, амфетаминами и прочей ерундой.

Но вот картинка наконец сдвинулась с мертвой точки...

Бывает так, что моргаешь, а когда веки поднимаются — мир уже изменился. Из статичного киселя превратился в стремительно развивающийся клубок событий, и за этой ниточкой нужно поспеть во что бы то ни стало. Редко, но бывает.

Тогда со мной случилось именно так.

Зеленый вывалился из-за угла и врезался в Дроя, надеясь сбить с ног, но сумел лишь немного сдвинуть в сторону. Тот, качнувшись, инстинктивно спустил курок. Пули впились в землю возле моей руки, обдав брызгами и заставив отшатнуться. На левое ухо я теперь оглох капитально.

Гост точным движением схватил Дроя за лодыжку и рванул на себя, чтобы хоть как-то помочь Зеленому, который явно уступал в весовой категории нашему веснушчатому другу, волю которого подчинил себе матерый контролер...

Контролер! Он должен видеть человека, чтобы подвергнуть его пси-атаке, лишающей воли: это вам не стаю псевдоплоти в подчинении держать. Совладать с психикой высших приматов — задачка посерьезней. Значит, псионик сумел после взрыва гранаты выбраться из вентиляции и сейчас находится в комнате, аккурат у меня за спиной...

Эти мысли проскочили в освобожденном от пси-влияния мозгу ярким росчерком. По всей видимости, когда Зеленый налетел на Дроя, мутанту пришлось полностью сконцентрироваться на основной жертве, «отпустив» остальных.

Гост с Зеленым продолжали зажимать Дроя в угол. Он теперь тупо отмахивался автоматом на манер дубины, потому что патроны в оружии кончились, а перезарядить магазин не хватало времени. Не дожидаясь, пока кон-

тролер догадается переключить все свое нечеловеческое внимание на меня, я резко оттолкнулся локтем и перевернулся на спину, чувствуя, как из разодранного осколками рюкзака вываливается снаряжение. Фиг с ним, выжить бы.

Я рывком сел, а затем встал. Упал на одно колено и привычно вскинул автомат к плечу в боевое положение. Это чуть было не стоило мне жизни, потому что приклад «Орды» был короче, чем у «калаша», и отработанное до автоматизма движение получилось неточным: оружие едва не вылетело из рук.

Короткой заминкой не преминул воспользоваться псионик. Он, не переставая держать под ментальным контролем Дроя, неожиданно легко поднял с пола ножку стула с обломанными кусками пластика на конце и бросился на меня. Размашистые, зигзагообразные движения делали его похожим на атакующую обезьяну. Острые края подручного орудия чуть не распороли мне шею — лишь в самый последний момент я успел уклониться от просвистевшей рядом «секиры».

Схватка обещала быть скоротечной. На моей стороне была сила огнестрельного оружия. Контролеру на руку играла темнота — ведь ему не нужно было выхватывать динамичную мишень в скачущем туда-сюда луче налобника. Зато теперь, когда мы оба активно двигались, я хотя бы мог оставаться спокойным за собственные мозги: чтобы взять человека под ментальный контроль, даже матерому псионику нужно на некоторое время остановиться и сосредоточиться.

Так что если удерживать Дроя у него пока получалось, то уж власти над моим скудным умишкой пусть не ждет. Самому пригодится.

— Родной, поторопись! — крикнул Гост. Из тоннеля донесся глухой удар. — Дрой, зараза, сильный... Такими темпами он нас довольно скоро уроет и забудет, как звали.

— Стараюсь, брат!

Долговязая фигура мелькнула рядом. Слухи о том, что контролеры медлительны и неповоротливы, распускают юнцы, которым ни разу не доводилось сталкиваться с опасными пси-тварями лицом к лицу. Сталкеры, которым удалось остаться в живых и в здравом уме после знакомства с этими прелестными мутантами, предпочитали помалкивать и отшучиваться: уж больно «радужные» следы они оставляли в психике людей.

Сместившись в сторону от тоннеля и поднырнув под очередной коварный выпад мутанта, я развернулся и, не дожидаясь, пока умная система совершит захват цели, пальнул короткой очередью. Уши вновь заложило. Пламегаситель «Орды» не справился с венчиками огня, и на короткое мгновение все помещение осветилось контрастными вспышками, надолго впечатавшими каждую деталь этого смертельного поединка в мое сознание.

Внешне контролер больше всего напоминал измученного жизнью и телепрограммами сантехника из провинциального ЖЭУ, которому пришлось заступить на смену в состоянии жуткого похмелья. Сальные штаны с драными лямками-подтяжками и оттянутыми коленками, уныло опущенные плечи, ботинки без шнурков на босу ногу, бледная кожа с узорами вен. Если бы не длинные когтистые пальцы, которыми он сжимал ножку, и непропорционально большая голова... Хотя и без того сходство в этом подвальном помещении было пугающим.

Вот только движения слишком резки и порывисты для изможденного сушняком слесаря. А в тусклых маслинах глаз отражается бездонная пропасть, стоящая между человеком и существом, изуродованным Зоной до состояния полуразумного повелителя чужих мозгов.

Короткие вспышки, словно стробоскоп, раздробили движение псионика. Его ловкий прыжок в сторону превратился в веер контрастных кадров, словно кинопленку пустили слишком медленно, и иллюзия плавности пропала.

Во время приземления мутант извернулся и швырнул ножку в мою сторону, как томагавк. Уклониться я не успел, но острые края всего лишь поцарапали рукав брони, не причинив ни малейшего вреда. Орудие отлетело в угол.

Контролер замер на миг и отступил к стене. Я повернулся, высвечивая монстра, и навел на него автомат, готовясь пустить поперечную очередь, чтобы наверняка срезать гада.

Главное — не медлить, чтобы не успел сосредоточиться.

Но тут контролер развел руки-плети в стороны, будто показывая: я безоружен. Тень от его нескладной фигуры плясала на стальной двери, ведущей в подземелья лабораторий. Даже в свете налобника было заметно, как в жилах, которые обвивали шею, скулы и виски, пульсировала белесая жидкость, напоминающая гной.

— Не убивай, — попросил контролер.

Я вздрогнул. Голос был тихий, шипящий — его собственный, а не заимствованный у одного из нас.

А вслед за фразой последовал и вовсе удивительный пассаж: мутант присел на пол, утопая в мусоре, оставшемся после взрывов и стрельбы, склонил голову и прикрыл ее бугристыми пальцами.

Демоны Зоны... Существо просило пощады.

Я замешкался всего на секунду, позволив сомнению вкрасться в сознание вместе с цепкими ментальными щупальцами. Жалость к поверженному врагу возобладала над логикой и опытом, приобретенными в сотнях схваток с хитрыми созданиями. Мне вдруг захотелось изменить собственному принципу и не добивать противника, признавшего поражение. В сущности, зачем? Ведь он уйдет и больше не будет нам мешать, он не встанет на нашем пути к «бумерангу». Он даже не ранен. Он сумеет быстро свалить прочь и оставить нас в покое. Его когда-то звали Пауль Вийер.

Я почувствовал, как легкий ветерок коснулся моего лица. Несмело погладил огрубевшую кожу, скользнул

под воротник комбеза. Мне были знакомы такие прикосновения: это было дыхание Зоны. Неизвестно откуда взявшийся в подземелье сквознячок проник в самую душу и всколыхнул в ней старые воспоминания, о сохранности которых я и не подозревал... Третий класс. Московские дворики, мой первый друг — лохматый пес, которого запойные соседи выпускали погулять и часто вообще забывали о его существовании. А мы играли с ним, когда я возвращался после уроков, и нам казалось, что крепкая дружба будет длиться вечно... Мне семнадцать. Секс у нее в квартире запомнился на всю жизнь. Все произошло быстро, не успел я сообразить, как наши молодые тела уже сплелись. Натка была куда опытней: снисходительно улыбалась, если я ставил ее в неудобное положение, и сама наскакивала на меня... Заваленная сессия на втором курсе, отчисление и повестка из райвоенкомата. Мне тогда и в голову не пришло «косить». В «учебке» было тяжело, несмотря на то, что я всегда занимался спортом и был КМС по стендовой стрельбе. Многие жизненные ценности ломались и менялись во время долгих марш-бросков, экстремальных прыжков с парашютом и побоищ с «дедами». Но, вернувшись из армии, я понял, что мне очень повезло: я не попал на войну... Двадцать два года. Четкое, казалось бы, понимание целей и видение способов из достижения. Первые удачи в бизнесе, первые серьезные партнеры, первые выгодные депозиты. Первая иллюзия благополучия...

Ветерок продолжал приятно ласкать лицо и убаюкивать сознание, погружая в тайники памяти все глубже и глубже. Оказывается, ничего не забылось. Каждая деталь лежала на своем месте, нужно было всего-то стряхнуть с нее пыль, чтобы возродить былое сияние. Никогда прежде за семь лет хождения по Зоне мне не хотелось оказаться в прошлом мире так сильно, как сейчас...

— Минор, очнись. — Я открыл глаза. Гост стоял в полуметре от меня и держал на прицеле забившегося в угол контролера. Его оклик, словно удар хлыста, сбил с

меня морок, практически поглотивший волю, затуманивший голову. — Этот мозгосос хотел перекинуть ментальные клещи с Дроя на тебя.

Я кивнул. Никакого ветерка, конечно же, и в помине не было. «Орда» пискнула: цель была захвачена.

— За двумя погонишься — оба и поимеют, — назидательно произнес Дрой, подходя к нам и перезаряжая магазин.

— Я же предупреждал, что достану тебя, тварь. А ты дразнился, — усмехнулся Гост. — Капут тебе.

— К гадалке не ходи, — согласился я.

Мы светили на медленно поднимающегося с колен контролера, который теперь в каждой руке держал по увесистому железному осколку. Его морда была перекошена от ярости, широкие ноздри раздувались, на мутной роговице глаз подрагивали блики. Настырный.

Подошел Зеленый и, оценив ситуацию, скомандовал:

— Пли.

Три автомата выплюнули по веренице свинцовых пчел, которые настигли метнувшегося к вентиляции психоника прямо в воздухе. Мутанта перерубило напополам, а куски распотрошило в фарш. Белесые брызги превратили бункерную дверь в авангардное полотно, украшенное вкраплениями разорванных органов и бурыми пятнами костного крошева.

— Прощай, братец контролер, — сказал я, глядя, как в свете фонариков вьются струйки дыма из наших стволов. — Как пошутил бы один мой приятель: горе от ума.

Зеленый приподнял брови и тут же снова уронил их, вернув физиономии привычно унылое выражение. Дрой выматерился и пнул ногой расколотый череп мутанта, посмевшего покуситься не только на его бесценное тело, но и на изворотливый ум. А чистоплотный пижон Гост достал из аптечки салфетку и принялся, скривившись от омерзения, счищать со своей брони ошметки грязи и кровавые потеки.

Путь в дебри заброшенных лабораторий был свободен.

Единственный вход располагался в одной из боковых стен разгромленного помещения. За тяжелой дверью с выкорчеванным запорным механизмом обнаружился вполне современный проход, похожий на тоннель метрополитена, только поуже в сечении. Его своды были укреплены железобетонными тюбингами, на кронштейнах висели обрывки силовых кабелей, в полу попадались зарешеченные канализационные люки, а вдоль потолка тянулись ряды ламп дневного света, две трети которых были побиты. Зато оставшаяся треть, к нашему бесконечному удивлению, замерцала и вспыхнула бледно-голубыми рисками, когда Гост наудачу замкнул рубильник.

— Полагаю после дебоша, учиненного на входе, демаскировка нам уже не грозит, — прокомментировал он свое действие.

Мы выключили ставшие бесполезными налобники. В ушах еще звенело, но я уже мог расслышать, как тихонько потрескивают ртутные светильники, наполняя пространство мертвой казенной атмосферой. Полукруглый тоннель убегал вдаль, линейная перспектива скрадывала расстояние, не давая на глазок определить, насколько он длинный. По крайней мере метров на сто впереди не было видно ни поворотов, ни ответвлений.

Я не мог не обратить внимания на то, что деревянные балки с полусгнившими перекрытиями возле входа в шахту и эта прочная конструкция разительно отличались. Создавалось впечатление, будто проходчики вели «кишку» по утвержденному плану, а потом у них вдруг кончились средства. И пришлось сэкономить на материалах, закончив тоннель кое-как.

Впрочем, не исключено, что именно так оно и было на самом деле.

Несмотря на удовлетворительную видимость, мы решили продвигаться осторожно и неторопливо. Бдительность терять было ни в коем случае нельзя: ведь поддайся мы зову организма, накачанного допингом, и ми-

гом влетим в аномалию или попадем в лапы расторопному мутанту.

В Зоне нужно уметь сдерживать себя. Особенно если путь кажется прямым, светлым и зовет поскорее пуститься вприпрыжку.

К тому же птичка-интуиция легонько тюкала внутри черепушки, напоминая о своем присутствии и неясной опасности, поджидающей в лабораториях. Слухи об этих катакомбах ходили самые противоречивые: кто-то утверждал, будто они кишмя кишат зомбаками и прочей нечистью, а кто-то считал давно заброшенными. Но соваться сюда без крайней необходимости сталкеры не рисковали, даже когда рейд сулил хороший хабар.

Я сверился со встроенным в рукав «Тигра» ПДА. Судя по карте, которую закачал в память наших компьютеров Роман, тоннель тянулся струной на полкилометра и упирался в многоярусный лабораторный комплекс.

Зеленый глянул на мой экранчик и печально вздохнул.

— Придется идти через рассадник живности, — сказал он.

— С чего ты взял, что там мутанты? — хмыкнул Дрой. — Мой сканер пока не паникует.

— Вот увидишь, — обреченно ответил Зеленый, перехватывая «Шквал».

— Ты в следующий раз поосторожней из своей ебамбы пали, родной, — нахмурился Гост. — Чуть всех не пришиб.

— Кто пойдет первым? — спросил я. — Разыграем?

— Не надо. — Дрой выдвинулся в авангард и взял автомат поудобней. — Я пойду. Считайте это платой за неумышленные зуботычины. Кстати, не серчайте — это всё гад контролер в мои мозги вселился.

Зеленый потер скулу и снова вздохнул.

— Хорошо, — решил Гост. — Дрой первый. Мы с Зеленым в центре. Минор, ты замыкающий. Согласен?

Я кивнул, и мы неторопливо двинулись в глубь тоннеля.

Охранять «хвост» нужно умеючи. Многие новички ошибочно полагают, будто идти замыкающим — лафа. Это в корне неверно. Во-первых, классические засады устраивают как раз с расчетом напасть с тыла, когда колонна уже миновала потенциально опасное место. Во-вторых, глядеть назад всегда сложнее, чем вперед.

Казалось бы: кто может атаковать с тыла после того, как на входе мы выжгли все живое? Вот именно, казалось бы. Зона лукава и непредсказуема. Мы могли пропустить небольшой боковой лаз или ответвление, не отмеченное на карте. И — бамс! — затаившийся до поры до времени мутант уже впился в холку.

Поэтому я внимательно контролировал пространство за спиной и старался при этом поглядывать под ноги.

В молчании мы прошли метров пятьдесят.

Внезапно Дрой притормозил и предупреждающе поднял руку. Мы замерли, кто где был. Он приглядел ся и опустился на колено, доставая из кармана кусачки. Я осторожно выглянул из-за плеча Госта и заметил, как рядышком с фосфоресцирующей лужицей «киселя» блеснула нить. Натянута она была параллельно полу: один конец крепился к жестяному кожуху трансформатора, а второй — к торчащему из земли колышку, который легко можно было спутать с обломком кирпича.

Растяжка.

Поставлена умело и коварно. С расчетом на потерю бдительности возле аномалии. Невнимательный путник обязательно переключил бы все свое внимание на «зеленый кисель» и начал бы обходить дымящуюся жижу по единственно возможному пути: чуть правее, впритирку к трансформатору. А так как ближайшая рабочая лампа висела метрах в пяти, то шанс сорвать тонкую леску в полумраке становился весьма велик.

Можно было просто перешагнуть через нить, миновать ловушку и двинуться дальше, но где гарантия, что по возвращении мы не будем в этом месте стремглав не-

стись прочь от какого-нибудь потревоженного кровососа и не сорвем впопыхах чеку? Нет гарантии.

Дрой осторожно разминировал гранату и бросил ее в «кисель». Суспензия заметно посветлела, раздалось шипение, и кусок металла, начиненный взрывчаткой, утоп навсегда. Я проводил взглядом «лимонку» — все же вещь в Зоне довольно дорогая. Но лишний груз нам сейчас ни к чему.

— Пси-фон растет, — отметил Дрой, вставая. — Скоро придется опустить забрала.

— Пока терпимо, — отозвался Гост. — Ты, главное, под ноги гляди в оба.

— Твоими молитвами.

Оставив дымящуюся лужу «зеленого киселя» позади, мы продолжили путь по тоннелю. Серые ребра жесткости ритмичным узором убегали вдаль, создавая впечатление, будто мы бредем внутри пищеварительной системы гигантского монстра.

— Такое ощущение, словно по прямой кишке идем, — поделился я идиотской мыслью с остальными.

Дрой обернулся и хмыкнул:

— От себя добавлю: неизвестно в какую сторону. К желудку или к жопе.

— Не отвлекайся, родной, — посоветовал Гост.

Некоторое время мы топали молча. По мере продвижения вглубь становилось суше. Теперь при каждом шаге с пола поднималось маленькое облачко известковой пыли, под каблуками хрустели мелкие камешки и мусор.

— Зеленый, а почему ты Зеленый? — неожиданно поинтересовался Гост. — Я давно хотел спросить, но как-то все забывал, да и случая подходящего не подворачивалось.

— То есть сейчас — самый подходящий для этого вопроса случай? — удивился Зеленый.

— Я стараюсь мыслить философски. Вдруг мы скоро сдохнем, а я так и не узнал сию великую загадку.

— Вовсе это не загадка, — пожал плечами Зеленый. — Был такой мультфильм «Тайна третьей планеты». Там герой один — капитан Зеленый — жуткий меланхолик. Меня еще в школе так прозвали, по аналогии.

— Значит, ты с самого детства такой яростный зануда, — фыркнул Дрой. — Ужас.

— К тому же у меня кожа от рождения тонкая, — не обратив внимания на его замечание, продолжил Зеленый. — Поэтому на лице и прочих открытых участках тела вены видны. А они по закону природы синезеленые.

— Понятно, — подвел черту Гост.

— А ты?

— Что я?

— Ну, у твоего прозвища ведь тоже есть какая-то история?

Гост едва заметно смутился, но тут же уравнял эмоции широкой улыбкой. Пижон.

— Ты не поверишь, но моя история тоже некоторым образом связана с фильмом. «Призрак и тьма», старенький боевичок. Был там лев. Его и звали Призраком, по-английски — Гостом. Хороший такой лев, людей жрал.

— На тигра ты никак не тянешь, — скептически цыкнул зубом Дрой. — Максимум на холеного кошака.

Гост снова улыбнулся.

— С Минором, положим, все ясно, — сказал он. Я удивленно приподнял брови. Гост пояснил: — Жил в мажорном районе, учился в мажорной школе с мажорами, вот и приучился все время поступать в пику им. Угадал?

Я пожал плечами. В принципе скрывать тут особенно было нечего. Стоило лишь отдать должное прозорливости сталкера. Хотя... не исключено, что я мог и сам по пьяни разоткровенничаться.

Гост удовлетворенно кивнул, глядя на мою реакцию. После чего подмигнул и легонько толкнул в плечо Дроя.

— Чё надо? — грубо отозвался тот.

— Расскажи про свою кличку, родной.

— Отвали, тело.

Я не сдержал улыбки. Даже воспитанный Зеленый гыгыкнул.

Дрой остановился.

От его спины повеяло злобой и раздражением. На какой-то миг мне даже почудилось, что сталкер не до конца избавился от ментальных пут контролера — так он весь напрягся. Казалось, веснушчатый богатырь вот-вот развернется и расстреляет в нас весь магазин своей «Орды».

Но Дрой повел себя сдержанно. Посопел некоторое время, кхыкнул и бросил через плечо:

— Я Дрой. Просто Дрой. Вкурил?

— Конечно, родной, — еле сдерживаясь, чтобы не заржать в полный голос, согласился Гост. — Ты просто Дрой.

Зеленый еще разок гыгыкнул, и мы пошли дальше.

И тут интуиция шибанула меня изо всех сил. В первый момент я даже подумал, будто стал сбоить «нейротряс», и головная боль вот-вот накроет своим плотным покрывалом мои бедные мозги. Но, прислушавшись, понял: ощущение другое.

Нечто подобное я уже испытывал на кирзаводе, когда впервые увидел символ восьмерки-бесконечности возле печи. Странно, ведь до обозначенного полковником места, где должен находиться искомый артефакт, еще далеко.

— Стойте, — громким шепотом скомандовал я.

Сталкеры застыли, как изваяния. Дроя вообще будто бы выключили: он замер с занесенной для следующего шага ногой. Правильно — ведущий в случае опасности может принять основной удар на себя. Если кому-то чего-то показалось, значит, лучше сто раз перестраховаться. Благо среди нас не было желторотиков, которые паникуют на пустом месте.

Впереди тоннель утолщался и образовывал «карман» с перекореженной лифтовой кабинкой по левую руку и пультом управления по правую. Скорее всего здесь ко-

гда-то был подъемник, с помощью которого можно было отправить груз на нижний ярус. Теперь сетка, защищающая шахту, была зверски разодрана и свисала проволочными фестонами. За ней приржавел к направляющим сам подъемник, кабинку которого сильно перекосило и порешило осколками. Видать, кого-то в ней жестко поджарили из подствольника.

Я закончил сверяться с датчиком аномалий и поднял глаза на Дроя, собираясь сказать, что тревога была ложной. Но слова так и зависли у меня на языке, когда я разглядел его лицо.

Дрой стоял вполоборота, и мне был виден профиль, но и этого оказалось достаточно, чтобы понять: сталкер побледнел как смерть. На контрасте с посветлевшей кожей особенно жутко смотрелся расширенный до упора зрачок. И было непонятно: то ли его от допинга так приштырило, то ли сердце прихватило.

— Дрой, ты чего? Призрака увидал? — тихонько осведомился я.

— Почти. — Он поманил меня пальцем и ткнул в облупившийся пульт управления, на котором красовался нарисованный черной краской значок. Восьмерка, уроненная набок. — Откуда здесь это?

Я приблизился к символу, чувствуя, как от напряжения волосы под мышками дыбом встают, и провел по нему пальцем. На перчатке осталась черная краска.

— Тут кто-то был.

— Вот именно. К тому же не так давно.

Зеленый с Гостом тоже подошли ближе, рассматривая знакомый знак, который преследовал нас уже несколько дней, с того самого момента, как возле новых аномалий начали появляться эти чертовы «бумеранги».

— С вашего позволения я все же попробую остаться материалистом, — произнес наконец Гост.

— Очень смешно, — откликнулся Зеленый, поглядывая в тоннель. — Ты бы еще сказал, что в Зоне все объяснимо и подчинено известным законам.

— Почему это здесь, а не на поверхности, где должен быть «бумеранг»? — риторически спросил Дрой.

— Если бы своими глазами не видел, как Бес забрался в печку задницей вперед и был заживо сожжен «жаркой», я бы решил, что все это один большой и глупый розыгрыш, — нахмурился я.

— Ага, и черномазый полковник тоже прикалывается, — кивнул Гост. — Забавно, наверное, вставить в черепушки четырем бродягам маячки, отправить в подземелья Янтаря и поглядеть, что делать будут. Это ж какой надо...

— Демоны Зоны, — прошептал Дрой. — Лёвка.

— Что? — не понял Зеленый, поворачиваясь к нему.

Позади меня раздался скрежет. Я рывком ушел в сторону и вскинул автомат, разворачиваясь и готовясь стрелять на звук. Гост тоже поднял «Орду», нацелившись в сторону кабинки подъемника.

Система распознавания цели пискнула, наводясь, но я остановился и даже дышать перестал от удивления. Рука закостенела на цевьё.

Между задней стенкой давно застопоренного изуродованного лифта и бетонными плитами шахты виднелись стальные тросы. Висели они внатяг: скорее всего внизу крепился противовес. В желобе, предназначенном для свободного перемещения этого самого противовеса, было достаточно места, чтобы там мог поместиться человек.

Парень висел, ухватившись обеими руками за один из тросов, и смотрел мимо нас. В его взгляде застыла гремучая смесь глубокого отчаяния и одержимости. На запястьях засохли капельки крови: по всей видимости, он уцепился за трос давно, и ладони превратились в рваные лоскуты от острых витков проволоки. Как же мы могли его не заметить сразу?

— Лёвка, — тихонько позвал Дрой, опуская ствол. — Лёвка, ты здесь откуда?

Парень не отреагировал, продолжая едва заметно покачиваться над темной шахтой.

— Стоп, — громко сказал Гост, видя, что Дрой намеревается подойти к пацану ближе. — Он тебя не слышит, родной.

— И не видит, — согласился Зеленый.

— Это же Лёвка, — сказал Дрой. — Отмычка мой, который пропал возле сарая.

Я чувствовал, как птичка-интуиция колотит в затылке, только никак не мог понять, какую догадку она пытается донести до моего ума. Что-то здесь очень серьезно не сходилось... Дрой видел своего паренька-отмычку возле сарая довольно давно. Затем желторотик повстречался Госту, когда тот ходил за артефактом. Повстречался на том же месте. И это было всего пару дней назад. А теперь пресловутый Лёвка висит на тросе в катакомбах под Янтарем, куда не каждый мутант осмелится нос совать без надобности.

Ерунда, получалась, братцы. Сущая.

Дрой, кажется, унял эмоции и сам понял сию простую истину. Он остановился в метре от лифта и вновь поднял ствол.

— Лёвка, если это ты, дай знать. А если же нет — пристрелю сейчас, как зомбака поганого. Не вспомню, что лучшим следопытом был в отряде. Без обид.

Парень продолжал таращиться мимо нас. Наверху, возле лифтового мотора, скрипнуло крепление, заставив меня сильнее сжать рукоять автомата.

— Ну, извини, брат, — обронил Дрой и перевел «Орду» в режим одиночного огня.

Я покосился на него. Все-таки Зона учит нас быть жестокими. От бледности и растерянности на веснушчатом лице не осталось и следа. Рядом со мной стоял матерый сталкер, повидавший на своем веку много жизни и немало смерти, знающий им цену. Он понимал, что Зона хочет с ним сыграть злую шутку, подставляя образ исчезнувшего желторотика.

Оставлять за спиной неизвестное существо было нельзя.

Когда Дрой уже почти спустил курок, лампы в тоннеле затрещали сильнее обычного, будто в сети изменилось напряжение. Одна из ртутных колб лопнула с глухим хлопком, чем на мгновение отвлекла наше внимание.

И в этот момент парень, так ни разу не посмотрев на своего бывшего проводника, разжал руки.

Он бесшумно сорвался в шахту, словно и не висел только что в паре метров от меня. Тросы колыхнулись, как исполинские струны, и завибрировали. А через секунду внизу раздался грохот, противный хруст и глухой удар.

Свет в лампах еще чуть-чуть померцал и опять загорелся ровным, холодным сиянием.

Мелкие осколки лопнувшего светильника скрипнули под берцем.

Дрой двинулся было к шахте, отследить падение и, при надобности, добить пацана, но Зеленый удержал его за наплечник брони и покачал головой. Мол, остынь, не в кого там уже стрелять.

— Мне насрать, кто это был, — успокаивая сам себя, сказал Дрой и дернул плечом, сбрасывая ладонь Зеленого, — но теперь он точно мертв. И если еще раз попадется — сомневаться не стану.

— Смотрите-ка, — удивился Гост. — Знак исчез.

Мы подошли к пульту управления, на котором несколько минут назад был символ, и уставились на девственно чистый кожух. Там не было никаких следов краски. Происходящее уже никоим образом не походило ни на фарс, ни на розыгрыш — по крайней мере у меня после увиденного подобных ассоциаций больше не возникало. Немое падение Дроева отмычки все еще стояло перед взором. И плевать, настоящим был этот паренек или иллюзорным, — все равно малоприятная сцена получилась...

Сканер коротко просигналил об опасности, из кармана крепко запахло горелой резиной от ожившего «пузыря». Из глубины тоннеля донесся заунывный вой, от которого кровь в жилах застыла. И практически сразу

послышался шорох множества конечностей: стая хищников приближалась к нам из недр лабораторий.

Когда мы синхронно повернулись, чтобы встретить нового врага огнем, то я понял: дело табак.

— Я же говорил, что здесь рассадник живности, — грустно произнес Зеленый, щелкая взводным механизмом «Шквала». — Вот, пожалуйста. Полюбуйтесь.

Свора собак неторопливо вышла из полумрака нам навстречу, скаля острые клыки. Это были не слепые щенята и даже не чернобыльские псы. Это были пси-доги — очень редко встречавшиеся даже в центральных районах Зоны мутанты, повадки которых ученые толком до сих пор не раскусили.

Я быстро стянул налобник и захлопнул сферу шлема. Остальные сталкеры немедля поступили так же. Прототипом брони «Тигр» был комбинезон «СЕВА», который неплохо экранировал аномальные воздействия, в том числе и пси-излучение. Если верить полковнику, наши костюмы могли спасти даже возле сильных ретрансляторов вроде ЛЭП. Что ж — проверим, на что годятся эти скорлупки.

В шлеме с закрытым забралом автоматически включились дыхательный контур и связь. Я услышал, как Дрой сопит в чувствительный микрофон.

Пси-доги остановились метрах в пятнадцати. Уродливые морды напоминали собачьи очень отдаленно: короткие уши, частичное отсутствие кожи на плоских черепах, злобный оловянный блеск в маленьких глазках. На загривках мутантов торчали роговые наросты, похожие на иглы дикобраза, мускулистые лапы венчались страшными даже на вид когтями.

Вперед вышел вожак стаи — матерый пес с кривым шрамом через весь бок. Он уронил нитку слюны, сел и, задрав башку кверху, заскулил.

Остальные пси-доги незамедлительно повторили жест предводителя. Пронзительный вой разнесся по тоннелю, заставив инстинктивно вжать голову в плечи.

Передернуло. Я почувствовал, как в висках начинает пульсировать боль, а по лысине бегут мурашки. Перед глазами все поплыло, засосало под ложечкой, сердце заработало с удвоенной силой, разгоняя кровь по жилам, чтобы накачать слабеющий организм кислородом. Спасибо вам, экспериментаторы, что допингом залили и восстанавливающих артефактов дали, а то прямо тут бы и лег...

Прогремел выстрел.

Душераздирающий вой оборвался.

Вожак, непонимающе глядя на нас, завалился на бок. Из дырки во лбу толчками потекла густая желтовато-бурая жидкость. Глазки помутнели.

Дрой тряхнул головой и удобнее взял еще дымящийся ствол.

— Сейчас начнется, — раздался в шлеме шепот Госта. — Приготовились.

Пси-доги некоторое время таращились на убитого вожака с проблеском удивления, а потом до них дошло: двуногие лишили стаю главного охотника. Приподняв верхнюю губу, сначала окрысился один мутант, за ним следующий — и вот уже десяток глоток хрипят в унисон.

Дружный утробный рык пробрал меня до костей.

— Я попробую из своей... ебамбы? — виновато глянул Зеленый на Госта.

— Хер ли спрашиваешь! — крикнул тот, открывая огонь по рванувшимся на нас отродьям Зоны.

Пламя.

Рокот.

Мельтешение.

Лай.

Треск...

На миг в узком жерле тоннеля образовался настоящий ад. Первый ряд пси-догов наши пули срезали и изрешетили в лапшу. Трупы кровавыми комьями отлетели на наседающих сзади псов, сбивая тех с ног. Но в остатках своры боевой порядок не сломался: псы лишь слегка

рассредоточились вдоль стен, чтобы нам было труднее поразить сразу нескольких особей. Не исключено, что даже без вожака эти твари были связаны между собой телепатически и могли действовать не как отдельные сявки, а как единая стая.

Зеленый шарахнул из «Шквала». Ослепительная вспышка заставила меня зажмуриться, несмотря на мгновенно потемневшее внутреннее стекло сферы, реагирующее на яркость внешнего освещения.

Грохот от взрыва реактивного снаряда эхом прокатился по катакомбам. Еще раз сверкнуло. На выпуклом забрале Госта на мгновение отразился негативный рисунок тоннеля, словно бы выполненный угольным карандашом. Взрывной волной снесло несколько ртутных ламп, провисшие силовые кабели и отбросило в глубь тоннеля валявшийся на полу металлический ящик с ржавыми скобами. Стены в десятке метров от нас нещадно посекло осколками, в воздухе повисло облако гари и пыли, подсвеченное встроенными в шлемы фонарями.

Мы не сразу сообразили, что эпицентр убойного бадабума находился за спинами основной массы пси-догов, и узконаправленный заряд сработал фактически вхолостую. Разлетевшиеся по конусу осколки зацепили всего несколько замешкавшихся псов и ушли в «молоко».

Когда Зеленый собрался еще раз пальнуть по хитрым бестиям, они уже были слишком близко. На таком расстоянии взрыв мог задеть нас, и он благоразумно отказался от затеи.

Пятясь, я стал поливать короткими очередями наступающих догов, но несколько самцов увернулись и умудрились зайти нам за спину. Развернувшись, я уже понял, что даже увеличенная препаратами скорость реакции моего организма несравнима с собачьей. К тому же движения замедляла броня.

Дрой с ходу саданул одного мутанта прикладом, а второй прыгнул на него, сбив с ног. Гост быстро подбе-

жал к ним сзади и рассек ножом глотку хрипящему псу. Стащил забившееся в конвульсиях тело с матерящегося Дроя и крикнул:

— Минор, тыл!

— Вижу!

Три здоровенных волкодава замерли возле раскуроченного лифта и изготовились к решающему прыжку. Выгнули спины, клочковатая шерсть на холках вздыбилась. При этом наросты-иглы причудливо изогнулись вперед, создавая подобие шипов. Напороться на такой защитный «воротничок» мне ой как не улыбалось.

Медлить было нельзя. Я, не раздумывая, высадил последние патроны в самого крупного пси-дога, ранив подпрыгнувшую бестию в переднюю лапу, отбросил автомат и молниеносно выхватил «десантник». Перезарядить магазин твари мне бы сейчас просто-напросто не дали.

Сзади затрещали «Орды». Сталкеры, как могли, сдерживали натиск псов. В перерывах между выстрелами вступал хор скулящих, гавкающих и клацающих глоток.

— Щенки, — прошипел я, отслеживая плавные движения двух целехоньких визави и огрызающегося третьего, который подволакивал изувеченную лапу. Плевать, что из-за забрала они не услышат моих слов. Плевать. Кровь клокотала в жилах, заставляя выплескивать ярость наружу. Страх отступил на задний план. — Идите сюда, потанцуем.

Первым прыгнул пятнистый пси-дог, который с самого начала вел себя сдержанней других. В принципе я ожидал, что этот опытный мутант выберет наиболее удобный момент для атаки, и все равно рывок получился неожиданным. А вдобавок — на редкость мощным. Он без лишних движений оттолкнулся задними лапами и стрелой метнулся на меня, целясь в горло.

Я успел лишь слегка отклониться, чтобы принять удар не грудью, а плечом. Когти скользнули по касатель-

ной, разодрав верхний гермослой брони. Несмотря на то, что пес пронесся мимо и основной импульс ушел в воздух, толчок получился очень сильный.

Меня крутануло. На излете мысли я отступил на пару шагов и рефлекторно выбросил руку с ножом вперед. Лезвие задело пролетающую тушу по брюху, оставив длинный, хотя и неглубокий порез. Пси-дог приземлился метрах в двух, проехал еще столько же юзом и развернулся, оскалившись.

Я прижался спиной к стене, хотя по правилам ведения боя с несколькими противниками делать так ни в коем случае было нельзя.

Клал я сейчас на правила с прибором. Теперь можно полагаться только на опыт, инстинкты и чутье, выработанное годами. А чутье подсказывало мне сделать именно так. Потому что если бы я остался посреди тоннеля, то оказался бы меж двух огней. К тому же возле бетонного тюбинга я был не так уж беззащитен: пространства для маневров хватало. Приседай, уходи в сторону, подныривай — долго ли умеючи.

Только вот дальше троица повела себя как-то странно, и меня это немедля насторожило.

Пси-доги не стали добивать загнанную, казалось бы, в угол жертву. Вместо логичной повторной атаки они встали полукругом в нескольких метрах от меня и, продолжая щетинить «воротники» из иглообразных наростов, закатили глазки. Куцые хвосты задрожали, бока несколько раз дернулись, словно псов слегка жахнуло током, а потом из раззявленных глоток раздался зубодробительный скулеж.

Сначала я подумал, что мне показалось, но когда по кончикам игл вторично пробежала едва заметная вибрация — сомнения исчезли. Их «воротники» были не чем иным, как направленными пси-излучателями. И если бы не многослойный «Тигр» с герметичным шлемом, надежно экранировавшим мозг, то я бы не продержался и пары секунд. А так ничего: только в позвоночник будто

раскаленного песка засыпали да суставы заломило от губительных волн неизвестной природы.

Интересно, ботаны знают об истинном назначении «воротника» у этого вида мутантов? Вот уж воистину оригинально пошутила Зона, сделав из пси-догов живых излучателей. В любом случае мотать такую информацию стоило не только на ус, но и на все остальные шерстяные покровы. Если выберемся из передряги, продам втридорога.

Я, с трудом справляясь с острым желанием упасть и свернуться калачиком, сделал шаг, затем второй и со всей дури врезал каблуком по носу ближайшему псу. От удара его башка мотнулась назад, мутант вышел из транса и перестал скулить. Ловко поднырнув под следующий мой замах, он впился зубами в локтевой сгиб брони и стал ожесточенно рвать ткань, несмотря на стекающую из разбитого лба кровь, застилавшую ему глаза.

— Ах ты сучонок...

С силой протиснув широкое лезвие «десантника» между рядами его зубов, я резко провернул нож, заставляя разжаться могучие челюсти. И тут же полоснул в сторону, рассекая слюнявые губы и горло почти до самого кадыка. Тварь отпрянула, зашлась в предсмертном кашле и упала, тряся головой.

Зато остальные двое, уразумев, что пси-атакой защиту двуногого не пробрать, свернули «воротники» и напали с обеих сторон одновременно. Атака получилась эффективной: им удалось сбить меня с ног и повалить на спину. Более того, раненный в переднюю лапу пси-дог в яростном порыве мести вцепился в горловину «Тигра» — видать, надеялся добраться до моей шеи. Чтобы отбросить гада от себя, пришлось отвлечься от борьбы со вторым псом и позволить тому навалиться на меня всей массой, стесняя движения.

На выручку подоспел Зеленый. Он прикладом сбил раненого мутанта с моей груди и зверским пинком откинул его к стене. Пока тот прядал ушами, очухиваясь, Зе-

леный успел всадить в него полдюжины пуль из «Орды». Урода разорвало в клочья.

Тут первый пес, воспользовавшись заминкой, сиганул по высокой дуге, врезавшись лапами мне в солнечное сплетение. Каркас брони выдержал удар, но меня снова приложило о пол. К тому же, как назло, внешнее стекло изгваздало пылью, портя обзор. Я попытался наугад рубануть ножом, но хитрая бестия подставила под запястье свой твердый лоб, и «десантник» отлетел в сторону. Через миг в сферу уткнулась безобразная морда. Сквозь пыльные разводы и противные нитки слюны я узрел разверзнутую пасть, высвеченную нашлемными фонарями аж до самого пищевода. Не исключено, что другого бы на моем месте обильно стошнило. Да и я, честно говоря, братцы, видал на своем веку картинки поаппетитней, чем клокочущая слизь и гнойно-розовые пупырышки в глотке пси-дога.

Ба-бах. Бах. Бах.

Кровавые брызги окончательно залепили мне стекло. Все, что я успел заметить, это осколки перебитых позвонков и мотнувшаяся на жгутах артерий, трахеи и пищевода башка.

Спустя мгновение все кончилось, и я почувствовал, как ослабла хватка мощных лап, которыми пес упорно штамповал меня к земле. Его тело дрогнуло и обрушилось на грудь увесистым, но уже безжизненным кулем. Зеленый скорее всего стрелял в упор, поэтому шею моему обидчику просто перерубило короткой очередью из автомата.

— Ты вовремя, брат. Спасибо, — поблагодарил я сталкера, отпихивая от себя обезглавленный труп пси-дога и поднимаясь на ноги.

— Сочтемся, — вздохнул тот. — Хабаром отдашь.

Не успел я толком оттереть стекло от мозгов, слюней и прочей шняги, как в наушниках зашипело. Раздался хлопок и отчетливый хруст. Я вскинул взгляд и с ужасом обнаружил, что Зеленый стоит напротив и удивленно смотрит на меня.

Его шлем-сфера был расколот напополам, а из-под коротенькой челки на лоб стекала тонкая извилистая струйка крови.

— Кажется, меня что-то... с-стукнуло, — запнувшись, сказал он и упал, словно ноги подрубили прямо у щиколоток.

Подхватить сталкера я не успел. Опустился на колено и осторожно вскрыл половинки шлема, словно расколотую скорлупу, — герметичность все равно была нарушена, и теперь треснувшие части только мешали. Голова Зеленого была безвольно откинута назад, глаза закатились. Я нащупал пульс, бегло оглядел рану и положил его затылком на рюкзак, чтобы язык не запал. Огляделся в поисках того, что могло так неслабо звездануть по прочной сфере и разбить ее.

Прямо скажем, ирония судьбы. Ну и ну, бывает же такое...

Оказывается, в суматохе завязавшегося боя мы не заметили под потолком тоннеля аномалию, которая теперь проступила во всей красе. «Трамплин» переливался в лучах моих фонариков, пульсируя и искажая в воздушной линзе контуры бетонного блока позади себя. Как правило, аномалии такого типа не образовывались в верхних частях закрытых помещений, поэтому нам и в голову не пришло, что ловушка может поджидать над головами. Она бы скорее всего так и осталась незамеченной до конца сражения, если бы не досадная случайность.

Я пошукал возле себя и без особого труда обнаружил эту «случайность». Расплющенная до неузнаваемости пуля, которая срикошетила и угодила прямиком в «трамплин». Аномалия, понятное дело, разрядилась: случайным образом изменила траекторию и придала ускорение попавшему в нее предмету. Прямо скажем, Зеленому повезло, что «трамплин» оказался слабенький и не разогнал «свинцовую таблетку» до сверхзвука. А то бы не отделался он разбитой каской, ссадиной на темечке да легким сотрясением мозга.

— Эк приложило, — хмыкнул Дрой, подходя и оглядывая нашу «скульптурную группу». — Чем?

— И смех, и грех, — сказал я, показывая на зависший над нами «трамплин». — Шальная пуля срикошетила.

— В рубахе родился. — Я разглядел, как за полупрозрачным стеклом сферы Дрой выпятил нижнюю губу. — Давай-ка приводи в чувства нашего зануду. Дальше двигать нужно, пока еще какие-нибудь твари нас не унюхали. Еле отбились от этих сявок.

Я крутанул пальцем у виска.

— Ты, видно, братец, соображалку повредил. Куда Зеленому без шлема-то? Под пси-излучение на западном Янтаре? Всё, не ходок он больше.

— И то верно, — нахмурился Дрой. Вопросительно посмотрел на меня. — Не оставлять же здесь одного? Тем более — тюкнутого.

— Не оставлять, — нехотя согласился я. — Придется кому-то прикрыть.

Гост подошел к нам, перезарядил магазин и тяжело опустился рядом с Зеленым.

— Я останусь, — тихо прошелестел его голос в наушниках. — У меня рана на шее открылась, кажется. Даже «пламя» не справляется. Надо подлечиться, чтобы кровью не истечь. Перевязка займет минут тридцать в лучшем случае, что может довольно серьезно притормозить наше продвижение и увеличить риск провала.

— Я «за», — почти не раздумывая, кивнул Дрой. — На обратном пути, даст бог, подберем вас.

Я довольно долго молчал, прежде чем вынести окончательное решение, параллельно оглядывая повреждение плечевой части собственной брони. Поганый пес разодрал внешнюю оплавку, но нижний слой остался цел, поэтому герметичность не нарушилась. И то хорошо.

С одной стороны, все было логично: сильная половина отряда продолжает движение и по возвращении забирает ослабевшую часть. А вот с другой. С этой чертовой «другой стороны»... Во-первых, мы теряем пятьдесят

процентов огневой мощи, а учитывая, что Зеленый тащил убойный «Шквал», все семьдесят. Ибо отягощать сейчас себя лишним стволом в ущерб мобильности мы с Дроем не можем. Во-вторых, шанс выжить у двух раненых сталкеров, по определению, гораздо ниже, чем у одного здорового. Не исключено, что на обратном пути нам некого будет подбирать.

Терять время и давать возможность собраться всем окрестным мутантам и поводить вокруг нас хоровод было бы крайне неблагоразумно.

Возвращаться назад, сводя к нулю эффект допинга и губя затраченные усилия, было бы неблагоразумно вдвойне.

В общем, птичка-интуиция подолбила-подолбила в затылке и смирилась с неизбежным.

— Сумеете продержаться пару часов? — без лишних объяснений спросил я у Госта, отдавая запасную армейскую аптечку и свой кровоостанавливающий артефакт «глаз».

— Постараемся, родной. Только возвращайтесь с цацкой. Удачи.

— Задерживаться не будем.

Мы с Дроем взяли оружие наизготовку и, расшвыривая разорванные в мясо трупы пси-догов, пошли по иссеченному осколками и пулями тоннелю. Под ботинками неприятно зачавкала чужая кровь.

Действие амфетаминов постепенно проходило, все чаще волнами накатывала усталость, снова стало простреливать ахилл.

По-хорошему, нужно бы сделать привал: отдохнуть и перекусить, — но терять времени сейчас никак нельзя. Аккумуляторы загруженного по полной «Тигра» разряжаются довольно быстро, да и Госта с Зеленым мы оставили не в лучшей форме. Нужно спешить.

Я глянул на датчики пси-излучения и радиации и ненадолго поднял забрало сферы. Достал из контейнера шоколадку, съел ее прямо на ходу. Дрой тоже открыл шлем.

— Ханку будешь?

— Нет.

— А я, пожалуй, хлебану.

— Тип, что накачивал нас наркотой, упоминал, что крайне нежелательно употреблять алкоголь в течение действия препаратов.

— Да мне по фиг. Не ради пьянства же, а чтоб радионуклиды вывести и нервишки размягчить. Твое здоровье, сталкер...

Он глотнул из фляжки водки, поморщился и обильно запил соком из военного сухпая. Захлопнул забрало, и довольное урчание тут же раздалось у меня в наушниках.

Через сотню метров пыль и гарь практически рассеялись. Мы увидали темные прямоугольники входов в лабораторные боксы и намертво застопоренные пассажирские лифты. По обе стороны выложенной пожелтевшим от времени и сырости кафелем площадки располагались лестницы, ведущие вниз. Стало быть, отсюда пожаловала недружелюбная стая шавок? Что ж, отлично, попробуем разворошить это нечестивое гнездо.

— Судя по карте, двигаться лучше через нижние уровни, — сказал я, всматриваясь в нарукавный экран ПДА. — Прямо будет центральный отсек, там большое скопление аномалий. А по минус первому ярусу можно обойти, здесь есть рукава-тоннели, в которых вроде бы поспокойней.

— Значит, спускаемся, — пожал плечами Дрой. — Надеюсь, черный полковник снабдил нас точной информацией.

— Тогда прошу.

— Я уже шел первым. Давай-ка теперь ты.

Я посмотрел вниз. В овальном световом пятне от фонарей рябили ступеньки, убегающие вниз до следующей площадки. Дальше обзор закрывала стена, а лестница поворачивала под прямым углом. С выгнутых дугой перил свисали длинные космы «ржавых волос». О как, даже в этом темном царстве прижилась жгучая зараза.

Несмотря на то, что детектор не сигналил о других аномалиях, я все же решил удостовериться. Достал болт и бросил его в проход. Железяка бодро зазвенела, прыгая по бетону, стукнулась о стенку и осталась лежать в пыли целехонькая.

Чисто.

Держась подальше от нитей «волос», чтобы лишний раз не портить и без того пострадавший комбинезон «Тигра», я начал спуск. Дрой двинулся следом, прикрывая тыл.

Через каждые пять-шесть ступеней нам приходилось притормаживать и прислушиваться к тишине, которая пульсировала внизу.

Внешнего освещения тут не было, поэтому я внимательно вглядывался в темноту, с натугой раздвигаемую нашими диодниками. После последовавших одна за другой схваток с псевдоплотью, контролером и пси-догами нервы пошаливали, скажем прямо. В какой-то момент я даже пожалел, что не составил компанию Дрою и не тяпнул с ним ханки.

Но Зона лукава: она умеет давать передышку. Мы добрались до следующего яруса без приключений и пошли по заваленному хламом коридору, по обе стороны которого попадались вышибленные вместе с косяками двери в лабораторные кулуары. Сканеры молчали, детекторы тоже. Если верить карте, скоро мы должны были обогнуть технические отделения энергоблока и выйти к основанию центрального отсека.

Я остановился и показал знаком: стоп. Дрой замер. Когда на пути долго не встречается ловушек, мне всегда начинает казаться, будто чего-то не хватает. Сопляки и невежды могут считать это паранойей и отчасти будут правы. Вот только без определенной степени мнительности и подозрительности сталкеры коротко Зону топчут.

Помещение, в которое вывел нас коридор, раньше служило комнатой отдыха. Об этом свидетельствовали

разваленный на части бильярдный стол, остатки мягкого уголка и плоский телевизор с давно вытекшей и засохшей жидкокристаллической массой. На одной из стен висел облаченный в ошметки врачебного халата скелет, пришпиленный сломанным кием. Это ж какой силищей надо обладать, чтобы через глазницу и череп вогнать кол аж на полметра в толстую штукатурку... Не иначе — мутант постарался.

Но меня насторожил вовсе не живописный интерьер, коих в Зоне с лихвой припасено на век вперед, а едва слышный звук, доносившийся из-за единственной железной двери, которая даже на вид казалась довольно крепкой. Поэтому сорвать ее с петель, наверное, никому в голову не пришло.

— Урчит, что твой кошара, — прокомментировал Дрой шепотом. — Думаешь, монстряга какой-то?

— Не знаю. На сканере ничего нет. По звуку напоминает голодного кровососа.

— На сканере много чего нет. Двигай мослами, нечего тормозить.

Рассудив логически, я был вынужден согласиться с его циничной репликой. Да и выбора у нас особого не оставалось: не возвращаться же, в самом деле, наверх, где так и так нужно будет переться через букет аномалий. К тому же не факт, что там вообще есть проход. Это, повторюсь, если мыслить логически и не принимать в расчет всякие побочные эффекты вроде того, что страх капитально сдавил очко на минус. Уж больно зверские картины рисовало воображение при попытке представить источник этого басовитого урчания.

— Чай не впервой, прорвемся, — решил подбодрить Дрой, видя, что я заколебался. — Максимум — умрем.

— Спасибо за моральную поддержку, — огрызнулся я, медленно приближаясь к приоткрытой двери. — Ты слышал, что умереть можно миллиардом разных способов? Так вот Зона, как правило, подыскивает среди них наиболее болезненные.

— Туфта, — категорически заявил Дрой и вскинул «Орду». — Сдохнуть можно единственным способом — навсегда. Остальное — это уже не смерть, а жизненные перипетии.

— Выразился ты дебильно, но глубокую философскую суть я уловил.

— Вот и славно. Открывай!

Дернув за ручку, я с удивлением обнаружил, что дверь не поддается: то ли заржавела, то ли перекосило ее. Тогда я сунул в щель ствол своего автомата и, орудуя им, как рычагом, навалился на приклад — сталь крепкая, должна выдержать.

С петель посыпалась ржавая труха. Дверь уныло заскрипела и поддалась.

Дрой тут же направил оружие в образовавшийся проем, но спускать курок не спешил. Я напрягся, дожал тяжеленную дверь до упора и, высвободив ствол, осторожно выглянул из-за его плеча.

Комната больше всего напоминала тесную подвальную теплушку под типовой хрущевкой: пол и стены из неплотно подогнанных плит, пыльные трубы, утепленные драной стекловатой, потемневший от сырости вентиль, ворох старых газет на полу — затхлость и запустение.

— Мой датчик показывает увеличение температуры, — сказал Дрой. — Котельная, что ли?

— В углу должен быть проход.

Урчание здесь слышалось гораздо отчетливей. Оно исходило из дальнего конца крошечного помещения, в котором виднелись каскады обвалившегося потолка с проблесками смятого в гармошку жестяного короба вентиляции. Грунт основательно просел.

— Приехали. Этот бархан за сутки не разгребешь. Уж лучше б тут и впрямь кровосос какой-нибудь сидел.

Я не отреагировал на скептическое высказывание Дроя. Если звук проходит, то должна быть отдушина или что-нибудь подобное. Аккуратно протиснувшись в теплушку, я нагнулся, разглядывая пространство под трубами.

— Там можно пролезть. Впритык, но можно.

— Попробуешь?

— Да, держи-ка рюкзак. Осторожней, его осколками порвало возле клапана, остатки снаряги не растеряй.

Пол был шероховатый. Я лег и по-пластунски пополз вперед, стараясь не повредить сочленения защитного комбинезона. Голову пришлось опустить, поэтому сквозь стекло я видел лишь неровности бетона и застывшие в растворе камушки. Когда первая труба осталась позади, я приподнялся на локтях, выставил автомат перед собой и огляделся.

— Как там? — спросил Дрой.

— Мечта клаустрофоба, — откликнулся я. — Присоединяйся.

Я попал в «карман»: небольшое свободное пространство объемом около кубометра, со всех сторон окруженное трубами и строительными блоками. На полу валялись куски стекловаты вперемешку с битым стеклом, и я с содроганием подумал, что стало бы с моей кожей, будь я без брони. А если учесть, что, судя по показанию встроенного в перчатку сенсорного датчика, температура ближайших труб была в районе семидесяти градусов, то оказаться в таком месте без защиты означало верную гибель. Изощренную и медленную. В интерпретации Дроя: жизненную перипетию с летальным исходом.

Отбросив фоновые мысли, я полез дальше.

На середине следующего отрезка меня остановил голос напарника:

— Минор, если трубы горячие — значит энергетические системы лабораторного комплекса в рабочем состоянии.

Я переварил этот в общем-то очевидный вывод.

— Ты намекаешь на то, что кто-то все еще тут эксперименты проводит?

— Я намекаю на то, чтоб ты двигал своей жопой бодрее. Убираться отсюда надо.

Крепко выругавшись, я прополз последние метры, распрямился и привалился к стене. Отдушины здесь не было, но обнаружился пролом в бетонной плите. О его происхождении я себе думать категорически запретил, чтобы не воображать стадо бешеных псевдогигантов в период случки.

Подергав за прочный трос, который мы заранее привязали к моему поясу, я отцепил карабин и сообщил:

— Здесь есть ход. Рюкзаки закрепил?

— Ага, тащи. Ползу следом.

Я стал подтягивать к себе наше снаряжение, постепенно сматывая трос в бухту. В наушниках послышалось ворчание и проклятия: Дрой был габаритнее меня и еле-еле помещался под трубами.

— И это при том, — самокритично прокряхтел он, высунув наконец башку, — что я намедни сбросил пять кило.

Я смахнул пыль с его стекла и знаком показал, чтоб заткнулся.

Басовитое урчание, которое мы по ошибке приняли за рык проголодавшегося монстра, было искусственного происхождения.

Через полминуты мы вдвоем застыли возле пролома, глядя, как в соседнем помещении возле дизельного генератора копошится зомбак. Мутант совершал замысловатые движения вспухшими от процесса разложения руками, будто заправский механик, намеревающийся починить агрегат. Те факты, что прямо ему в мурло светят наши фонари, а дизель и без того вполне себе исправно фурычит, похоже, работягу не особо волновали.

— Вроде один, — сказал Дрой, прицелившись в голову существу, бывшему когда-то ученым или техником. — Чудной какой-то, обычно зомби остро реагируют на свет.

— Стреляй, — произнес я.

Дрой плавно надавил на спусковой крючок и одиночным выстрелом снес мутанту полбашки. От грохота в тесном помещении у нас заложило уши.

Зомбак пошатнулся и повел рукой, словно хотел проверить, все ли у него в порядке с головой. Пальцы прошли сквозь пустоту, на месте которой совсем недавно была внушительная часть «выжженного» мозга. Такто, братец.

Вторым выстрелом Дрой развоpотил монстру грудь и отбросил его на поршни дизеля. Зомбак приложился спиной о кожух и отлетел в угол, складываясь пополам. Но тут же поднялся на ноги и повернулся в нашу сторону, будто только теперь заметил, что его уединение нарушили какие-то агрессивные придурки. Он удивленно воззрился на нас единственным оставшимся глазом и неожиданно резко швырнул гаечным ключом, который, оказывается, все это время держал в кармане рваной спецовки. Увесистая железка гулко ударилась в косяк, чуть не попав в забрало моего шлема.

— Во гад! — разозлился я, снося очередью остатки черепа горе-монтеру. Тело зомбака, лишенное головы, кулем осело на пол, и больше он не делал попыток запустить в нас чем-нибудь тяжелым. — А поначалу казался таким гостеприимным.

Дрой протиснулся через пролом и внимательно оглядел генераторную на наличие сообщников упыря. Не обнаружив, показал мне «о'кей» и резюмировал:

— Лично у меня эти зомби вечно оставляют неприятный осадок в душе.

Я спрыгнул вниз и набросил на плечи рюкзак. В противоположной стене помещения имелась распахнутая настежь дверь, за которой виднелся кусок коридора, плавно изгибающегося влево.

— Нам туда.

— Сам вижу. Пошли.

— Прощай, братец зомби, — обронил я, отодвигая полуразложившийся труп ногой и направляясь к проходу. — Наверное, ты был воистину крутым механиком, если сумел в невменяемом состоянии запустить дизель.

— Теперь аппарат будет топить котельную, пока соляра в баке не кончится, — хмыкнул Дрой. — Может, баньку соорудить, а?

— Я веник забыл в арсенале. Так что в следующий раз.

По всей видимости, Зона решила, что количество испытаний на единицу времени зашкалило, и действительно устроила нам перекур. По крайней мере в течение последующего часа мы брели по катакомбам без происшествий. Ни тебе больших скоплений аномалий, ни полчищ мутантов, жаждущих погрызть наши бесценные организмы, ни смертельных ловушек и непроходимых завалов. Тишь да гладь, прямо скажем.

В заброшенных коридорах и разграбленных комнатах царила тьма. Лучи наших фонариков выхватывали детали интерьера, делая путешествие похожим на плохо смонтированный фильм, где оператор отснял весь путь героя одним планом, но не озаботился плавностью склеек, и картина в конечном итоге получилась отвратительная. Камера то резко смещалась в сторону, то неожиданно приближала трансфокатором предмет, то дергалась вперед и отскакивала назад.

Там и тут попадались обломки мебели, детали сложных аппаратов, о предназначении которых мне уже никогда не узнать, истлевшие трупы людей и мутантов, с которых падальщики давно сточили вкусные ништячки. Кое-где были заметны следы разрядившихся аномалий, а в одной из шлюзовых перемычек когда-то бушевал настоящий пожар: гарь и копоть превратили стены и потолок в сплошное черное полотно, а в соседнем помещении валялись искореженные пламенем остатки системных блоков и мониторов.

Обогнув основание центрального отсека по широкой параболе, мы поднялись по лестнице и вышли к тоннелю, похожему на тот, который вел от бункера ученых. Только здесь, к сожалению, освещение не работало.

— Пси-фон сильно подскочил, — отметил я, продвигаясь вперед и тщательно вглядываясь во мрак. — Видимо, выход на поверхность не герметичен.

— Побриться бы, — невпопад ответил Дрой.

Я невольно почувствовал собственную двухдневную щетину и вспомнил, что брился последний раз в номере 92, аккурат перед тем неожиданным знакомством с Латой. А она, как ни крути, была хороша в постели. И размерчик — самое то...

— Что будем делать, если вернемся? — спросил я, чтобы отвлечься от опасных мыслей.

— Я надеру полковнику черную задницу, — бескомпромиссно заявил Дрой.

— Не боишься «нейротряса»?

— Мерзкая штука, согласен. Но нельзя же позволить этому ублюдку окончательно сесть нам на шею. Если удастся захватить управляющие наладонники, считай — повезло. А потом пошлем сигнал SOS в общую сеть, вкратце разъясним вольным бродягам и лидерам кланов, что за шарашку состряпали «чистонебовцы» с вояками. Пусть широкая общественность чутка озаботит этих мичуринцев. Параллельно прижмем ученых и заставим их вытащить инородную дрянь из наших черепов.

— Классный план. Всегда поражался твоей способности говорить просто о сложных вещах. Я почти не иронизирую.

— Чем богаты.

Мы некоторое время шагали молча, внимательно отслеживая на детекторах попадающиеся на пути неприятности. Обогнули вдоль стены слабенькую «гравикаракатицу», перепрыгнули через несколько «жадинок», выстроившихся в ряд, как на параде.

Я все-таки решился разузнать у напарника то, что меня самого волновало на протяжении последней пары часов.

— Можно личный вопрос?

— Рискни. Но если ты опять насчет моего прозвища — в морду дам.

— Что ты почувствовал, когда контролер залез в мозги?

Дрой ответил не сразу. Он не изменил темпа ходьбы, не повернул ко мне голову и даже, я был уверен, не моргнул, но у чуть слышного в наушниках шума слегка изменилась тональность. Ну а едва заметная пауза между вдохами, короткий присвист на грани восприятия и чересчур старательно выдержанный ритм выдали сталкера окончательно. Я, братцы, давно научился определять по «картине дыхания», когда человек волнуется, — это на самом деле не так уж сложно.

— Не буду скрывать: псионик глубоко залез мне в подкорку, — наконец признался Дрой. — Воспоминания разные, образы. Знаешь, бывает, когда испытываешь в жизни нечто такое... ну вроде не чувства и не мысли даже. Образы.

— Знаю. — Я уже сам пожалел о заданном вопросе. Слишком близко Дрой подкрался к моим собственным ощущениям, пережитым в те доли секунды, когда контролер зацепил сознание. — У меня эпизоды из детства и юности в памяти всплыли. А потом словно что-то произошло, и я стал падать в пустоту. Будто между моей прошлой жизнью и нынешней бытностью в Зоне был промежуток, о котором я ничего не помню.

— Может, он и впрямь был?

— Хватит пугать, и без твоих комментариев страшно.

— Сам первый начал... А в целом ты прав: страшно, — согласился Дрой, так и не повернув головы. — Но еще больше я боюсь этих новых артефактов. В них неизвестность почище твоего... промежутка. Просто так люди задом наперед не ходят, знаешь ли.

— Гляди-ка, колодец.

Тоннель упирался в необычное помещение ромбической формы с толстой кирпичной трубой посередине. В кладке зиял пролом, где, судя по единственной валяв-

шейся рядом петле, раньше была дверь. По обе стороны этого колодца были навалены бетонные блоки, которые перекрывали проход. Вся конструкция с первого взгляда казалась нелепой, но мне сразу стало понятно ее практическое назначение: отсечь ударную волну при взрыве. Оригинально задумано.

Дрой скрупулезно проверил, не заминирован ли дверной проем, и молча кивнул мне. Я бросил внутрь болт, прислушался. Болт глухо ударился об пол. Ничего. Решительно выставив вперед ствол, я заглянул в колодец. Нашлемные фонари высветили неоштукатуренные кирпичи на противоположной стене, ошметки мха, неразборчивую надпись, выцарапанную гвоздем.

Я повернул голову и посмотрел вверх. Железная лестница, державшаяся в кладке на кронштейнах, убегала по отвесной «кишке» метров на пятьдесят и терялась во тьме. Даже отсюда было видно, что некоторые ступеньки прогнили и переломились.

Собравшись с духом, я выдохнул:

— Полез.

— Ржавчиной не сыпь.

Мы стали осторожно подниматься. Примерно на половине пути я оступился и чуть было не сверзился на ползущего следом Дроя. Ботинок чиркнул по его сфере, но я успел зафиксироваться. После прослушанной витиеватой тирады в свой адрес, состоящей из мата и предлогов, я стал взбираться аккуратней — ступени еле-еле держали вес нашей брони и амуниции.

Наконец мы подобрались к поверхности и уперлись в люк. Крышка лежала неплотно, в дугообразную щель пробивался косой солнечный луч, вычерчивая на стене затейливый рисунок.

Датчики пси-фона здесь зашкаливали, поэтому терять времени было нельзя. При такой интенсивности внешнего излучения защита «Тигров» выдержит минут сорок, не больше. А нам, между прочим, неплохо было бы и обратно вернуться.

Я попробовал сдвинуть крышку, но тут неожиданно обнаружилось, что она прикреплена за ушко проволокой, скрученной винтом. Кусачками такую не взять: слишком толстая.

— Долго еще будешь меня всякой шнягой со своих говнодавов обсыпать? — раздраженно поинтересовался снизу Дрой.

— Молись, чтобы не срикошетило, — откликнулся я. После чего уперся локтем в стену и из крайне неудобного положения выстрелил в наименее прочное, по моим прикидкам, место.

Уши вновь заложило. Пуля задела проволоку вскользь и со свистом ушла по касательной куда-то в небо. Придержав автомат, чтобы не упал, я достал из кармана кусачки и довершил начатое.

Клац.

Крышка поддалась и со скрежетом отъехала в сторону. Рванувшиеся в подземелье яркие солнечные лучи на некоторое время ослепили нас, заставив зажмуриться и делая уязвимыми для потенциального противника. Даже поляризационное стекло сферы не успело среагировать на резкую смену яркости освещения. Благо дело, поблизости не обнаружилось желающих воспользоваться нашей секундной дезориентацией в корыстных целях. В противном случае, братцы, казус мог бы выйти неимоверный.

Когда глаза аккомодировались к солнечному свету, я быстро оглядел окрестности, стараясь при этом особо не высовываться и не крутить башкой, чтобы не превратиться в легкую мишень.

Скажем прямо: увиденное меня очень-очень сильно огорчило.

Сзади виднелся распадок и котлован, залитый фосфоресцирующей водицей, в которую я бы ни за какие коврижки не рискнул сунуться. Между ямами и ухабами торчали несущие основы давно рухнувшего железнодорожного моста. В подсохшей грязи застыла «морда» электровоза, подточенная коррозией. Локомотив груст-

но таращился на меня пустыми глазницами выбитых ветровых окон. Было заметно, что все оборудование, которое можно было с него свинтить, давно свинчено. Ни дорог, ни даже тропок в сторону восточного Янтаря не было заметно. Что ж, это хотя бы объясняло, почему полковник отправил нас под землей: по поверхности от бункера ученых сюда добраться было бы попросту невозможно. Видно, здоровски сумасшедшие профессора тут пошалили со своими экспериментами, если целый котлован мерцающей жижей затопило.

Но этот факт меня сейчас особо не тревожил. Нешуточное беспокойство вызывал западный пейзаж — ведь именно в эту сторону нам предстояло идти за «бумерангом».

Наискосок от колодца стояло заброшенное двухэтажное здание с пустыми оконными проемами, в которых, при желании, легко мог притаиться снайпер. Но уверен, что даже самый отмороженный любитель наживы добровольно не стал бы устраивать здесь засаду, потому как рядом возносилась в небо радиотрансляционная вышка, да такая огромная, каких я ни разу в Зоне раньше не видел. Мне не доводилось бывать в этих гиблых местах, и надеюсь, никогда больше не доведется, но я даже представить себе не мог, что подобная конструкция могла сохраниться в пределах Периметра, и на протяжении стольких лет никому не пришло в голову завалить ее к чертовой матери.

Дело в том, что высота вышки была метров сто пятьдесят, никак не меньше.

Демоны Зоны! Да такой естественный ретранслятор, наверное, от самого Радара пси-волны принимает и по всей округе разносит! Теперь понятно, почему расчетливый негр Рома не захотел отправлять в эту душегубку своих людей...

Дрой толкнул меня под зад, и я полностью выбрался на поверхность. Он вылез за мной, огляделся и нахмурился.

— Почему здесь так тихо?

— Меня это тоже настораживает.

— Судя по высоте дурынды, она должна была давным-давно всем окрестным лузерам мозги выжечь.

— Вот именно. А я не вижу колонн марширующих зомбаков. Тут что-то не так... Ученые эксперимент проводили два месяца назад, а вокруг запустение: будто много лет ни человек, ни мутант не проходил.

Дрой посмотрел на экран своего ПДА.

— Помехи сильные.

— Если верить карте, нам нужно подобраться к основанию этой штуковины.

— Кто первым пойдет?

— Твоя очередь. И гляди в оба: при таком фоне детекторы и сканеры нам не помощники.

Дрой пожал плечами и молча двинулся вперед, раздвигая стволом жухлый бурьян и внимательно глядя под ноги.

Я пошел за ним, ступая след в след и держа дистанцию. Среди высокой сорняковой поросли попадались обломки выцветшей мебели, жестяные банки из-под краски с неузнаваемыми логотипами на истлевших этикетках, обгоревшие глиняные черепки и рваные тряпки, автомобильные детали. Создавалось впечатление, что давным-давно здесь подорвали автоколонну, и хабар, который был в грузовиках, рассыпался по земле. Все заросло травой и осталось навек лежать среди этой давящей тишины.

Через несколько минут мы спустились в неглубокий овраг, где сквозь бурелом пришлось продираться уже с силой. Ни тропинки, ни лазейки — в таких местах не заметишь, как в «кисель» вляпаешься, и ноженьки в холодец превратятся.

Внезапно Дрой резко остановился, и я чуть было не вписался шлемом в его спину.

— Что там?

— Глянь-ка. Затейливо лежит.

Я уставился на труп в комбинезоне небесно-голубого цвета. Сталкер из «Чистого неба» смотрел в солнечную высь широко раскрытыми глазами, будто любовался далекими облачками, а не валялся тут уже мертвяк мертвяком пару суток. Видимых повреждений на его скафандре я не заметил, хотя... много ли надо для разгерметизации. И все же. Все же. Птичка-интуиция поскребла своим востреньким клювиком затылок, давая понять: этот молодой парень двинул коньки вовсе не от пси-излучения. А вот поза его и впрямь была затейливая — точное слово Дрой подобрал.

Коленные и локтевые суставы были вывернуты неестественным образом, словно конечности долго выкручивали. Но от столь страшных пыток человек должен был в дугу изогнуться, а на лице мертвого сталкера застыло удивленное выражение. Быть может, с примесью растерянности, но уж никак не страдания от невыносимой боли.

— Такое ощущение, что ему ноги-руки вывихнули уже после смерти, — сказал Дрой, дернув плечами. — Бр-р... Жуть.

Я не ответил. В мозг заползла идиотская мысль о том, что суставы могут быть настолько подвижными лишь у младенца. Я прекрасно понимал всю абсурдность этого предположения, но какие-то смутные догадки назойливо вертелись в голове призрачными светлячками и ни в какую не желали приобретать отчетливых форм.

— Так или иначе, — наконец произнес я, — полковник был большая сука.

— Он предупреждал, что посылал своих архаровцев, а те не вернулись.

— Да-да. Пойдем дальше.

Дрой кивнул и продолжил двигаться к опорам вышки. Через минуту он сказал, не оборачиваясь:

— Он очень странно помер, этот «чистонебовец». Я много смертей в Зоне повидал, но тут что-то новенькое. Не аномалия, не мутант, не пуля.

— Мало ли, — неопределенно ответил я. Развивать тему желания не было. — Ты под ноги лучше смотри.

У бетонного основания исполинской конструкции мы обнаружили еще полдюжины бедолаг в лазурных комбезах с чудовищным образом вывернутыми конечностями. Меня аж передернуло от вида этакой кунсткамеры. Складывалось впечатление, будто люди в один миг лишились суставов, да так и попадали наземь в неудобных позах. Никаких следов насилия не было заметно, стеклянные сферы на шлемах оставались захлопнутыми, оружие валялось рядом. А некоторые «чистонебовцы» продолжали сжимать автоматы в окостеневших пальцах.

И все те же растерянно-удивленные взгляды. В никуда.

— Страньше и страньше. — Я шмыгнул носом. — Времени на похороны нет: уж не обессудьте, братцы.

— Давай скорее искать артефакт и убираться отсюда. — Дрой покосился вверх, но тут же отвел взгляд от уносящихся под облака железных труб вышки. — А то вот как встанут эти трупаки сейчас, как начнут задом наперед ходить. У меня тонкая душевная организация, могу больше подобного зрелища и не вынести.

В течение десяти минут мы обследовали подножие вышки и пустое здание, стоявшее неподалеку. Внутри дома, который раньше, по всей видимости, был жилым, практически ничего не осталось. Средь голых стен с ободранными лоскутами обоев валялись куски штукатурки, гнилые щепки, куски пластика. На втором этаже когда-то располагалось прибежище сталкеров: на полу черной звездой впечатались остатки кострища, в углу ржавели консервные банки, а под лестницей обнаружился разграбленный схрон. Никаких намеков на аномалии, никаких следов, никаких бесхозных артефактов.

— Зашибись в рейд сходили, — подытожил Дрой, когда мы спустились на улицу. — Негр точное место указал?

Я открыл на барахлящем от сильных помех ПДА карту и сверился.

— Да, это. К тому же дальше нам все равно не уйти — здесь граница пассивной зоны «нейротрясов». Сотней метров западней, и скрючимся.

— Резерва скафандров осталось минут на двадцать. Что делать будем?

— Искать. Или у тебя есть иные...

По воздуху пробежала волна, словно нечто всколыхнуло саму материю, как простыню. В наушниках засипело. ПДА моментально вырубились.

Мы застыли на месте, опасаясь лишний раз вздохнуть.

— Наверное, я сейчас должен признаться, что сошел с ума, — прошептал Дрой, глядя за мою спину.

— Не пугай меня. — Я не спешил оборачиваться, всем естеством ощущая чужой взгляд. — Что там?

— Я по порядку, хорошо? Во-первых, на стене здания появился знак, нарисованный черной краской. Думаю, уточнять, какой именно, нет смысла.

— Нет. А во-вторых?

— Во-вторых... — Дрой неуловимым движением снял «Орду» с предохранителя. — К нам, кажется, гости пожаловали.

— Много?

— Трое. Но один из них обвязан динамитом что твой шахид.

— Мародеры?

— Если бы. Зомби.

Я решил, что ослышался. Ну, положим, на остаточных рефлексах запустить дизель эти безмозглые твари еще могли. Но для совершения такого осознанного действия, как облачение в «пояс смерти», необходимо было иметь хоть что-то в голове, кроме выжженного месива. Неужто и тут не обошлось без ведома контролера?

В наушниках снова зашипело, хлопнуло, и связь прервалась. Главное, чтобы аккумуляторы и дыхательные контуры не переклинило, а то ведь в считанные минуты окочуримся.

Я очень медленно повернулся.

Двое зомбаков вывели третьего из-за угла дома и остановились. Один держал в руках винтарь «Лавина» с модернизированной «оптикой», а второй — пульт взрывателя, подключенного к детонатору через простенький шнур. «Заложник» был обвязан таким количеством оранжевых шашек, что рвани эту ходячую бомбу здесь, думаю, и на Кордоне слышно будет. Приготовленный к принесению в жертву зомбак послушно топтался на месте, опустив длинные руки, и не делал попыток снять с себя помигивающий красным глазком детонатор. Он время от времени неуклюже одергивал жилет, нашпигованный динамитом, будто тот ему жал.

Мутант отличался огромным ростом и внушительными габаритами. Он сильно сутулился. Привычка, видимо, осталась еще со времен его бытности человеком: люди, стесненные большими размерами своего тела, горбятся именно так. Картину дополняло отсутствие у великана одного глаза. Циклоп, не иначе.

А позади зомбаков, на стене здания, которое мы только что досконально проверили, темнел знакомый символ бесконечности с пририсованной рядышком стрелкой «вверх». Я машинально поднял голову в надежде увидеть, куда она указывает, и взгляд мой уперся в монументальную конструкцию радиотрансляционной вышки.

— Минор, — тихонько позвал Дрой, упорно не смотря вверх. — Я высоты боюсь.

Без усиленного наушниками сигнала слова его звучали глухо, словно через толщу воды.

Я ответил:

— Если бы мне не было сейчас жутко до усрачки, то стало бы смешно.

— Я серьезно, кретин. Или... ты тоже боишься?

— «Срочка» в воздушно-десантных войсках, две сотни прыжков с самолета и увлечение бейс-джампингом. Нет, Дрой, я не боюсь высоты. Я боюсь вот этих чурбанов с детонатором и хреновин, которые у нас с тобой в башке.

— С террористами понятно, я и сам очком орехи колоть могу от страха. Но при чем здесь «нейротряс»?

— А при том. Замечательный стратег Рома, пристегивая этот «поводок», продумал все варианты, кроме того, что кому-то из нас придется подняться над землей на сотню-другую метров и выйти за границу пассивности маячка по вертикали, а не в горизонтальной плоскости. Втюхал?

— Мама-перемама. — Дрой невольно покосился на вышку. — Об этом я не подумал.

Левый зомбак-конвоир неожиданно толкнул винтарем «заложника», и вся святая троица неспешным шагом направилась в нашу сторону. А когда обвязанный взрывчаткой гигант возвел желтое око горе и утробно захохотал, мне, братцы, окончательно поплохело.

— Хабар-р-р! — провозгласил правый зомби и небрежно потряс пультом, отчего у меня поджилки скукожились. — Хаба-ар-р!

— Иди сюда, возьми, — хамски крикнул в ответ Дрой и шикнул мне: — Чего ждешь? Лезь.

— А ты? — тупо прошептал я.

— Лезь, кому говорят. Авось договорюсь с этими саперами доморощенными. Если «нейротряс» врубится — микрофон зубами сожми, а то язык прикусишь, чего доброго, и сверзишься мне на башку.

— Ты умеешь поддержать в экстремальных ситуациях, — огрызнулся я, скидывая рюкзак и пятясь к основанию вышки. — Вернемся, подарю тебе учебник по психологии.

Вблизи стальная конструкция казалась воистину исполинской. Каждая из четырех толстенных «ног» крепилась к железной втулке, больше похожей на бочку, а те, в свою очередь, были привинчены к бетонной плите здоровенными болтами. Сами несущие стержни наверняка уходили в глубь фундамента на несколько метров.

Я подошел к железной лесенке и пнул ее ногой. С поручней посыпалась ржавчина, но удар прутья вы-

держали. Оставалось надеяться, что мне повезет и несколько факторов сложатся удачно: поперечины лестницы выдержат, Дрою удастся отговорить зомбаков поднимать всю округу на воздух, а артефакт, если он вообще есть на этой вышке, находится на высоте менее ста метров.

Ну а ежели какое-либо из условий задачи не будет выполнено — хотя бы даже одно-единственное, — мое бесценное тело перестанет функционировать в самые наикратчайшие сроки. В целом получится крайне обидно, хотя лично мне при подобном раскладе все уже будет до лампады.

Ситуация, прямо скажем, оставляла желать лучшего, но выбор у меня отсутствовал.

Я сосредоточился на предстоящем подъеме и строго-настрого запретил себе думать о том, что «чистонебовцы» с вывернутыми суставами на самом деле не погибли в неведомой аномалии, а попадали наземь при попытке штурмовать вышку. Воображение в такие моменты лучше обуздать.

— Поехали, бейс-джампер. Как в старые добрые времена, — подбодрил я сам себя и стал взбираться, ловко перебирая руками и стараясь ставить ботинки поближе к основаниям перемычек, чтобы на центральную часть приходилось поменьше нагрузки.

Преодолев первые метров двадцать, я остановился перевести дух. Допинг уже переставал действовать, ресурс выносливости организма был на исходе. Кровь гулко ухала в ушах при каждом ударе сердца, зрение то и дело расфокусировывалось, дышать становилось труднее с каждой минутой. Я нащупал языком капсулу с аналептиком, заранее закрепленную на дужке микрофона, отправил ее себе в рот и проглотил. На некоторое время должно полегчать.

Выстрел заставил меня вздрогнуть. Оборачиваться и смотреть, что там внизу произошло, было крайне неудобно, но по знакомому хлесткому звуку я с облегчени-

ем определил: стреляли из «Орды». Впрочем, облегчение было секундным, потому как тут же пришла мысль: теперь зомби точно рассердились и вот-вот взорвут своего специально обученного циклопа.

— Двигай мослами! — донесся голос Дроя сквозь гомон и вновь возникшие в наушниках помехи. — Кажется, они вконец осерчали.

После этого грянуло еще несколько выстрелов, среди которых я с огромным неудовольствием распознал «тенор» снайперской «Лавины».

Помочь Дрою в этой ситуации я никак не мог, поэтому стал с удвоенной энергией перебирать конечностями, взбираясь по узкой лестничной шахте, ограниченной лишь тонкими прутьями. Радовало одно: аналептик вроде бы подействовал, и дышать стало легче.

Раз-два, раз-два-три-четыре. Ногу, вторую ногу, руку, вторую руку. Ногу-ногу, руку-руку. Три динамические точки опоры. Раз-два, раз-два-три-четыре. Позади остались еще несколько метров. Остановиться, оглядеться. Возможно, чертов «бумеранг» застрял между вот этими скрещенными фермами или возле той арматуры? Нет, не видно. Птичка-интуиция предательски затаилась и молчит.

Раз-два, раз-два-три-четыре. Ногу-ногу, руку-руку-ногу-ногу...

Здесь, на высоте, казалось, что солнце светит ярче, чем около земли. Косые лучи били сбоку, выделяя фактуру облупившейся краски на железных столбах. Возле перемычек, где крепились средние тросы-держатели, я снова притормозил, ощущая, как прибавил мощности ветер. Его порывы стали сильнее толкать в грудь, словно воздушная стихия предупреждала: все, дружок, здесь точка невозвращения, дальше — никаких гарантий.

И предупреждал, к сожалению, об том не только ветер, но и желтый огонек, вспыхнувший на рукаве «Тигра» возле ПДА. Вживленный в голову чип перешел в режим активного ожидания. Еще чуть-чуть — и «ней-

ротряс» вышибет из меня дух, заставив от боли разжать руки...

— Отставить, — произнес я вслух, перекрикивая шум воздушного потока. — Эта грёбаная цацка должна быть где-то рядом.

Прежде чем продолжить подъем, я скосил глаза вниз и на мгновение залюбовался пейзажем. С такой высоты Зону я еще не видел. В открывшемся отсюда зрелище было что-то завораживающее и даже величественное.

К западу тянулось редколесье со светлыми круглящами лугов, которые словно кто-то специально нарисовал в шахматном порядке. Через несколько километров эта череда резко обрывалась. Там пролегала полоса отчуждения и защитные сооружения Периметра. На востоке виднелись коробки строений, пулеметные доты и далекий «волдырь» бункера, где сейчас поганый полковник ждал нас с добычей. Между Янтарем и вышкой лежали сплошные развалины, овраги, нагромождения строительного мусора. А на берегу высохшего озера зияла глубокая воронка. Ни хрена себе! Ученые тут и впрямь порезвились не по-детски. Южная часть пейзажа была скрыта под плотным пологом тумана, в редких разрывах проглядывали лишь отблески заводей и темные крыши ангаров Агропрома. Ну а северный сектор представлял собой хитрое переплетение заброшенных поселений, через которые тянулась ниточка железнодорожных путей в сторону Лиманска, загадочного города, в котором мне еще не доводилось бывать. Впрочем, я и не горю желанием.

С первого взгляда Зона представлялась пустынной землей. Но я-то знал, что это ложное ощущение. Зона — жива. Жива, несмотря на то, что несет смерть непрошеным гостям. Во-он едва заметно отсюда искрит целый каскад «электр» между стеной пятиэтажки и остовом экскаватора, а там, у берега речушки, гуськом движутся темные фигурки — это сталкеры бредут в рейд за немудреным хабаром. А если присмотреться получше, то мож-

но заметить даже военный джип, ползущий по струнке западного шоссе.

Эта стихия пульсирует в своем, одной ей ведомом ритме. И я уже давно существую и дышу в унисон с ней...

Раз-два, раз-два-три-четыре. Три динамические точки опоры. Ногу-ногу, руку-руку-ногу-ногу.

Десять ступенек. Еще пять...

Ох!

Голова заболела резко. Сквозь виски будто пропустили разряд тока, и я от неожиданности чуть было не сорвался с лестницы. В глазах потемнело, и мне пришлось приложить немыслимые усилия, чтобы перебороть боль и не разжать пальцы. Я скрипнул зубами, но перемычку не выпустил.

На рукаве мерцал красный огонек, под перчатками скользил прут, колени подгибались, а проклятого артефакта так и не было видно.

Неужели это все чей-то большой и несмешной розыгрыш?

Господи, как череп-то ломит...

Бах-бах-бах.

Что это? Выстрелы? Или в мозгах так навязчиво стучит от дьявольского «нейротряса»?

Я чудовищным усилием воли заставил себя перестать стонать и открыл глаза. Роговицу резало, словно внутренняя сторона век была оклеена наждачкой. Взгляд не желал фокусироваться. Внутри черепной коробки продолжали звенеть колокола, а болезненная пульсация под височными костями не давала сосредоточиться.

И все же это было не так ужасно, как в прошлый раз, когда полковник впервые продемонстрировал мне действие «нейротряса». Я не потерял сознание и не забился в судорогах, я сохранил способность рассуждать. И не важно, чем было обусловлено ослабленное воздействие передатчика-маячка — наложенной волновой структурой пси-поля или еще какими-то факторами, — важно, что я мог преодолеть боль.

Снизу прозвучал еще один выстрел, и сквозь шум ветра и скрежет помех до моих ушей долетела неразборчивая ругань. Кажется, Дрой крыл матом и зомбаков, и нашего чернозадого нанимателя, и стервозную Лату, и меня самого. Видать, его там крепко прижали.

Превозмогая трепещущую боль в голове, я разжал пальцы и взялся за следующую ступеньку. Подтянулся, стискивая зубы от нахлынувшего ощущения поражения.

Черта с два. Минора так просто не сломаешь.

Ну-ка...

Ногу.

Руку.

Ногу-ногу, руку-руку-ногу-ногу. Раз-два, раз-два-три-четыре.

Перед глазами за мутной пеленой запотевшего стекла вновь замельтешили перекладины. Они складывались в ритмичный узор, будто смотришь на бок зебры. Черные на фоне сине-серых облаков, висящих над северными районами Зоны.

Ползти становилось все тяжелее. Дыхательный аналептик уже не спасал, заряд батарей бронекостюма подходил к концу. Мне стало не хватать кислорода, начался перегрев. Обидно. Ведь даже если я сейчас найду артефакт, вернуться уже не успею. А сняв шлем, не проживу и пары минут. Точнее, я буду жить еще долго, только так же, как эти безмозглые зомби, — в примитивном мире иллюзий.

Кстати, о зомби. И как Дрою удается до сих пор сдерживать эти ходячие куски мяса от совершения феерического суицида? Из него мог бы выйти отличный переговорщик...

Мысли начинали путаться и сбиваться.

Отставить. Ни в коем случае нельзя давать слабину и терять концентрацию.

До промежуточной площадки оставались считанные метры. Стальная пластина с прямоугольным люком была закреплена между распорками, к которым примыкали

верхние тросы-держатели. На боковом кронштейне болтались остатки кабеля и кусок антенны. Меня уже основательно мутило, из глаз текли непрошеные слезы, мышцы были «забиты» молочной кислотой и работали на последних резервах.

Я с хрипом подтянулся и перевалился через приваренный бортик.

Рифленый пол площадки словно бы магнитил мою спину, так тяжело было от него оторваться и подняться на ноги. Ветер жестоко трепал внешнюю оболочку комбеза и оборванные клочки ремня, с которого еще в подземелье осколком сорвало резервный контейнер для переноски артефактов. Хлопал расстегнувшийся клапан кармана, из которого давно вывалился вонючий «пузырь».

Когда я сумел встать, то чуть было не свалился вниз: пространство с западной стороны вышки выгнулось дугой, заставив невольно отшатнуться. Сначала я решил было: галлюцинации от гипоксии, но почти сразу понял, что это такая же «волна», какую мы уже видели с Дроем внизу перед появлением пресловутого символа.

В следующий миг я моргнул и увидел в шаге от себя скрученную спиральку «бумеранга». Боковой изгиб артефакта отливал бордовым глянцем в ярких лучах солнца и магически притягивал к себе взгляд, хотя я мог поклясться: секунду назад цацки здесь не было.

Снизу раздался треск автоматной очереди.

Времени на размышления не осталось.

— Другой бы на моем месте... — начал я вслух, но осекся и поморщился. Голос разнесся болезненным эхом по черепу, завибрировал в районе переносицы, стукнул по вискам. — Но я, братцы, пуганый.

Передвинув ногу, я наклонился, чтобы поднять заветный артефакт, и упал на колено. Голова мотнулась в сторону, но я сумел удержать равновесие, хотя неприятно ударился плечом о несущую конструкцию. Ветер услужливо подтолкнул меня к краю, я не поддался. Сграбастал в кулак «бумеранг», ощущая, как от него сквозь многослой-

ную ткань перчатки струится энергия небывалой силы. Энергия, с помощью которой можно управлять не только отдельными существами, но судьбой самой Зоны... А ведь не зря Болотный Доктор меня предостерегал.

Жаль, правда, что мне уже никогда не доведется испытать безграничного чувства свободы, избавления от предопределенности и не получится насладиться всей мощью артефакта, случайно оказавшегося в моем распоряжении.

Ведь воздуха для дыхания уже нет.

Осознание этого факта пришло внезапно и отодвинуло на второй план даже жуткую головную боль.

Я пару раз автоматически хватанул ртом углекислый газ, и руки сами собой потянулись, чтобы сорвать мешающий шлем-сферу...

Рассудком я понимал, что разгерметизация здесь равноценна смерти, но организм категорически требовал кислорода. По большому счету, мне предстояло выбрать, какой из способов суицида предпочесть: медленный, позорный и мучительный или просто медленный и мучительный.

Впрочем, был и третий.

— Хрена с два, — твердо произнес я, снимая «Орду» с предохранителя и отключая систему распознавания целей, чтобы оружие можно было применять и против хозяина. — Если кого обидел или хабаром не отплатил — не держите на меня зла, братцы.

И тут произошло то, ради чего я до сих пор терплю своего мозгового паразита и позволяю ему гнездиться в черепной коробке. Птичка-интуиция так шарахнула мне изнутри по затылку, что я чуть ствол не выронил.

Далеко внизу, там, где линейная перспектива почти сводила опоры вышки в одну точку, стоят трое зомби и мой напарник. Перестрелка ни к чему не привела, и через секунду один из безмозглых уродов вдавит кнопку на пульте управления, сработает капсюль-детонатор, и полцентнера абсорбента с селитрой превратят в воспомина-

ния двухэтажное здание, фундамент конструкции, на которой я нахожусь, Дроя, самих тупоголовых зомбаков и сотню-другую кубометров грунта в придачу.

Через секунду.

Демоны Зоны, откуда я знаю об этом?

Жужжащие мысли вдруг сыпанули в разные стороны от возникшего желания изменить события этой еще не случившейся секунды. Во что бы то ни стало поменять ход истории, разорвать череду еще не произошедших мгновений, которая неминуемо должна была привести к нашей гибели и фиаско всей скотской операции, инициированной руководством «чистонебовцев».

Я сделал шаг к краю. Без замаха бросил «бумеранг» вниз.

И в этот миг меня ослепила необычайно яркая вспышка, по сравнению с которой солнечный свет мог бы показаться сумрачным. Ударная волна устремилась к площадке, сокрушая все на своем пути.

Десять метров. Двадцать. Пятьдесят.

Огненная геенна взбиралась по трубам вышки с огромной скоростью, но, несмотря на это, глаза успели запечатлеть каждую деталь несущегося навстречу вихря.

Я видел, как взрыв корежит конструкции, вырывая из бетонного крошева стальные болты. Видел, как призрачно-оранжевое облако возносит в небо пыль, осколки приклада винтаря и мелкие куски того, что только что было зомбаками. Видел, как приближается спрессованная чудовищной силой воздушная линза, в самом центре которой вертится растянутый в неровное кольцо шлем Дроя с бурой кашей мозгов.

А навстречу всему этому хаосу летел артефакт.

Его падение замедлялось. Сияние, исходившее с поверхности ленты Мёбиуса, становилось сильнее. Нарастал знакомый стонущий звук, перемежаясь с зубодробительным скрежетом ломающихся опор и рвущихся нижних тросов, который, по законам физики, не мог добраться до моих ушей прежде грохота взрыва.

Но вокруг этой чертовой вышки что-то изменилось в самом пространстве-времени, и я уже не мог с уверенностью сказать, какое событие произошло раньше, а какое позже на протяжении этой долгой секунды.

Поравнявшись со мной, первый осколок остановился, завис и рассыпался в пыль. За ним рассыпчатой взвесью метнулся в оживающих потоках ветра второй. Лопнул третий.

Я смотрел на застывшие осколки бетона, на изуродованные детали оружия, на раскаленные куски металла. И на моих глазах все это распадалось на мельчайшие частицы, превращалось в тлен, теряло форму, становясь хаотичным набором атомов. Что за неведомая сила могла менять структуру самой материи?

Я вспомнил, как капли дождя превращались в пар на заброшенном кирзаводе, где я не поделил «бумеранг» с Бесом. Вспомнил, как разметало жрачку со стола, когда сплавились наши с Гостом цацки.

Картинка застыла лишь на неуловимое мгновение.

Словно мироздание наглядно показало мне: вот что бывает, малыш, когда лезешь своим любопытным носиком в законы судьбы.

А затем кадр сменился.

Искаженная линза ударной волны, корежащая толстенные трубы вышки, встретилась с падающим артефактом...

Мир превратился в негатив.

И пришла такая боль, что сомнительные прелести «нейротряса» показались манной небесной. Сознание катапультировалось из тела.

Хлобысь, и всё.

Ни тебе радужных эффектов, ни ощущения срыва в пустоту, ни постепенного угасания визуальных образов и затухания шума.

Просто — тьма и тишина.

Глава седьмая. Лата

Сознание вернулось рывком. А я, как назло, находился не в самом подходящем для этого момента положении: висел у стены колодца в позе эмбриона, держась одной рукой за скобу-ступеньку и упираясь коленом в торчащий из кирпичной кладки кронштейн.

В шахту падал неяркий утренний свет.

Не успев сориентироваться, я сорвался и сверзился на голову Дрою, который возился подо мной. Благо дело, это произошло у самого дна, а то бы костей не собрали. Стекло шлема щелкнуло, и я наконец со свистом втянул в легкие живительный воздух, которого так не хватало там, на вершине этой проклятой вышки.

Дрой витиевато выругался, отполз в сторону и распахнул зажмуренные глаза. Медленно отнял руки от лица, все еще не веря, что психованные зомбаки с обвязанным динамитными шашками «циклопом» исчезли. Растворились, словно кошмарный сон, вместе с радиовышкой, изломанными трупами «чистонебовцев» и ярким солнцем над пронизанным пси-энергией западным Янтарем.

Рядом со мной грохнулся Зеленый с увесистым «Шквалом» на плече. Вслед за ним сполз вдоль лестницы растерянно озирающийся в полумраке Гост.

Сверху послышались неразборчивые голоса, скрежет задвигаемой бетонной плиты. Свет исчез, оставив нас в кромешной темноте промозглого подземелья.

Я ощупал свое тело и с удивлением обнаружил, что кости не поломаны и серьезных повреждений нет. Постреливал ахилл, все еще основательно гудело в голове, ныли утомленные интенсивным подъемом мышцы, но я был цел.

Первым зажег налобник Гост.

— Голова кружится, — сказал он. — Стукнулся, что ли...

— У меня тоже, — признался Зеленый, щупая пальцем засохшую корку крови на лбу. — Меня чем-то здорово приложило. Так и знал: все скверно кончится.

— Где зомбаки? — оглядывая пахнущий сыростью тоннель, спросил Дрой. — Минор, кажется... — Он осекся. Потер виски и осторожно продолжил, испуганно посмотрев на меня: — Ты ведь на вышку полез? Гадство... Наверное, я тоже умом поехал. Все перепуталось в башке.

Я пошлепал друг о друга перчатки, измазанные ржавчиной. Осмотрел царапину на внешнем слое комбеза и попытался привести мысли в порядок.

— Вы понимаете, где мы?

— Место знакомое, — нахмурился Зеленый.

— Это шахта, из которой мы начали рейд, — тихо сказал я.

Никто не осмелился возражать.

Почему-то мне показалось: произнеси я эти слова громче — окружающий мир распадется на мириады кусочков, превратится в невесомую пыль, как осколки и камешки в поле действия «бумеранга».

Я поморгал, отгоняя наваждение.

— Гляньте на часы.

— Надо же, мои стоят, — изумленно пожал плечами Зеленый, посмотрев на механические «командирские». — Но они показывают... шесть утра. Я не припомню, чтобы переводил стрелки. Ничего не понимаю.

— Как мы после сражения с псевдоплотью, контролером и пси-догами снова оказались здесь? — задал банальный и в то же время самый важный вопрос Дрой. — Ведь не одного же меня так глючит?

— Не одного, — ответил Гост и обернулся. — Минор, ты нашел артефакт?

Я почувствовал, как сердце екнуло в груди от вновь посетившей меня догадки.

— Нашел.

— Что произошло потом?

— Потом... это непросто объяснить.

— Ты уж постарайся, родной. Мы поймем.

Трое сталкеров выжидающе посмотрели на меня. Это были именно они, не плоды галлюцинаций и не призра-

ки. В блестящих роговицах отражались блики фонариков, на изодранных комбезах виднелись неаппетитные брызги, оставшиеся от расстрелянных мутантов, многих частей экипировки недоставало. Пахло потом, гарью, кровью.

Грубоватый, но верный до самого конца Дрой с заляпанной каким-то дерьмом веснушчатой физиономией.

Слегка высокомерный прагматик Гост, умеющий следить за своей изысканной внешностью даже у черта на рогах.

Тихий зануда Зеленый, при виде которого мне почему-то всегда хотелось забраться в кресло-качалку и закурить дорогую сигару.

Те, кто уже должен был умереть.

— Расскажите о своем последнем воспоминании, — попросил я. — Что было, прежде чем мы все вдруг оказались тут?

— На меня эта сволочь одноглазая поперла, — без лишних предисловий выдал Дрой. — Я отстреливался, но, кажется, зомбак, который держал пульт детонатора... — Он задумался, хмурясь. — Не помню. Вот дьявол, только что помнил, и как отшибло. Словно плохой сон.

— А вы, — обратился я к Госту и Зеленому. — Какое впечатление у вас последнее?

— Меня что-то сильно стукнуло по голове, и я, кажется, потерял сознание. Хотя от такого удара и концы недолго отдать. Пришел в себя уже здесь. Вот.

— Гост?

— Когда вы с Дроем ушли, я сделал себе перевязку, но полностью кровотечение остановить так и не удалось. Около часа все было тихо, а затем из лифтовой шахты выполз кровосос. Он даже не таился, не пользовался стелс-режимом. Чуял, наверное, что я ослаб.

— Подожди-ка, — перебил Зеленый, — а я все это время в отключке провалялся?

Гост как-то странно посмотрел на него.

— У тебя вообще пульс не прощупывался. Мне не оставалось ничего иного, кроме как обложить твое блед-

ное тело восстанавливающими артефактами и ждать. Нести уже не мог: крови много потерял.

— Постой, — остановил его я. — Покажи-ка свою рану.

Гост осторожно оттянул горловину комбеза и дал мне взглянуть.

— Она не кровоточит.

— Вот и я дивлюсь, родной. — Он снова посмотрел на меня настороженно. — Не срастается как-то все это.

— Ладно, что там с кровососом в конечном итоге стало?

— Я отстреливался несколько минут, старался не подпустить близко. Потратил на него целый магазин. А эта тварь словно бы играла: то подальше отпрыгнет, то подкрадется практически вплотную. Когда гад понял, что мне пришла пора перезаряжаться, метнулся ко мне, растопырив свои поганые щупальца, но я сорвал чеку с гранаты. И тут... — Гост умолк. Растерянно покрутил в воздухе пальцем, подыскивая слова. Пожал плечами: — Дальше — не помню.

Трое сталкеров снова уставились на меня в ожидании.

— Хватит пялиться, как пастухи на доярку.

— А ты не тяни, рассказывай, — посоветовал Дрой. — Сдается мне, что нам придется еще разок через подземелья за цацкой метнуться.

— Не придется, — возразил я, сам еще не до конца понимая, откуда взялась такая уверенность.

— Почему?

Ну что, птичка-интуиция, твой черед...

Я снял перчатку и запустил руку в контейнер, чувствуя холод отделанных хрусталем внутренностей. Нащупал предмет знакомой формы и осторожно извлек его.

— Вот поэтому.

Другой бы на моем месте и умом мог повредиться, глядя на штуковину, которая по всем законам логики должна была валяться сейчас в нескольких километрах западнее, на дне воронки, образовавшейся после чудо-

вищного взрыва. Рядом с упавшей вышкой, в остатки которой были вплавлены хорошо прожаренные тела трех тупых зомби и двух невезучих сталкеров.

Но заветный артефакт как ни в чем не бывало блестел в свете налобников, лежа на моей ладони. От него веяло прохладой и усмиренной мощью.

И рассудок мой, как ни странно, против этого ничего не имел.

— Как? — выдохнул Дрой, невольно подаваясь вперед.

Я убрал цацку обратно и закрыл контейнер.

— На промежуточной площадке радиовышки я подобрал «бумеранг». Хотя — могу поставить весь свой годовой хабар! — когда я туда влез, его не было. Прошла пространственная волна. Помнишь, мы такую видели перед появлением знака?

Дрой молча кивнул. Зеленый и Гост внимательно на меня смотрели и ловили каждое слово. Правильно, имто вообще не было известно, что произошло на пустоши среди развалин западного Янтаря.

Я не стал тянуть резину и коротко изложил всю историю до того момента, как увидел взрыв, и время будто бы начало замедляться. На рассказ ушло не больше минуты, ибо мерзкие подробности о заработавшем «нейротрясе» и красотах Зоны, открывающихся с высоты птичьего полета, я свел к минимуму.

— Ты увидел вспышку, и что дальше? Что это была за вспышка? — все еще не догоняя, переспросил Дрой.

— Видишь ли, в чем дело... — Я запнулся. Перед глазами замерла картина с летящим навстречу шлемом Дроя, перекрученным в железное месиво с органическими вкраплениями мозгового фарша. — Зомбаки рванули динамит.

— Не понял, — тупо сказал Дрой.

И тут какая-то пружина во мне не выдержала и со звоном лопнула.

— Тебя разорвало на мелкие куски, рыжий кретин! — взорвался я, заставив Зеленого отшатнуться, а Госта де-

ликатно прикрыть уши. — Вкурил? Был взрыв, понимаешь! Был! Эти безмозглые уроды нажали на кнопку, и пуд взрывчатки сдетонировал! Полвышки в какаху разнесло! Вместе с тобой, зданием, фундаментом, зомбаками и близлежащими микробами! В какаху! В какашечку!

Я наконец заткнулся, и подземная тишина заколотила по ушам в такт биению сердца — почище только что извергнутых децибелов.

Дрой еще добрую минуту смотрел на меня немигающим взглядом. В свете фонарика его перепачканная физиономия с темными кругами под глазами казалась похожей на восковую фигуру, умело загримированную для музейной экспозиции, — настолько она была неподвижной в те долгие мгновения.

— Прости, брат, — обронил я, вставая. На душе было мерзко, тело болело, мысли рассыпались в мелкое крошево. — Гост, свяжись с полковником, у меня ПДА выгорел начисто.

— Связаться? — механически уточнил сталкер.

— У тебя есть другие идеи? Артефакт у нас. Операция завершена ранее обозначенного срока, с положительным результатом.

— И без потерь, — еле слышно произнес Дрой и основательно приложился к фляге с ханкой.

— И без потерь, — эхом повторил я, не глядя в его сторону.

— А ты — лысый.

— Чего? — Я все-таки обернулся.

Дрой щерился во всю свою веснушчатую рожу.

— Может, я и кретин с рыжеватым отливом, — сказал он, протягивая мне открытую фляжку, — зато с волосами. А ты — лысый хрен.

Я несколько секунд соображал, издевается он или всерьез, но не сумел выдержать этого открытого взгляда и принял тару из его руки. Глотнул. Поганая водка обожгла пищевод и рухнула в желудок огненным комом. Почти сразу в голове зашумело.

— Что ж — лысый хрен так лысый хрен, — улыбнувшись, признался я и вернул ему фляжку. — Такой вот казус получается.

— Ага, неимоверный.

Гост отослал полковнику сообщение, и через минуту послышался скрежет отодвигаемой плиты. Сверху на нас посыпалась пыль, полетели ошметки грязи.

В горловине шахты появился человекоподобный силуэт.

— Вам чего, гранату для бодрости швырнуть? — крикнул «чистонебовец», упакованный в экзоскелет.

Дрой задрал башку и нагло потребовал:

— Задрай варежку, шестерка контуженая, и негра позови.

Меня всегда поражала его способность так безапелляционно хамить оппонентам, находящимся в заведомо более выгодной тактической позиции.

«Чистонебовец», однако, не стал возвращать грубость и скрылся из виду. Вскоре мы услышали голос полковника.

— Если это такая шутка спозаранку, то сразу предупреждаю: не смешно. В следующий раз, когда попросите, мои люди могут и не отодвинуть плиту. — Он перегнулся через борт, заглядывая в колодец. — Что за срочное дело?

Дрой хотел было ответить, но я предупреждающе поднял руку. Взялся за скобу лестницы и крикнул:

— Артефакт у нас. Готовь бабло.

— Я, кажется, упоминал о несмешных шутках... — резко начал Роман.

— Заткнись и подвинься, — перебил я его, поднимаясь. — Тебе нужна была цацка, мы ее достали.

Негр некоторое время молчал, переваривая инфу. Потом все же отодвинулся, давая мне вылезти.

— Ты же понимаешь, что если решил разыграть спектакль, то улучил не самое подходящее время? — поинтересовался он.

Я выбрался наружу и, щурясь от света, свирепо посмотрел ему в глаза. Риторику проигнорировал.

Он с удивлением оглядел меня с ног до головы и хмыкнул:

— Ну и ну, как ты умудрился так извозиться меньше чем за полчаса?

Когда вскарабкавшиеся следом за мной сталкеры встали рядом, то у негра и вовсе брови на лоб полезли от вида нашей зондеркоманды.

— Вот хабар. — Я отцепил контейнер и бросил в грязь. — Давай деньги.

Полковник не погнушался нагнуться и подобрать испачканный в пыли, соплях и крови ящик. Он осторожно открыл его, искоса поглядывая на меня, и вытащил «бумеранг». Покрутил цацку в пальцах и улыбнулся, обнажив неприятно-желтые зубы.

— Что ж, похвально. Понятия не имею, как вам это удалось, но, если честно, мне до фонаря. Важен результат.

Подошла Лата, и я отметил, что теперь она вооружена. В руках девушка умело держала «Грозу» с подствольником, которая делала ее похожей на персонажа с дешевой книжной обложки. Только вот автомат был настоящий, а не рисованный.

Рассвет уже разлился по всей восточной части неба, и солнце должно было вот-вот выглянуть из-за горизонта. В двигателе грузовика все еще ковырялся водила, на вышках покуривали пулеметчики в ожидании смены, по дороге одиноко расхаживал ворон, громко каркая на притаившееся в кювете озерцо «зеленого киселя».

Весь наш безумный рейд по катакомбам и западному Янтарю словно бы случился в другом измерении. Но здесь, внутри Периметра, часто посещает ощущение déja vu. Зона на то и Зона, чтобы удивлять тех, кто осмелился бросить ей вызов.

Полковник подбросил цацку и ловко ее поймал.

— Отлично, что вы так споро управились. Через час будет готов транспорт, и мы отправимся за следующим артефактом. Горячего чайку?

— Сначала верни должок, — возразил Дрой.

— Деньги получите только после того, как принесете мне еще два «бумеранга», — отрезал Роман.

— Я не о том. Ты обещал: после операции — один на один.

— Вот оно что. — Негр вновь мерзко ощерился. Передал Лате артефакт и свой ПДА. — Что ж, не могу не удовлетворить твою просьбу, сталкер.

— Просьбы будешь удовлетворять в женском сортире, — сказал Дрой, бросая Госту свою «Орду» и подмигивая мне. — А сейчас я тебя научу приличным манерам, черножопая скотина.

— Ты броньку-то скинуть не забудь, а то нечестно получится.

Дрой расстегнул молнию и ловко избавился от внешнего каркаса «Тигра», оставшись в потном тельнике, трико и ботинках. Вытащил из ножен «десантник», повертел его, прикидывая сбалансированность.

Все расступились, освободив место для боя. Лата оказалась рядом со мной, и я почувствовал запах цитрусового шампуня. Она не глядела в мою сторону, но мне почудилось, будто девушка хочет что-то сказать. Такое неуловимое ощущение подчас возникает, когда человек стоит вполоборота к тебе: вроде бы не обращается напрямую, не смотрит, но кажется, вот-вот что-то произнесет.

Дрой и Роман вышли в центр круга и приняли боевые стойки. Сталкер — агрессивную, с явной нацеленностью на атакующие действия и работу первым номером: нож в отведенной чуть в сторону правой руке, ноги расставлены широко, центр тяжести перенесен вперед. А полковник — боксерскую, оборонительную: локти плотно прижаты к корпусу, плечи подняты, короткий кривой тесак — обратным хватом.

«Пусть тебе повезет, сталкер, — подумал я, отмечая краем глаза, как Лата еще чуточку сдвинулась ко мне, сделав маленький приставной шаг. — Что же ты задумала, сучка?»

Противники пошли на сближение. Дрой сразу сделал выпад, стараясь поразить негра быстрым взмахом сверху вниз, но тот ловко ушел с линии атаки и нырнул под вторую руку сталкера. И мигом огреб на «противоходе» четкий хиза-маваси-гери коленом в грудь. Охнул и отступил.

Дрой, пользуясь моментом, нанес сокрушительный удар по диагонали и едва не дотянулся до горла врага. Полковник отскочил назад и с удивлением уставился на длинный порез на плече. По комбезу расползлось темное пятно.

— Ладно, щенок, — процедил он сквозь зубы, — хватит играть. Я тебе сейчас все веснушки вырежу.

— Сожми очко, дерьмом воняет, — парировал Дрой.

Они стремительно метнулись друг на друга. Звякнула сталь, из-под берцев полетели комья грязи. Дрой увернулся от коварного тычка в живот, совершил обманное отступательное движение и атаковал с применением комбинации бокового удара и передней подсечки. Роман подскочил и в прыжке умудрился врезать сталкеру каблуком в лицо.

Шмяк. У меня аж челюсть свело от глухого звука. Прямо скажем, братцы, неприятную плюху Дрой словил.

Сталкер пошатнулся, но равновесия не потерял. В глазах промелькнула растерянность, тут же исчезла. Не «поплыл», и то хорошо.

Он смахнул кровь с рассеченной скулы и провел целую серию выпадов, колющих и режущих ударов, рассекая прозрачный утренний воздух. Однако контратака успеха не принесла: полковник играючи сместился в сторону и чуть было не зашел Дрою за спину. Влажное пятно на его распоротом рукаве стало еще больше, но Роману, кажется, ранение не доставляло особых про-

блем. А вот реакция и скорость нашего сталкера заметно упали. То ли легкий нокдаун подействовал, то ли начал проявляться допинговый откат.

— За тылом гляди, — не выдержал Зеленый.

— Не учи отца, чешка. — Дрой сплюнул розовую нитку слюны, контролируя дистанцию до противника.

Я навострил уши. Внимательно посмотрел на Дроя, но тот продолжал вертеться в смертельном танце с негром как ни в чем не бывало. Они то немного сближались, делая ложные выпады, то вновь расходились, то меняли направление кругового движения. Готовились к решающей фазе поединка.

Мы незаметно для остальных переглянулись с Гостом и Зеленым. Дрой только что произнес кодовую фразу, которую знали лишь немногие ветераны. «Не учи отца, чешка» означало: будьте начеку, через минуту попробую перехватить инициативу. Мы давно условились о таком сигнале, и, надо признать, пару раз это помогало в сложных ситуациях.

А нынешнюю ситуацию уж никак нельзя было назвать простой. Если они еще несколько минут будут друг друга мутузить и изводить, то Дрой просто-напросто свалится от истощения. Форсированный наркотой и артефактами организм, долго работавший на пределе возможностей, может не справиться с нагрузкой.

Но какую такую инициативу наш богатырь собрался перехватывать? Что взбрело в его стукнутую голову?

Я осторожно смерил взглядом человекоподобные фигуры «чистонебовцев». Да эти бравые ребята нас в бараний рог скрутят при первом признаке опасности. Дело табак.

— Автомат на гаусс-режим, — еле слышно сказала Лата. — Код на панели управления: джи-2027.

— Чего? — автоматически переспросил я шепотом.

— Делай что говорю. Как только обездвижу полковника, отработай по этим двоим. Цельсь в шейные сочленения экзоскелетов — там самое слабое место. Энергии

встроенных в «Орду» батарей хватит на два-три выстрела, не больше. Перезарядка катушки занимает около минуты, постарайся в течение этого времени не сдохнуть.

Демоны Зоны! Да они что, сговорились, в самом деле?

Я покосился на девушку. Она быстро вводила данные, постукивая ноготком по сенсорному экранчику ПДА полковника.

— Электроника может отказать, — обронил я, все еще сомневаясь, стоит ли доверять предательнице. — Мой ПДА выгорел.

— Через панель управления проходит резервный контур. Стволы модифицированные, специально для минобороны разрабатывались.

Я осторожно вдавил кнопку питания на толстом цевьё. Боковой экран бледно засветился. Надо же, и впрямь работает. С помощью панели управления я вывел на экран меню режимов и ввел код.

Возникшая надпись ввергла в легкий ступор: «Гаусс-режим активен. Зарядка 56%. 2 снаряда».

Так вот, оказывается, для чего у «Орды» второй ствол. Я-то, балбес малограмотный, думал, что это мелкое отверстие под основным калибром предназначено для шомпола. А ларчик-то с секретом оказался.

Век живи, как говорится, век дивись.

Неуловимым движением Дрой скользнул по диагонали и сбил чернокожего полковника с ног зверским ударом: попал кулаком в челюсть. Раздался отчетливый хруст вышибленных зубов. Голову Романа отбросило назад, кровавые брызги взметнулись высоко над ним. Негр грохнулся на спину, но я сразу обратил внимание, что его взгляд вовсе не стал бессмысленным. Несмотря на потерю пары резцов, он продолжал четко отслеживать маневры сталкера и не терял контроль над ситуацией.

А вот ослепленный жаждой мести и видом крови Дрой этого не заметил. Сталкер с громким криком прыгнул в надежде приземлиться коленом на грудь врагу и добраться до глотки. Он вложил в этот прыжок всю

оставшуюся силу, видно, полагая, что победа над полковником как-то дезорганизует «чистонебовцев» и даст всем нам шанс. Скорее всего условный сигнал сталкер подавал для того, чтобы мы позаботились о пульте управления «нейротрясами», который оставался в руках у Латы. Откуда ему было знать, что Лата сама решила пойти против верхушки клана «Чистое небо»? Откуда ему было знать, что жертва может оказаться напрасной?

Откуда ему было знать о подлости полковника?

Грохот одиночного выстрела из табельного оружия отдельного миротворческого батальона, в котором служил Роман, сотряс холодный воздух над Янтарем. Облачко пороховых газов горячим дыханием смерти лизнуло ключицу сталкера, гильза крутящимся батончиком отскочила в сторону.

Еще в полете пальцы Дроя разжались, выпуская рукоять «десантника». Падая на полковника, сталкер удивленно смотрел в черный зрачок пистолетного дула, который миг назад обжег грудь своим свинцовым взором.

Я увидел, как из спины Дроя фонтаном брызнула багряная струя и словно бы дернула за собой все его тело. Но даже энергии пули не хватило, чтобы остановить падение массивного сталкера.

Он припечатал полковника к земле коленом и нанес сокрушительный удар локтем в переносицу. Хрящ лопнул, и кровь залила чернокожее лицо, смешиваясь со слюнями и сукровицей из разодранных десен.

Роман с рыком столкнул тушу с себя и несколько раз нажал на спуск.

Щелк, щелк, щелк.

Патрон заело. Поняв это, он заехал сталкеру стволом по открытой ране, и я увидел, как Дрой стремительно побледнел.

— Братцы, валите их... — на одном дыхании выдавил он.

И вовсе не пронзительный крик Латы, раздавшийся в тот момент, а этот слабый хрип стал сигналом к действию.

Я резко вскинул автомат, прицелился в начавшего поднимать оружие «чистонебовца» и плавно нажал на крючок. Звук разрядившейся индукционной катушки был похож на короткое завывание в проводах зимним вечером. Отдачи почти не было. Небольшой стальной снаряд, разогнанный до безумной скорости магнитным полем гаусс-системы, разворотил шейные пластины экзоскелета и вместе с сервомеханизмами, гидравлическими шлангами и кабелями питания оторвал боевику половину сосудов и мышц, оставив голову болтаться на почти голом позвоночнике.

«Чистонебовец» на мгновение застыл, как статуя, — словно нервные импульсы не сразу донесли до мозга, что случилось. Потом он дернулся и беззвучно осел грудой биомеханического треша, оставив выжившего собрата разбираться с происходящим.

Зеленый с Гостом быстро оценили ситуацию и вознамерились броситься к Лате, но я, мгновенно приняв решение, осадил их возгласами:

— Она своя! Займите позицию у выхода из бункера! Код гаусс-режима джи-2027 через панель управления!

Сталкеры переглянулись, но возражать не стали.

Я рывком рычага перезарядил автомат, выбрасывая из запасного патронника длинную гильзу гаусс-снаряда. Теперь потребуется продержаться около минуты, пока в катушке не накопится достаточно энергии для выпуска еще одной пули. Что ж, попробуем.

Полковник отпихнул Дроя и поднялся на ноги, зыркая исподлобья то на меня, то на Лату.

— Чего удумала, шлюшка? — осведомился он, демонстрируя отсутствие двух верхних резцов. Из раздраконенной десны капала кровь. Желтозубая улыбка стала еще более неприглядной.

— Ты зарвался, Рома, — коротко ответила девушка. — Любая эскалация насилия должна иметь предел. А ты никогда не умел остановиться: ни в постельных забавах, ни в играх посерьезней.

— Девчонка, — презрительно сплюнул негр. — Одумайся, пока не поздно. Ты даже не представляешь, в какое говно собираешься влезть.

— Представляю. И гораздо ясней, чем ты думаешь.

Полковник наконец выщелкнул заевший патрон и собрался что-то ответить, но Лата нажала ноготком кнопку на сенсорном экране, и он упал как подкошенный. Я даже не сразу понял, что произошло. Но, увидев, как черное тело забилось в частых судорогах, как расширились от боли глаза, как потекла изо рта пена, сообразил: «нейротряс».

Вот те на. Стало быть, и у босса в черепе запрятана микросхемка, с помощью которой можно его контролировать. Значит, кто-то более могущественный позаботился о послушании слуги, а Лата позволила себе использовать чужой «кнут» в своих целях.

Пока оставшийся в живых «чистонебовец» соображал, глядя, как его командира колбасит в грязи, я, пользуясь преимуществом в скорости, подскочил к нему вплотную и сунул ствол автомата в сочленение между бедренным сервоприводом и ногой. Пообещал:

— Дернешься — яйца отстрелю.

Боевик залип. Он явно не ожидал такого вероломного наезда со стороны легковооруженной «помехи», у которой, по задумке, в течение полуминуты еще нет преимущества в виде заряженного гаусса.

Учись, братец. В экстремальных ситуациях ветеран по прозвищу Минор становится непредсказуемым и циничным умником.

Со стороны бункера раздались выстрелы, это Гост с Зеленым блокировали шлюз, не позволяя подкреплению выбраться наружу. И ход боя был бы окончательно переломлен в нашу пользу, если б не одна досадная мелочь, которая довольно быстро переросла в крупную закавыку.

О пулеметчиках на вышках мы совсем забыли. Даже не особо прицельным огнем со своей позиции эти засранцы могли серьезно осложнить нам положение, что и

сделали, как только получили от оперативного дежурного, наблюдавшего за происходящим посредством камер, сигнал тревоги.

Протяжно застрекотала пара РП-74.

Первые очереди легли далеко от нас, разнеся в щепки подсобку, где местные водилы хранили пустые канистры и сменные покрышки. Но пулеметчики быстро подкорректировали огонь, и следующая партия пуль прошлепала уже ближе, взметнув фонтанчики жижи.

— Ё-п... ёп... ёпланы! — заорал полковник, которому Лата дала короткую передышку. — Своих же положите... ох-х...

Губительные волны «нейротряса» вновь обрушились на него нестерпимой болью. Тело негра распласталось по земле, как звериная шкурка. То-то же, будешь знать, как на вольных сталкеров батон крошить.

Индикатор заряда гаусс-катушки мигнул зеленым, и мой пленный боевик дернулся, увидав, какая опасность ему грозит. Не знаю, как работала его соображалка до этого, но теперь он окончательно потерял достоинство, отбросил оружие в сторону и поднял усиленные механизмами брони руки. Из воздухообменных щелей шлема донеслось:

— Пощады, сталкер.

— Это ты грозился нам на дорожку гранату в колодец швырнуть? — поинтересовался я, поудобнее устраивая ствол возле его чресл.

— Нет! — «Чистонебовец» быстро мотнул головой в сторону своего почившего коллеги: — Это он. Он вообще был грубияном и занудой.

— Отключай боевой режим брони, — приказал я.

— Мне придется опустить одну руку.

— Валяй, но если у меня хотя бы подозрение возникнет, что ты решил меня смять, — останешься без мини-сталкера.

Я почувствовал, как горе-боевик снова вздрогнул. Усиленный механизмами спазм чуть было не отшвырнул меня прочь.

— Извини, — тут же сказал он.

Я подумал: если б этот фонящий кусок дерьма был порасторопней, то давно бы мог узлом меня связать. Вслух же грозно сказал:

— Давай-давай, консерва ходячая, отрубай экзоскелет.

Он опустил одну руку и принялся аккуратно отключать защитные системы. Спустя несколько секунд передо мной стоял человек, отягощенный пятьюдесятью килограммами металла, пластика и обесточенной электроники.

Я выдрал из энергоузла тяжелые аккумуляторы, отбросил их в сторону и к вящей радости «чистонебовца» убрал ствол «Орды» от его причинного места.

— Пока, братец дурак, — сказал я и легко толкнул его в грудную пластину.

Боевик опрокинулся на спину, загремев, как набор кастрюль. Теперь без посторонней помощи ему долго не подняться.

Удостоверившись в безобидности «чистонебовца», я пригнулся и подбежал к Дрою, который лежал на спине с открытыми глазами и часто неглубоко дышал. Склонился и бегло его осмотрел. Зрачки расширены, кожа сухая, холодная, пульс нитевидный.

Торпидная фаза болевого шока. Погано.

Я закинул автомат за спину и осторожно потащил раненого сталкера, подхватив его под здоровую руку.

— Мало тебе было один раз сдохнуть за день, — ворчливо сетовал я, волоча тяжелую тушу под прикрытие бункера, откуда отстреливались от пулеметчиков Гост и Зеленый. — Честного боя захотел, мушкетер хренов...

Уже подтаскивая Дроя к занятой сталкерами позиции возле входа, я обратил внимание, что Лата бежит следом, оставив негра валяться в грязи и приходить в себя после жесточайшего сеанса «мозготерапии».

— К «Урагану», скорее! — с ходу распорядилась она.

— Хао, засрушка, — флегматично поприветствовал девушку Зеленый, клацая затворной рамой. — ПМС мучает или ты по жизни такая шумная?

— Слушай, мясо...

— Пошла прочь, — огрызнулся Гост. — Ты вернула должок. Без обид. А теперь вали отсюда.

— Клитор на уши, — на секунду очнувшись, посоветовал Дрой и вновь сипло задышал, пуская кровавые пузыри. По всей видимости, у нашего веснушчатого рестлера было повреждено легкое.

Лата подошла ко мне, и я сквозь гарь и дым вновь почувствовал манящий запах цитрусового шампуня.

— Минор, ты мне нужен. Я знаю, где оставшиеся два артефакта и как их достать.

Я приложил к ране Дроя салфетку, достал из аптечки шприц с анальгетиком и приготовился делать перевязку. Бросил через плечо:

— Тебе вроде ясно сказали: вали прочь.

Девушка резким движением повернула мою голову к себе. Я крепко схватил ее за запястье, но не стал применять болевой прием. Тем более еще неизвестно, кто кого сломал бы: я прекрасно помнил, как эта фурия меня на лопатки уложила в подвале Фоллена.

— Если мы сейчас не уйдем, «Чистое небо» раскатает нас, как блох, — серьезно глядя мне в глаза, сказала она.

— Тебе хотя бы отдаленно знакомы понятия сталкерской чести?

— Мертвым честь ни к чему.

— Вопрос спорный, хотя резонные мотивы в этом утверждении есть. — Я содрал с Дроя остатки тельника, перевернул и плеснул на спину перекисью. Кровь начала пузыриться, и я быстро затампонировал рану. — У тебя есть какие-то конкретные предложения, как спасти наши задницы и помочь вот этому бравому сталкеру не окочуриться в ближайшие полчаса от кровопотери и последствий травматического шока?

— Вниз к ученым нельзя, — быстро сказала Лата, — там взвод охраны. Я вижу только один вариант: мы разделяемся. Твои приятели везут подстреленного на Кордон и получают квалифицированную медпомощь у на-

дежного человека по моей рекомендации. А мы с тобой отправляемся за цацками. Если не будем тянуть сопли — сумеем оторваться от погони.

— Во-первых, после всего случившегося я тебе не доверю и авоську с картошкой подержать, не то что жизнью моих друзей распоряжаться. Во-вторых, даже если ты не лжешь, то поиск «бумерангов» можно отложить на более благоприятное время.

Лата сверкнула глазами.

— Во-первых, мне в данный момент глубоко начхать на твое доверие. Во-вторых, если бы можно было отсрочить поиск, я бы свою симпатичную задницу не подставляла под пули, уж поверь... Ну так что? Согласен?

И тут в сражение вмешалась третья сила, которая и заставила меня принять окончательное решение.

Сшибив шлагбаум, на территорию Янтаря вкатился бронированный «ГАЗ-66» с опознавательным знаком группировки «Долг» на дверце. За ним во двор въехали два джипа «УАЗ-Патриот». Из машин тут же высыпали крепкие ребята и без лишних предисловий открыли по нам огонь. Видно, им вообще до фени было, по кому стрелять: вводную от командования получили захватить объект и перешли к активным действиям. У этих все строго, как в армии: приказы не обсуждаются.

Нам откровенно повезло: вход в бункер располагался в «слепой» зоне, прямого прострела со стороны въезда на территорию не было. К тому же пулеметчики на вышках резво перенесли свою огневую прыть на прибывших агрессоров. Их плотные очереди дали нам время, чтобы подготовить маршрут отступления.

— «Ураган»! — крикнула Лата. — Отходим к нему вдоль стоянки!

Я взглянул на Госта. Сталкер шмыгнул носом и смахнул с лица пороховую крупу.

— Сам решай, родной, — пожал он плечами. — Либо ты ей доверяешь, либо нет.

— Скудный выбор, прямо скажем.

— Я всегда знал, что умру глупо и похоронят без почестей, — вздохнул Зеленый.

Рядом взвизгнули пули, рикошетя от бетонного купола.

— Сумеете доставить Дроя на Кордон? — спросил я.

— Ручаться не буду, но не брошу — это точно, — ответил Гост.

— Тогда вперед.

Я кивнул Лате, и она побежала к канаве, пролегающей позади ряда машин. Мы взяли раненого сталкера под руки и потащили следом, стараясь не торчать слишком явно и не привлекать внимание ни пулеметчиков, ни стрелков «Долга». Пусть покамест друг с другом повоюют — им полезно пар выпустить.

До ямы удалось добраться благополучно, и под защитой естественного бруствера мы почувствовали себя немного уверенней. А зря...

То ли «долговцы» заметили наш отступательный маневр, то ли просто не повезло, но как только мы стали продвигаться в сторону десантного катера, по нам отработали из подствольника.

Граната разорвалась метрах в десяти спереди. Меня оглушило и швырнуло наземь ударной волной. В голове помутилось. Уши заложило, и я совершенно не расслышал, что прокричал мне устоявший на ногах Зеленый. Тупо вытаращился на его шевелящиеся губы, как овощ, ничего не догоняя.

Осколками вроде не посекло, но очередная легкая контузия мне была обеспечена. В нагрузку к отходняку от допинга она покажется особенно гармоничной для моих всепрощающих мозгов.

Пока Зеленый помогал мне подняться, я отрешенно перекатывал в сознании мысль: интересно, девку не задело? И никак не мог понять, вызывается ли эта мысль у меня беспокойством или просто фиксируется как данное.

— ...хватит тупить! — доорался до меня Зеленый. — Или твою тушу нам тоже придется тащить?

— Не, сам... — Я поморгал, приводя зрение в фокус. — Двигаем.

Мы поволокли Дроя дальше по влажному дну кювета. Я несколько раз оскальзывался, но упорно поднимался и шел дальше. Впереди блеснуло зеленое озеро «киселя».

— Сюда!

Я обернулся на крик и увидел Лату, машущую нам. Она стояла возле опущенного кормового пандуса «Урагана». Оказывается, мы чуть было не прошли мимо машины.

Чтобы затащить громоздкого Дроя по склону, нам потребовалось серьезно напрячь мускулы и попыхтеть, втягивая головы в плечи, дабы не словить шальную пулю.

Волочь обмякшее тело всегда непросто, и кто сам ни разу не пробовал, никогда этого не поймет. Некоторые неопытные желторотики ошибочно полагают, будто помогать идти человеку, который еле-еле, но держится на ногах, и тащить обездвиженный куль весом в центнер близкие по энергозатратам занятия. Ну-ну, братцы, ну-ну. Попробуйте как-нибудь: сюрприз будет.

Когда мы наконец кувыркнули Дроя на носилки, которые принесла Лата, рядом с бортом «Урагана» нарисовался еще один персонаж перформанса.

— Далече собрались?

Я поднял глаза, в которых изображение все еще двоилось после взрыва гранаты, и обнаружил нацеленное в лоб дуло «Марты» — пистолетика неплохого, но по убойности до моего любимого «Бэна» серьезно не дотягивающего. Пожилой ученый, который накачивал нас наркотой накануне, держал оружие профессионально, поэтому я трезво оценил расстояние и не стал рисковать почем зря. Хотя ручонки, прямо скажем, зачесались броситься вперед и немедля свернуть шею этому гаду.

— Профессор, я категорически не рекомендую вставать у меня на пути, — вступила в игру Лата. Она взвела курок именной «Гюрзы» и приставила ствол к «бумеран-

гу», который держала на раскрытой ладони. — Если я выстрелю, последствия могут быть самыми непредсказуемыми, и ты это знаешь. А я выстрелю...

— Безмозглая истеричка! — грубо оборвал ее старикан. — Ты же прекрасно понимаешь, что вам не уйти. Этих твоих оборванцев военные вообще до конца дней будут по всей Зоне погаными метлами гонять за сбитую «вертушку».

— Вопишь как резаный и обзываешь меня истеричкой, — сказала девушка. — Ты продался с потрохами армейским крысам, которые собрались использовать энергию цацек для своих нужд. Ведь они не представляют, что таят в себе эти штуковины, а ты представляешь. Сколько? Сколько эти душегубы заплатили тебе и твоим башковитым псам?

— Побольше, чем тебе, девочка, — процедил он. — Отдай артефакты, и я забуду, что видел тебя этим утром. Забуду локации всех твои схронов и список доверенных лиц. Верни камни и катись на все четыре стороны.

Зрение мое наконец сфокусировалось. Я прикинул дистанцию между своим ботинком и покрасневшей от гнева физиономией ученого.

— Помнишь, ты зарекся сплясать джигу в «киселе», если я выживу в катакомбах? — ехидно улыбнувшись, обратился я к нему.

— Что ты несешь, тело?.. — Старикан осекся. Наверное, слишком уж сильная гамма эмоций отразилась в моем взгляде.

Трудно угрожать человеку, который тебя не боится. Даже если держишь его на мушке. Ох как трудно, братцы, по себе знаю.

— Вижу, что помнишь, — продолжая улыбаться, подытожил я. — Вот и танцуй свою джигу!

Молниеносно вскинув ногу, я параллельно сместился в сторону, уходя с линии атаки, и правильно сделал. Гаденыш все-таки успел выстрелить. Но пуля съела воз-

дух в том месте, где только что находилась моя голова. А подброшенная носком берца грязь залепила профессору глаза, что твой сургуч.

Ученый машинально стал поднимать руки, чтобы смахнуть липкую жижу, но я уже крепко ухватил его за грудки потрепанного комбеза и упал на спину, выставляя вперед ногу. Бросок через себя получился просто эталонным, как на показательных выступлениях. Мой школьный тренер по борьбе загляделся бы.

С вышибленным из груди непотребным ругательством профессор пролетел пару метров, шлепнулся на бок и съехал по скользкому краю бруствера в самый центр фосфоресцирующего озерца. Изумрудные брызги накрыли его с головой.

Захлебываясь в вязкой суспензии, ученый вынырнул и рванулся в сторону в тщетной попытке выбраться на берег. Я заметил, что половины кожи на нем уже нет, а лохмотья комбеза стремительно истлевают.

Отчаянный крик разнесся над Янтарем, перекрывая даже грохот выстрелов и громогласные приказы командира «долговцев» о начале штурма.

— Сделай мне книксен, — попросил я распадающегося на части ученого. — Тьфу... Погано танцуешь, ну и фиг с тобой. Прощай, братец профессор.

Лата отвернулась от неаппетитной картины и убрала артефакт в подсумок.

— Забирайтесь в этот грузовик, он на ходу, — крикнула она Госту с Зеленым. — Мы с Минором прикроем отход пушкой «Урагана». Доберетесь до Кордона — бегом к Радисту. Знаете такого?

— Да, — осторожно заталкивая Дроя в кабину, сказал Гост.

— Скажите ему, что я просила помочь в счет его прошлых долгов. Он укроет, обеспечит медобслуживание, не задаст лишних вопросов. И имейте в виду: сегодня вечером будет выброс. Живее шевелитесь, чтобы успеть к этому времени добраться до убежища.

— Быть не может, — с сомнением сказал Зеленый, выдирая из-под приборной панели провода и чиркая ими. — Выброс только что был. Подряд случаются только двойные, а они очень редки.

— Поверь, сегодня к закату шарахнет так, что пол-Зоны перекорежит, — пообещала Лата, забираясь внутрь катера по пандусу. — Минор, не зевай.

Я без лишних сантиментов пожелал удачи сталкерам и заскочил в задний отсек. Лата тут же включила зажигание и задраила дверь. Она ловко пробежала пальцами по приборам, взялась за рулевое колесо и обернулась:

— Дело такое... Я только пару раз этой хреновиной без инструктора управляла, так что если куда-нибудь впечатаюсь — не обессудь.

Я перелез через бортик, сел в штурманское кресло и пристегнул страховочный ремень. Откинул красную заглушку предохранителя и положил большой палец на гашетку, повертел рукоять управления пушкой, с удовольствием отмечая, как ствол, торчавший сверху над обзорным стеклом, хищно поводил раструбом пламегасителя из стороны в сторону.

Шума аэронагнетателей в кабине почти не было слышно, и я еще раз мысленно поблагодарил неизвестного инженера, разработавшего звукоизоляцию для десантного катера «Ураган-2» за предоставленный комфорт.

Машину пару раз качнуло туда-сюда, но Лата довольно быстро приноровилась к управлению и меньше чем через минуту вывела катер на пятачок перед входом в бункер. В броневые пластины по обоим бортам бодро застучали пули: и пулеметчики «Чистого неба», и солдаты «Долга» поняли, какого монстра они прозевали, поливая друг друга свинцом.

Мы убедились, что ведомый Зеленым грузобик надежно прикрыт кормой, и начали плавно продвигаться к полуразрушенному КПП.

Неожиданно перед катером возник силуэт чернокожего полковника, который, видимо, был контужен и

слабо соображал, куда прется. Он мотался из стороны в сторону, еле держась на ногах, и рефлекторно закрывал изуродованное ударами Дроя лицо руками от пыльного воздушного потока, рвущегося из-под днища «Урагана».

Я выхватил в перекрестие прицела одинокую фигуру, навел на нее ствол 22-миллиметровой пушки. Цыкнул зубом и, церемониально склонив голову, произнес:

— Прощай, братец негр.

После чего без сожаления нажал на гашетку.

Пиф-паф, ой-бо-бо. Негоже в честном бою со сталкерами подло поступать. Негоже.

Глава восьмая. Не обремененный

Говорят, нельзя заснуть стоя. А еще я слышал, будто невозможно забыться сном, когда слишком холодно или жарко, когда мучает голод, жажда или когда рядом притаилась опасность и нервы напряжены до предела.

Чушь.

Если очень хочется, можно заснуть даже в центрифуге при перегрузках в полдюжины *g*. У меня столь экстремального опыта, конечно, нет, но я лично знавал человека, который во время тестов на пределы выживаемости умудрился задрыхнуть в работающем аппарате. А его меж тем крутили по двум пространственным осям. Жесть, ничего не скажешь.

В общем, я выключился сразу, как только убедился, что грузовик с раненым Дроем вырулил на трассу, ведущую на юг, и «долговские» боевики не собираются его преследовать. Лата вывела «Ураган» к развилке и бросила машину по бездорожью, лавируя между аномалиями. Глаза у меня закрылись. К накопленной за несколько дней усталости добавились симптомы допинг-отходняка и эффект только что полученной легкой контузии.

Так что срубило меня на раз-два — даже сонм незаданных вопросов, висящих темными сгустками над душой, и опасные петли, выписываемые катером между аномалиями, не стали тому помехой.

Сон взял свое...

Разлепить веки удалось лишь спустя пару часов, когда Лата, дав хороший крюк в обход военного форпоста, притормозила на окраине Рыжего Леса и заглушила двигатель. Несмотря на то, что зверски не хотелось просыпаться, я заставил себя несколько раз моргнуть, справился с резью в глазах и, щурясь, выбрался из кабины.

Каждая клеточка организма несла в себе тяжесть пережитых авантюр, и казалось, что тело вот-вот откажется мне повиноваться. Ноги отекли и гудели, словно их сутки держали в ванне с раскаленными углями, спина не гнулась, все мышцы будто накачали теплым воском и резко охладили. От запаха пота, запекшейся крови и налипшей поверх изодранной брони грязи тошнило.

— Очухался, — констатировала Лата, увидав мои попытки размяться. — Выглядишь, как пожилой зомбак с перепоя. Всю кабину изгваздал.

Я поравнялся с ней и небрежно сдвинул девушку плечом подальше от подозрительно дрогнувшего воздуха на обочине. Лата хотела было возмутиться, но всмотрелась в очаг аномалии и захлопнула варежку. Я швырнул болт, и все окончательно встало на свои места: разряженный «трамплин» с хлопком выстрелил железкой в листву ближайшего дерева, из глубины потревоженной кроны посыпалась ржавая труха.

— Под ноги гляди, — сбрасывая с себя бесполезный «Тигр», сказал я. — А то следом за болтом полетишь.

— Помочь умыться?

— Сам справлюсь. Где вода?

— В отсеке есть канистра. Только не особо транжирь — это все наши запасы.

— Пока я буду смывать с себя мозги пси-догов, расскажи-ка мне, что происходит. Коротко, в тезисах.

Я без стеснения разделся догола, громыхнул крышкой от канистры и принялся щедро поливать себя, отфыркиваясь и сплевывая. Лата уселась на откинутый пандус катера, с интересом оглядела меня с ног до головы.

— У тебя сексуальное тело, — вынесла она вердикт. — Я еще тогда, в баре, повелась и теперь вижу, что не ошиблась. Но ты особо не щеголяй, здесь от реки фонит сильно, мигом женилка отвалится.

Я скосил глаза на мини-сталкера. Ободрительно щелкнул по кончику.

— Ничего: его облучают, а он крепчает.

— Ну-ну. Слушай, а каково это — быть лысым?

Стряхнув с плеч капли, я достал из-под сиденья пакет с чистым бельем и резким движением разорвал его.

— Быть лысым — это концептуально. — Я оглядел трусы и футболку: вроде мой размер. — Ты от темы не уходи, любезная, рассказывай, как до такой жизни докатилась?

Лата стала серьезной. Из ее карих глаз пропал задорный огонек, короткие волосы словно бы встопорщились, как у кошки. Норовистая дамочка — сразу видно, с характером.

— Что тебя конкретно интересует?

— Начни с начала. Как ты связалась с «Чистым небом»? Кем были полковник и этот хамоватый ученый? Откуда вы знаете про местоположения артефактов? И что же это за штуковины такие ценные, за обладание которыми «Долг» открыто объявил войну «чистонебовцам», а военные готовы перекупить всех окрестных бродяг и дельцов?

— Хорошие вопросы. Только я не на все могу дать ответы. Чином не вышла для обладания необходимой информацией. Скажи спасибо, что вот этот ПДА урвать успела. — Лата повертела в руках полковничий гаджет. — Будь я под присягой, давно бы трибунал по мне плакал.

— Бедняжка. Боюсь даже спросить: русский трибунал или украинский. Или, быть может, американский?

— Гондурасский.

— Бритвы, кстати, нет? — Я провел ладонью по щеке. — А то щетина уже совсем негламурно выглядит и начинает колоться.

— Огнемет есть. Сойдет вместо станка?

Я оставил без внимания топорную шутку, облачаясь в легкий комбез и параллельно разглядывая пейзаж.

Тихо. Пасмурно. Сухо.

По правую сторону от пыльного шоссе виднелись неровные посадки Рыжего Леса. Листья на деревьях имели красноватый окрас, от чего весь бывший заповедник казался покрытым ржавчиной. Стволы были с толстой коростой, кое-где на них притаились наросты едко-желтого мха с чернильными прожилками в виде звездочек. Таких диковинных растений я раньше не видал — наверняка отбросы очередной аномалии или новая мутация.

Слева за обрывистым берегом текла ядовитая река, нечистоты которой сильно излучали. Где-то на юго-западе, на границе с Болотом, эта гнусная речушка впадала в Скайку, образовывая широкие заводи. Мутных волн отсюда не было заметно. Зато за кисельным туманом, стелившимся над поверхностью, различался противоположный берег с тусклыми контурами пары невысоких зданий и огромного ангара.

На обочине, метрах в пятидесяти от нашего катера, догнивал выгоревший дотла автобус, который уже несколько лет являлся негласным ориентиром для сталкеров. Остов «Икаруса» служил подобием стелы у въезда в Лиманск. За поворотом находился разводной мост, по которому можно было попасть в призрачную цитадель ушедшей боли. Я давненько не хаживал в этих местах, но, насколько мне было известно из рассказов бродяг и новостей, гуляющих по сетке, контроль над мостом то и дело переходил от одной группировки к другой. Возле стратегически важного объекта грызлись и «Долг» со «Свободой», и бандиты с «чистонебовцами», и даже фа-

натичный «Монолит» время от времени показывал свои острые клыки. Ну а вольные сталкеры старались без крайней надобности не совать бесценные телеса в местные разборки. И правильно делали: зачем лишний раз рисковать задницей, она у всех одна, любимая.

— Во всю эту историю меня втянул полковник, — нарушила молчание Лата. — Я ведь и правда когда-то была журналисткой. После института решила проверить себя на прочность, поехала в Зону за сенсациями. — Она улыбнулась воспоминаниям. — Молодой была, охочей до приключений. Он подцепил меня возле южного блокпоста Внешнего Периметра и несколько раз сводил в Зону в составе миротворческих рейдов. Через какое-то время я заматерела и стала совершать самостоятельные вылазки за его спиной, по наивности полагая, что он ничего не знает. Дура. Мы уже встречались около полугода, когда Роман предложил работать на них под прикрытием легенды: любопытная киевская папарацци хочет сделать репортаж о сталкерах. Я согласилась. Но в бой меня никто не послал. Четыре месяца я обкатывалась по полной программе: проходила самый настоящий КМБ под руководством лучших инструкторов из бывших сталкеров, которые переметнулись к воякам. Потом было несколько пробных миссий. Затем мне дали в разработку тебя...

— Я же просил — тезисно, — довольно грубо оборвал я. — Меня твоя пылкая юность не интересует. Кем был негр?

— Он был в иерархии «Чистого неба» кем-то вроде полевого командира. Силовиком, выполняющим приказы.

— Чьи приказы?

— Точно не знаю. Там ниточка тянется очень высоко, в высшие армейские и политические сферы России. Сотрудники «Чистого неба» действовали не по своей воле. Их завербовала натовская шушера, но московская контрразведка быстро взяла под контроль все операции в

Зоне. Полковник работал на русскую контору. На какую именно — понятия не имею. Кстати, ученый, которого ты швырнул в «кисель», был одним из тех, кто когда-то вышел из «О-Сознания» и создал клан «Чистое небо».

— Почему же ты решила предать их в ответственный момент?

Лата достала из глубины отсека большой контейнер и извлекла оттуда три сплавленных в замысловатую стереометрическую спираль «бумеранга». Затем открыла подсумок и вытащила четвертый артефакт, который тут же налился темно-малиновым светом.

— Брось! — крикнул я, отталкивая опешившую Лату и вышибая из ее рук цацки. — Они ж притягиваются!

Я подмял девушку под себя и зажмурился в ожидании грандиозного бадабума.

На этот раз, однако, слияние «бумерангов» обошлось без столь красочных спецэффектов, как в баре, когда меня чуть вилкой к лавке не пришпилило. Упавшие на асфальт артефакты ярко вспыхнули, над округой понеслось эхо от громкого хлопка и раздался знакомый зубодробительный свист, быстро перешедший в ультразвук. Через минуту все стихло.

Мы продолжали лежать в пыли. Я сверху, она снизу.

— Тебе мои сиськи не очень мешают? — наконец поинтересовалась Лата.

— К счастью, они у тебя не пятого размера, поэтому постараюсь пережить дискомфорт. Так почему ты предала негра?

— Вот из-за этих штуковин... Штуковины. — Она с опаской покосилась на погасший артефакт, который теперь и вовсе представлял собой мечту сумасшедшего Евклида. — Роман хотел передать артефакт военным.

Я вдохнул цитрусовый аромат ее шампуня и прикрыл глаза.

— А ты вознамерилась спасти мир от мегаоружия, которое тупые солдафоны создали бы на основе аномальных свойств этой шняги. Угадал?

— Это третий пункт в шкале моей мотивации.

— Даже так. Первый и второй — мировое господство и грузовик карамелек?

— Информация и деньги.

— Радует. Я уж было решил, ты круглая дура.

— Разочарован?

— Самую малость.

Мое лицо оказалось слишком близко от ее лица.

— Ты меня поцелуешь, или так и будешь понапрасну вдавливать сиськи в грудную клетку?

— Другой бы на моем месте отказался...

Наши губы нашли друг друга. Пестрая карусель физической близости закружила нас в восторженном танце, отшибая сарказм и размыкая защитные механизмы. Возбуждение от поцелуя нахлынуло такой мощной волной, что я еле сумел сдержать порыв: сорвать с Латы комбез и овладеть красивым молодым телом прямо здесь, на трассе возле фонящей реки. Мини-сталкер моментально принял выжидательную позицию добермана, учуявшего след жертвы.

Мы целовались с ярой одержимостью двух оголодавших зверей, дорвавшихся до заветного куска мяса, дарующего энергию и жизнь. Лата обхватила меня руками и прижала к себе. Я машинально просунул ладонь под ее откинутую голову и сцепил в пальцах короткие волосы. Она коротко застонала, но не остановилась. Дыхание девушки стало прерывистым.

На расстоянии вытянутой руки от нас лежал сплавленный из четырех кусков «бумеранг» — артефакт, с помощью которого мы могли бы разбогатеть и никогда больше не думать о хлебе насущном. Нам даже не требовалось искать недостающие части: можно было немедля сдать цацку заинтересованным людям, получить вознаграждение и навсегда покинуть пределы Зоны, чтобы жить в достатке и безопасности. Чтобы создать семью и завести детей. Чтобы попробовать завоевать расположение мира за Периметром.

Рядом лежал практически оплаченный кусок счастья на двоих.

Да только не того мы хотели. В глубине души мы хотели от загадочного артефакта ответов на вопросы, объяснения, познания. Ведь за ним крылась одна из самых зловещих тайн, которыми так неохотно делилась Зона со своими гостями.

Мы хотели испытать немного больше остальных, поэтому после всех развилок судьбы и оказались здесь. Ничто не ценится дороже истинного знания. Когда ты стоишь на цыпочках и видишь чуть дальше других, возникает непередаваемое ощущение могущества.

Это ценнее денег.

Это — власть над ситуацией, власть над окружающими.

Мы хотели обладать такой силой и стремились к рычагам управления судьбой, подчас даже не подозревая, насколько сильно затягивает жажда обретения власти.

А еще мы безумно хотели друг друга...

Наконец я заставил себя оторваться от мягких губ, на которых почувствовал возбуждающий вкус крови.

— У нас есть четверть часа до пересменка охраны моста, — выдохнула Лата.

— Этого времени не хватит и на сотую долю задуманного, но я попробую донести до тебя основные моменты.

— Попробуй. Хотя бы тезисно.

Я встал, подобрал артефакт и убрал его в карман. Подхватил девушку на руки. Легко, словно не накопилось усталости за плечами и сон не валил с ног. Донес до катера и, слушая гулкие удары сердца, задраил за собой дверь.

— Как тогда, в баре?

— Как тогда.

Лата выпотрошила из пакетов какие-то шмотки прямо на пол. Я повалил ее в эту кучу, пахнущую хозяйственным мылом и нафталином, вжикнул молнией на комбинезоне.

Забелевшее в полумраке женское тело окончательно свело меня с ума, и белье с Латы я уже не снимал, а срывал.

Адреналин — вот что движет такими людьми, как мы. Гормон страха, перерождаемый в энергию безудержной страсти и воли к победе. Постоянное напряжение, ощущение трепета перед лицом реальной опасности, хрупкая грань между приобретением и потерей. Сталкеры — вид людей с измененной системой ценностей, искалеченной психикой. Нас тянет не только к аномальной жизни, но и друг к другу. Влечет со страшной силой, как представителей редкой породы животных, популяция которых находится под угрозой исчезновения.

Мы любили друг друга, словно самец и самка. До помутнения разума, до боли, до взрывов блаженства и секундного падения в пропасть забытья. Мы были друг другом в те долгие десять минут. Симбионтами с двумя сердцами, сиамским сознанием и тугим клубком общих чувств.

Движение вперед.

Проникновение вглубь.

Видение будущего сквозь сизый морок яви.

Я до синяков сжимал бедра Латы и рвал ее, как добычу: неистово и жестко. Потом она мощным движением высвобождалась из крепкой хватки, опрокидывала меня на спину, будто несмышленого кутенка, и мы менялись ролями. Хищницей на время становилась она. Злой и безжалостной. Свирепой. Неукротимой.

В финале затяжного полета, больше напоминающего падение, мир на мгновение сжался в радужную точку катарсиса и погас, прежде чем вспыхнуть слепящим светом сверхновой, выжигающим сетчатку и крадущимся по нервам до самого дна души.

Кажется, я закричал, когда Лата полоснула по потной спине. Кровь брызнула из-под ее коротких ноготков, тело выгнулось в конечном моменте напряжения и

застыло. Боль тусклой тенью метнулась на фоне всепроникающего ощущения освобождения.

А через миг стало пусто и тоскливо, как будто у меня отняли нечто жизненно необходимое. Сердце? Дыхание? Власть?..

Лата минуту или дольше приходила в себя, глубоко дыша и продолжая рефлекторно прижимать ладони к моим поцарапанным лопаткам. Ее упругие груди вздымались, как два заполненных воском шара. Потом отпустила меня — резко, будто горячую головешку.

Я осторожно отстранился и прикрыл веки, успокаиваясь.

Хотелось выть от бесконтрольного чувства потери. Естество требовало вернуться внутрь ее тела и быть там до коллапса Зоны, до второго пришествия, до неминуемой тепловой смерти Вселенной... Но возбуждение уже спало, и я сдержался.

— У тебя есть какой-то секрет? — спросила Лата шепотом, словно боялась спугнуть нечто трепещущее то ли во мне, то ли в себе самой.

— Секрет? — В районе солнечного сплетения что-то колыхнулось от этих ее слов. — Что ты имеешь в виду?

— Тебе везет в Зоне. Я многое узнала, пока изучала материалы по разработке вольного сталкера Минора. Ты один из самых везучих типов в этом гиблом мире.

— Ах, вот ты о чем, — коротко улыбнулся я. — Секрет очень простой. Я не обременен.

— Не понимаю, — нахмурилась Лата, приглаживая непослушные волосы и доставая пакет с казенным бельем.

— Я не обременен ни любовью, ни ненавистью. Лишен самых сильных человеческих чувств, которые делают нас уязвимыми. Я живу по законам адреналина и опасности, но это рационально, понимаешь? Я рискую, видя на несколько ходов вперед. Я использую обстоятельства как ресурсы: полезные или отработанные.

Лата не перебивала меня. Деловито одевалась, но при этом внимала каждому слову.

А мне было странно услышать из собственных уст такое четкое определение своей жизненной позиции. Раньше я эту мысль не озвучивал ни вслух, ни даже про себя. Она все время крутилась рядышком, как неуловимая птичка-интуиция, но никогда не давалась в руки. А теперь материализовалась и... испугала своей ледяной простотой.

Я не обременен ни любовью, ни ненавистью.

Хм, братцы. Забавная штука получается: сталкер без изъяна.

— А людей? — спросила Лата, прищурившись. — Их ты тоже используешь как ресурсы?

— По-разному случается. — Я поднялся и тоже стал одеваться. — В целом еще не определился окончательно.

— Когда определишься, сообщи.

— Зачем?

— От этого будет зависеть, стану ли я относиться к тебе как к ресурсу.

— Что ж, по крайней мере честно.

Мы встали друг напротив друга. Мне показалось, что Лата избегает смотреть прямо в глаза. Неужто еще какую гадость удумала?

Птичка-интуиция меж тем притаилась и помалкивала.

— Зачем нам в Лиманск? — спросил я. — Там части цацки?

— Одна из двух оставшихся.

— Откуда тебе известно?

— В ПДА полковника есть инфа с координатами.

— Как вообще «чистонебовцы» узнали о местонахождении артефактов, которые только-только появились?

— Понятия не имею, я в детали не лезла. Ученые обнаружили какие-то характерные аномалии и указали точки на карте. Люди Романа пытались сами собрать куски этой хреновины, но все исполнители либо погибали, либо исчезали в завихрениях.

Я легонько тронул девушку пальцами за скулу и все-таки заставил посмотреть мне в глаза. Она не стала сопротивляться.

— Каких завихрениях?

— Разве ты еще не понял? Этот артефакт создает временные петли.

Я на какой-то миг остолбенел, переваривая услышанное. Временные петли, значит. Завихрения. Вот оно как, братцы. А что? Это по крайней мере многое объясняет. И хождение задом наперед попавших в аномалию людей, и гибель Беса в печке, и паренька-отмычку, который странным образом оказался в подземельях Янтаря. И трупы с неестественно вывернутыми конечностями. Я ведь еще тогда подумал: такая подвижность суставов бывает лишь у младенцев... Для несчастных просто-напросто время пошло вспять, и их частично перебросило в детство. Да уж, не позавидуешь такому изысканному варианту смерти.

Кстати, наше чудесное спасение теперь не выглядело для меня таким уж чудесным. Подумаешь, завернулось в спираль темпоральное поле и не разорвало Дроя на куски, а выкинуло в колодце несколькими часами раньше, целого и невредимого. Да и сам я не сгинул на той падающей радиовышке.

Действительно: подумаешь, ерунда какая...

Правда, так и осталось загадкой: кто же все-таки рисовал эти символы бесконечности черной краской? Пропавший отмычка, узнавший нечто важное о будущем? Кто-то другой из альтернативных временных веток, вернувшийся на манер бумеранга?

— Колотить мой лысый череп, — произнес я вслух. — Получается, Болотный Доктор не врал, что при помощи этих цацек можно судьбу менять.

— Насчет судьбы не знаю, но локальные временные аномалии создавать вполне получается.

— Сам видел, не дурак. Только контролировать их мы так и так не сумеем. Аномальные свойства «бумеранга» проявляются спонтанно.

— У наших умников... — Лата осеклась. Покашляла в кулак и продолжила: — Ученые «Чистого неба» выдви-

нули гипотезу: кто соберет все компоненты этого артефакта, сможет управлять им по своему желанию.

Я долго ничего не отвечал. Вот как, оказывается. А ведь ни приведи господь такая шняга в руки военных попадет — солдат можно к динозаврам отправлять. Ротами. Хотя что там роты, армии можно к праотцам посылать! Это же получается... самое настоящее оружие нового поколения.

Впрочем, мне-то что. Мне до солдафонов дела нет, по большому счету. Пусть сами в войнушку режутся, а у меня есть личные потребности. Скромные, но изящные: твердая почва под ногами, свежие харчи в подсумке и правильная информация, которую можно обменять на любые богатства мира.

— Решила в повелительницу времени сыграть? — наконец поинтересовался я, улыбнувшись одними глазами.

— Там видно будет, — уклончиво ответила девушка.

— А не боишься, что это очередная западня, которую нам приготовила Зона?

— Боюсь. — От уголков ее глаз тоже скользнули задорные лучи морщинок. — Но искушение велико, не правда ли?

Из-за обшивки катера донеслись глухие звуки, похожие на удары свайного молота, и почти сразу гулко ухнуло. Правильно, не бывает так в Зоне, чтобы в одном и том же месте слишком долго царил мир и покой. Если почувствовал себя в безопасности, варианта, как правило, два: либо ты умер, либо скоро умрешь, потому что — наивный болван.

— Так что? Со мной пойдешь или отправишься на Кордон за своими непутевыми друзьями? — спросила Лата, пробираясь в кабину «Урагана».

— У меня нет непутевых друзей, — жестко ответил я, усаживаясь на штурманское место и активируя пушку. — Им просто не повезло.

То, что я увидел за ветровым стеклом, понравилось мне мало. Вовремя спохватились, прямо скажем! Опо-

здай мы еще на полминуты, и казус мог бы выйти неимоверный.

Из-за поворота на полной скорости вывернули три мотоцикла с колясками, на которых сидели сталкеры из клана «Свобода», вооруженные до зубов. К прискорбию, у одного из них я даже углядел противотанковый гранатомет. Эти бравые ребята понеслись нам навстречу, газуя и выдавая короткие автоматные очереди по курсу. Тот, что держал базуку, завидев наш «Ураган», вскинул трубу на плечо и стал готовиться к выстрелу. Благо дело, ему не удалось быстро прицелиться, потому что старый «Днепр» мотало из стороны в сторону на неровностях шоссе.

Лата включила зажигание, дождалась одобрительного гула двигателя и выжала акселератор до упора. Нагнетатели с утробным воем выпустили тугие струи воздуха, качнув нашу машину. Катер подскочил над асфальтом, подняв целую тучу пыли, и рванулся вперед.

Я повел рукоятью в сторону, наводя ствол пушки на мотоцикл со стрелком, и вдавил гашетку. Укрепленное на крыше орудие разродилось трескучей очередью, но снаряды ушли в «молоко». Я не рассчитал траекторию верткого «Днепра» и попал по сгоревшему автобусу, превратив одну из его стенок в рваное решето.

Водители мотоциклов, сообразив, что тягаться с крупнокалиберной автоматикой им не под силу, тут же рванули врассыпную.

Один с перепуга вильнул в кювет, где его уже поджидал пятачок размягченной в серебристом мареве «зыби». Колеса «Днепра» моментально увязли в поле аномалии, а незадачливые «свободовцы» по инерции вылетели из седел и, спикировав над остатками металлической оградки, переломали касками сухие кусты ивняка. Стукнувшись о стволы деревьев, они выбили с крон рыжие облака мелкой листвы.

Оставшиеся на ходу водилы совершили более удачные маневры: обогнули нас с двух сторон и зашли в тыл.

Лата сориентировалась быстро. Она тут же притормозила и развернулась, чтобы не подставлять под удар уязвимую кормовую часть катера. На вираже нас ощутимо качнуло в креслах.

Я приготовился стрелять, но в недоумении остановил занесенный над спусковой кнопкой палец, глядя на удаляющиеся мотоциклы, за которыми стелились клубы пыли.

— Кажется, они удирают, — констатировала Лата.

— У одного бойца я видел гранатомет, — удивленно хмыкнул я. — Будь он посноровистей, давно бы подпалил «Ураган».

— Значит, архаровцам не до нас. Черт возьми, да они же сваливают что есть мочи!

— Разворачивай машину!

— Пытаюсь! Говорю же, я с этой техникой не ахти как управляюсь.

За ту секунду, пока Лата манипулировала нагнетателями, перед моим мысленным взором пронесся целый веер жутких картинок с чудовищами, от которых мог драпать целый моторизованный отряд. Псевдогигант? Стая бешеных снорков? Селекционная помесь кровососа с полтергейстом?

На поверку все оказалось гораздо прозаичнее и намного хуже.

Вот, оказывается, кто так ногами топал...

На излете мысли я вдавил гашетку, выпуская по надвигающемуся монстру длинную косую очередь, которая срикошетила от нагрудных броневых пластин и практически не причинила тому вреда.

Дело табак.

— А ты говоришь, везучий! — крикнул я, снова давя на гашетку. — Свинтили подальше от конфликта «Долга» и «чистонебовцев», зато угодили в самую гущу разборок «Свободы» и «Монолита»!

— Бесполезно! Нашей пушкой «Сентри» не взять!

Я и сам видел. Человекоподобной механической машине, которая шагала нам навстречу по трассе, проми-

ная асфальт, словно парафин, крупнокалиберные пули были что твой горох. Туловище, оснащенное крепежными узлами, подвесками для оружия и бронированное панцирными пластинами, походило на серый холодильник, правда, размером с внедорожник. Две суставчатые опоры приводились в движение мощными сервоприводами, и монстр не только вполне уверенно держался на «ногах», но и мог сносно маневрировать. Кабина-голова поворачивалась на 360 градусов, что делало для пилота процесс обзора местности быстрым и удобным. Многослойное лобовое бронестекло отменно держало выстрел из 22-миллиметрового орудия, пуская лишь паутинки трещин. А руки-манипуляторы были приспособлены для захвата крупных объектов, и я бы очень не хотел, чтобы наш катер стал одним из них.

«Power Sentry» — в русской версии просто «Сентри» — изначально разрабатывался натовцами как стационарный, управляемый человеком каркас для оснащения защитных кордонов и проблемных блокпостов. Но, видно, «монолитовские» умельцы поколдовали над передвижным механизмом и переоборудовали эту машинку в самый настоящий шагающий танк, который с минуты на минуту грозил превратить наш казавшийся таким надежным катер в груду металлолома.

Во всем мире военные стремились к минимизации амуниции и боевых систем, применяя не только свежие сборочные решения, но и наноассемблинг как образец эргономики управления и оптимизации высокотехнологичных процессов. Поэтому на фоне крошечных компьютеров, бактериологического оружия и восстановительной микрохирургии этот образец ходячего бомбовоза мог показаться неуклюжей фантазией романиста из прошлого века. Пожалуй, если бы я увидел сие мракобесие на открытке или в кино, мне бы так и показалось. Но не в этот раз, братцы! Когда на тебя надвигается боевая машина высотой с двухэтажный дом, то всякую футуристи-

ческую близорукость как-то отшибает. И задумываться о дизайнерских изысках, знаете ли, становится некогда.

Немудрено, что мотоциклисты так резво драпали от этого механического чудовища.

— Сумеешь обогнуть его? — спросил я, с ужасом глядя, как пилот «Сентри» зашевелился в голове-кабине, нацеливая на нас парные раструбы «плечевых» стволов.

— Места мало, но попробую.

— Хоть бы знать, чем стрелять собирается...

Спустя мгновение вопрос разрешился сам собой.

Громыхнуло. Из одного дула каждой пары на бедный «Ураган» обрушился целый шквал пуль, а два других выплюнули вперед языки пламени.

Броня катера выдержала, но переднее стекло пошло сеткой мелких трещин, а внешняя обшивка заметно нагрелась. На приборной панели замерцали несколько красных огоньков.

— Это ведь нехорошо? — полюбопытствовал я.

— Красные лампочки — всегда не к добру, — откликнулась Лата, уводя машину в сторону и пытаясь обогнуть противника слева.

Я повернул пушку и продолжил поливать «Сентри» свинцовым градом, с неудовольствием отметив, как цифры на счетчике снарядов стремительно побежали в направлении нуля. Но прекращать стрелять было никак нельзя: несмотря на то, что пробить панцирь монстра так и не удавалось, ударная мощь снарядов замедляла его, хоть как-то сдерживая натиск. Что от нас останется после того, как кончатся патроны, я старался не думать.

Меж тем девушке удалось проскользнуть между разворачивающимся «Сентри» и крутым берегом.

— Мы же на воздушной подушке! — запоздало осенило меня. — Почему бы не уйти от этой шагающей консервы прямо над рекой?

— Гений, да? — Лата резко повернула ко мне голову. В ее испуганном взгляде блеснули лучики азарта. — Обрыв слишком высокий. Я даже без приборов вижу, что

аэронагнетатели не справятся с перепадом высоты, и мы шлепнемся в воду.

— Понял, — быстро согласился я. — Пробовать не стоит.

Она вновь налегла на штурвал, обходя «Сентри» по широкому радиусу и выруливая на шоссе позади него. Пока мощная, но все же довольно громоздкая и инертная хреновина разворачивалась, мы удалились метров на сто, получив небольшую фору.

Но радоваться было рано. Не успели мы вписаться в поворот, как позади вновь раздались ухающие удары металлических ног, а рядом заплясали искры, выбиваемые пулями из асфальта.

Звон лопнувшего металла заставил нас вздрогнуть и зажмуриться. Одна из длинных очередей, выпущенных стальным монстром, угодила точно в заднюю часть и продырявила обшивку в нескольких местах. Хотя умелые конструкторы собирали «Ураган» на совесть, на кормовой защите они все ж сэкономили.

Наши бесценные тела не зацепило, но попавшие в салон пули основательно подпортили контейнеры с ценным снаряжением и покалечили проводку. Свет в пассажирско-грузовом отсеке моментально погас, а главное — в ровном гуле движка обозначилось нездоровое «фырчание» и снизу застучала трансмиссия. К тому же ни о какой герметичности теперь нечего было и думать.

— Еще разок так прицельно пальнет, и...

Договорить я не успел, потому что пилот «Сентри» пальнул. И, к великому нашему сожалению, очень даже прицельно.

От лязга и скрежета рвущегося металла заложило уши. Мы инстинктивно пригнули головы, Лата отвлеклась от управления, и катер чуть было не врезался в караульную будку, стоявшую перед въездом на разводную панель. Из нее выскочил ошалевший охранник в узнаваемой форме «Монолита», шарахнулся от воздушного

пресса, бьющего из нижних нагнетателей, и повис на рычаге блокировки моста.

Через сорванную с поршней заслонку в салон внесся вихрь бензиновой гари, мелких крупиц грунта и пластиковых осколков. Мы закашлялись, на зубах скрипнул песок.

Я, щурясь и отплевываясь, обернулся. Из-за караулки медленно появился клацающий манипулятор «Сентри», а затем и остальной силуэт шагающего робота, зловеще подсвеченный выглянувшим солнцем.

Очко мое, братцы, не то чтобы на минус сжалось, оно вообще устремилось к размерам геометрической точки. Ситуация складывалась — хуже некуда: без пандусной заслонки нам грозила полная и окончательная хана. Пилоту «Сентри» даже патроны больше не требовалось тратить; ему достаточно было подождать, пока сегменты моста окончательно поднимутся, отрезая нам путь к отступлению, и вжарить разок-другой из огнемета.

Эффект наверняка получится такой же, как если бы автогеном выжигать устрицу из раковины: одни угольки останутся да зловоние.

Половинки моста уже начали подниматься и расходиться. И Лата прекрасно это видела. Но, несмотря ни на что, она не затормозила, а, наоборот, вдавила педаль акселератора в пол, выжимая из машины все ресурсы мощности. В двигателе что-то захлопало, из-под стыков в стене кабины повалил дым, и заискрило, чуть не ослепив меня. Но катер стал набирать скорость.

Что ж, тоже верно. Негоже помирать уныло, как говно в зимнем пруду.

Через несколько тягучих мгновений мы оказались на огневой линии орудий «Сентри», но пилот выстрелил не сразу. Видимо, его привела в некое замешательство не совсем адекватная реакция Латы на ситуацию, в которой люди, как правило, признают поражение и смиряются с неминуемой гибелью. Эти доли секунды и спасли наши бесценные тела.

В момент страшного залпа из огнеметов наш катер уже влетел на поднимающуюся часть моста, как на трамплин. Оранжевые буруны пламени лизнули асфальт, едва не дотянувшись до кормы, и обессиленно откатились. Мимоходом пилот «Сентри» чуть было не спалил своего же соклановца, который еле успел сигануть обратно в караулку.

Дохнуло жаром. «Ураган» мотнуло, словно щепку в бурном потоке, мы подскочили в креслах, ударившись темечками о потолок. В глазах потемнело, но адская боль в прикушенной щеке не дала организму поблажки, и я не потерял сознание. Прострелило аж до копчика.

Стрелка спидометра упала направо и уперлась в отметку «100». Для машины на воздушной подушке это была сумасшедшая скорость, которую могли развивать разве что водилы-самоубийцы.

— Йопт... — Я вцепился в приборную панель, зарекаясь ездить с этой камикадзе не пристегнутым. — Шмотри ж, куда несешься!

— Держи-и-ись! — совсем по-девчоночьи завизжала Лата и потянула руль на себя изо всех сил.

«Ураган» с воем задрал морду, выдув из носовых нагнетателей горячие потоки воздуха, один задний ходовик задымил, и турбина взорвалась, отправляя нас в практически неконтролируемый штопор над разверзнутыми сегментами моста. Сквозь оглушительный грохот я расслышал свист рикошетящих пуль, которые уже не могли причинить нам вреда, ибо даже касательные их траектории пролегали далеко от нашей крутящейся машины. В калейдоскопе мелькнувшей за треснувшим стеклом панорамы я успел различить темное полотно воды, летящую опору парапета, которую мы своротили в последний момент, и стремительно приближающийся противоположный край моста.

Дотянем — не дотянем?

Гадать долго не пришлось. Днище катера заскрежетало по наклонной плоскости с таким противным звуком, что аж ногти на ногах заболели. Нижние нагнетали

уже вышли из строя, поэтому наш «Ураган» просто волокло под действием чудовищной инерции. Через несколько метров мы юзом ушли в сторону и чиркнули бортом по опоре, снеся с бетонного столба кронштейн, на котором был укреплен подъемный трос. Катер развернуло кормой вперед, и в салон полетел мусор. Мы черпанули грунт, как совком. Если бы не надежные кресла — нас бы с Латой пульнуло над Лиманском, как из катапульты. А так ничего: только в спинку вдавило, словно летчиков-истребителей на вираже.

Я второй раз прикусил щеку и крепко приложился затылком о подголовник. От полученной недавно контузии в голове вновь зашумело, а перед глазами запрыгали разноцветные чертики. Весело-то как...

Вроде бы остановились. Я поморгал, приходя в себя и пытаясь сориентироваться.

Катер накренился на левый борт и увяз в кювете, возле старых гаражей, рядком стоящих вдоль улицы. Несмотря на резкое торможение, нас все же довольно далеко утащило от моста. Из-за сильного крена все незакрепленные вещи в кабине ссыпались к дверце. Сам же я навис над Латой, будто пиндостанский орлан, пикирующий на ближневосточного суриката.

Наверное, со стороны это выглядело забавно.

— Цел? — тряхнув головой, спросила девушка.

— Бывало хуже. У тебя права-то есть?

— Я почти сдала на универских курсах, — виновато пожала она плечами, выкарабкиваясь из кресла. — Практический экзамен оставался.

— Бесподобный результат получился бы, — пробубнил я, морщась и трогая языком прикушенную щеку. — Инструктор был бы в восторге.

— Не умничай, — оскорбилась Лата. — Я твою фонящую задницу спасла, между прочим.

— Жду не дождусь, когда осерчавшие «монолитовские» боевики заглянут к нам и разубедят тебя в столь опрометчивых выводах.

— Не нравится — не ешь, — невпопад ответила она. — Я тут сидеть и ждать «монолитовцев» не собираюсь.

— Твоими бы устами да консервов зачерпнуть.

Я помог девушке перебраться в задний отсек, где картина катастрофы была всеобъемлющей. Мы осторожно переступили через битое стекло, развороченные пулями контейнеры, осколки панелей с острыми краями и подобрались к уцелевшим ящикам, встроенным под сиденья.

— Бери только самое необходимое, — скомандовал я, извлекая защитный костюм и укороченный «калаш». — Оружие, патроны, защиту, еду, горючее. Далеко до локации с артефактом?

— Рукой подать, но...

— Что «но»?

— Скоро будет выброс, я уже говорила твоим приятелям. Нам нужно подобрать цацку и схорониться в подвале.

Я прислушался. Со стороны моста доносились команды и ухающие звуки топчущегося «Сентри». Раздавались щелчки и клацанье. Подъемный механизм, кажется, снова включили, и сегменты стали сходиться.

— Если мы через минуту не уберемся, то никакой выброс нам уже будет не страшен. И так повезло, что здесь никого из охраны не оказалось.

— Подержи-ка рюкзак...

Мы быстро уложились, я осторожно выглянул из-за поцарапанного борта «Урагана». И не зря. Следы нашей деятельности заслуживали того, чтобы на них полюбоваться. Перекореженный парапет моста неровными чугунными фестонами свисал над туманными водами речушки. На противоположном берегу замер в боевой готовности «Сентри», пилот которого ждал, когда путь будет свободен, чтобы догнать ускользнувшую добычу. Вокруг караулки собрались несколько облаченных в штурмовые костюмы сектантов и молча смотрели на нас.

То ли у них не было снайпера, то ли они собирались нас захватить живьем.

Ага, размечтались, касатики.

Я извлек из-под обломков свою «Орду» и ввел на панели код, активирующий резервную систему. «Гаусс-режим активен. Зарядка 16%. 1 снаряд» — услужливо высветилось на экране. Должно хватить.

— Что ты задумал?

— Немного усложню ребус этим архаровцам.

Я присел на колено, хорошенько прицелился и плавно нажал на спуск. Катушка разрядилась, над ухом громко хлопнуло, и пуля с воем ушла в цель. «Монолитовцы» заблаговременно попадали наземь, но зря напрягались: стрелял я не по ним — много чести единственный патрон на этих религиозных самородков тратить.

Точным выстрелом я окончательно снес крепеж троса на опоре, который мы уже повредили боковиной катера при феерическом прыжке. Сверхзвуковой снаряд лишил балку доброй половины бетонного наполнителя и арматуры, скобы раскрылись, и края лопнувшего троса со звоном разлетелись в разные стороны.

Сегмент еще секунду продолжал плавно опускаться, и мне уже начало казаться, что отличная задумка провалилась. Ан нет. С немыслимым скрежетом плиты и несущие двутавры вместе с дорожным полотном перекосило. Один край завалился, прогнувшись вниз, словно уголок платочка из нагрудного кармана пиджака. Бамц-бабамц. Впрочем, чему тут удивляться? Стоило ожидать, что качественные характеристики подъемника оставляли желать лучшего, а должными пределами прочности инженеры пренебрегли, стараясь сэкономить на стройматериалах. Возводилось-то все наспех, да и постоянные стычки группировок с сопутствующими взрывами и обстрелами явно не прибавляли конструкции надежности.

Когда «монолитовцы» отреагировали и подняли рожи, челюсти у них, по всей видимости, отвалились. Половина моста рухнула в воду, утянув за собой обе опоры

и надолго парализовав транспортное сообщение между Лиманском и Рыжим Лесом.

Ничего-ничего, привыкайте к изысканным вариантам отступления в исполнении вольного сталкера Минора.

Я отбросил ненужную более «Орду» внутрь искалеченного катера и помахал им рукой:

— Прощайте, братцы сектанты.

— Изящно, ничего не скажешь, — оценивающе покивала Лата. — Ты умеешь уйти по-английски. Только теперь лучше следующие форпосты «Монолита» обходить за версту: обидел ты их как пить дать не по-детски.

— Я вообще много за последние дни врагов нажил в Зоне. Сам себе удивляюсь.

Мы облачились в комбинезоны ЧН-3а, нацепили шлемы, подхватили оружие, рюкзаки и, внимательно глядя по сторонам, потрусили в глубь территории, которая по праву считалась городом призраков.

Загадочный пгт Лиманск гостеприимно предоставил нам свою единственную сквозную улицу, вдоль которой тянулись ветхие двухэтажные дома, опустевшие газоны, ржавые гаражи. По пустынным, заросшим бурьяном тротуарам легкий ветерок гонял обрывки газет, гремел пустым детским ведерком, поднимал вихри пыли в покинутых песочницах под гнилыми «грибочками». От этого запустения, замороженного в янтаре времени, складывалось двойственное ощущение. С одной стороны, радовал тот факт, что аномалий здесь гнездилось мало, да и мутанты встречались редко. С другой... С этой — трижды проклятой в пределах Периметра и за ними — другой стороны, темные человеческие силуэты, очерченные мазками гари на облупившихся стенах домов, и брошенный, казалось бы, только что скарб серьезно давили на психику. Неизвестно, что произошло с жителями этого места. Говаривали, будто давным-давно во время сильного выброса все они превратились в зомбаков и разбрелись по окрестностям, пугая малоопытных бродяг.

А кто-то утверждает, что внизу есть целая система катакомб, в которой до сих пор живут эти несчастные, не ведая, что Зона изменилась много лет назад. Сотни баек можно услышать от подпитых ветеранов в баре «№ 92», и понятно, что львиная их доля — выдумки.

Только вот брошенные детские игрушки и обгоревшие силуэты возле пустых подъездов... Не должно так быть. Неправильно это даже для циничных реалий Зоны.

Небо впереди постепенно наливалось багряным свечением, которое вроде бы пошло на спад после предыдущего катаклизма, но, так и не исчезнув полностью, снова стало усиливаться. Неужто и впрямь грядет еще один выброс? Ну и ну! Невиданное дело, братцы, чтобы так вот подряд-то, практически без перерыва. Что-то Зона опять приготовила своим обитателям.

Когда мы достаточно отошли от моста и взбешенные моей выходкой «монолитовцы» скрылись из виду за зданием клуба, я остановился. Лата тоже встала, поправила рюкзак и вопросительно посмотрела на меня сквозь линзы противогаза.

— Покажи-ка точное место, где должен находиться артефакт.

Она достала ПДА и вывела карту. Укрупнила северо-запад, потом Лиманск и наконец ткнула в метку. Я прикинул: совсем рядом от нас, только вот... подозрительно близко к реке.

Осторожно отодвинув девушку в сторону, я прошел вперед еще полсотни метров, свернул с проезжей части и, предварительно швырнув по курсу болт, пересек выгнувшийся волнами асфальтовый тротуар. Остановился в узком проходе между вросшими в землю гаражами и уперся взглядом в котлован, образованный когда-то взрывом на заднем дворе одного из домов.

— Не было печали...

— Что там? — нахмурилась Лата, подходя.

— Полюбуйся. Судя по координатам, артефакт — тютелька в тютельку в этой шняге.

Она проследила за моей рукой и замерла в недоумении.

— Не может быть.

— Может, голубушка, может. Глазам своим я стараюсь верить даже в Зоне и даже со скидкой на оптические причуды. А здесь все четко, как видишь. Никаких причуд.

Перед нами шумели радиоактивные воды речки, которая в этом месте отбрасывала рукав и образовывала проточное озеро в котловане. И метка на карте полковничьего гаджета указывала в самый центр фонящей жижи.

— Зашибись, — констатировала Лата, приваливаясь к крыльцу и зло сопя через фильтры маски. — Туда лезть нельзя: «тройки» хоть и хорошие костюмы, но не выдержат.

— Не паникуй. Нужно для начала найти метку, — пробормотал я. — Обычно они... в общем, вроде подсказок.

— Какую метку?

— Восьмерка, опрокинутая набок, или символ бесконечности — как тебе больше нравится. Черной краской нарисована. Ищи, чего уставилась?

Лата хмыкнула, но возражать не стала.

Мы начали исследовать двор и примыкающие постройки метр за метром. Я аккуратно обошел озеро и приблизился к поленнице. Точнее, к тому, что когда-то было поленницей. Теперь дрова валялись бесформенной кучей, скособоченной в сторону кустарной душевой кабинки с черным баком на крыше. Я перебрал деревяшки, одну за другой бросая в сторону. На них ничего не было. Присмотрелся к стенкам душа из гофрированного пластика — тоже ни намека. Чтобы закончить с изучением этой части палисадника, мне пришлось вскарабкаться по хлипкой лестнице на крышу и, рискуя свалиться вместе со всей подгнившей конструкцией, осмотреть бак для нагрева воды. На глянцевитой чернильной краске можно было запросто не заметить знака, поэтому я с особой тщательностью прошелся по каждому сантиметру. Шиш.

Так или иначе, нужно было продолжать поиски.

Я приложил ладонь козырьком ко лбу, прикрывая глаза от солнца, проглянувшего сквозь сгрудившиеся возле горизонта тучи. Оглядел двор, примечая места, где еще мог бы притаиться символ. Крыльцо, которым сейчас занималась Лата, водосточная труба, крыша сарая, алюминиевый скелет теплицы, стол с переломленной пополам скамьей, колодец. Демоны Зоны! Да тут можно целую вечность лазить в поисках долбаной подсказки...

Хрясть.

Лата провалилась под крыльцо так неожиданно, что даже вскрикнуть не успела. Гнилые доски не выдержали, и девушка мигом скрылась в полости фундамента вместе с оружием и рюкзаком. Несколько щепок взметнулись над образовавшейся дырой, мелькнув в косых солнечных лучах, а лежавшие на ступеньке гвозди и осколки черепицы посыпались следом за Латой.

Не успел я толком испугаться за нерасторопную дуреху, как из пролома послышалась возня и бормотание, щедро сдобренные отборным матом.

— Кости не переломала? — поинтересовался я, спрыгивая с душевой кабинки.

— Вроде нет, — откликнулась она. — Здесь, кажется, есть проход... Постой-ка... Как, ты сказал, должна выглядеть метка?

— Восьмерка или символ бесконечности. — Я достал фонарик и заглянул вниз. — Что-то нашла?

— Ага. Забирайся.

— В каждом подобном доме есть обычный люк с лесенкой, ведущей в подпольные помещения, — проворчал я, отколупывая острые края досок и спускаясь. — Ты же умудрилась попасть сюда путем обрушения крыльца. Видать, у тебя хорошо получается магнитить неприятности.

— Ну извини, — донеслось из глубины. — Это ты у нас везучий и не обремененный. Не всем дано.

— В аномалию не угоди. Некогда от стен брызги кровавые отскребать.

— Варежку завали, умник. — Она помахала фонариком. — Гляди сюда: такой знак требовался?

Природа наградила меня недюжинной выдержкой и пофигизмом, поэтому я не поддался первому порыву — перегнуть нахалку через колено и хорошенько отшлепать по крепкой попе. Хотя стоило, прямо скажем. В воспитательных, понятное дело, целях, а не в эротических: какая эротика, прости господи, может быть в бронежилете и комбезе?.. В общем, я решил оставить без внимания девичью грубость: что поделать, таким вот миролюбивым флегматиком уродился.

Я пригнул голову и осторожно пошел по бетонному ребру фундамента, светя под ноги и по сторонам. Слева имелась глухая шершавая стена, уходящая глубоко в грунт, справа сквозь выемки в плите виднелись пустоты, в одну из которых и угодила моя напарница. Внизу поблескивала вода: видимо, подпол был наполовину затоплен. А над головой нависали торчащие гвозди, куски обломанных труб, ржавые листы жести.

Лата стояла, раскорячившись между двумя выступами, и высвечивала перед собой овальное пятно на стене, в центре которого чернел знакомый до озноба символ. Я придвинулся ближе и провел пальцем по краешку опрокинутой восьмерки. Как и в прошлые разы, краска была свежей: на перчатке осталась смазанная темная клякса. Но к этому я уже стал привыкать. Озадачило меня другое: возле метки была пририсована стрелка «вниз».

— С точностью до наоборот, — прокомментировал я.

— Что это значит?

— Прошлую цацку мне пришлось снимать с вышки на высоте пары сотен метров. Там у подножия был значок с указателем «вверх». И аналогии, которые возникают сейчас в моем воспаленном от переутомления мозгу, очень печальны.

Лата посмотрела на меня. В круглых стеклах маски прыгали блики от наших фонариков, а самих глаз видно

не было, от чего взгляд показался мне нечеловеческим и жутковатым.

— Раньше метки врали? — уточнила она.

Я вздохнул и отрицательно мотнул головой.

— Стало быть, давай искать путь вниз.

— Куда вниз? — тупо спросил я. — В базальтовый слой? К центру планеты? Наш таинственный незнакомец-провожатый, оставляющий подсказки, забыл указать расстояние.

— Знаешь что, фонящая задница, — завелась Лата, — если уж мы оказались в гадючнике под Лиманском, давай хотя бы не будем ныть. Тут и так сыро.

— Вот именно, сыро. Предлагаешь шарить руками в грязи по всему подвалу?

— Стоп.

— Прямо скажем, давно пора...

— Да помолчи ты!

Лата внимательно оглядела один из выступов, нагнулась, придерживаясь за столб, и посветила фонариком в воду. Наклонилась еще ниже, пошатнулась и чуть не обронила оружие. Мне пришлось придержать ее за край броника и дернуть за ремень СГИ-5к — надежную штурмовую винтовку, которую некоторые сталкеры называли «швейцаркой».

— Это не подвал, — выпрямляясь, сказала Лата. — Мы с тобой неучи и дилетанты в строительном деле. Подвал — ниже.

— Круто. Значит, он затоплен. Тебе полегчало?

— Лиманск — не простой поселок для скучающих дедушек и бабушек. Это научный городок. Ты бывал в местном подполье?

— Нет, — признался я. — Но не понимаю, в чем отличие?

— Согласно планам застройки, которые я мельком видела в штабе «Чистого неба», подвалы некоторых зданий сооружались по принципу мини-бункеров. Здесь не только ученые, но и военные руку приложили.

— Хочешь сказать, что нижние помещения могут быть герметичны? — Я скептически оглядел полуразрушенные стены. — Сомневаюсь, что под такой хибарой запрятано бомбоубежище.

— У тебя есть какие-то другие идеи? — раздраженно спросила Лата.

— Вынужден признать: нет.

— Тогда ищи, — усмехнулась она, явно передразнивая меня, шпынявшего ее четверть часа назад. — Вход ищи. Чего уставился?

Мы стали плавно перемещать лучи фонариков вдоль стен и уходящих под воду опор. Я внимательно осмотрел ребро фундамента, на котором стоял, потом закинул «калаш» за спину и вытащил складную саперку, которую успел прихватить из «Урагана».

— Копать собрался?

— Стучать.

Придерживаясь за металлическую скобу, я медленно перенес ногу через воду и оказался на другой стороне плиты. Здесь мне пришлось прижаться спиной к бетону и ухватиться за прутья арматуры, выступающие сверху.

— Новости три, — сообщил я Лате, осмотревшись. — Отличная, хреновая и невыносимо хреновая.

— Начинай с позитива, — предложила она.

— Простукивать ничего не придется, вход в подвал я нашел.

Девушка развернулась, сыпанув в воду камешки из-под ботинок. Внизу булькнуло и затихло. Мелкие волны, пошедшие кругами, заставили мое сердце екнуть.

— Ни с места! — резко скомандовал я. Лата замерла. — Перехожу к негативу.

Я протер стекла маски перчаткой и всмотрелся в пространство перед собой. Нет, братцы, ошибки не было: в паре метров от плиты, на основании которой я балансировал, в воздухе виднелись мерцающие искорки насыщенно-синего цвета. Они вспыхивали и неторопли-

во гасли, напоминая рой тусклых светлячков. Тут и без фонарика все ясно.

— Значит, так, поганая новость номер раз: тут висит «электра», — сообщил я. — Судя по размерам и интенсивности свечения, не очень мощная, но если коротнет, на прожарку наших с тобой тушек энергии хватит. «Трешки» не спасут.

— Висит и висит, — непонимающе откликнулась Лата. — Что с того? Мы ж ее не трогаем.

— Нижняя граница аномалии, если я правильно определил, в паре сантиметров от поверхности воды. Поэтому, если б ты пустила волну чуть крупнее, то мы превратились бы в угли.

Лата ойкнула. Вот-вот, девочка, правильно, надо бояться, чтобы не терять бдительности. Зона не любит шибко смелых и не привечает фривольность.

— Костюмы точно не выдержат? — наконец спросила девушка. — У «трешек» неплохая изоляция.

— Хочешь проверить?

— Не особенно жажду. Неужели есть новость еще гаже?

— Ага. Люк в подвал — под водой.

На этот раз Лата даже не ойкнула. Она промолчала, осознав, наверное, всю трагикомичность ситуации.

Положение сложилось и впрямь дурацкое: вроде бы вот он — вход в бункер. Внутри наверняка ждет артефакт, там можно поспать, прийти в себя после безумных скачек на Янтаре и возле Рыжего Леса, переждать надвигающийся выброс, в конце концов. Но ты попробуй туда попади. Залезть в воду взрослому человеку, не пустив даже небольшой волны, безумно сложно. Это равноценно попытке проскочить под колесами несущегося поезда: шансов, что повезет, один из ста. Рискнуть? Ой ли. Моя бесценная задница стоит дороже, чем любая цацка в мире. К тому же мертвым хабар ни к чему.

Короче, вляпались мы порядочно, ничего не попишешь.

— Помоги-ка, — попросила Лата.

— Только не урони чего-нибудь, — напрягся я, упираясь в армату и подставляя плечо. — Отпрыгнуть от брызг я не успею. Махом сожжет.

Она перебралась на мою сторону, прижала локтем «швейцарку» и достала ПДА. Сканер подтвердил, что мощности аномалии хватит для смертельного поражения током. Неутешительно.

Лата повернулась ко мне и вновь блеснула кругляшками линз в свете фонарика.

— Как ты сказал про брызги?

— Про брызги? А-а... Ну сожжет к черту, если закоротит.

— Нет-нет. Ты сказал: отпрыгнуть не успею.

— И?

— Отпрыгнуть не успеем, а вот подпрыгнуть...

— Я абсолютно не догоняю хода твоих мыслей, но мне уже дискомфортно.

— Все элементарно, сейчас объясню. — Лата зачем-то потрогала острие саперки и осторожно нагнулась, разглядывая запорное колесо люка под водой. Потом оценивающе оглядела синеватое облачно «электры», распрямилась и вынесла вердикт: — Что ж, можно рискнуть.

— Вот теперь мне окончательно поплохело, — признался я. — Выкладывай, что задумала?

— Нужно коротнуть «электру» и попробовать попасть в нижнее помещение, пока она не перезарядилась.

— Да ты сбрендила, — ошарашенно сказал я. — Если аномалия сработает, здесь ничего живого не останется. Мы же мокрые! Это тебе не дистиллированная водичка, которая ток не проводит.

— Поэтому я и подумала: надо подпрыгнуть в момент замыкания. — Я не мог видеть лица девушки под маской, но почему-то был уверен, что в этот миг Лата улыбнулась. — Чтобы мы не касались ничего вокруг. Понимаешь?

— Понимаю, — медленно проговорил я. — А о высокой влажности ты подумала? По воздуху нас коротнёт не хуже, чем по воде.

— Не факт. Влажность, как показывает сканер, не критичная: около шестидесяти процентов. Чтобы пробить полметра воздуха при такой влажности, нужно неимоверно высокое напряжение.

— При разрядке «электр» оно как бы немаленькое. — Я посмотрел на фосфоресцирующий очаг аномалии. — Но рациональное зерно в твоем плане, несомненно, имеется. Если мы подпрыгнем одновременно и высоко... Может быть, и сработает. Тут заминка в другом. — Я невольно понизил голос. — Есть мнение, что «электры» обладают примитивным разумом и могут ударить в... помеху.

— Я слышала такую гипотезу. — Лата тоже перешла на шепот. — Но, даже если это действительно так, мы перехитрим электрическую дрянь.

— И каким же образом?

— Зачатки разума — это не разум. Реакция на раздражение у простейших всегда агрессивна, но предсказуема. Она должна среагировать на объект, который ее потревожил.

— На таком расстоянии «электра» не воспримет болт как агрессора. Она поразит того, кто его бросил. Проверено.

— Болт не воспримет. И саперку скорее всего не воспримет. А два сцепленных рюкзака, набитых тяжелым мусором, вполне может. Ведь амебе, по большому счету, плевать, что или кто посмел потревожить ее покой. По рогам наверняка получит наиболее массивный движущийся предмет.

В словах девушки был не только здравый смысл, в них сквозила надежда. Я волей-неволей улавливал и впитывал флюиды уверенности в успехе задуманного. Но, рассуждая трезво, следовало признать два сомнительных пункта в плане: шансы на удачный финал пла-

вали в пределах «пятьдесят на пятьдесят», влажность воздуха все-таки казалась мне опасно высокой.

А еще был третий момент — ни положительный вроде бы, ни отрицательный. Просто голый факт: кроме предложенного Латой варианта, у нас ничего нет.

— Нам придется связать рюкзаки и набить их хламом под завязку, — сказал я, как бы давая свое согласие на безумный эксперимент.

— Не просто под завязку, а чтобы в сумме их масса получилась больше твоей. Признавайся, сколько весит твой фонящий организм?

— Около девяноста кило. Плюс костюм, бронник, цацки, сухпай и оружие. Даже если мы умудримся набрать всякого дерьма и затолкать его в сцепленные рюкзаки, я физически не смогу швырнуть куль весом в центнер. Я его поднять-то с трудом смогу. А при условии, что стоять мне приходится, балансируя чуть ли не на одной ноге... В общем, идея хорошая, но невыполнимая.

— Все-таки ты паникер. Снаружи кажешься матерым ветераном и строишь из себя мачо, а в душе — паникер.

— Полегче на виражах. Могу и в глаз дать — не погляжу, что тетя.

Лата хмыкнула и извлекла из карманов два мутно-желтых образования с янтарными прожилками.

Вот те здрасьте. Она прихватила из катера «золотые рыбки» — дорогие артефакты, которые немного меняли гравитационные поля и при грамотном использовании могли значительно уменьшить вес переносимого хабара. Вес, но не массу.

Братцы, а ведь девчонка — умничка. Светлая головушка.

— На, — она протянула мне цацки, — не поперхнись.

— Хвалю за проявленную расторопность, — поблагодарил я, не выдав, впрочем, в голосе особого удовлетворения. — Теперь осталось соорудить здоровенную

хреновину, кинуть ее в аномалию, сиганув одновременно на полметра вверх, а потом — если выживем — в течение минуты откупорить люк, забраться внутрь и молиться, чтобы во время выброса обиженную «электру» выкинуло отсюда прочь. Сущие мелочи.

— Во дворе я видела несколько ржавых рессор и груду битой черепицы, — прагматично заявила Лата. — Пойдем грузить балласт.

Я помог ей перебраться на другую сторону плиты и полез следом, крепко закрепив фонарик сбоку шлема резинкой и следя, чтобы «калаш» не слетел с плеча. Шаг, еще один, вот и твердое бетонное ребро. Остановившись, я перевел дух. Гибкий силуэт Латы в угловатом бронежилете уже мелькал на фоне светлого пролома в крыльце. Интересно, мне кажется, или меня реально начинает напрягать, когда эта финтифлюшка пытается мной командовать?..

Через полчаса мы утрамбовали хлам в рюкзаки, накрепко связали их ремнями и спустились в подпол. Если бы не эффект от «золотых рыбок», мне не удалось бы и нескольких метров протащить этот баул над водой между сваями, трубами и арматурой. Но артефакты действовали исправно и, с учетом их антигравитационного поля, сцепленные рюкзаки, набитые рессорами, черепицей, ржавыми гвоздями и прочим мусором, весили килограммов тридцать — не много, но и не мало. Перебираясь возле грани плиты, я еле справился с ношей, хотя не показал этого Лате. Скажете: не так уж трудно? Ну-ну, братцы. Попробуйте удержать громоздкий тридцатикилограммовый куль одной рукой, цепляясь другой за скобу и стоя на узком сухом ребрышке. Если вы не чемпионы по пауэрлифтингу — сюрприз будет.

В конце концов я оказался в нужном месте и, выставив колено, облокотил на него рюкзаки. Перевел дыхание. Автомат, лопатку, подсумок отдал Лате и строго-настрого приказал ей оставаться по ту сторону плиты до тех пор, пока я не разряжу коварную ловушку.

«Электра» мерцала в шаговой доступности от меня, и ее синие искорки отражались в глади воды, неторопливо загораясь и угасая. Ждешь? Ну жди-жди.

Я глядел на аномалию, а она будто бы смотрела на меня. Выжидающе, пронзительно. Словно осознавая суть нашего противостояния. На какой-то миг мне показалось, что это тусклое сияние и впрямь с пониманием изучает меня, проникая нечеловеческим разумом в самую глубину души, где скрываются обрывки прошлого, почти стертые из памяти.

В голове зашумело, по прикрытой шлемом лысине пробежали мурашки. Ощущение напомнило мне ментальные узы контролера, всю прелесть которых я испытал под Янтарем. Накатило неясное беспокойство...

— Ты там не уснул? — прогремел голос Латы, заставив меня вздрогнуть.

— Все тип-топ, приготовься.

Ну и ну братцы. С каких это пор бывалый сталкер Минор стал так остро реагировать на обыкновенные аномалии? Непорядок. Если выберемся из этой затянувшейся передряги, нужно будет в обязательном порядке засесть суток на трое в баре «№ 92» и глушить ханку для восстановления нервного тонуса. Заодно радионуклиды из организма чуток выведу — наверняка нахватал за эти дни рентген на полгода вперед. А когда будет надоедать тупо напиваться, буду заходить к мерзкому барыге Фоллену и бить его сапогами по мурлу за то, что слил нас «чистонебовцам».

От этой мысли на душе слегка потеплело, и я сосредоточился на предстоящем действии.

Скажем прямо: неделю назад мне бы происходящее и в кошмарном сне не приснилось. Два человека в здравом уме и твердой памяти набивают рюкзаки всякой шнягой, кладут туда пару «золотых рыбок» — сбыв которые Сидоровичу на Кордоне, между прочим, можно безбедно прожить месяц-другой, — и собираются это хозяйство запулить в «электру». Но Зона непредсказуема. Что

вчера могло показаться полным безумием, уже завтра станет обыденностью. И наоборот.

Я прислушался.

Снаружи тихо, внутри тоже. Хоть бы вякнула чего, птичка-интуиция, а то без твоего затылочного щебетания мне как-то неуютно. Молчишь?

Молчит, зараза.

— Как договаривались, — сказал я через плечо. — Я считаю. На «два» — бросаю тюки, на «раз» — подпрыгиваем.

— Да, я все помню, — тихо подтвердила Лата из-за плиты.

Боится девчонка: по высоким ноткам на гласных слышно, и «картина дыхания» характерная. Это хорошо, внимательнее будет.

Я опустил ногу, убирая рюкзаки с колена, прижался спиной к бетону. Лопатки неудобно уперлись в бронежилет. От постоянного напряжения я вспотел, ткань костюма местами неприятно липла к коже.

— Готова?

— Подожди. — Сзади раздался шорох, и снова наступила тишина. — Да, теперь готова.

— Ты, помнится, просила сообщить, когда определюсь... Велика вероятность того, что мы через несколько секунд сдохнем, поэтому сообщаю: я не хочу относиться к тебе как к ресурсу. Просто имей в виду.

— Принято к сведению. Начинай считать.

Я слегка растопырил локти в стороны и, охнув, приподнял рюкзаки на уровень груди. Что ж, поехали.

— Пять...

Мышцы напряжены. Спина прямая, ноги чуть согнуты в коленях.

— Четыре...

«Электра» становится ярче. Быть может, и правда понимает, что двуногие собрались ее обдурить? Ну и хер с ней, пусть понимает, кладезь мегавольтов.

— Три...

Птичка-интуиция молчит и правильно делает. Теперь от ее трескотни уже пользы нет. Руки готовы к толчку. Синий свет от встревоженной аномалии заливает подпольное помещение, бросая на серые стены кривые тени от свай, многократно бликуя в темной воде.

— Два!

Я изо всех сил толкнул балласт, приседая. Обратил внимание, как вспыхнули «золотые рыбки», словно почуявшие скорую гибель. Их ярко-желтое сияние просочилось даже через плотную брезентовую ткань рюкзаков, которые, кстати, оказались гораздо инертнее, чем я предполагал. Траектория их полета слишком круто изогнулась...

— Раз!

Я оттолкнулся от пола что было мочи и в прыжке подтянул колени к груди, прищемив краем броника кожу на ляжках. Тюки врезались в нижнюю часть аномалии, и «электра» с оглушительным треском взорвалась, слепя меня даже сквозь закрытые веки. Открывая глаза, я успел заметить сотни молний, ударивших в разные стороны и окутавших смертельной паутиной наш самодельный муляж. Брезент мгновенно почернел, даже не вспыхнув. Рюкзаки вместе с упакованным хламом превратились в пепел, не успев долететь до поверхности воды. А расплавленные рессоры брызнули во все стороны оранжевым дождем. Одна такая капля угодила мне точно в лицо, и если б не защитное стекло маски, доживать бы мне век одноглазым калекой.

Хлобысь!

Грохнувшись в шипящую от кипящего металла воду, я упал на все четыре конечности и рефлекторно метнулся в сторону от испаряющихся прямо в воздухе брызг.

Зрелище получилось не для слабонервных. Схлопнувшийся кокон «электры» воспарил под потолок, из его гудящего эпицентра в разные стороны жахнуло еще несколько молний. Белесые клубы пара расплылись ниже, как миниатюрные облака, и из них сыпанул желтый дождь:

расплавленные крупинки железа с шипением ссыпались в воду и пошли ко дну, стремительно теряя яркость.

Лата плюхнулась рядом со мной. Фанатично поползла вперед. Сначала я решил, что ее все же зацепило разрядом и она повредилась умом, но тут же понял: девушка направилась к люку. Я подскочил к ней, вырвал из рук саперку и рявкнул:

— В воду свети!

В пляшущем луче фонаря нащупал еле заметную в поднявшейся со дна мути баранку запорного механизма и подергал туда-сюда. Люфт есть, но руками не открыть. Я покосился на приходящую в себя аномалию и уперся металлическим черенком лопатки, как рычагом. Навалился, чувствуя, что колесо слегка тронулось.

— Пошла!

— Помочь?

— Нет! Свети! И приготовься прыгать вниз, когда открою. — Я с сопением еще раз надавил на рычаг, проворачивая механизм. — Прежде чем «электра» перезарядится, нужно успеть попасть внутрь, задраить вход и выбежать из лужи! Ведь сейчас туда хлынет водичка...

Словно в подтверждение этих слов люк разгерметизировался, и я ощутил пальцами тягу: внутрь под давлением собственного веса стало затягивать грязный поток. Ой-ой-ой, как сильно засифонило.

Отбросив на край плиты саперку, я начал вертеть колесо руками, благо теперь оно шло хорошо. Оборот, еще один... Люк подался.

— И тянем-потяне-е-ем, — скомандовал я сам себе, изо всех сил таща тяжелую дверцу на себя.

Муть хлынула в открытый проход настоящим водопадом. Вокруг нас тут же образовалась воронка, которая чуть не снесла Лату с ног, а «электра», судя по мерцанию, уже наполовину восстановила свой опасный потенциал.

— Вниз! — просипел я, еле удерживая крышку обеими руками. Перчатки скользили, тугой водный поток норовил захлопнуть люк. — Скорее...

Девушка не заставила себя уговаривать. Она прижала к груди наши автоматы, светанула в узкий лаз фонариком и стала сбегать по ступенькам. Вода продолжала течь следом. Много, слишком много ее уже попало внутрь!

Лата спустилась, и пришла моя очередь. Я подтянул к себе носком ботинка саперку, поставил ее на манер подпорки, удостоверился, что лопатка держит люк, и скользнул вниз. В последний момент все же зацепил черенок локтем — сорвавшаяся крышка чуть было не размозжила мне пальцы и не снесла голову.

Клац! Повезло. Если б задело по темечку, никакая каска бы не спасла, братцы, от перелома шеи.

Резинка на шлеме порвалась, фонарик поскакал по ступенькам и замер метрах в трех внизу, высвечивая овал грязного кафельного пола. Я нащупал внутреннее запорное колесо и с остервенением начал его вертеть, стараясь остановить сочащуюся воду. Секунд через десять мне удалось задраить люк, и я, как бешеный сайгак, поскакал по крутой лестнице, рискуя в потемках споткнуться и переломать руки-ноги.

— Сюда! — услышал я крик Латы, когда оказался на скользком полу.

Времени на размышление не осталось, ибо, по моему внутреннему таймеру, «электра» перезарядилась и могла сработать в любую секунду. Поэтому я прыгнул на голос и луч фонаря. Оттолкнулся от перил и щучкой нырнул в боковой проход не разбирая дороги. Лишь бы подальше от проводящей ток лужи.

Вот смешно было бы, угоди мое тело сейчас в «трамплинчик».

Когда я снес стойку с какими-то склянками и, вновь до слез прикусив щеку, приземлился на бок, Лата уже была готова прийти на помощь. Она схватила меня за шиворот обеими руками и потащила в глубь помещения, а я инстинктивно задрыгал ногами, будто такие конвульсии могли ускорить движение.

Глухой хлопок донесся сверху, заставив мое сердце пропустить удар.

Мокрая лестница, лужа в предбаннике, осколки стекла, влажные разводы, оставшиеся от наших пластунских перемещений, — все это пронзила призрачно-голубая сетка тонких электрических изломов.

Сработай аномалия секундой раньше — меня бы непременно достало.

И — пиши пропало...

Еще пару остаточных молний метнулось по полу, будто «электра» в последний раз попыталась ухватить смекалистую добычу, и все стихло.

Я сидел, привалившись к стеллажу, и отрешенно созерцал те несколько сантиметров сухого пола между лужей и насквозь мокрым ботинком, которые спасли мне жизнь. В одиноком луче фонарика в окружении полной тьмы это крошечное расстояние казалось бесконечной пропастью. Мыслей не было. Я, наверное, на какое-то время перегорел, наподобие разряженной аномалии.

Грудь вздымалась от текущего в легкие теплого воздуха. В висках стучала кровь, линзы очков стали покрываться испариной. Температура здесь была однозначно выше, чем на поверхности. Интересно, почему? Не может же система отопления работать спустя столько лет? Ведь не атомный же реактор ее питает, в конце концов... Хотя в Зоне все может быть. Мало ли? До Саркофага не так уж далеко.

Я усмехнулся пришедшей в голову несуразице и стащил с себя шлем. Отстегнул лямки и стянул за фильтры маску. Действительно — в бункере было гораздо теплее, чем на улице: даже пар изо рта не шел. Не ниже пятнадцати градусов, стало быть.

В воздухе витал сладковатый душок озона. А еще здесь стоял мертвый запах затхлости. Такой можно встретить в заброшенных подвалах, где сломана вентиляция.

Лата тряхнула головой и тоже освободилась от надоевшего противогаза.

— Ты самый везучий сучий потрох, которого я когда-либо встречала, — вымолвила она, обтирая рукавом потное лицо и тоже глядя на роковые сантиметры, отгородившие меня от превращения в мясную запеканку.

Я только теперь обратил внимание, что сижу аккурат на каком-то твердом предмете, который врезался острым краем в ягодицу. С кряхтением привстал, запустил руку под задницу и нащупал до боли знакомую перекрученную ленту Мёбиуса.

— Везучий сучий, говоришь, — хмыкнул я, доставая предпоследнюю запчасть от «бумеранга» и осторожно прикладывая ее к остальным четырем.

Лата вздрогнула, но напрасно.

Темно-вишневый артефакт лишь слегка посветлел и встал на положенное место как влитой. Почему-то я был уверен, что на сей раз все пройдет без спецэффектов, и не ошибся. Кажется, чем сильнее становилась эта штуковина, тем проще она собиралась. Вот такая вот обратно пропорциональная зависимость, братцы. Очередной парадокс.

— Где ты это взял? — произнесла наконец Лата, поднимаясь.

— Под попой.

— Не заставляй меня поверить в мистику. Я материалистка.

Я убрал причудливое образование в герметичный карман комбеза и ответил:

— Во-первых, быть в Зоне до конца материалистом нельзя. Это даже звучит нелепо. А во-вторых, никакой мистики здесь нет. Я тебе уже говорил: мне везет просто потому, что я лишен большинства слабостей. Это делает контакт с реальностью плотнее, и в некоторые моменты судьба дает фору.

— Ты сейчас кого убедить-то пытаешься? — улыбнувшись, спросила Лата. — Себя или меня?

Я поглядел снизу вверх на ее подсвеченный профиль и сдался.

— Скорее себя. Наверное, мне нужно каждый раз находить какое-то объяснение собственному спасению. Иначе завтра может не повезти.

— В следующий раз, когда будешь искать объяснение, попытайся обойтись без этого дурацкого утверждения насчет обремененности. Ненависть, любовь... Все мы обременены ими в той или иной степени. Кто-то любит или ненавидит других людей, а кому-то, как тебе, близка опасность. Грань жизни и смерти. Что-то ты любишь, что-то ненавидишь. Быть может, по отношению к этой грани ты и обременен.

Я не стал отвечать. В тот момент мне было не до философских умозаключений. После пережитого стресса хотелось сытно пожрать и крепко поспать. Но прежде чем осуществить эти простые желания, нужно было обследовать подземный бункер. Я не могу спокойно обедать и уж тем более укладываться на боковую, не зная соседей. Мало ли какие еще здесь могут гнездиться аномалии. А вдруг — мутант? Вдруг в соседней комнате забаррикадировался шальной зомбак? Казус может выйти неимоверный, как сказал бы в такой ситуации один мой хороший приятель. И я с ним вынужден согласиться.

Я встал и подобрал автомат. Стряхнул с перепачканного «калаша» налипшую слякоть, щелкнул предохранителем и попросил:

— Посвети по сторонам. Медленно.

Девушка повела фонариком слева направо, освещая небольшое кубическое помещение, в которое мы попали. Интересный коленкор...

Тумбочка с закопченной керосинкой и пожелтевшей газетой, по которой рассыпаны давно окаменевшие крошки съестных припасов, оклеенная блеклыми обоями стена с заржавевшей и наглухо забитой пыльными фестонами вентиляционной решеткой, продавленная тахта, разбросанные по полу DVD-боксы и упаковки из-под виниловых пластинок, старая радиола, стальной препараторский стол в углу и стеллаж со штабелями пла-

стиковых коробов, на каждом из которых наклеен ярлык-метка.

Я подошел к опрокинутой канистре, которая заросла грязью, и встряхнул ее. Гулко булькнуло. Приоткрыл крышку и почуял знакомый аромат керосина.

— Что ж, по крайней мере без света не останемся.

— Шиковать не придется, — резонно осадила меня Лата. — Вентиляция забита.

— Пока запалим, а если будет сильно коптить — потушим. Нечего аккумуляторы фонаря зазря жечь.

— Как хочешь.

Я протер лампу рукавом, осторожно плеснул керосина в резервуар, подцепил пальцами фитиль и подтянул его. Пока плетеная веревка пропитывалась, я достал из аптечки штормовые спички и зажег одну. С пятого раза пламя занялось, да так полыхнуло, что мне пришлось быстро прикрыть его стеклянной колбой. Огонь успокоился, и дрожащий желтый свет разлился по всей комнате, наполняя ее каким-то жутковатым, тревожным уютом.

— За имитацию свечей сойдет, — фыркнула Лата. — А где теплая ванна с лепестками молоденьких тюльпанов?

— Тюльпаны в Голландии. А ванна... вон, — я мотнул головой в сторону лужи, — сядь, а «электра» тебе водичку согреет.

— Толстокожий мужлан, ни капли романтики.

— Достань сухпай, романтичная ты моя. Нужно поесть. Я осмотрю остальные помещения, а когда вернусь, чтобы на свежей накрахмаленной скатерти ждал плотный харч. Лобстеры под острым соусом и красное сухое вполне подойдут.

Лата ничего не ответила, но так блеснула глазами, что я аж отпрянул в показном ужасе. Все-таки деваха с характером, братцы, ничего не скажешь. У-ух! Такую объездить — и можно больше не беспокоиться насчет тихой обеспеченной старости. Если выживешь, конечно.

Я досуха обтер подошвы ботинок найденным под столом тряпьем и, приладив к цевью автомата фонарик,

двинулся в предбанник. Молнии по луже больше не скакали, но наступать на влажные пятна было боязно. Мало ли... Я, тщательно выбирая сухой путь, добрался до лестницы и обогнул опасную лужу по кафельному пандусу. Тут была криво прибитая вешалка для верхней одежды и еще одна дверь. Ее деревянное полотно перекосило, а наличник вывернуло спиралью, словно толстую стружку. «Гравикаракатица», что ли? Или излом постарался?

Нет, не похоже.

С брови сорвалась капелька пота. Кажется, здесь еще жарче. Да что ж за напасть? Этак нас заживо пропечет, охнуть не успеем.

Я, внимательно глядя через прицельную планку, осторожно двинул стволом «калаша» дверь. Она охотно распахнулась. Раздался хруст, и верхняя петля со скрипом отделилась от косяка вместе с несколькими длинными щепками. Все полотно накренилось и грохнулось на пол, подняв тучу пыли. Я отступил на шаг, чтобы держать под контролем весь проем.

Никого.

Воздух сухой и горячий.

— С кем воюешь? — крикнула Лата.

— Хавка откладывается, — отозвался я, заглядывая в душную комнату и залипая на пороге как вкопанный. — Бросай все и приступай к разбору решетки под потолком.

— Откуда так зверски печет? Ты что, батарею разворотил?

— Хуже: тут «жарка» обосновалась. Красивая такая, нажористая. Если в течение часа не прочистим вентиляцию — задохнемся к демонам.

Я услышал, как Лата устало вздохнула и загремела саперкой. Все-таки не до конца мне везет, если из всех подвалов Лиманска нам пришлось залезть именно в этот.

Вторая комната была больше той, в которой расположились мы. По всей видимости, она предназначалась для хранения записей и проведения каких-то локальных экспериментов. Половину помещения занимали состав-

ленные друг на друга полки с видеокассетами, дисками, книгами, журналами и древними ноутбуками. Вдоль стены стоял целый ряд офисных стульев, а в дальнем конце на кронштейне висел плоский телевизор с запыленным до фактурной серости экраном. У противоположной стены виднелось нагромождение радиоэлектронной аппаратуры, из которой мне были знакомы только несколько приборов: осциллограф, вполне современный планшетный комп и контрастирующие с ним ветхие системные блоки, украшенные красными инвентарными номерами. Вся бумага, картон и пластик здесь были высушены до хруста. Трудно сказать, сколько уже висела посреди лаборатории аномалия, но припекала она мощно.

Я на секунду представил, что случилось бы, задень я нечаянно снесенной дверью краешек колышущейся «жарки», и содрогнулся. Сгорели бы заживо в этом крематории за считанные минуты. Не хватало нам только пожара в закрытом помещении, который невозможно потушить, потому что через воду — которой, впрочем, в избытке — может шарахнуть током. Такого идиотского расклада нарочно не придумаешь, прямо скажем.

Стараясь не потревожить мерцающую оранжевыми сполохами «жарку», я быстренько свинтил из крайне опасного помещения и вернулся к Лате. Она уже отколупала решетку и копошилась под потолком. Я скинул бронежилет и принялся ей помогать.

Работая в паре, нам удалось выгрести накопившуюся в вентиляционном отверстии пыль за полчаса. Когда я почувствовал, что легкий сквознячок наконец лизнул мою щеку, пот уже градом лился за шиворот. Приличная тяга появилась уже спустя пару минут, и мы позволили себе расслабиться.

— Задохнуться не должны, — подвел я итог, делая несколько крупных глотков и передавая фляжку Лате. — Пора вернуться к приготовлению трапезы и сервировке стола. Ты скатерть накрахмалила?

— Нафигарила, — огрызнулась девушка. — Хочешь жрать — вскрывай консервы.

— Тоже можно, — согласился я. — Хотя вариант со скатертью и лобстерами меня больше прельщал.

Духота постепенно спала, и мы плотно пообедали продуктами из сухпая. Вяленая говядина с разогретой на керосинке перловкой, ломоть пересоленного сыра и плитка шоколада гранитной твердости показались мне в тот момент королевской едой. А стопарь ханки сомнительного качества и вовсе божественным нектаром оросил пищевод и скатился приятной горячей волной в желудок. Хорошо-о...

— Обжираться перед сном — чрезвычайно вредно для фигуры, — промямлила Лата, раскладывая на полу картонки из-под винилов и бросая в изголовье сымпровизированной лежанки броник. — Я же перестану тебя привлекать как женщина, если меня разнесет, а это серьезный удар по самолюбию.

— Без обид, но сейчас мне глубоко плевать на твои терзания по поводу лишнего веса, — вытягиваясь на спине и зевая до хруста в челюсти, ответил я. — Денек выдался трудный, а я еще толком не вздремнул.

— Что ж, в этом ты, бесспорно, прав. ПДА у полковника продвинутый, поставлю-ка я его возле входа и включу датчик объема: так нам не придется дежурить. Если что — сигнализация запищит. Но после того, как кончится выброс, придется...

Веки сомкнулись.

Щебетание Латы оборвалось на полуслове.

Вопреки ожиданию сон не окутал мой разум баюкающей, мягкой пеленой. Он обрушился слепым и глухим чудовищем, раздробил рассудок на мириады частиц, снес вместе с собой в пугающую бездну. Падение продолжалось долго, очень долго. Но скорость постепенно уменьшалась, это было понятно по стихающему свисту ветра и исчезающему тошнотворному ускорению. Свободный полет замедлялся до тех пор, пока я не остано-

вился где-то между багровым пылающим небом и еле видимым дном пропасти, по которому бежал ртутного цвета ручей.

Я застыл.

Где-то между прошлой жизнью и нынешней бытностью в Зоне. В промежутке, о котором я ничего не помнил.

Глава девятая. Нить Ариадны

Контуры комнаты дрожали в световых конвульсиях коптящей керосинки. Зловещие желто-красные отблески плясали на потолке, гранях стеллажа, стволе автомата, а темные провалы теней кривлялись рядом, будто дразня эти тусклые крохи света. Звучала негромкая, но энергичная музыка, глубокий мужской баритон вздрагивал в такт биению языка пламени в черной колбе.

Light delight
All through the night
Begging Evil One
To bleed you white...
You don't care about the soul,
You're not laughing, you are lol.

Я резко поднялся, пытаясь сообразить, где нахожусь. Спросонья последние воспоминания в голове перемешались, и перед глазами мелькали сумбурные картины с участием «монолитовцев», шагающего робота, желтозубого негра, удирающих мотоциклистов. И рюкзаков, летящих в призрачно-синий зев «электры». А рядом танцевал джигу в «киселе» ученый в потертом комбезе.

Баритон продолжал пульсировать в подвале, выдерживая напряженный ритм.

Time for crime
Slashing lime
Filling glasses
With the wine...
You're a slave of alcohol
And you sure: it'll save us all.

Внезапно все случившиеся накануне события выстроились в слаженный ряд, и мне понадобилось не более секунды, чтобы оценить ситуацию в целом. Мы забрались в подвальный бункер под одним из зданий Лиманска, обнаружили предпоследний кусок составного артефакта, при помощи которого можно формировать локальные временные петли, и решили переждать здесь выброс.

Мы?

Я покрутил головой в поисках Латы, не сразу заметив в полумраке ее сгорбленный силуэт. Девушка сидела на полу возле препараторского стола и слушала тихую музыку. В динамике радиолы продолжал метаться рваный гитарный риф, в который вплеталась гибкая мелодия.

Lucky one,
Step aside
From the day,
From the night!

Open up your eyes, and you will see,
that it's too late:
We are encumbered with neither love nor hate.

Внешней антенны у приемника не было, а вилка стационарного радиошнура висела рядом. Откуда шел сигнал — оставалось загадкой. Случайная волна, пробившаяся сквозь фоновые помехи Зоны? Отраженка со спутника? Наудачу пойманная радиостанция через какой-то сильный ретранслятор? Допустим, хотя верится

слабо. Но питание-то? В сети ведь напряжения быть просто не могло!

Приемник продолжал работать вопреки всем законам логики и... в общем-то физики.

После короткого проигрыша посыпались слова припева.

Let me
Show you
Violated being.
Blindly
Follow
Our diff'rent seeing...
Life in vitriolic deep:
Icq, livejournal, qip.
Are you hearing beat of heart?
How it's dying watt by watt.

Мы сидели с Латой в разных концах комнаты, не в силах двинуться с места. Боялись нарушить случайной репликой льющуюся мелодию, которая, по сути, не могла здесь звучать. Какая-то жуткая мистика сквозила сквозь подрагивающий круг динамика, вливаясь в наши сердца тугим непрерывным потоком. Будто ее величество Зона хотела донести до людей свои чудовищные мысли.

Мы сидели среди танцующих теней в этом багряно-черном подземелье и слушали чарующий рубленый баритон.

Sex for tax
Packing bags
For the bad trip
With your legs...
Destination of your path
Is the edge of bloody bath.

Use confuse
For the fuse

Snakes like fingers
Look for noose...
Be prepare for sacrifice,
Be the victim of device.

Lucky one,
Step aside
To the left,
To the right.

Open up your eyes, and you will see,
that it's too late:
We are encumbered with neither love nor hate.

Let me
Show you
Violated being.
Blindly
Follow
Our diff'rent seeing...
Life in vitriolic deep:
Icq, livejournal, qip.
Are you hearing beat of heart?
How it's dying watt by watt...

Мелодия оборвалась так резко и неожиданно, что сначала я решил, будто оглох. Тишина расплющила сознание, как щепку, и моментально почувствовалась острая нехватка звука. Любого: крика, кашля, стона, шороха — чего угодно, лишь бы оно разбило эту глухое безмолвие.

— Выброс, наверное, кончился, вот и... перестало, — тихо сказала Лата, не отводя взгляда от умолкшей радиолы.

— Впервые такой феномен на своем веку встречаю, — признался я. — Странно, прямо скажем.

— Я проснулась и решила, пока ты в отрубе, провести ревизию припасов. А она вдруг как заиграет. — Лата передернула плечами. — Жуть.

— Сколько времени?

Девушка звякнула наручными часами.

— Ночь. Три двадцать.

— У-у, подавлю-ка еще малость на массу. — Я улегся на бок, по привычке прижав к себе «калаш». — Разбуди в шесть.

— Нет. Вставай, нам нужно выбираться сейчас.

— Жить надоело? Если решила помереть, вовсе не обязательно намыливаться ночью в рейд, можешь просто пойти в соседнюю комнату и сунуть башку в «жарку».

— «Жарки» здесь больше нет, равно как и «электры»: выброс же миновал, локации аномалий поменялись. А днем нам по этой местности не пробраться, Минор.

Я открыл глаза.

— И вновь мне не нравится твой загадочный тон.

— Пошли наружу, сам поймешь.

— Либо объясняй, либо отстань и дай доспать.

Лата помолчала, колеблясь, потом все же выдала:

— Если мои расчеты верны, мы сейчас находимся севернее Радара. По ту сторону пси-заслона.

— Что ты несешь, радость моя?

— Слышал версию, будто после выброса из Лиманска можно выйти не в том месте, где в него входил?

Я опешил. Неужто девчонка верит в россказни пьяных сталкеров? Ну и ну, она казалась мне умнее.

— Лата, это просто байки.

— Давай поступим так, — сказала она. — Если мы выйдем наружу и окажемся на тех же координатах, на которых были накануне вечером, — я тебе сделаю минет.

Я пригляделся. Вроде бы не смеется. Уточнил:

— А в противном случае?

— Ничего.

Я приподнялся на локте. Пристально посмотрел на девушку в упор в надежде заметить хоть тень сарказма или издевки на ее лице. Да нет же: сурова, как комсомолец на собрании ячейки.

Минет перед сном? Что ж, не худший вариант.

— Хорошо, — согласился я, поднимаясь. — Но если «жарка» на месте или мне хотя бы померещится, что снаружи опасно, — мы остаемся. И... сама понимаешь.

— По рукам.

Мы надели брони и пробрались в предбанник. Темно, ступеньки почти высохли после вчерашнего потопа, лужа на кафельном полу стала значительно меньше. Я сделал Лате знак рукой, чтобы оставалась на месте, и заглянул в соседнюю комнату. «Жарки» не было.

— Исчезла, — констатировал я. — Но рисковать своей бесценной шкуркой и открывать вручную люк я не намерен.

— Есть идеи?

— Не первый день на рынке.

Я снял с портупеи смотанный в бухту тонкий трос и неторопливо забрался по лестнице вверх. Покрутил запорный механизм до тех пор, пока вода не стала худенькими струйками сочиться внутрь, затем привязал один конец троса к распорке колеса, а второй бросил Лате. Сбежал вниз и объяснил:

— Так хотя бы не коротнёт, если «электра» все еще там висит.

— Разумно.

Мы отошли в дальний конец коридорчика, я взял трос сухой тряпкой, рванул его на себя и сразу отбросил. Раздался щелчок, и послышалось журчание воды, втекающей внутрь.

— Вроде не шарахнуло, — признал я.

— И не шарахнет. Выбираемся.

Мы побросали в подсумки скудные запасы провизии, погасили керосинку и пошли к лестнице. Честно говоря, братцы, мне было очень ссыкотно наступать на ступеньку, по которой стекала вода. Так и мерещилось, что сейчас я увижу синие молнии, раздастся роковой хлопок сработавшей «электры», и наступит вечная тьма.

Прежде чем взойти на лестницу, я попросил:

— Дай-ка ПДА.

Лата пожала плечами и протянула мне наладонник. Я включил его и быстро вывел на экран показания сканера. Интересно. Если верить продвинутому полковничьему гаджету, то в радиусе десяти метров вообще не было аномалий. А вот сигналы от нас самих шли какие-то странные: точки двоились. Впрочем, удивляться особо не приходилось, ведь мы все еще были в неплохо экранированном подвале. При запросе координат ПДА коротко пискнул и выдал абракадабру. Бесполезно: либо после выброса магнитное поле еще не успокоилось, либо сигналу не хватало мощности.

— Ладно, давай попробуем, — решился я наконец. — Поднимаемся вместе. Я не хочу стать одинокой головешкой, если «электра» все-таки клацнет.

— Думаешь, две головешки будут смотреться эстетичней? — хмыкнула Лата и натянула дыхательную маску.

— Мне так спокойней. — Я тоже надел защиту и взял девушку за руку. Ее пальцы едва заметно дрогнули в моих.

Мы одновременно шагнули в текущую каскадами воду. Ничего, живы. Но это еще не конец — теперь надо открыть люк. Я поднялся, подсвечивая себе фонариком, укрепленным на цевьё «калаша», и взялся за скользкое колесо.

— Момент истины. Либо холодный душ, либо быстрая и бесславная смерть.

— Крути уже.

Я завертел баранку, чувствуя, как напор воды становится все сильнее по мере увеличения зазора между крышкой и втулкой люка. Через пару секунд на нас уже ниспадал целый водопад, мутные волны норовили сбить с ног и унести с собой обратно в подвал. Когда механизм окончательно откупорился, я надавил на крышку и вытолкнул ее вверх.

Обрушившийся поток чуть не уволок Лату. Девушка ойкнула и схватилась за мою лодыжку, а я, в свою очередь, оступился и едва не сверзился ей на шею. Пересi-

лив давление воды, сумел подтянуться и выглянуть наружу. Луч фонаря выхватывал кусок плиты и клокочущую муть. Я повернул ствол левее — провисшие куски жести и рваный шланг. Еще левее — темный провал уходящего под южную часть дома подпола.

«Электры» не было.

— Скорее! — крикнул я, хлебнув сквозь фильтры влаги. — Бр-рл... С-сейчас затопит!

Лата, сбивая коленки и продолжая цепко держать меня за лодыжку, поползла вверх. Я, пересилив боль в потревоженном ахилле, рывком выбрался из бурлящей воронки, схватил девушку за шиворот и со всей дури потянул на себя. Перчатки заскользили по мокрой ткани, но девушка сумела вынырнуть и сдвинуться в сторону от омута.

Через несколько минут все было кончено: с утробным бульканьем вода заполнила наше временное пристанище, спасшее от губительного излучения при выбросе и подарившее еще одну частичку паззла, ради решения которого мы затеяли эту опасную игру.

Я помог Лате подняться и уселся на выступающую часть плиты. Достал ПДА, запросил координаты нашего местоположения, пробубнил:

— Мы как-то не подумали, что убежище затопит. Так что если ты меня зазря науськала выйти из теплой сухой конуры посреди ночи, то минет будешь делать прямо тут. Не побрезгую лишними рентгенами ради минутки удовольствия для мини-сталкера.

Лата промолчала. Я дождался, пока GPS-система наладонника настроится на опорные маячки, и поглядел на сетку координат. Ерунда какая-то, несуразица. Потряс гаджет, словно внутрь непроницаемого корпуса могла просочиться влага. Снова нажал кнопку селфлокации и сверил цифры. Чушь.

— Сломался твой компас, — зло сказал я, возвращая ПДА Лате. — Он показывает, будто мы находимся возле Саркофага.

Она молча убрала наладонник в карман и шмыгнула носом. Ее неразговорчивость угнетала не хуже темноты и тишины, повисших вокруг нас в этом заброшенном подполе.

И тут до меня постепенно начало доходить. Скользнувшая в голову мысль сперва показалась совершенно неправдоподобной, но чем больше я проворачивал ее через шарики своих мозгов, тем явственнее понимал: это, черт возьми, правда.

— Ты знала... — сипло выдохнул я через фильтры. — Знала все с самого начала и не сказала.

— А ты не спрашивал, — глухо ответила Лата, не повернув головы. — И никуда бы не пошел, если бы услышал, что последняя часть цацки находится под Саркофагом.

— О д-да! — я аж поперхнулся от такой наглости. — У меня до сих пор все было в порядке с инстинктом самосохранения! Я, представь себе, до этого момента считал, что умею защитить собственную жизнь, и не лез в места, где шансы выжить стремятся к нулю. По крайней мере добровольно.

— Кто-то мне песни пел о риске, о законах адреналина и опасности, по которым...

Она осеклась, когда я взял ее двумя пальцами за горло. Резко и точно, как тогда, в коридоре бара, в первый день нашего знакомства. Только теперь девушка не была показушно беспомощной. Она мгновенно ушла от захвата, чуть не вывихнув мне кисть, и приставила ствол «швейцарки» точно к паху. Дуло моего «калаша» в этот момент уже холодило ее под челюстью, между верхним краем броника и ушком шлема.

— Не дергайся, — посоветовал я. — А то — пиф-паф.

— Продолжаем разговор? — прошипела Лата, и не думая убирать ствол от моего мини-сталкера.

Ох, братцы, как мне нравится ее характер! Расцеловал бы, коли не был бы так обижен, честное слово. Но если вдруг случится, что мы сейчас друг друга не при-

стрелим и по какому-то счастливому недоразумению сумеем выбраться из этого дерьма, я ей цветов куплю. Тюльпанов или роз через Сидоровича закажу, ей-богу. И ванну с подогревом раздобуду из-за Периметра.

В дальнем конце подпола что-то забурлило, и мы оба чуть было не спустили курки. Мой мини-сталкер инстинктивно вздрогнул, в груди похолодело, в висках застучало. Я прикинул, смогу ли резким движением отвести руку девушки от себя, и понял: нет, не успею. Выстрелит. Она ведь и впрямь выстрелит, сомнений в этом не было.

Интересно, а мне-то хватит духу пальнуть и разнести красивый дамский череп?

Я прислушался к внутренним ощущениям.

О, еще как хватит.

— Ты знала, что Лиманск после выброса поменяет локацию?

— Да. И это был наш единственный шанс пробраться через заслон раньше всех остальных жаждущих и страждущих. Иначе мы бы и на пушечный выстрел к Радару не подошли в течение ближайшей недели.

— А если б нас выбросило не к ЧАЭС, а прямиком под пси-излучатель? Такое в твою дурью башку не приходило, козочка?

— Не хами, не в том положении. — Я почувствовал, как ствол ее «швейцарки» шевельнулся. — Координаты Лиманска меняются только после двойного выброса, который случается, сам знаешь, очень редко. И перебрасывает призрачный город не хаотично, а по замкнутому циклу. Алгоритм известен единицам.

Я навострил уши. Уточнил:

— Ты знаешь цепочку этого алгоритма?

— Знаю, — не стала спорить Лата.

— За одну только эту инфу можно колоссального бабла срубить.

— Можно.

— Так на кой ляд ты рискуешь из-за цацек?

— А ты?

Вопросы повисли в воздухе. Нам нечего было ответить на собственную риторику. Мы продолжали держать пальцы на спусковых крючках автоматов и глядеть сквозь линзы друг на друга.

Кругляшки стекол бликовали в косом луче фонарика, и я не видел выражения глаз, но прекрасно знал, какой сейчас у нее взгляд: хищный, пронзительный... слегка испуганный. Ведь она вовсе не бесстрашный боец, каким себя возомнила. Как бы хорошо ни учили ее сталкеры-инструкторы, какой бы важной и эксклюзивной информацией она ни обладала, Лата не понимала одного: для этого мира нельзя стать своим. Зона может вытерпеть исследователей и грабителей, барыг и подлецов, искателей истины и защитников уникальной природной ниши. Зона примет злых и добрых, сильных и слабых, зеленых, оранжевых, белых и красно-бурых в сиреневую полоску, но она никогда не даст дороги тем, кто захочет стать хозяином. Только попробуешь втереться в доверие — ты труп.

Зона то и дело подбрасывает нам мелкие загадки, чтобы мы не совали любопытные носы в крупные.

— Сколько еще из Лиманска будет открыт прямой проход к ЧАЭС? — спросил я.

— Полчаса-час, трудно точно сказать — у меня лишь теоретические выкладки.

— То есть ты предлагаешь вот так вот ночью штурмовать Саркофаг? Да тут аномалий и мутантов хватит, чтобы пол-Европы выкосить.

— В боковом кармане комбеза у меня лежит «компас». Слышал о таком артефакте?

Я чуть не крякнул. Ну ни фига ж себе! «Компас» — уникальная хреновина, штук пятьдесят стоит! Ну дела.

В тон, однако, я не позволил просочиться удивлению. Ответил спокойно:

— Слышал. А бронепоезда у тебя, случаем, нет? Чтобы пронестись с развевающимся флагом мимо одного из

самых укрепленных, по слухам, форпостов «Монолита»? Он как раз в сотне метров к северу, если координаты точные. Кстати, эти ребята нас за обрушенный мост на карнавальные ленточки порвут с преогромным удовольствием.

Девушка вновь шмыгнула носом. Интересно, надолго ее еще хватит?

— Убери ствол, — попросила она. — Или у тебя вообще по отношению к женщинам чувство пиетета не привито?

Все, сломалась. Ну что ж, пять минут продержаться — это вполне достойный тюльпанов результат. Выжить бы еще.

— Ты не женщина, ты бесполая подколодная гадюка, — буркнул я, отталкивая ее от себя и опуская «калаш».

Лата по инерции сделала пару шагов назад, булькая ботинками в воде, и светанула мне прямо в глаза.

— Таких, как ты, — выцедила она, — надо в эмбриональном возрасте глушить, пока беспомощные.

— Не вышло бы: я даже в утробе был немерено крут. Опусти фонарик и доставай свой «компас», если не набрехала, конечно.

Лата еще немного посопела, но быстро отошла. Она перестала меня слепить и достала шарообразный артефакт, похожий на миниатюрную копию старой подводной мины с фосфоресцирующими пупырышками. У меня аж слюнки потекли. Бродяжий рефлекс, что поделать: я такую штуковину всего раз видел у Сидоровича. Пьяный вдрызг барыга года три назад хвалился выменянным у какого-то везучего лоха хабаром и меж делом светанул «компасом». Так после этого его охранникам неделю пришлось боевыми патронами отпугивать от берлоги шефа охотничков поживиться чудесным камушком.

— Я не знаю, как работает этот артефакт, — наконец произнес я, налюбовавшись цацкой. — Говорят, будто с помощью него можно пройти через сложное аномальное поле, но как именно — никто не ведает.

— Давай сначала найдем подходящее аномальное поле, а потом уж будем разбираться с принципом работы, — предложила Лата. — Авось и вообще не пригодится.

— Как говаривал один мой приятель: на авось получишь в жопу гвоздь. Немного не в рифму, но к сути не придерешься. В общем, так. Я иду первым. Ты ступаешь след в след и ни на сантиметр в сторону. Пасешь тыл. При любой опасности предупреждаешь сразу, даже если тебе всего лишь показалось, что в кустах спросонья пукнул сверчок. Останавливаюсь я — останавливаешься ты. С этого момента я становлюсь ведущим: любое мое слово — приказ, который не обсуждается и исполняется немедленно. Вопросы есть?

— Есть один.

— Если он глупый или покажется мне глупым, то получишь полновесный пинок. Твердым носком ботинка по копчику. Я не шучу. Задавай.

Девушка прикинула что-то в уме. Пожала плечами:

— Тогда, пожалуй, вопросов нет.

— Отлично. В одной руке держишь оружие, в другой «компас», чтобы он все время был наготове. Без надобности — ни звука. Давай сюда ПДА.

Я сверился с картой, поставил сканер на виброрежим, погасил фонарик и минуты две постоял, не двигаясь, чтобы оценить обстановку на слух и дать глазам привыкнуть к темноте. К чести Латы, она не произвела в течение этого времени ни единого шороха.

В дальнем конце подпола продолжало что-то тихонько журчать. Возле выхода сверху падал тусклый рассеянный свет, выделяя порушенное накануне крыльцо. Снаружи доносился едва слышный гул — скорее всего просто ветер поскуливал в проводах или играл с листом жести. Возможно, каких-то звуков я не расслышал через прорезиненную ткань маски, но приблизительная картина покамест меня радовала. Во всяком случае, рыка, чавканья и хруста ломающихся костей вроде бы с улицы не доносилось.

Глянув на показания электронного счетчика Гейгера, я покачал головой. Защиты костюмов при таком радиационном фоне хватит часа на два, не больше. За это время нужно успеть дойти по неизведанной территории до ЧАЭС, проникнуть внутрь Саркофага, забрать последнюю часть «бумеранга» и свалить подальше. Попутно миновать форпост «монолитовцев» с неизвестным числом вооруженных до зубов противников и плотным рядом защитных сооружений, просочиться через щедрую россыпь аномалий, которая как пить дать поджидает возле энергоблоков, перехитрить сонм мутантов, только и ждущих, пока парочка двуногих придурков выберется на открытое пространство посреди ночи... На все про все: два рожка патронов, чутка жратвы, не шибко опытная напарница и не совсем, честно говоря, внятная мотивация.

Колотить мой лысый череп! Что ж я делаю, братцы? Верная смерть за сладкие грезы мечты, не иначе.

Осторожно вышагнув из воды, я стал двигаться к светлому пятну пролома в крыльце. Обзор через круглые стекла противогаза был не ахти, но приходилось довольствоваться этим, ибо без маски облучит так, что рога вокруг третьего глаза вырастут. Добравшись до выхода и убедившись, что Лата следует по пятам, я остановился и посмотрел на голубоватый экран наладонника. Здесь сигнал практически не экранировался, и я смог более точно оценить окружающую обстановку.

И увиденное, надо заметить, мне очень-очень не понравилось.

Те блямбы, что в подвале показались мне эхом от наших собственных пеленг-проекций, таковым не являлись. Пара четких точек замерла на карте: в пятнадцати метрах южнее нас находились существа размером с взрослого человека. По всей видимости, эти внушительные незнакомцы затаились внутри дома, и беда состояла в том, что сканеры не могли их наверняка распознать — ни как мутантов, ни как людей. Всегда чувствую себя

погано, если не знаю, с каким противником предстоит встретиться.

Также позади нас перемещалось еще несколько точек помельче: то ли слепые собаки, то ли тушканы.

Но главная проблема вырисовывалась прямо по курсу.

Сплошной фронт аномалий тянулся слева направо через весь экран толстой линией, в которой я бы не рискнул искать брешь, имея и десять тысяч болтов в запасе. Концов полосы видно не было, а при уменьшении масштаба ее границы размывались. Этот «кушак смерти» скорее всего опоясывал по периметру всю ЧАЭС и упирался в зараженное водохранилище.

Что ж, вот и проверим, настолько ли крут «компас», как о нем байки складывают.

Я убавил яркость ПДА до минимума и медленно высунул в пролом автомат, краем глаза следя за точками пеленг-проекций не то мутантов, не то фиг вообще знает кого. Ежели эти гады сразу после выброса не погнушались вылезти наружу, то добра от них ждать вряд ли стоит.

Точки остались неподвижны, из глубины дома не донеслось ни звука.

Я мотнул стволом из стороны в сторону и лишь после этого осмелился выглянуть сам...

А ведь красиво, черт возьми. Раньше я никогда не выбирался ночью так скоро после выброса, поэтому представить себе не мог, как выглядит Зона, растерзанная катаклизмом.

Страшно до усрачки при виде столь дикого пейзажа, но невозможно глаз оторвать. Завораживает. И в ушах вновь будто бы начинает звучать неизвестно откуда взявшаяся музыка: «Are you hearing beat of heart? How it's dying watt by watt...»

Но это, конечно же, иллюзия — отголоски слуховой памяти.

Небо тлело зловещим багрянцем, бросая на землю густо-вишневые тени от предметов и поигрывая алыми

отсветами на металлических поверхностях. Казавшийся днем вполне обычным внутренний дворик приобрел теперь фантасмагорические черты: душевая кабинка с баком походила на исполинский молот, воткнутый возле темного пня-колодца, а каркас теплицы напоминал скелет сказочного чудища.

В заводи отражалась россыпь огоньков «монолитовского» форпоста, который сектанты основали в обгоревшей пятиэтажке, водрузив на крышу прожектора и оборудовав в оконных проемах пулеметные доты. Мощные осветители сейчас были выключены, но никто не мог гарантировать, что где-нибудь не засел снайпер с инфракрасным прицелом. Позади форпоста виднелись контуры главного корпуса ЧАЭС с грузной тумбой бетонного кожуха реактора, чернильной язвой пробитой графитовой кладки и высокой трубой.

По крайней мере пришлось безоговорочно признать: Лиманск действительно перебросило к станции, и нам стоит попробовать пробраться к толстому куполу, под которым покоится четвертый энергоблок. И пробовать нужно сейчас, ибо второго шанса может не представиться.

Кольцо аномалий, обнаруженное детекторами, скрывалось в низине, прямо у стен пятиэтажки. За ним угадывались размытые абрисы прилегающих к ЧАЭС блочных строений с провалившимися эстакадами, рваной сеткой трубопроводов и завалившимся прямо на край кожуха башенным краном. Проход к форпосту имелся лишь с западной стороны, через улицу, по которой мы накануне попали в этот палисадник. По правую руку поблескивала болотная жижа с огрызками пеньков, слева возвышалась сплошная стена леса, густые кроны деревьев в котором неподвижно обвисали над домами. Казалось, что они состоят не из листьев, а из свинцовых муляжей.

Стараясь не шуметь, я выбрался из подпола и взял на мушку дверь, ведущую в дом. Несмотря на то, что твари, притаившиеся внутри, не делали попыток приблизиться,

нападение могло последовать в любой момент. Дождавшись, когда Лата тоже поднялась через проломленное крыльцо и показала знаком, что все в норме, я встал и, пригибаясь, добежал до асфальта. Остановился, не спеша выходить на простреливаемую с обеих сторон улицу.

Глаза постепенно привыкали к темноте, и я начинал различать мелкие детали, на которые сначала не обращал внимания: свежий «трамплин» на тротуаре, силуэт здоровенного ворона, молчаливо расхаживающего возле открытого колодезного люка, мельтешение в одном из освещенных окон пятиэтажки, в сторону которой нам следовало двигаться.

Не спят, заразы. Только выброс прошел, а эти фанатики уже выползли из подвалов и наверняка часовых понатыкали. Ждете? Ну-ну, ждите. Сталкер Минор вас у разводного моста с носом оставил и здесь не оплошает.

Хлопнул крыльями и взмыл ввысь ворон.

Я глянул на еле различимый в красном мареве экран ПДА и залип. Забыв на минуту о двух соседях, я упустил их из виду. На сканере больше не было жирных точек — ни в пределах дома, ни на улице, ни в ближайшей округе.

Только одно существо в Зоне могло так быстро и бесшумно передвигаться...

— Химера, — шепнула Лата в самое ухо.

— Две, — тихо отозвался я, не будучи даже уверен, что девушка меня расслышала через фильтры. Немного громче добавил: — Еще раз вякнешь без команды — пристрелю.

Стекла маски слегка запотели. Только этого не хватало! Я постоял некоторое время неподвижно, стараясь не поддаваться первому желанию нырнуть обратно в затопленный бункер и отрастить жабры, лишь бы не попадать в лапы к химерам. Когда сердцебиение немного утихло, я вновь перевел взгляд на ПДА.

Две точки как ни в чем не бывало горели на масштабной сетке. Если верить сканеру, парочка опасных хищников восседала в десяти метрах южнее.

Я медленно повернул голову влево и увидел их.

Жутко. Аж кровь в капиллярах застыла.

Два монстра — по доброму метру в холке каждый — неторопливо крались вдоль бордюра, поблескивая оловянными глазками. Грациозные движения этих убийц вводили в транс, от одного вида их мощных тел отнимались ноги, ибо мозгом ты все равно понимал: убежать от таких кисок невозможно.

Сглотнув, я прикинул расстояние и с ужасом осознал, что не успею не то что дать прицельную очередь, но даже ствол вскинуть. Они собьют меня наземь и разорвут на траурные ленточки, прежде чем пук из попы вылетит.

Кажется, братцы, дело у нас теперь полный табак. Главное, чтобы Лата не вздумала завизжать или, чего доброго, пострелять — тогда точно без шансов.

Я скосил глаза на спутницу и с удовольствием отметил, что она замерла, как изваяние. Если поблизости нет логова, в котором эти кошечки растят своих детенышей, то теоретически мы еще можем спастись. Я слыхивал, будто некоторые бродяги оставались в живых после встречи с химерой, — правда, всегда списывал эти россказни на желание повыпендриваться перед отмычками.

Хищницы — а я был уверен, что это именно две самки, — остановились у покосившегося фонарного столба, и одна из них издала утробное урчание, от которого у меня мурашки по лысине пробежали. Ртутные светлячки раскосых глаз, казалось, уставились прямо в душу.

Внезапно обе химеры резко вскинули головы и крутанули короткими ушами. Я рефлекторно напряг палец, лежащий на спусковом крючке, и тут же заставил себя его расслабить, понимая, что пытаться попасть в самых ловких бестий по эту сторону Периметра — глупо.

И тут случилось такое, что поведай мне кто — не поверил бы даже в пьяном угаре.

Протяжно мяукнув, химеры поджали хвосты и стали бочком сдвигаться прочь от нас. Быстро добравшись до прохода меж гаражами на противоположной стороне

улицы, они скользнули туда и, блеснув напоследок глазами, исчезли во мраке.

Некоторое время мы стояли, не зная, радоваться или плакать. С одной стороны, мутанты свинтили, так и не полакомившись нами, с другой... Как же надоела эта пресловутая другая сторона, без нее и шагу нельзя ступить! Так вот, с другой стороны, химеры — одни из самых живучих обитателей Зоны, и плевать они хотели с вершины пищевой пирамиды на остальную шелупонь. Даже контролеры не властвуют над их загадочным разумом, даже псевдогиганты и кровососы не рискуют захаживать на кошачьи территории. От кого же могут бежать химеры? Не просто сторониться, а именно бежать, поджав хвост? Либо от тяжелой техники, которой даже их бритвенно-острые зубы и когти нипочем, либо от самца, соизволившего выйти на промысел.

Насколько мне было известно, на всю популяцию химер в Зоне приходилось всего два или три взрослых самца, которых никому никогда не удавалось увидеть воочию. Пару раз их огромные серые тела проскальзывали перед камерами слежения «Долга», и сталкеры вывешивали короткие записи в сеть, чтобы похвастаться. Еще говаривали, будто некий снайпер, не пожелавший называть клички, лежа на позиции на восточной окраине Рыжего Леса, наблюдал через «оптику» крупного хищника, похожего на самца химеры.

Но мало ли что судачат вечерами за кружкой ханки. Лично я был категорически против встречи с полулегендарным монстром, который, по слухам, мог проломить кирпичную стену ударом лапы, а зубками перекусывал рельсы, словно спички.

Лата толкнула меня под локоть, и я резко обернулся. Она вопросительно мотнула головой.

— Валим к станции, — решил я. — Мутанты ушли. Так или иначе, хуже не будет.

Я серьезно ошибся. И понял это уже в следующую секунду.

Громогласный рык сотряс окрестности одновременно с ударившей пулеметной очередью и вспыхнувшим на крыше пятиэтажки прожектором, высветившим взбугрившийся от подземного толчка асфальт. О легких сейсмических аномалиях возле Саркофага я слышал, но никогда не думал, что придется попасть в самый эпицентр одной из них. Сарай позади нас затрещал по швам и с грохотом рухнул. Фонарный столб начал заваливаться, несколько кусков черепицы съехали с ближайшей крыши и, угодив в «трамплин», с воем срикошетили в багряно-пепельное небо.

— Мать моя женщина... — выдохнул я и, сильно дернув за локоть Лату, припустил вдоль домов, стараясь держаться в тени.

Девушка рванула за мной, а на то место, где мы только что стояли, грохнулся столб. На бегу я старался глядеть под ноги и одновременно контролировать траекторию движения по карте. Не хватало только влететь сдуру в аномалию или попасть под горячую лапу перепуганному мутанту.

Вот мелькнула молоденькая «жарка», вот остался позади зарождающийся «разлом» с кривой поперечной трещиной, вот с визгом сверзился с поехавшей в сторону стены дома снорк. Приземлился на четыре конечности, мотнул хоботом противогаза и отскочил от образовавшегося рядом с ним глубокого пролома.

Ступнями я почувствовал очередной толчок и невольно притормозил, хватаясь за мусорный контейнер и придерживая плечом разогнавшуюся спутницу. Но Зона на этот раз, видимо, не хотела давать нам перевести дух.

Страшный рев обрушился сверху, и я увидел, как по ходящей ходуном крыше гаража скользнул силуэт. Тело самца химеры было длинное, тяжелое, ловкое. И вдобавок не просто большое, а гигантское. Эта бестия одним прыжком преодолела расстояние метров в десять, снесла детскую горку, вывернула с корнями скамейку и обернулась, хищно оскалившись.

Братцы, я не из трусливых, но мини-сталкер чуть было не дунул в штаны. Еще бы маленько, и казус мог бы выйти неимоверный. А вот Лата, судя по тому, как она неуклюже присела и грубо выматерилась, все-таки не сдержалась.

Впрочем, мало у кого хватит смелости посмеяться над человеком в такой ситуации.

Химер презрительно глянул на нас узкими серебристыми глазами, которые наподобие двух фар горели на полосатой морде. Напряг лапы, слегка пригнул голову.

Больше всего он напоминал камышового кота с двойным рядом зубов и коротким, будто купированным хвостом. Правда, в масштабе один к пятидесяти. И мутант был бы даже по-своему красив, если бы у него были губы. Но губ у химера не было, а посему его ничем не прикрытый душераздирающий оскал ронял уровень привлекательности до нуля.

Монстр изготовился к прыжку, и я невольно зажмурился, когда третий подземный толчок на миг унес из-под ног почву. Мы покатились в образовавшуюся трещину, а химеру пришлось досадливо поморщиться и отступить на безопасное от разлома расстояние. В последний момент я успел зацепиться ремнем автомата за стойку изуродованной горки и прижать Лату к себе. «Швейцарка» вылетела у нее из руки и съехала в темный провал, но «компас» девушка сумела сохранить.

— Тянись и хватайся! Я тебя не удержу! — процедил я сквозь зубы, в который уже раз прикусив щеку. — Видишь бордюр? Ползи к нему!

Вновь застрекотал пулемет — тяжелые пули высекли целый каскад искр возле моей ступни и переместились к химеру. Самец вальяжно, с ленцой подвинулся в сторону и проревел так насмешливо, что стрелок даже перестал на время тратить патроны. Мы воспользовались заминкой и как сумасшедшие поползли к спасительному куску бордюра. Отбивая пальцы и терзая плотную ткань перча-

ток, добрались до него, перескочили через трещину и ломанулись прямиком на стену аномалий.

Сигая с кочки на кочку, я пару раз споткнулся и едва не переломал ноги.

— Сюда! — позвала Лата, которой удалось первой добраться до темной пашни. Девушку теперь не выхватывал луч прожектора. — Цел?

— Цел. — Я поморгал, стараясь разглядеть ловушки. Машинально потрогал ногу, которую ушлый пулеметчик чуть не отстрелил, и со злостью рявкнул в его сторону: — Сидишь там, будто тебе землетрясение до фонаря! Вот как треснет хрущоба, и сверзишься черепом вниз, терпила фонящий!

Тем временем химер играючи перепрыгнул через пролом в асфальте, спокойно ушел от длинной очереди и неторопливо направился к нам.

Справа — кошак размером с внедорожник, слева — сплошная угрюмо рокочущая и мерцающая всеми цветами радуги стена из «гравикаракатиц», «электр», «воронок» да «жарок». А сверху в придачу — нервный «монолитовец» за пулеметным станком. Не думал я, братцы, что доведется оказаться в настолько нелепом положении.

— И что теперь делать? — Лата судорожно повертела шарик «компаса» в руке. Направила его в сторону ловушек: — Давай же, работай, каналья! Укажи нам, клубочек, путь в лабиринте!

Аномалии настолько плотно прилегали одна к другой, что в любой иной ситуации мне бы и в голову не пришло искать проход. Но, к сожалению, пути назад не было.

От плотоядно урчащего химера нас отделяло метров пять.

— Дай-ка сюда!

Я выхватил у Латы артефакт.

— Ты чего?

— Хочу проверить одну догадку.

— А вот теперь уже мне страшно делается от твоих слов.

— Клубочек, говоришь? — Я глянул в кругляшки ее маски. Там отражались темно-вишневые тучи. — А вдруг и впрямь покажет...

Я размахнулся и швырнул «компас» в самую гущу аномалий.

Лата даже пискнуть не успела. Лишь проследила взглядом, как драгоценная цацка летит к дрожащему мареву ближайшей «гравикаракатицы».

В тот момент, когда шарик, похожий на морскую мину, должно было расплющить в кашицу, пупырышки на его поверхности вдруг вспыхнули ярким свечением, и из каждого выстрелила тонкая сиреневая ниточка. Несколько из них тут же пропали в эпицентре «гравикаракатицы», еще парочка оборвалась в «воронке», остальные истлели в «жарке», но последняя, извиваясь, стала пробираться через аномальное поле, избегая ловушек, будто живая. Когда ее дальний конец дополз до противоположного края смертельного полигона, сиреневый шнурок тихонько опустился вниз и лег на пашню, указывая единственно возможный путь.

Видимо, от столь неожиданного зрелища обалдел даже химер, потому как за все это время мутант не предпринял попыток откусить нам головы или разорвать на части. Он следил светящимися глазами за фосфоресцирующим вьюнком, продолжая, однако, скалиться своей безгубой пастью.

— Нить Ариадны, — прошептала Лата, зачарованно глядя на светящуюся дорожку, улегшуюся на пашне немыслимым зигзагом.

— Вперед! — крикнул я, толкая сраженную эффектом сработавшего артефакта девушку. — Я прикрою.

Лата сообразила, что медлить нельзя, и, быстро перекрестившись, ступила в трещавшее от близких аномалий пространство, а я повернулся к химеру и наставил на него ствол «калаша».

— Понимаю, что выглядит дебильно, — пожал я плечами, чувствуя, как дрожат поджилки, — но здраво прикинь: если на меня ломанешься — сам в эту мясорубку загремишь.

Химер приблизился и медленно раскрыл пасть. Я даже сквозь фильтры почувствовал, как дохнуло тухлятиной.

— Прямо скажем, гигиеной полости рта ты пренебрегаешь, — сказал я, понимая, что несу от страха чушь. Отступил на шаг к краю «гравикаракатицы». — Ты одно пойми, стоит одной аномалии сработать, как тут все полыхнет. Метров на десять вокруг полосы даже бактерий не останется.

Мутант сузил глаза, будто прикидывая, вру я ему или нет.

Я сделал еще один крошечный шажок назад.

— Давай поступим так: ты валишь обратно к своим красавицам-женам, а мы тихонько пробираемся на ту сторону и идем по своим делам. Ведь сейчас у придурка, который сверху с пулеметом забавляется, энурез внезапно случится, моча в башку ударит, и он пальнет сюда. Одной шальной свинцовой барабульки хватит, чтобы цепная реакция началась и все эти сюрпризы, — я невольно покосился на аномальное поле, — бабахнули.

Химер наконец захлопнул пасть. Его горящие серебром глаза словно зависли в метре от меня на фоне мрака. Казалось, будто ничего, кроме этого гипнотизирующего взгляда, не осталось в мире... Глубокий морок, падение в бездну пси-воздействия контролера, сила временных петель «бумеранга» — все проскользнуло в этом пронзительном взгляде.

А потом химер развернулся и пошел прочь.

Я еще несколько растянувшихся секунд смотрел ему вслед, гадая, какие странные мысли метнулись в этой огромной голове и были ли они вообще. Кто знает.

Выйдя на свет прожектора, мутант обернулся и рыкнул в багряное небо, словно воззвал к заскучавшему «монолитовскому» стрелку. Сектант не заставил себя

ждать: крупнокалиберный пулемет раскатисто затрещал, очередь взбила рядки слякотных фонтанчиков по диагонали в надежде зацепить ловкого зверя, но тот уже был далеко.

Зверя ли?..

Времени размышлять над гипотезами о наличии разума у отдельных видов мутантов сейчас категорически не было. Тем более Лата уже преодолела опасный пояс аномалий и шикала с той стороны, чтобы я поторапливался.

Я повернулся, наступил на сиреневую ниточку, которая стелилась по холодной земле и уверенно убегала вперед, обманывая смерть. Как там говорил восточный мудрец? Путь в тысячу ли начинается с первого шага? Нехай так і буде.

Хотя... какой он, на фиг, первый.

Глава десятая. Выбор

Люди часто боятся начать дело, опасаются за его успех в середине, напряженно ждут развязки, страшась фиаско. Но это — сущая ерунда по сравнению с той глубинной жутью, которую мы испытываем, когда достигаем поставленной цели, а затем теряем все, ради чего старались. Я всегда боялся именно этого ощущения. Поэтому, чем ближе мы оказывались к последней части артефакта, тем сильнее становилось предчувствие провала.

Даже не просто провала, а какого-то глобального краха.

Наверное, так предчувствуют смерть. Точно не знаю, раньше как-то не доводилось проверить. Интересно, все, кто попадает в эпицентр Зоны, переживают подобное?

— Постой, — попросила Лата, оборвав мои деструктивные мысли. — Растет уровень радиации. При таком раскладе защиты костюмов не хватит для возвращения.

— Только ты вдобавок не начинай, — нахмурился я.

— Вдобавок? — не поняла она.

— Забудь, — отрезал я. Ну, в самом деле, не говорить же ей, что меня тоже терзают неприятные сомнения. — Вместо болтовни давай-ка прибавим шагу. И тогда резерва брони хватит.

Она посмотрела на меня сквозь круглые линзы, в которых отражалось светлеющее утреннее небо, и как-то странно пожала плечами. Не то разочарованно, не то смиренно. Не то удивленно.

Мы двинулись между пристройками ЧАЭС, которые в пепельно-алом мареве небесной подсветки казались техногенными монстрами. А над ними серым колоссом нависал Саркофаг.

Концентрация адреналина после преодоления аномального пояса немного снизилась, зато во рту теперь чувствовался привкус крови, ахиллово сухожилие надоедливо стреляло, мышцы ныли от усталости. А нам ведь еще предстоит найти лазейку, через которую можно попасть внутрь бетонной махины и при этом не сдохнуть.

Хорошо хоть психованный пулеметчик перестал строчить, когда химер скрылся из виду. Наверное, посчитал, что мы превратились в мелко нашинкованные трупы возле ловушек или угодили в пасть хищнику. По крайней мере погони со стороны «монолитовцев» заметно не было. Но несмотря на то что мы постарались свести на нет все демаскирующие факторы, преследователи могли нас видеть на тепловых датчиках своих ПДА. Оставалось надеяться: они примут две неторопливо перемещающиеся точки за мутантов, бредущих к центру станции после выброса.

А для нас главное — настоящих мутантов не встретить.

Пройдя под огромной трубой, с которой свисали кудри «ржавых волос», мы уперлись в глухую стену прилегающего блока, которую невозможно было обойти. Справа и слева мерцали целые озера «киселя», от которых шел ядовито-зеленый пар.

— Стоп машина, — скомандовал я, воззрившись на карту. — Если верить этим данным, раньше здесь был проход.

Лата подняла голову вверх.

— Он и сейчас есть, во-о-он там.

Я проследил за ее взглядом и тихонько выругался. Казус, судя по всему, выходил неимоверный: нам предстояло вскарабкаться по стойке на трубу, перелезть с нее на строительные «леса» и забраться метров на десять вверх, к пролому в стене.

— Слишком опасно, — вынес я вердикт. — Нужно искать другой путь.

— И где ты предлагаешь его искать? — злобно прошипела девушка. — Оглядись, фонящее тело! Повсюду аномалии и завалы! Или, может, вернемся? Обойдем энергоблоки по километровому радиусу и скопытимся от радиации, когда в наших комбезах аккумуляторы вконец сядут.

Я промолчал. В такие моменты вступать в полемику с человеком, который находится на грани нервного срыва, бессмысленно. Здесь уже не помогут ни угрозы, ни уговоры, ни жалость.

К тому же Лата, по сути, права.

— В таком случае не будем терять времени, — решил я. Поудобней перехватил автомат и подошел к ржавой подпорке. — Я высоты не боюсь. А ты?

— Не особо, — буркнула Лата.

— Вот и отлично. Лезь первой, я прикрою.

Подсаживая фыркающую через фильтры ведомую, я не удержался от шлепка по ее крепкой попе, после чего был удостоен особо изощренного определения.

Сверху посыпались хлопья ржавчины. Для человека, облаченного в защитный костюм ЧН-3а и бронежилет, Лата довольно ловко вскарабкалась к поперечине, уцепилась за нее и едва не грохнулась обратно: тонкая железная балка, подточенная коррозией, переломилась под ее весом, и девушке пришлось изо всех сил прижаться к столбу,

чтобы не съехать обратно. Благо дело, рядом была крепкая опорная крестовина. Подтянувшись на ней, Лата забралась выше и уже через несколько секунд сидела на трубе.

Все сложилось отлично, кроме того, что при подъеме она наделала много шума. Я вгляделся в туманный полумрак поверх прицела, ожидая, что вот-вот с южной стороны появится какой-нибудь мутант, привлеченный скрежетом и стуком.

— Так и будешь там маячить? — осведомилась сверху Лата, пытаясь оттереть ржавчину с перчаток и брючин.

Эх, отхлобыстать бы эту болтушку по заднице сейчас, да солдатским ремешком. Да с пряжечкой.

Вслух комментировать свои эротико-педагогические фантазии я не стал. Подождал еще минуту, прислушиваясь, и собрался уже лезть следом, как вдруг возле старого железнодорожного семафора раздались отчетливые шлепки.

В такие моменты, братцы, долго размышлять не всегда получается...

Я нажал на спусковой крючок, и «калаш» с оглушительным громыханием дрогнул в руках. Гильзы отлетели стальными семенами в почву, а пули с глухими шлепками нашли какую-то жертву. Впереди раздался не то крик, не то вой, и тело с тяжелым уханьем упало в жижу за рельсами.

Булькнуло пару раз.

Стихло.

Я еще некоторое время простоял в боевой позиции на одном колене, напряженно размышляя: стоит ли идти и добивать, или лезть наверх, оставляя спину потенциально незащищенной? Фактически — дилемма между двумя авосями.

Определиться с выбором мне помогли звуки, донесшиеся от блокпоста: хлопанье дверей, топот, короткие реплики.

Перебросив ремень автомата через плечо, я взялся за ржавый столб, который оказался неожиданно влажным и скользким, и полез вверх. Перчатки скользили, по-

дошвы ботинок не находили опоры, бронник увесистым грузилом тянул вниз. Когда мне наконец удалось добраться до пресловутой крестовины, то за спиной раздались выстрелы, и что-то неприятно долбануло в затылок.

Пуля?

Вот так, наверное, и наступает смерть. Ты какое-то мгновение все еще понимаешь, что происходит вокруг — глаза видят, уши слышат, — а фактически твоему бесценному телу уже кирдык, братец...

Когда Лата помогла мне влезть на покатую верхотуру трубы, я понял: нет, не пуля щелкнула в затылок. Это птичка-интуиция слегка запоздало предупредила об опасности. Скотинка пернатая, перепугала-то как!

Я жестом приказал Лате выдвинуться вперед: с тылу ей теперь делать точно нечего, и мы, стараясь не касаться вьющихся под ногами «ржавых волос», побежали по трубе в сторону здания. По опорам запрыгал луч прожектора, коротко взвыла сирена тревоги. Снизу донеслись неразборчивые голоса, из которых я сумел вычленить лишь «здесь, полезли...», «...гранату?» и «Толик... шею сверну... бросок!».

Что ж, вполне себе дружелюбно и информативно.

— Ложись! — крикнул я, припадая к потемневшей от времени жести.

Лата упала впереди, и мне пришлось вывернуть шею, чтобы не получить ботинком по фильтрам. Рука с автоматом соскользнула, и я едва не запутался в «ржавых волосах». Успел отдернуть. Повезло.

Через секунду раздался взрыв, отозвавшийся гремящими колоколами в голове. Осколки градом расковыряли нижнюю часть трубы, но насквозь не прошили, что не могло не радовать. Плохо было другое: ударной волной, видимо, снесло какую-то опору, и вся конструкция стала медленно, с диким скрежетом заваливаться.

Позади нас мелькнули силуэты, скрытые взметнувшимся после взрыва мусором и грязью. Надо же — ловкие, упыри! Успели вскарабкаться!

До строительных «лесов» оставалось несколько метров, и я, пихая Лату, как тягач толкает лайнер на взлетно-посадочную полосу, вывел нас обоих в положение низкого старта, из которого мы рванули вперед. Труба уже изрядно перекосилась и продолжала падать. В длинном прыжке мы успели долететь до деревянного перекрытия, которое, к счастью, оказалось не ветхим и выдержало вес.

Я оглянулся и дал неприцельную очередь в преследователей. Из-за слепящего прожекторного света определить их истинное местоположение я не мог, поэтому промахнулся. Мало того! Эти сволочи открыли ответный огонь. Судя по небрежным веерным очередям, они тоже нас не видели.

Машинально я отметил ухающие хлопки выстрелов. Что-то они мне напомнили... Странно, обычно я сразу могу распознать по звуку, из какого вида оружия стреляют. А здесь... что-то знакомое, но точно не понять.

Лата уже карабкалась по косо наставленным доскам вверх, к пролому. Я пальнул еще пару раз наугад и полез следом, стараясь не попадать в гуляющий по стене луч прожектора. Позади раздался финальный треск — труба, послужившая нам спасительным мостиком, рухнула.

Если кто-то думает, будто скакать наподобие горного козла по шатающимся деревянным перекрытиям в полной боевой выкладке на высоте десятка метров, рискуя не только сломать шею, но и в любой момент получить пулю в бок, легко, — пусть сам попробует. Сюрприз будет...

Когда мы почти добрались до зияющей дыры в бетонном блоке, световое пятно все же выхватило нас, и тяжелые свинцовые шлепки выбили из соседней плиты приличные куски материала. Стрелок взялся за дело с удвоенным рвением: на этот раз он вознамерился прикончить наглых сталкеров, посягнувших нарушить священный покой главной реликвии, которая, по мнению приверженцев клана «Монолит», хранилась под Сарко-

фагом, — кристалл, исполняющий желания. Этому куску кровососьего дерьма с пулеметной лентой было невдомек, что нам плевать на пресловутый кристалл — даже если он и впрямь существует. Нам-то нужна совсем другая штуковина, тоже ценная, но не до степени их местного тотема.

Вторая очередь прошла совсем близко, основательно тряхнув не только стену, но и каждый нерв в наших организмах.

— Живей! — не выдержал я.

Лата судорожно уцепилась за подсвеченный изнутри край пролома, подтянулась и заглянула внутрь.

— До пандуса метра четыре, — сообщила она, перекидывая ногу через выщербленный край плиты. — Расшибиться можно!

— Отлично, — с морозным спокойствием в голосе сказал я, каждой клеточкой ощущая нацеленный в спину скорострельный ствол, — давай обсудим это. Ведь у нас полно времени. Или, может, сначала в шарады сыграем?

Видимо, по тону Лата поняла, что через секунду-другую запас выдержки у меня иссякнет и я просто-напросто дам ей хорошего пинка под зад, чтобы поскорее влетела внутрь Саркофага. Она резво перебросила вторую ногу и с проклятиями прыгнула в подсвеченную шахту.

Я тут же забрался на край блока, перевалился через него и, стараясь придать телу вертикальное положение, упал следом. Вот, честное слово, братцы, в тот момент меня мало волновало, что я могу грохнуться аккурат на девушку и капитально ее пришибить. Ведь на излете мысли я понял: пулеметчик снова нажал на спусковой крючок, и пули понеслись в нашу сторону, рассекая податливый воздух Зоны. А когда я уже отправился в свободное падение, то с досадой почувствовал, как кто-то сильный резко толкнул в плечо, разворачивая тело в воздухе и отправляя меня в опасный штопор. Неужели преследователи успели так быстро подняться за нами, не боясь плотного огня из крупнокалиберного оружия?

Падение продолжалось недолго и закончилось чрезвычайно болезненным приземлением на заднюю часть броника и локоть. Хорошо хоть успел по-борцовски бахнуть по полу рукой, слегка амортизируя удар. Ладонь, конечно же, отшиб до зуда, но хоть кости целы остались.

Лата, которой посчастливилось упасть чуть в сторонке, сидела и встряхивала головой, приходя в себя. Я тоже попробовал приподняться, но вдруг почувствовал, что левая рука почти не слушается. Странно. Ведь об пол-то я правую отшиб.

Вот только этот коварный толчок в плечо...

В течение минуты пулеметчик продолжал поливать свинцом дырку, через которую мы пробрались. Пули грозно молотили по бетону, арматуре, рикошетили от острых краев. Нас обсыпало крошевом, а воздух наполнялся легкой серой взвесью, не дававшей разглядеть: отстали преследователи или продолжают упорствовать под шквальным огнем.

Внезапно все стихло. Звон еще некоторое время вибрировал в ушах, напоминая об обстреле, но пулемет умолк и больше не дербанил нервы. По стенке ссыпались последние струйки раздробленного бетона, и я с облегчением заметил, что в проломе темно и пусто. Лишь луч прожектора временами пробегал мимо, высвечивая висящую столбом пыль.

Мы оказались на пандусе, который опоясывал огромное помещение. Это был машинный зал: в центре размещались различные агрегаты — турбогенераторы, теплообменники, системы регенерации, насосы и прочее громоздкое оборудование. Некоторые аппараты были накрыты плотными кусками брезента, остальные пылились и ржавели незащищенными. Трубы и кабели, половина из которых были разорваны в клочья, оплетали весь зал, пульты управления матово отсвечивали возле дальней стены.

Пол пандуса был замусоренный, но многочисленные следы от подошв давали понять: тут ходят, и доволь-

но часто. Вниз вели две лестницы с перилами, верхняя кромка которых была основательно затерта перчатками, в плафонах мерцали лампы дневного света, возле толстенной опорной колонны гудел трансформатор.

Надо же, да у них тут цивилизация.

— Нам нужно на нижний уровень, под реактор, — сказала Лата, осматриваясь. — Артефакт там.

Я потянулся за отлетевшим в сторону «калашом» и почувствовал, как дикая боль пронзила левую сторону груди, шею и бок.

— Демоны Зоны! — Я до хруста стиснул зубы, чтобы не заорать в полный голос. — Кажется, я все же поломался... Не зря предчувствие было... Интуиции надо доверять.

— Не паникуй, дай-ка взглянуть. — Лата подошла и осторожно приподняла меня, вызвав новый приступ боли. — Не пойму что-то...

Я скосил глаза и увидел на рукаве костюма кровь. Много крови.

— Открытый?

— Это не перелом. — Она блеснула линзами маски. — Тебя... Зацепило тебя.

Так вот что это был за толчок. А я в суматохе думал, почудилось.

— Левую руку почти не чувствую, — признался я. — Надо же, прямо между бронепластин попало. А ты говоришь, везучий. Можешь посмотреть рану? Мне нужно знать, что повреждено: кости, сустав, сосуды? Все же крупнокалиберным залепило, а не спортивной пулькой.

Лата глянула на свой счетчик Гейгера, хмыкнула, постучала по нему пальцем. Пробормотала:

— Либо дал дуба, либо здесь практически нет радиационного фона. Давай-ка снимать комбез.

— Ты меня к праотцам хочешь отправить? — теряя логическую нить ее рассуждений, поинтересовался я.

В голове зазвучала далекая мелодия, слышанная из радиолы. Перед глазами повисла кровавая муть, захоте-

лось прикорнуть на часок-другой. В конце концов, я так толком и не сумел выспаться. Даже в этом пресловутом подвале под Лиманском во время выброса удалось лишь слегка снять усталость, которой за последние дни накопился целый вагон. Поспать обязательно нужно, иначе нам не дойти до пресловутого «бумеранга». Будет обидно, ведь осталось совсем...

Лата содрала с меня маску и бахнула из инъектора в шею приличную дозу «головомойки». Транквилизатор сработал почти мгновенно, и я, поморгав, пришел в себя. На Лате не было противогаза. Ее короткие волосы топорщились в разные стороны, на щеках темнели грязные разводы, будто мазки маскировочной краски, на лбу дрожали капельки пота.

Пахло пылью, порохом и озоном.

Ну все, братцы, теперь нам крышка. Ведь не может же быть, что внутри Саркофага нет радиации? Во всей округе фонит, как после ядерного взрыва. А здесь...

Или может?

— Очухался, тело? Хорошо. — Лата порылась в аптечке. — Я сейчас вколю обезболивающее, мы попробуем снять бронник и сделать перевязку. Соображаешь?

— Да, — просипел я, обеспокоенно прислушиваясь к далекому гулу и не понимая, то ли это у меня в башке контузия куролесит, то ли снаружи слышен вой турбин приближающейся «вертушки». — Звук слышишь?

— Какой? — делая укол в плечо, насторожилась девушка.

— На вертолет похоже.

— Расслабься, нет звука. Новокаин действует?

Я прислушался к ощущениям. Боль стремительно уходила, рука начинала неметь, сознание понемногу прояснялось.

— Плечо ватное, пошел вроде бы процесс. Помогика, медсестричка.

Лата расстегнула ремни на бронежилете, щелкнула крепежными скобами и приподняла меня. Вместе мы

стянули надоевшую груду металла. Я попытался было вздохнуть полной грудью, но не до конца ушедшая боль противно стрельнула по нервам.

— А ведь здесь и впрямь нет радиации, — озвучил я внезапную догадку, стараясь больше не дышать так глубоко. — Гляди вон туда.

Лата быстро обернулась. Между прутьями перил виднелась тонкая радужка паутины, в уголке которой покачивался и сам осьмилапый хозяин.

— Может, новый вид мутантов, — резонно осадила меня девушка. — Мало ли какие твари могут в самом центре Зоны водиться.

— Спасибо, утешила. Значит, и мы скоро такими станем.

— Значит, станем.

Она сняла с меня перчатки, достала нож и умело обрезала прорезиненный рукав костюма под корень. Не давая мне приподнять головы, сама осмотрела рану, поцокала языком и щедро окатила плечо перекисью.

— Там... все серьезно? — не утерпел я.

— Все-таки ты везучий. Пройди пуля чуть левее — задело бы артерию. И вот тогда... А так ничего. Только шить мне сейчас, сам понимаешь, нечем, так что, если выживем, — шрам будет уродливый.

— Черт с ним. Бинтуй потуже и пошли искать вход на нижний уровень.

Лата распаковала бинт и внимательно посмотрела на меня. Я отвел глаза от паучка и тоже остановил взгляд на ее тонкой переносице.

— Минор, мне иногда кажется, что ты одержим каким-то демоном, — сказала девушка. — Он поселился очень глубоко внутри и время от времени прорывается, делая тебя то осмотрительным и педантичным, то напротив — начисто лишенным страха.

— Ну-у... мало ли что там в моих потрохах поселилось, — отшутился я. Самому мне, честно говоря, всегда казалось, что никакими внутренними богами и дьявола-

ми мое тело не обременено. Я еще раз окинул взглядом Лату и подметил: — А тебе бы пошла униформа медсестрички.

— Дурак озабоченный.

Когда она закончила перевязку, я неуклюже поднялся на ноги и в полной мере ощутил, насколько теперь ограничен в движениях. Держать автомат одной рукой в принципе было не особо проблематично, но вот вести прицельную стрельбу хотя бы со средней дистанции стало почти невыполнимой задачей. Не думал, что легкое ранение может доставить такую массу хлопот.

Прежде чем спуститься с пандуса, мы сверились с планом энергоблока, внесенным в память ПДА, — стекло наладонника треснуло при падении, по экрану ползли бесконечные мушки помех, но гаджет до сих пор работал. Судя по схеме, от машинного зала вниз уходили шахты, но лифты наверняка были обесточены. Поэтому нам стоило надеяться, что лестницы не перекрыты аварийными механизмами; иначе придется искать пути через вертикальные технические тоннели, чего лично мне очень не хотелось бы.

Я отдал ПДА Лате и прислушался. Сверху было тихо. Через пролом время от времени продолжал проскакивать луч прожектора, уже не столь отчетливо заметный на фоне посветлевшего неба. Сканер не показывал никакой аномальной активности, никакого движения.

— Подозрительно, прямо скажем, — нахмурился я.

— Конкретнее.

— Тебе не кажется странным, что, как только мы попали внутрь Саркофага, исчезли все препятствия? Во-первых, пропала радиация, хотя, по логике, этот бетонный мешок должен фонить всеми цветами рентгеновского спектра. Во-вторых, я не вижу ни одной аномалии. В-третьих, мутанты словно вымерли. Наконец в-четвертых, «монолитовские» фанатики прекратили погоню. И это в самом сердце Зоны? Не верю.

Лата пожала плечами.

— Есть какой-то вид муравьев, точно не помню название... В общем, они яростно сражаются с любым врагом, который пытается проникнуть внутрь муравейника. Но если агрессор все же пробивается к матке, то его перестают атаковать. Чужак становится вроде бы... своим. А затем либо он убивает матку, либо она его. Вот такая забавная, с позволения сказать, психология у этих тварей.

— Сравнение цели нашего рейда с маткой мне категорически не нравится. — Я устало улыбнулся. — Короче, слишком все это невероятно, чтобы оказаться случайностью.

— Иногда так и бывает, — улыбнулась Лата в ответ. — Пойдем отыщем последнюю часть загадки.

Мы медленно спустились с пандуса и стали пробираться вдоль стены к обесточенным лифтовым кабинам. Трансформатор продолжал тихонько гудеть, под ботинками хрустели мелкие камушки. Когда мы практически добрались до первого лестничного проема, возле одной из турбин мне почудилось движение. Я дергано развернулся, неуклюже вскидывая оружие и выцеливая темное место у основания ротора.

Все-таки одной рукой много не навоюешь, братцы. Если бы сейчас я столкнулся с противником, хотя бы приблизительно равным мне по силам, то все мои навыки и опыт оказались бы бесполезными. Стрелять от бедра, когда вторая «клешня» подвязана к груди, — занятие для слабоумных камикадзе или киношных героев. В реальности же получится тупая беспорядочная пальба.

К счастью, возле гигантской турбины никого не было. Быть может, легкий сквознячок привлек мое внимание, а может, и вовсе показалось.

Подойдя к лестнице, я попросил Лату:

— Достань-ка болт и швырни над ступенями, по центру.

Она выполнила все точно так, как я сказал. Железяка с характерным звоном отпрыгнула от нижней площадки и успокоилась в углу. Чисто.

Я спустился вниз, размышляя, не стоит ли отдать автомат Лате. С одной стороны, от нее, пожалуй, могло быть больше проку, если придется вести огонь на поражение. С другой — нервы у девчонки все равно похилее будут: мало ли, пальнет еще без надобности в какой-нибудь кристалл-Монолит... Я остановился и усмехнулся своим мыслям. Ну-ну, сталкер Минор, жди не дождешься.

Бросая болты и оглядываясь, мы через четверть часа добрались до нижнего яруса. Лестница здесь упиралась в толстую перегородку, которая когда-то наглухо блокировалась герметичной дверью. Хорошо, что теперь эта массивная дурында валялась неподалеку, расплавленная в овальную блямбу, а края проема застыли проржавевшими каплями.

— Окажись эта дверь запертой, и возникла бы проблемка, — хмыкнул я, переступая растекшийся порог.

— Интересно, что здесь случилось? — поежилась Лата. — Стальную перегородку толщиной в ладонь выплавило, словно свечку автогеном.

— И не собираюсь гадать, — отмахнулся я, вглядываясь в полумрак. В изгибающемся коридоре было гораздо темнее, чем наверху. — Сверься еще разок со схемой.

— ПДА отрубился, — с прискорбием сообщила спутница. — Теперь — сами с усами.

Я нахмурился пуще прежнего. Конечно, продвинутый наладонник и без того славненько послужил нам, но есть у людей такая привычка — хотеть от вещей большего, чем им положено давать. Без детектора, сканера и карты чувство незащищенности моментально усилилось в разы. Что делать, так уж мы устроены.

Но падать духом, как говорится, было поздно. Оставалось полагаться на свои родненькие пять с хвостиком чувств, благо их еще никто не сумел отобрать у старого бродяги.

— След в след, — предупредил я Лату.

— Без сопливых солнце светит, — беззлобно огрызнулась она.

Шлепать. Ремнем. Долго.

Коридор изгибался плавным полукольцом, поэтому зона обзора получалась приличная, и я мог, по крайней мере визуально, контролировать пространство метров на десять перед собой. Это немного упрощало задачу передвижения: в случае опасности у меня будет пара секунд — в лучшем, конечно, случае, — чтобы отреагировать и предпринять контрмеры.

Вдоль стены на изогнутых кронштейнах торчали фарфоровые изоляторы, на некоторых даже остались обугленные завитки проводов. Пол здесь был устлан битым стеклом, гнилыми обрывками газет и осколками пластиковых деталей. Возле опрокинутого ведра валялась истлевшая до неузнаваемости фотография.

Я дернул правым плечом, поправляя лямку автомата, и двинулся вперед.

По мере продвижения в глубь подвального помещения реактора мне стало казаться, будто что-то меняется в окружающей обстановке. Коридор с обугленными изоляторами все так же изгибался, там и тут попадались обломки аппаратуры и мебели. Ни аномалий, ни живых существ видно не было. Но какое-то неуловимое движение появилось в воздухе, нечто эфемерное словно бы перетекало вдоль стен.

Преодолев с полсотни метров, я остановился и шепотом попросил Лату бросить болт. Она достала один из последних и швырнула его вдоль закругленной притолоки. Дзинь-дзинь.

Тишь да гладь.

Я сделал еще пару шагов и наконец просек, что меня насторожило. Лысину на темечке едва ощутимо холодил сквознячок. Я бы и не заметил этого неуловимого воздушного течения, но так уж сложилось: после того, как мой череп три года назад лишился волосяного покрова, кожа на нем стала чувствительней — тогда, после облу-

чения на Милитари, проявился некий побочный эффект. Бывает и так: взамен одной полезности Зона дарит другую. Сомнительную.

Я повернулся к Лате.

— Чувствуешь, воздух движется?

Она слегка послюнявила палец и подняла вверх.

— Да, немного дует. Но откуда здесь может быть сквозняк?

— Аномалия.

— В таком случае ловушка где-то впереди.

— Всенепременно. Скорее всего «воронка» или «карусель». Если эта штука перегородит нам проход — дело табак.

— В любом случае нужно проверить.

Я кивнул, и мы пошли дальше. Изгиб коридора стал круче, некоторые изоляторы здесь были сорваны с кронштейнов, белесая россыпь фарфоровых черепков лежала на полу. Одинокая лампа высвечивала неровное пятно на побитых осколками и пулями стенах. Вероятно, когда-то тут разгорелась жаркая схватка.

Дуть стало сильнее, и вскоре поток воздуха уже катил мелкий мусор по полу. Еще через пять метров сквозняк превратился в настоящий ветер, но самой аномалии до сих пор видно не было. Сзади донесся неясный звук, похожий на короткую барабанную дробь. Наверное, «монолитовцы» все же проникли внутрь Саркофага, решив догнать и покарать негодяев, покусившихся на их святыню.

— Хорошо бы поторопиться, — бросил я через плечо.

— Главное, чтоб не втянуло в эпицентр ловушки.

— Без сопливых солнце светит, — не удержавшись, вернул я колкость.

— Мстительность — это плохо, — фыркнула Лата. — Шагай вперед! Надо еще успеть отыскать выход, пока нас тут сектанты не накрыли.

Спорить с резонным замечанием я не стал и продолжил осторожно продвигаться по коридору.

Возле резкого поворота налево ветер усилился практически до шквального: он толкал в спину, трепал обрывки рукава, метал пыль за шиворот, гнал вдоль плинтуса вьюгу из цементной крошки.

Я сначала сунул за угол ствол, взмахнул им разок-другой и только потом выглянул сам.

Коридор заканчивался задраенной дверью, на которой был нарисован знакомый до боли желтый трилистник на черном фоне, обозначающий повышенную радиацию. Запоры до сих пор крепко держались, а вот со стороны петель дверь была чудовищным образом выгнута. Острый металлический край торчал наружу, поэтому я, подгоняемый мощным потоком воздуха, чуть было не налетел на него мурлом. Но в последний момент успел выставить здоровую руку и упереться локтем в кожух сломанного рубильника.

— Метки пока нигде нет, — громко сказал я Лате, перекрикивая шум несущегося в дыру воздуха. — Я полез внутрь. Когда заберусь, дам сигнал. Держи автомат и прикрывай тыл.

Она кивнула и приняла оружие. Я замер на миг, откровенно любуясь напарницей. В слезящихся от ветра глазах дрожали тусклые блики красной аварийной лампы, короткие волосы топорщились от затылка ко лбу, под комбезом угадывались соблазнительные изгибы тела, «калаш» она держала дулом вниз.

Тюльпаны? Розы? Или все-таки ремнем по мягкому месту? Ладно, потом разберемся...

Протискиваться через узкую щель с рваными металлическими краями, помогая себе одной рукой, было чрезвычайно трудно. Фиксирующие бинты то и дело норовили зацепиться за что-нибудь и размотаться, ахилл безбожно стрелял до самой задницы, прикушенная щека кровоточила, в глаза летел мелкий мусор — и откуда он только здесь берется в таких количествах?.. Наконец мне удалось миновать раскуроченную дверь и закрепиться на ступеньке, широко расставив ноги и придерживаясь за ручку.

В этом полутемном помещении ветер просто неистовствовал. Тугой поток воздуха прорывался через дыру и закручивался в обе стороны, образуя воронки, в центрах которых с бешеной скоростью вертелись обрывки газет, щепки, мелкие стекляшки и, кажется, чьи-то зубы. Ну и ну, братцы. Таких странных аномалий я еще не видел: ступи шаг в сторону, и тебя втянет в одно из завихрений или намотает на ближайшую колонну, превратив в крупный фарш.

— Давай! — проорал я изо всех сил, чтобы Лата услышала меня с противоположной стороны двери. — Только осторожней, обязательно держись за что-нибудь!

Она ловко вскарабкалась на острый изгиб, вернула мне оружие и спрыгнула на пол. Быстро огляделась и ухватилась за край двери.

— Сколько болтов осталось?

— Штук пять.

— Хорошо. Бросай между завихрениями, чтобы просчитать безопасное место.

Девушка покивала, достала болт, прицелилась и швырнула. Его тут же затянуло в левую аномалию и с такой силой треснуло об стену, что искры полетели.

Второй ушел вправо и занял место в эпицентре вихря, рядом с вертящимися зубами.

Третий метнулся туда-сюда, затем ударился об пол и со звоном исчез где-то под канализационной решеткой.

Лата сглотнула и воззрилась на два оставшихся. Я без комментариев закинул автомат за спину и взял один из них в ладонь, ощущая привычную тяжесть металла. Что ж, верный друг, покажи мне дорожку, не сочти за труд.

Я примерился и без размаха бросил болт навесом, стараясь запомнить траекторию полета до миллиметра. Он по плавной дуге миновал оба вихря и благополучно упал на пол. Лата уважительно посмотрела на меня.

Плохи, оказывается, наши дела. Пройти между этими воронками не получится: они схлестываются друг с другом на уровне человеческого роста, наподобие зубьев

бура. Перепрыгнуть — нереально. Значит, остается один вариант: проползти под ними. Но сначала необходимо проверить, есть ли там вообще лазейка.

Я опустился на колено, стараясь не тревожить раненую руку, на глазок оценил границы аномалий и запустил последний болт в полуметре от пола. На излете мысли я пожалел, что не попробовал проверить зазор между стеной и вихревыми потоками, но было поздно.

Железяка свободно пролетела в безопасную зону, лишь чуточку отклонившись от курса.

Проход есть.

Матюгаясь на покалеченную руку, я кое-как поднялся, нагнулся к уху Латы, чтобы не кричать, и объяснил ей ситуацию. Девушка ответила жестко и рублено:

— Я полезу первой. У меня больше шансов. После приму оружие и помогу тебе.

Я открыл было рот, чтобы возмутиться, но она бесцеремонно оборвала:

— На этот раз альтернативные варианты не обсуждаются. Ты ведущий, а я отмычка. Всё.

Видимо, все-таки придется воспользоваться ремнем вместо роз и тюльпанов...

Сбросив броник, дабы уменьшить габариты, Лата упала на живот и медленно поползла по-пластунски. Я внимательно следил, чтобы она не отклонялась от курса, и корректировал движение.

— Левее, совсем чуток. Так. Ноги подбери, задницу не выпячивай. Уже лучше. Еще левей! Видишь болт?

— Да!

— Ползи градусов на пять левее него. Вкурила?

— Вкурила. И не ори так, а то я, чего доброго, забьюсь в нервном припадке и лишусь чувств. У меня ж тонкая душевная организация.

— Если не буду орать, твою тонкую организацию засосет в вихрь и размажет по потолку. Всё, закончили пререкаться! Голову чуть опусти. Локти прижми к себе. Хорошо, почти доползла. Немного совсем осталось...

Я говорил еще что-то, с замиранием сердца следя, как она ворочается между двумя смертельно опасными потоками. А на заднем фоне пульсировала мысль: будучи в рейдах с Гостом или кем-то иным из приятелей-сталкеров, мне никогда не приходилось так переживать. Во всякие дерьмовые ситуации попадали, часто выручали друг друга, рискуя собой, но никогда я так не боялся за другого человека. А сейчас — нарочито спокойным голосом диктовал Лате команды, но в левой стороне груди щемила тупая тревога. Не отпускало предчувствие катастрофы, краха в самом конце пути.

Или это просто-напросто заканчивалось действие новокаина?..

— Все, — выдохнула наконец Лата с той стороны. — Кажется, добралась.

Несмотря на гул вихревых потоков, я четко расслышал каждое ее слово, будто бы она произнесла их в самое ухо. Словно что-то пронесло ее голос через шумящее поле аномалии.

И тревога ушла. Точнее, затаилась где-то в глубине грудной клетки.

«Ну и ну, сталкер, — с недоумением подумал я, — да ты, кажется, серьезно переутомился. Отставить эмоции. Работать».

Стиснув зубы, я опустился сначала на одно колено, потом на оба и точным броском отправил «калаш» по безопасному коридору. Лата поймала оружие.

— Осмотрись там, пока лезу, — посоветовал я. — Чего доброго, мутант какой-нибудь сожрет тебя, а я потом буду сокрушаться и реветь.

— Дождешься от тебя, — хмыкнула она. — Ползи уже, червяк недобитый.

— Выпорю хамку, — буркнул я и сунул голову меж гудящих аномалий, как в омут.

Корячился я минут десять. К концу пути рана и впрямь начала отходить от анестезии: адская боль все чаще стреляла в плечо и кисть. Продвигаться становилось

все труднее, нестерпимо хотелось встать в полный рост — позиция распластанного кальмара до чертиков надоела.

— А ну-ка, последний рывок!

Лата дотянулась до моей руки, и мы вцепились — ладонь в ладонь. Она ойкнула, и мне пришлось слегка ослабить хватку. Уперевшись ногами в стыки напольных плит, девушка стала тащить мою бесценную тушу на себя. Постепенно, сантиметр за сантиметром, она выволокла меня на относительно чистую бетонную площадку и помогла отползти на безопасное расстояние от продолжающих монотонно шуметь вихрей.

— Обезболивающее вколи, — попросил я, чувствуя, как язык прилипает к нёбу.

Лата быстро достала аптечку, наполнила шприц раствором и всадила иглу мне в плечо. Боль отпустила, позволив вновь адекватно воспринимать реальность.

Я поморгал, с трудом поднялся на ноги и повернулся к Лате. Она смотрела на меня в упор.

— Вот теперь понятно, почему здесь так пустынно, — усмехнулся я. — Всех окрестных тварей в эту аномальную дрянь засосало.

— То есть ни тебе «спасибо», ни поцелуя за чудесное спасение? — приподняла она бровь.

Я пожал плечами:

— Ну, я тоже твое тело спасал. Что ж теперь, каждый раз в благодарностях рассыпаться?

— Не каждый раз. Сейчас.

Помолчав, я кивнул:

— Спасибо... сталкер.

— Кушай, не подавись, — подмигнула она в ответ. — А теперь, раз уж мы забрались в эту клоаку, давай искать артефакт.

— Или метку, — добавил я, разглядывая сумрачное помещение. — Яичко, как правило, неподалеку от курочки падает.

Начиная от перекрытого аномалией входа, зал расширялся наподобие раструба. Потолок здесь был невы-

сокий — метра три, — под ним переплетались тронутые ржавчиной трубы разного сечения: от крошечных, как карандаш, до толстенных гигантов с пухлыми узлами вентилей. По всей площади в шахматном порядке торчали круглые колонны-подпорки, на которых красовался серо-коричневый узор из влажных подтеков, в полумраке похожий на кору. Из-за нагромождения столбов создавалось ощущение, будто оказался в фантастической лесопосадке, где неестественно ровные деревья проросли прямо сквозь здание. Между колоннами попадались опрокинутые набок серверные стойки с давным-давно выпотрошенными систблоками, сухие баки для жидкого охладителя, вырванные с корнем радиаторы и остатки офисной мебели. А в одном из углов мы наткнулись на бытовой барометр с раздавленным циферблатом.

Я обратил внимание, что в подвальном зале не было даже намека на ветер или сквозняк: видимо, аномалия тянула воздух только с одной стороны — из коридора. Куда девалось избыточное давление — оставалось лишь гадать. Быть может, сжатый воздух уходил в канализационный коллектор? Впрочем, какая мне сейчас разница-то... Мысли от усталости и слабости, вызванной неизбежной потерей крови, слегка разъезжались. А вот этого, братцы, допускать никак нельзя.

Осторожно ступая между осколками былого техногенного величия постсоветских времен, мы тщательно осматривали все колонны на предмет наличия известной метки в виде значка бесконечности. Бесполезно. Либо черный символ притаился где-то под потолком, либо его вообще здесь не было. В конце концов, пробродив добрую четверть часа в тщетных попытках отыскать хотя бы намек на недавнее присутствие здесь загадочного незнакомца, который оставлял прошлые метки, мы вышли к центру помещения и остановились перед воистину странным сооружением.

— Я точно не знаю, как выглядят графитовые стержни, используемые в атомных агрегатах, но эта хреновина

у меня ассоциируется именно с ним, — сказала Лата. — Провалился сюда из реакторного отсека, что ли?

Я подошел чуть ближе, чтобы лучше разглядеть внушительную темную колонну, которая наискось торчала между остальными, явно нарушая общую симметрию и ритмику. В свете тусклых ламп накаливания казалось, будто этот столб провалился через потолок и разворотил значительную его часть.

Но в реальности дело обстояло иначе.

Верхний конец скособоченной колонны врос в бетонное перекрытие смоляными прожилками. Он словно пустил корни вверх. Нижний — растекся по полу и будто бы диффундировал в одну из плит каменными проростками. Сам ствол этого необыкновенного образования представлял собой призму матово-черного цвета, в восьми гранях которой ничего не отражалось и даже не бликовало, будто материал безвозвратно поглощал весь свет, падающий на него.

От внезапно мелькнувшей мысли у меня похолодело внутри, а птичка-интуиция чуть не сверзилась со своей затылочной жердочки лапками кверху.

Я резко повернулся и воззрился на Лату шальным взглядом.

— Л-лата... Л-лат-та...

Демоны Зоны! Что со мной? Никогда в жизни не заикался. Я глубоко втянул носом воздух, заставил себя успокоиться. Продолжил:

— Ты же знаешь легенду о кристалле, исполняющем желания?

— Вообще-то ты мне сам ее рассказывал, — кивнула девушка. — Монолит. Камень в недрах четвертого энергоблока, который делает каждого дошедшего до него сталкера Призраком Зоны. Взамен исполняет самое заветное желание.

— Ты так буднично об этом говоришь...

— Минор, я не верю в Призраков — ни с большой буквы, ни с маленькой, — положив мне руку на плечо,

улыбнулась Лата. — Но верю в то, что Зона — нечто большее, чем скопление аномалий и рассадник мутантов. Иначе она не подбрасывала бы нам загадки.

— Постой. Я что-то теряю нить рассуждения. Ты хочешь сказать, что «бумеранг» привел нас к...

— К последней частичке мозаики.

— И где же цацка? — тупо спросил я, окончательно путаясь в девичьей логике.

Лата посмотрела на меня проницательным взглядом зрелого человека, который не вязался с ее внешностью.

— Ты уже знаешь ответ, — сказала она. — Просто не можешь признать очевидного.

— Нет никакой цацки, — пугаясь собственных слов, прошептал я. — Нет шестой части артефакта. Я чувствовал, что крах...

— Не угадал, — перебила девушка. — Шестая часть — перед тобой.

— Ты?!

— Да нет же, фонящее тело, — рассмеялась Лата. Повернула ладошкой мою голову в сторону вросшей в здание колонны. — Вот, любуйся.

Я уставился на матовые грани, в которых терялся свет.

— Мне кажется, это и есть артефакт, — продолжила она. — Монолит, Исполнитель Желаний, Черный Кристалл. Легенды Зоны, сталкерские байки, пьяные разговоры в баре, ученые сплетни, ежедневные домыслы торгашей... Есть ли разница, какой ярлык присобачить к тому, что является конечной точкой пути людей, которые попадают сюда? Каждый из нас идет к своей собственной цели.

Я продолжал тонуть в чарующей черноте призмы. Внимал тихому дыханию Зоны, к которому сотни раз прислушивался по ночам, во время рейдовых стоянок. Медленно опускался в глубины своей памяти, где таилась одна неизведанная впадина...

Похожее чувство я уже испытывал, когда моего сознания коснулся контролер в катакомбах под Янтарем.

Тогда всплыли образы, штришки воспоминаний из детства и юности, за которыми зияла пропасть. В тот момент нога как будто бы сорвалась, и я стал падать в пустоту.

Теперь я не падал, а постепенно нисходил.

Или тонул?

Нечто всеобъемлющее поддерживало меня, как толща воды держит тело исследователя...

Или самоубийцы с камнем на шее?

Так или иначе, Зона хотела, чтобы я увидел то, что таится в слепом пятнышке моей памяти.

Я моргнул, возвращаясь к действительности. Расстегнул карман и достал причудливое переплетение лент Мёбиуса, поблескивающее в неверном свете. Мотнул головой в сторону черной призмы и спросил:

— Если это и есть артефакт, ради которого мы корячились, то, — я повертел в руке сплавленные «бумеранги», — что же это?

— Похоже, это ключ.

— Колотить мой лысый череп... — Я вдруг осекся. Внимательно посмотрел на Лату. — У тебя на все вопросы есть ответы. Настораживает, прямо скажем.

Она пожала плечами.

— Просто стараюсь мыслить логически.

— И как же, логическая ты моя, пользоваться этим ключиком?

Лата соорудила морщинку на лбу, потом расправила ее и предположила:

— Наверное, нужно поискать замочную скважину.

Я еще некоторое время хмуро взирал на нее исподлобья, подозревая в очередном предательстве, но потом вынужден был признаться самому себе, что девушка рассуждает вполне здраво.

Мы стали осторожно обходить необычную колонну по кругу, стараясь особо не приближаться — мало ли. С обратной стороны образование выглядело точно так же: плоскости не отражали свет, филигранные ребра па-

раллельными ниточками тянулись от одного вросшего основания до другого... Хотя...

Я замер. Шепотом спросил у Латы:

— Видишь?

— Да. Одна из граней бликует.

— Что думаешь?

— Не знаю. Попробуй приложить к ней цацку.

— Это будет один из самых глупых поступкой в моей жизни, — усмехнулся я. — Если не последний. Я в Зоне давно и как-то не привык прикладывать одну непонятную штуку к другой...

— Осторожно! — крикнула Лата.

Я вздрогнул и чуть не выронил артефакт, который начал наливаться знакомым вишневым сиянием. Сталкерские инстинкты потребовали немедленно отбросить его подальше, но я не поддался. Когда интенсивность свечения достигла апогея, я аккуратно вытянул руку вперед и раскрыл ладонь — движение получилось естественным, словно я всю жизнь только тем и занимался, что активировал таинственные штуковины под ЧАЭС.

Мы затаили дыхание.

Первое время ничего не происходило. «Бумеранг» испускал рассеянный красноватый свет, от которого вокруг вздрагивали тени, Лата неподвижно стояла рядом, а я внимательно следил за происходящим, готовый при первом же признаке опасности бросить артефакт в сторону.

Когда я уже собрался признать попытку неудачной, в колонне что-то неуловимо изменилось. Сначала та ее плоскость, что бликовала, сделалась чуть светлее, приковав наше внимание. Ровный неживой свет исходил из самого материала, постепенно проявляясь на черной поверхности ветвистыми прожилками и становясь ярче. Внезапно грань вспыхнула небесно-фиолетовым сиянием, ослепив и заставив нас зажмуриться.

— Мать моя женщина! — вырвалось у меня.

— Артефакт и кристалл почувствовали друг друга, — щурясь, проговорила Лата. — Я же говорила, это ключ.

— И что теперь? — поинтересовался я, держа цацку на фоне призрачного сияния грани. — Замочную скважину нашли. Вставить в нее ключик и повернуть?

— Почему бы и нет, — с азартом откликнулась девушка. — Только вот... что за дверь нам откроется?

— В рай, — с иронией обронил я. — Или в ад. Или даже на выбор. Ты куда предпочтешь?

— Не паясничай, Минор, — серьезно сказала Лата. — «Бумеранг» способен менять течение времени, создавать петли. За дверью может оказаться что-то совсем иное.

Я не нашелся что ответить. А ведь и впрямь: кто знает, что сулит разгадка этой тайны? Мы, отбросив шанс продать цацки по баснословной цене и обеспечить себе благополучие на многие годы вперед, шли сюда за истинным знанием, которое дороже денег. Шли в надежде получить ответ на одну из самых зловещих загадок Зоны. Мы хотели приподняться на цыпочки и взглянуть чуть дальше других.

И вот теперь, на пороге открытия, мне вдруг стало страшно. Жуткий холодок охватил меня с головы до ног и сжал сердце. Это был реальный страх. Боязнь потерять что-то ценное и желанное в самом конце пути.

— Готов попробовать? — осторожно спросила Лата, так и не дождавшись от меня хоть какой-то реплики.

— Не зря же мы сюда приперлись, — ответил я.

— Вы вообще — умнички, — раздался зычный голос из-за колонны. — Стой как стоишь, сталкер. А ты, шлюшка, не вздумай ствол поднимать.

Вот так, братцы. Будь ты хоть трижды обстрелян, многоопытен и осторожен, как лань у водопоя, — если все внимание сосредоточено на чем-то одном, жди беды.

— Отбрось-ка «калаш» подальше, девчонка, — продолжил меж тем невидимый на контровом свете визитер. — Брыкнись на коленки и по-шустрому упакуй лапы на затылок.

— А минетик с проглотом не сделать? — с презрением выцедила Лата, не отбрасывая оружие, но и не рискуя вскидывать ствол.

Молодец, девчонка. Зачастую выиграть время — значит выиграть битву.

Визитер сухо рассмеялся и наконец вышел на освещенное гранью кристалла пространство.

Точнее, два визитера.

— О! — не удержался я от язвительного комментария. — Кирилл и Мефодий! Давненько я ваших славянофильских рыл не наблюдал. Как дела у «Чистого неба»? «Долговцы» вас еще не ассимилировали?

— Меня зовут Анатолий, — недовольно проворчал один из них.

— Все хамишь, сталкер, — зычно констатировал второй. — Напрасно. Не в том ты теперь положении.

Первый приспешник покойного полковника целился в девушку, а тот, что звался Кириллом, держал на мушке меня.

Оба были вооружены автоматами системы «Орда». Вот, оказывается, кто нас преследовал на трубе возле Саркофага! А я-то гадал, что за звук у выстрелов такой: вроде бы знакомый, но все равно какой-то чужой. Правильно, я эти стволы на слух еще не очень хорошо знаю.

— Лата, брось пушку, — резко приказал Кирилл. — Ты знаешь, я мужик простой: могу и свинцом накачать.

Девушка зыркнула на него исподлобья и ответила:

— Ты не мужик, а шестерка.

А вот это ты зря, девочка. Злить противника надо в меру и умело.

Я с опаской покосился на «чистонебовца», но тот, к моему удивлению, не раздражился, а продолжал спокойно выцеливать меня через планку «Орды».

— Отдай артефакт, сталкер, — сказал он. — И, быть может, твоя строптивая деваха останется жива.

— Она не моя.

Слова сами слетели с языка. Машинально. Я даже толком не успел подумать, и они уже повисли в воздухе, пронизанном эфемерным свечением.

— Серьезно? — Кажется, Кирилл всерьез удивился. — А мне показалось, что вы того... снюхались. Что ж, в таком случае она не представляет ценности как заложник. Толик, кончай шлюшку.

Дальше все произошло настолько быстро, что при нормальном течении времени я и моргнуть бы не успел...

Выстрел мой мозг зафиксировал по вспышке возле пламегасителя, ибо звук на тот момент еще не успел долететь до барабанных перепонок.

Движение вперед я начал за полсекунды до выстрела, когда птичка-интуиция заколотила в затылке с финальной одержимостью. Ладонь с артефактом коснулась мерцающей грани призмы, и я почувствовал, как две стихии собираются в единый поток рядом с моими застывшими пальцами. Вишневый блеск «бумеранга» слился с небесно-фиолетовым сиянием кристалла. Плоскость прогнулась, принимая форму замысловато сплетенных лент Мёбиуса, и охотно приняла их в себя.

Пуля неторопливо выплыла из язычка пламени и, медленно вращаясь, отправилась в фатальный полет. Трудно сказать, каким образом мои глаза могли передавать в зрительные центры всю картинку целиком, но я видел не только стрелявшего «чистонебовца», но и то, как начало меняться выражение лица Латы, которая стояла в нескольких метрах левее.

Нет, ее мимические мышцы еще не успели среагировать на выстрел, но вот взгляд... В нем отразился испуг.

«Интересно, — подумалось в тот миг мне, — какова скорость распространения страха?»

После того, как цацка соприкоснулась с кристаллом, ход времени изменился.

Картина происходящего теперь менялась тягуче, будто кто-то покадрово проматывал эпизод из фильма. Герои, наподобие крошечных марионеток, застыли в янтаре воздуха. Веки Кирилла тихонько поднимались — скорее всего он только что моргнул, — палец Анатолия все еще давил на спусковой крючок, но больше «Орда»

не стреляла: предохранитель был выщелкнут в режим одиночного огня.

Только пуля продолжала неумолимо лететь вперед. К голове Латы.

Ее движение было медленным и оттого выглядело еще более жутко. Воздух тугой спиралью увивался следом.

Пуля двигалась, отдергивая завесу с моей памяти, в глубине которой таилась темная впадина.

Третий класс. Московские дворики. Дружелюбный лохматый пес, которого терпеть не могли запойные хозяева...

Мне семнадцать. Первый неуклюжий секс...

Второй курс. Заваленная сессия. Армия. Ломка жизненных ценностей во время долгих марш-бросков, прыжков с парашютов и драк с «дедами»...

Двадцать два года. Начало успешного бизнеса, серьезные партнеры. Первая иллюзия благополучия...

А потом следовал провал, за которым сразу же начиналась жизнь в Зоне. Я никогда никому не говорил, что страдаю амнезией, впрочем, здесь это особо никого и не интересовало: внутри Периметра хватало бродяг с темным прошлым и сдвинутой психикой. Я и сам, братцы, честно говоря, нечасто вспоминал об этом прискорбном факте. Разве что приходили неясные мрачные образы в те минуты, когда лежал и слушал Зону перед сном.

И вот сейчас летящая пуля сдергивала ширму, за которой притаилось прошлое, заставившее меня пойти в Зону. Оно напоминало контрольно-следовую полосу Периметра — перепаханную вдоль и поперек грань между двумя мирами.

А параллельно ко мне приходило понимание того, что же открыл ключ, собранный из окропленных кровью и потом кусков загадочного артефакта, способного менять судьбу. Понимание охватывало сознание постепенно, чтобы не вызвать шока от мощи, которая лежала в моей правой ладони. Не просто мощи, власти над великой стихией времени.

Единоличной. Манящей. Сокрушительной.

Власти, разбивающей вдребезги целостное восприятие мира и ввергающей в сомнения. Могущества, ставящего перед таким выбором, что замирала в стазисе каждая клетка тела.

Я осознал всю горечь слов Болотного Доктора, предрекшего ситуацию и попросившего: «Выбери правильно». Именно попросившего, ибо он знал, какая сила будет в этот миг подчинена моей воле. Знал.

И ведь все было до чертиков просто.

Кристалл позволял вернуть одно-единственное событие в исходную точку.

Но если сами цацки делали сие в небольшом, так сказать, локализованном масштабе, то этот плод то ли природы, то ли инопланетного разума, то ли человеческого любопытства мог изменить судьбу всей Зоны.

Точнее, это я — мог.

Я мог присвоить все богатства торгашей.

Мог возжелать сверхчувствительности к аномалиям и неуязвимости в лапах мутантов.

Мне сейчас было дозволено практически все.

Я мог отменить выброс 2006 года.

Мог вообще предотвратить катастрофу на Чернобыльской АЭС в восемьдесят шестом: вернуть процветающему некогда краю былую красоту, избавить сотни, тысячи людей от страданий, а мир — от ядерной червоточины.

А еще мог остановить пулю, которая приближалась к голове Латы.

Но — только что-то одно.

Оставался сущий пустяк: выбрать...

Свинцовая пчела двигалась справа налево, все дальше отодвигая штору со слепого пятна памяти, и я начинал различать контуры событий, которые произошли восемь лет назад. Восемь, именно эта цифра была перевернута набок на всех метках, встреченных возле артефактов. Случайно ли, братцы?

Пожелай я сейчас, и не станет больше Зоны со всеми ее аномалиями, тварями, законами и легендами. Не будет относительно мирного Кордона, зараженных окрестностей Янтаря и кишащей разномастными любителями наживы Свалки. Не останется артефактов. Пропадет бар «№ 92» с козлом Фолленом, исчезнут солдафоны и ученые. Не случатся события, не сломаются судьбы, никогда не пойдут больше вольные сталкеры в рейд за хабаром навстречу смертельным опасностям и белесому туману, за которым ждет неизвестность.

Хочу ли я этого?

Нет.

Я человек Зоны, не представляющий себя в иных обстоятельствах, не мыслящий существования без схваток и баланса между жизнью и небытием.

Я — сталкер.

Пуля несмело тронула острым кончиком кожу на лбу Латы, окончательно сдвинув в сторону заслон с моей памяти.

И обрывки, контуры, сполохи разрозненных образов слились в целостное полотно...

Мы поженились ровно через год после знакомства. День в день. Улька мечтала о пышной церемонии и красивом платье, я хотел скромного дружеского торжества и джинсов с футболкой — получилось нечто среднее, аляповатое, но теплое и приятное. Свадьба была чистой условностью, в которой иногда нуждаются современные молодые люди для полноценной жизни. Мы решили не пренебрегать. Несколько месяцев жили душа в душу, путешествовали, радовались каждому новому дню и прошедшей ночи. Улька забеременела, и я впервые познал чувство ожидания чего-то удивительного, граничащего с чудом. Мы строили планы на будущее, спорили, как обставить детскую, ссорились по мелочам и с удовольствием мирились. Мы стали родными друг другу...

Убийство Ульки вынесло меня в прострацию, о которой ни малейшего представления не имеют те, кто не те-

рял самого близкого человека. Через неделю я нашел исполнителя и разрезал на куски в его собственной ванне. Через месяц сжег дотла на заброшенной автостоянке заказчика.

И ушел в Зону.

Не обремененный ни любовью, ни ненавистью.

Лишенный памяти и мечты...

Пуля уже на миллиметр вгрызлась в голову Латы, ощутив вкус плоти своим мертвым жалом.

На одной чаше весов лежала судьба Чернобыля, на другой — хрупкая жизнь единственного, малознакомого в общем-то мне человека, с которым пару раз случилось переспать.

А посередине висело обнаженное тело памяти.

Уродливое.

Мерзкое.

Распятое наспех.

И когда я поворачивал кисть руки, сдвигая артефакт в грани кристалла и делая выбор, я понял, какое чувство испытываю впервые за столько лет. Ненависть. Моей волей и могущественной силой, которая в тот момент ей подчинялась, двигала страшная ненависть к человеку, посмевшему выстрелить в Лату.

Я вновь был отягощен. Я упивался этим состоянием в мгновения, когда в нестерпимо яркой вспышке поменялось единственное событие, власть над которым мне была дарована.

Ненависть — вот что правит здесь бал, заставляя искать наживы и мстить, яростно сражаться, умирать и воскресать. Ненависть в Зоне движет умами и телами сталкеров, мутантов, сущностями аномалий и буйством выбросов. Всеобъемлющее чувство, которое мы подарили себе, без оглядки на природу, катастрофы и меняющиеся эпохи.

Ненависть, именно и только она, способна в пределах нашего общего, одного на всех Периметра породить любовь.

Пуля остановилась.

Капелька крови упала из ранки и, просвеченная насквозь небесно-фиолетовыми лучами, разбилась об пол.

На микросекунду окружающее обернулось негативом.

И время снова стало ускорять свой бег.

Пуля начала вращаться в обратную сторону... и вдруг, моментально набрав скорость, рванула назад. Она влетела в ствол автомата, с оглушительным хлопком разорвав его на куски, которые превратили череп Анатолия в месиво. Кажется, «чистонебовец» даже не успел сообразить, что произошло.

Лата машинально выставила руки вперед, запоздало реагируя на выстрел. Но смерть уже отвернулась от нее, оставив на память только крошечную ранку в центре лба.

Кирилл растерянно щурился на меня, не решаясь спустить курок, но и не отводя ствол. Впрочем, этой короткой потери концентрации мне было достаточно, чтобы уйти с линии огня и выхватить свой автомат из опущенной руки девушки. Несмотря на покалеченное плечо, я сумел опередить залипшего боевика и быстро пальнул по его не защищенным бронежилетом ногам, практически не целясь.

С воем Кирилл упал как подкошенный, и «Орда» отлетела в сторону. Я быстро подошел к нему, навел ствол на дрыгающуюся голову и сказал:

— А если б твой дружок не выстрелил, все могло повернуться совсем иначе.

— Кретин... Ты хоть понимаешь своим ущербным мозжечком, какое сокровище про...

Я нажал на спусковой крючок, и зародыш ненормативной лексики размазало по полу вместе с языком.

Свечение грани погасло, оставив нас наедине с тусклыми лампочками. Пространство в полумраке будто бы сжалось.

Артефакт торчал из скособоченного столба намертво вплавленным куском породы — бесполезной и потерявшей силу. Что ж, свою функцию эта штуковина выполнила. А Зона лишилась очередной головоломки, разга-

данной ее настырными обитателями. Хотя... сложно ли этой заразе подбросить нам еще одну? Да запросто.

Некоторое время мы молчали, не смея двинуться с места и не веря, что все закончилось. Запах озона щекотал ноздри, смешиваясь с пороховыми газами и затхлым душком подвала.

— Прощайте, братцы Кирилл и... Мефодий, — наконец произнес я, чтобы нарушить глухую тишину.

— Значит, я не твоя, да? — негромко поинтересовалась Лата. — Не твоя строптивая деваха, да?

— Только не начинай, а, — попросил я, отходя от погасшего кристалла и садясь на опрокинутый железный шкаф. — Я устал.

— Устал он, — как попугай повторила она, трогая кровоточащую царапину на лбу. — А это еще откуда?

— Птичка на хвостике принесла и забыла, — объяснил я, не желая вдаваться в подробности. — Кстати, хочу тебе признаться: я использовал эту уникальную шнягу. Она оказалась одноразовой. Так что все, приехали.

Лата еще немного потопталась на месте, хмурясь и силясь понять, что же у нее за ссадина образовалась на лбу. Потом она закусила губу и посмотрела на меня долго и внимательно. В ее новом взгляде чего-то не хватало: то ли подозрительности, то ли тревоги, то ли чего-то еще.

Она подошла ко мне и неожиданно нежно провела ладонью по щеке. Опустилась рядом, осторожно взяла мою перевязанную руку, нерв в которой опять начинал постреливать, и сказала:

— Когда я поняла, на что способен кристалл, мне стало страшно. Знаешь, Минор, чего я испугалась больше всего?

— Смерти?

— Нет. Я испугалась, что ты выберешь нечто глобальное. Ну, знаешь, вроде... Пусть не случится взрыва на электростанции. Или еще чего-нибудь в таком духе.

— Я похож на спасителя мира?

— Ни фига. Но все-таки мне было жутковато от мысли, что Зоны вдруг не станет.

— Это же благо, — хитро прищурившись, предположил я.

— Для кого?

После этого вопроса мы опять надолго умолкли.

Черная как смоль восьмигранная призма надвое рассекала косой чертой пространство. Никого и ничего больше не было здесь — в подземелье, куда привел меня путь. Каждый приходит рано или поздно к своему собственному кристаллу, чтобы сделать выбор. И я знаю, почему мой кристалл не отражал свет — он поглощал его, копил многие годы, чтобы высветить темную глубину памяти.

Он черный, мой отработанный кристалл. Черный потому, что собирал воедино всю человеческую ненависть, чтобы обременить ею меня для решающего шага.

А о той его единственной грани, которая недолго, но так ярко сияла небесно-фиолетовыми лучами, я пока не хочу думать. Не так скоро, сталкер Минор, не так скоро.

Ты устал, прямо скажем. Сначала лучше отдохнуть, выспаться да хорошенько все обмозговать...

ПДА завибрировал так неожиданно, что мы вздрогнули.

— Тут же нет связи, — с удивлением глядя на оживший экран, прошептала Лата.

— В подвале под Лиманском радиола тоже песни без проводов пела. Что там?

— Вот те на! Два новых сообщения.

— Ну, не томи уже.

Лата подвигала ноготком по мониторчику и принялась читать.

— Первое от Госта. «Здорово, родной. Ты цел? Мы добрались до Кордона, будем ждать тебя в номере 92 через сутки. Девкой не увлекайся: вдруг она заразная какая...» Не поняла. — Лата вскинула голову. — Это он про меня заикнулся, твой евнух чернявый?

— Дальше, дальше давай, — подбодрил я, сдерживая улыбку.

— Яйца на флагшток намотаю, — проворчала она. — Так. Дальше. Ух ты! От Семецкого. Что тут? Ага. Он обещает опалить тебя гранатометным выхлопом, расстрелять из вертолетной пушки и размазать по цистерне. Минор, чем ты так ему насолил?

— Ну, было дело, поцапались, — уклончиво ответил я.

— Умеешь ты располагать к себе людей.

— Не без того.

Мы помолчали.

— Что теперь будем делать? — спросила Лата после паузы. То ли у меня, то ли у самой себя.

— Что-что, надо искать выход. Ведь эти черти, — я мотнул головой в сторону обезображенных трупов, — как-то попали сюда. И уж явно они не ползали под вихревой аномалией.

— Да уж, таких отморозков, как мы с тобой, еще поискать надо.

— К слову, я понял, кто оставлял пресловутые метки возле каждой части «бумеранга».

— И кто же?

— Не скажу. Впрочем, если ты отбросишь все варианты и оставишь единственный очевидный — сама поймешь. Их ведь мог заранее расставить только тот, кто имел доступ ко всем пяти артефактам одновременно. Ведь краска-то была свежая, а значит, умелец был на местах практически перед нашим появлением. Он создавал временные петли, отправлялся туда и рисовал подсказки. Кто оставался наедине, имея на руках все цацки?

— Либо ты, либо я.

— Видишь, а говорила, что дура.

— Вовсе я такого не говорила!

— Наверное, мне послышалось...

Я неловко повернулся и застонал от боли в раненой руке.

Лата достала аптечку, вжарила мне обезболивающего и принялась менять повязку, которая уже насквозь пропиталась кровью. Она делала все это как-то просто и буднично, почти по-домашнему — другие женщины в других обстоятельствах с таким выражением лица обычно жарят котлеты или вяжут носки.

Я украдкой взглянул на ее сбившуюся челку, улыбнулся и окончательно решил: тюльпанов или роз через Сидоровича закажу.

А солдатским ремнем по заднице — пожалуй, не обязательно.

Москва
Декабрь 2008 — май 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая. Загадочный артефакт 5
Глава вторая. Бар «№ 92» 45
Глава третья. В гостях у эскулапа 75
Глава четвертая. Чистонебовцы 139
Глава пятая. Дорога на Янтарь 161
Глава шестая. Из-под земли 180
Глава седьмая. Лата 248
Глава восьмая. Не обремененный 272
Глава девятая. Нить Ариадны 319
Глава десятая. Выбор 343

Андрей ЛЕВИЦКИЙ **Алексей БОБЛ**

Новый проект двух популярных авторов,
ставших открытием серии

STALKER

Цикл романов о постапокалиптическом мире

ТЕХНОТЬМА

Между Москвой и Киевом лежат руины городов, радиоактивные пустыри и свалки. Теперь в этих местах обитают лишь бандиты, наемники, бродяги и фермеры, воюющие за топливо и пищу. Москву контролируют топливные кланы, в Киеве хозяйничают монахи Ордена Чистоты, истребляющие мутантов.

«КЛАНЫ ПУСТОШИ» • «ДЖАГЕР» • «ПАРОЛЬ: ВЕЧНОСТЬ»

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ буква

В Москве:

- м. «Алтуфьево», ТРЦ «РИО», Дмитровское ш., вл. 163, 3 этаж, т. (495) 988-51-28
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, стр. 1, т. (499) 267-72-15
- м. «ВДНХ», ТЦ «Золотой Вавилон — Ростокино», пр-т Мира, д. 211, т. (495) 665-13-64
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18а, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4 этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, к. 2, т. (499) 306-18-98
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, к. 1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, к. 1, 3 этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., д. 15/1, т. (499) 977-74-44
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Щукинская», ТЦ «Щука», ул. Щукинская, вл. 42, 3 этаж, т. (495) 229-97-40
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, к. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Зеленоград», Крюковская пл., д. 1, стр. 1, 3 этаж, т. (499) 940-02-90
- М.О., г. Люберцы, ТЦ «Светофор», ул. Побратимов, д. 7, 4 этаж, т. (498) 602-82-65

В регионах:

- г. Владимир, ул. Дворянская, д.10, т. (4922) 42-06-59
- г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 46, ТРЦ «ГРИНВИЧ», 3 этаж
- г. Калининград, ул. Карла Маркса, д. 18, т. (4012) 66-24-64
- г. Краснодар, ул. Дзержинского, д. 100, ТЦ «Красная площадь», 3 этаж, т. (861) 210-41-60
- г. Красноярск, пр-т Мира, д. 91, ТЦ «Атлас», 1, 2 этаж, т. (391) 211-39-37
- г. Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», 2 этаж, т. (8412) 20-80-35
- г. Пермь, ул.Революции, д. 13, 3 этаж, ТЦ «Семья» т. (342) 238-69-72
- г. Ростов-на-Дону, г. Аксай, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», 1 этаж, т. (863) 265-83-34
- г. Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, к. 1, ТЦ «Виктория Плаза», 4 этаж, т. (4912) 95-72-11
- г. С.-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, д. 15, ТК «Измайловский», 1 этаж, т. (812) 325-09-30
- г. Самара, ул. Дыбенко, д. 30, ТЦ «Космопорт», 1 этаж, т. 8-937-202-65-09
- г. Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-67
- г. Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- г. Уфа, пр-т Октября, д. 34, ТРК «Семья», 2 этаж, т. (347) 293-62-88
- г. Чебоксары, ул. Калинина, д. 105а, ТЦ «Мега Молл», 0 этаж, т.(8352) 28-12-59
- г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 68, т. (351) 263-22-55
- г. Череповец, Советский пр-т, д. 88, т. (8202) 20-21-22
- г. Ярославль, ул. Первомайская, д. 29/18 , т. (4852) 30-47-51

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой» или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковью:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, 232-17-06,
факс 615-51-10, E-mail: zakaz@ast.ru

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Палий Сергей

Бумеранг

Ответственный редактор А.Т. Синицын
Технический редактор В.В. Кортикова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

ООО «Издательство Астрель»
129085, г. Москва, пр-д Ольминского, д. 3а, стр. 3

Издано при участии ООО «Харвест». ЛИ № 02330/0494377 от 16.03.2009.
Ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42, 220013, г. Минск, Республика Беларусь.
E-mail редакции: harvest@anitex.by

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
ЛП № 02330/0494179 от 03.04.2009.
Пр. Независимости, 79, 220013, Минск, Республика Беларусь.

S.T.A.L.K.E.R.

Зона снова подбросила своим обитателям любопытную загадку. В разных ее частях появляются уникальные артефакты — «бумеранги», с помощью которых можно не просто лечить раны или разгонять пули, но влиять на порядок происходящих вокруг событий.
За диковинами начинается охота.
Вольный сталкер Минор — долгожитель Зоны. Он, как никто другой, знает: чем выше ценность хабара, тем сложнее его добыть и остаться в живых. А еще он понимает, что шанс заполучить такое сокровище выпадает лишь однажды.
Вместе с проверенной командой Минор отправляется в опасное путешествие, чтобы разгадать тайну «бумеранга». Но смертельные ловушки и хищные мутанты — вовсе не главная угроза для бывалого сталкера...

Официальный сайт серии S.T.A.L.K.E.R.
www.litstalker.ru

www.ast.ru
www.elkniga.ru

ISBN 978-5-17-060719-8